

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Воронцова Татьяна Алексеевна

**Воспринимаемый возраст в психологии социального познания:
механизмы и факторы**

5.3.5. – Социальная психология,
политическая и экономическая психология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
доктор психологических наук, профессор
Лабунская Вера Александровна

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ.....	32
1.1. Теоретические идеи психологии социального познания как основа изучения проблемы конструирования воспринимаемого возраста.....	32
1.2. Механизмы конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании.....	51
1.3. Воспринимаемый возраст как социально-психологический феномен.....	68
1.4. Выводы по главе 1.....	94
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ.....	96
2.1. Социокультурная, социально-демографическая, психофизиологическая, социально-психологическая, личностная, контекстная обусловленность конструирования воспринимаемого возраста человека.....	96
2.2. Роль внешнего облика, его компонентов и функций в конструировании воспринимаемого возраста в процессе социального познания.....	110
2.3. Выводы по главе 2.....	128
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ.....	129
3.1. Теоретические положения социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста человека в процессе социального познания.....	129
3.2. Теоретико-методические подходы к изучению воспринимаемого возраста в зарубежных и отечественных исследованиях.....	134
3.3. Описание комплектов фото и видеоизображений внешнего облика.....	147

3.4. Выводы по главе 3.....	153
ГЛАВА 4. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ.....	157
4.1. Вклад компонентов и элементов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста.....	157
4.1.1. Анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания.....	157
4.1.2. Поло-возрастной анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания.....	163
4.1.3. Гендерная асимметрия при конструировании воспринимаемого возраста ровесников – мужчин и женщин.....	171
4.1.4. Влияние изменений отдельных элементов и компонентов внешнего облика (физического, социального, экспрессивного компонентов) на конструирование воспринимаемого возраста.....	179
4.1.4.1. Влияние физического компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста.....	179
4.1.4.2. Влияние социального компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста.....	181
4.1.4.3. Влияние динамического компонента (экспрессивного поведения) на конструирование воспринимаемого возраста.....	188
4.2. Динамика отношений к объекту познания в связи с нарастанием возрастных изменений его внешнего облика.....	191
4.3. Влияние социально-психологических и личностно-субъектных характеристик объекта познания на конструирование его воспринимаемого возраста в процессе социального познания.....	199
4.3.1. Социально-психологические корреляты и предикторы желаемого воспринимаемого возраста.....	200

4.3.2. Влияние субъективного возраста и отношения к своему внешнему облику на воспринимаемый возраст объекта познания с учетом факторов пола и возраста.....	206
4.3.3. Сравнительный анализ отношения к своему внешнему облику и воспринимаемого возраста мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст».....	213
4.3.4. Взаимосвязь между показателем «спасенные годы» и социально-психологическими и личностно-субъектными характеристиками объекта познания.....	220
4.4. Взаимосвязь социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания и актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания.....	225
4.4.1. Локализация фиксаций взора субъекта познания на элементах внешнего облика при конструировании возраста объекта познания	227
4.4.2. Анализ особенностей конструирования субъектом познания воспринимаемого возраста мужчин и женщин, принадлежащих к различным возрастным группам при восприятии их лица и целостного внешнего облика.....	247
4.4.3. Комплексы социально-психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей субъектов познания, различающихся по эффекту, точности конструирования воспринимаемого возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике.....	251
4.4.4. Анализ взаимосвязей между выраженностью социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания и частотой актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста объекта познания.....	256
4.5. Фактор социально-психологического контекста в конструировании воспринимаемого возраста.....	261
4.6. Выводы по главе 4.....	271

Глава	5.	СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ	ТРЕНИНГ	
		«КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА».....		275
5.1.		Цели и задачи программы социально-психологического тренинга	«Конструирование воспринимаемого возраста».....	275
5.2.		Основные содержательные блоки, методические приемы, принципы,	ожидаемые результаты программы социально-психологического тренинга	
		«Конструирование воспринимаемого возраста».....		278
5.3.		Программа	социально-психологического	тренинга
		«Конструирование воспринимаемого возраста».....		283
5.4.		Выводы по главе 5.....		305
		ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....		306
		СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....		315
		СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....		317
ПРИЛОЖЕНИЕ	А.	Опросник	«Механизмы конструирования	
		воспринимаемого возраста».....		397
ПРИЛОЖЕНИЕ	Б.	Социально-демографическая анкета с блоком «Самооценка	возраста».....	398
ПРИЛОЖЕНИЕ	В.	Комплект 1 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего	облика».....	400
ПРИЛОЖЕНИЕ	Г.	Комплект 3.1 процедуры «Фотовидеопрезентации	внешнего облика».....	408
ПРИЛОЖЕНИЕ	Д.	Комплект 3.2 процедуры «Фотовидеопрезентации	внешнего облика».....	421
ПРИЛОЖЕНИЕ	Е.	Комплект 4 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего	облика».....	427
ПРИЛОЖЕНИЕ	Ж.	Комплект 5 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего	облика».....	428
ПРИЛОЖЕНИЕ	И.	Результаты статистической обработки данных.....		432

ПРИЛОЖЕНИЕ К. «Тепловые карты» — сосредоточение фиксаций взгляда при конструировании воспринимаемого возраста объекта познания на основании восприятия его портретной и ростовой фотографий.....	481
ПРИЛОЖЕНИЕ Л. Схемы разделения фотографий на зоны внешнего облика.....	484
ПРИЛОЖЕНИЕ М. Комплект фотографий для изучения особенностей конструирования воспринимаемого возраста по лицу и целостному внешнему облику.....	489

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В естественных и гуманитарных науках наблюдается значительный интерес к изучению воспринимаемого возраста другого человека потому, что он выступает маркером гендерно - возрастной идентичности, является показателем здоровья, продолжительности жизни, риска смерти и т.д. Воспринимаемый возраст человека (возраст, приписанный человеку другим человеком в процессе социального познания) связан с особенностями его бытия и жизнедеятельности (О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова 2022; D.A. Gunn et al., 2016), влияет на каждый этап общения: от формирования первого впечатления о человеке, актуализации гендерно-возрастных установок, формирования отношения к нему до выбора стратегий и форм общения и взаимодействия (А.А. Бодалев, 1982, 2015; J.H. Lawrence, 1974; M.L. Hummert, 2023 и др.). Проблема поиска факторов, механизмов конструирования воспринимаемого возраста имеет междисциплинарный статус (С.А. Шальнова, Н.А. Имаева, А.Е. Имаева, А.В. Капустина, 2022; B.R. Nielsen et al., 2015 и др.). Несмотря на значительное количество исследований: генетических, геронтологических, психофизиологических (G.A. Borkan et al., 1982; K. Christensen et al., 2009 и др.), экологических (H. Rexbye et al., 2006 и др.), медико-эстетических (A.J. Zimm et al., 2015 и др.) и незначительное количество социологических (S. Johfre, A. Saperstein, 2023; L. Gewirtz-Meydan, L. Ayalon, 2018), психологических, социально-психологических (R.B.Jr. Adams et al., 2016; E. Noser et al., 2017) факторов воспринимаемого возраста, на периферии внимания исследователей остается комплексное изучение механизмов и факторов (социально-психологических, субъектно-личностных, поло-возрастных) конструирования возраста другого в процессе социального познания.

Во многих работах (J.A. Aznar-Casanova et al., 2010; E. Merinville et al., 2015; Q. Quan et al., 2024) указывается в качестве базового фактора конструирования воспринимаемого возраста внешний облик, который

является традиционным объектом межличностного познания и общения (А.А. Бодалев, 1982, 2015; В.А. Лабунская, 2019, 2021, 2023; В.Н. Панферов, 2009, В.Н. Панферов, С.А. Безгодова, А.В. Микляева, 2019; Е.А. Петрова, 2015). Ориентация на изучение роли физического, телесного компонента внешнего облика (Н.Л. Белопольская, В.И. Белопольский, Е. М. Шафирова, К.Е. Авдошенко, 2012; E.V. Bennett et al., 2017; R. Russell et al., 2014) в восприятии возраста имеет большое значение для понимания конструирования возраста, но, вместе с этим, акцент на физическом компоненте внешнего облика в процессе исследования конструирования возраста ограничивает рассмотрение роли внешнего облика, как многокомпонентного, целостного образования, в возникновении результатов конструирования воспринимаемого возраста.

Практическая значимость изучения проблемы факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста, прежде всего, сопрягается с актуальностью исследования демографических проблем, изучением жизнедеятельности самых разнообразных социальных групп, с их экономическим, политическим статусом. Результаты решения проблемы могут повлиять на создание альтернативных «жестким» хирургическим способам омоложения «щадящих», позитивных, дружественных человеку психологических практик омоложения, отвечающих на запрос современного человека «выглядеть моложе своих лет».

Таким образом, актуальность решения проблемы конструирования воспринимаемого возраста обусловлена, с одной стороны, ростом общественного и научного интереса к проблеме воспринимаемого возраста, включающей вопросы старения и долголетия человека, качества его жизнедеятельности, а, с другой стороны, ее тесной связью с проблемой конструирования в рамках социального познания. Все вместе ставит задачу разработки социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста.

Состояние научной разработанности проблемы. Термин «воспринимаемый возраст» («perceived age») впервые появился в работе J.H.

Lawrence (1974), посвященной влиянию воспринимаемого возраста незнакомого человека на первое впечатление о нем и на возникновение относительно него ролевых ожиданий и возрастных установок. На сегодняшний день существуют различные обозначения феномена «воспринимаемый возраст». Р. Кастенбаум и коллеги (R. Kastenbaum et al., 1972) в многомерной модели возраста используют термины «look age» (возраст, на который выглядит человек) или «interpersonal age» (межличностный возраст). Отечественные ученые (Е.А. Сергиенко, 2011, 2013; А.И. Мелёхин, Е.А. Сергиенко, 2015) разработали на основе модели R. Kastenbaum и когнитивной шкалы оценки возраста В. Barak (1979) модель субъективного возраста, одним из компонентов которой является «эмоциональный возраст» или «возраст, на который выглядит человек». К.Е. Авдошенко, Н.Л. Белопольская, В.И. Белопольский, И.С. Литовченко, Е.М. Шафирова (2012, 2014) вводят понятия «лицевой возраст» и «телесный возраст».

Исследования последних десятилетий (К. Christensen et al., 2004; D.A. Gunn et al., 2016 и др.) продемонстрировали, что воспринимаемый возраст человека выступает биологическим маркером старения, предсказывает выживаемость пожилых людей в возрасте старше 70 лет, а также является результатом влияния значительного числа факторов: генетических, социально-экологических, медико-эстетических. Влияние психологических факторов на воспринимаемый возраст представлено в работах R.B.Jr. Adams et al. (2016), E. Noser et al. (2017). В исследованиях A. Nkengne et al., (2008), M.C. Voelkle et al. (2012), M.G. Rhodes (2009), P. Sörqvist, M. Eriksson (2007) показано, что и характеристики субъекта познания (пол, возраст, опыт взаимодействия с возрастной группой, наличие специального обучения) влияют на результат конструирования воспринимаемого возраста незнакомого человека.

В работах отечественных и зарубежных ученых Г.М. Андреевой (2005, 2013); Т.Ю. Базарова, О.А Тихомандрицкой, Е.М Дубовской (2024); Т.Ю.

Базарова, Е.П. Белинской, О.А. Тихомандрицкой (2024); А.А. Барабанщикова (2012, 2017); Дж. Брунера (1977); Т.Л. Крюковой, А.А. Осьмининной (2020); О.В. Курышевой (2013); Т.Д. Марцинковской, А.В. Микляевой (2009); Т.П. Опекиной, Н.С. Шиповой, Т.Л. Крюковой (2023); В.Н. Панферова, С.А. Безгодовой, А.В. Микляевой (2019); В.Н. Панферова, А.В. Микляевой, С.А. Безгодовой, С.В. Васильевой (2018); А.В. Холмогоровой (2016); Д.А. Хорошилова (2018, 2023); G. Eickers (2024); S.T. Fiske, S.E. Taylor (2013); C.N. Macrae, L.K. Miles (2012); D. Hamilton, D. Carlston (2013); N. Schwarz (1998) и др. обозначены основные идеи и принципы психологии социального познания, убедительно показана ключевая роль категоризации как базового механизма социального познания, обозначены критерии возрастной категоризации незнакомого другого, среди которых ключевая роль отводится его внешнему облику.

В работе А.А. Демидова и коллег (2012) поставлена проблема адекватности и точности оценки возраста человека по выражению его лица, а также связи оценки возраста человека и его индивидуально-психологических характеристик. В исследованиях (M. Folster et al., 2014 и др.) фиксируется связь между «возрастом лица» и интерпретацией его эмоциональных состояний. Роль лица при восприятии и познании человека, его индивидуально-психологических черт и эмоциональных состояний продемонстрирована в работах К.И. Ананьевой (2021), А.А. Барабанщикова (2017), А.А. Демидова (2022), Д.А. Дивеева (2009), А.В. Жегалло (2014) и др.

В отечественной психологии общения и межличностного познания (А.А. Бодалев, 1994, 2015; М.В. Балева, 2019; М.В. Балева, О.И. Полянина, 2022; В.Н. Куницина, 2001; Н.Л. Карпова, 2023; В.А. Лабунская, 2010, 2019, 2023; В.Н. Панферов, А.В. Микляева, 2023; Т.И. Пашукова, 2023; Е.А. Петрова, 2023; Л.И. Рюмшина, 2015; Е.В. Рягузова, 2023; Т.П. Скрипкина, 2023 и др.) раскрыты социально-психологические закономерности социального восприятия и познания человека человеком; показано, что внешний облик человека, как отправная точка его восприятия другими людьми, запускает

последовательность процессов социального познания и динамики отношений к другому (А.А. Бодалев, 1982,1993; М.В. Балева, 2019; В.А. Лабунская, 2019, 2023; В.Н. Мясищев, 2011). В социальной психологии внешнего облика сформулировано представление о внешнем облике как феномене, отражающем различные этапы жизненного пути человека на основе «динамичных, переменных взаимосвязей трех компонентов: физического, социального облика, экспрессивного поведения»; обозначены функции внешнего облика в различных социальных контекстах; разработаны схемы и модели его изучения (М.В. Балева, О.И. Полянина, 2022; А.А. Бодалев,1982; В.А. Лабунская, 2019, 2021, 2023, 2024; В.Н. Панферов, 2009).

Анализ состояния научной разработанности проблемы, во-первых, показал, что отсутствует интеграция эмпирических данных, полученных в различных науках относительно детерминации результатов конструирования воспринимаемого возраста человека. Во-вторых, роль возрастной категоризации в конструировании воспринимаемого возраста не определена, равно как и других механизмов социального познания. В-третьих, вклад различных компонентов и элементов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста практически не изучен. Сам внешний облик в работах редуцирован до одного из своих компонентов (физический внешний облик). В-четвертых, социально-психологический подход к внешнему облику позволяет рассматривать его как воплощение возраста человека во всей сложной системе взаимосвязей его видов (биологического, социального, психологического, субъективного), что дает теоретическую основу и эмпирические схемы анализа конструирования воспринимаемого возраста в процессе социального познания. В-пятых, характеристики субъекта и объекта познания, их отношение к своему внешнему облику недостаточно изучены в качестве социально-психологических факторов конструирования воспринимаемого возраста другого человека, равно как и не дана социально-психологическая трактовка термина «воспринимаемый возраст».

Таким образом, несмотря на наличие достаточно большого количества исследований, в том числе междисциплинарных, обращающихся к изучению влияния разнообразных факторов на конструирование воспринимаемого возраста, можно отметить ряд **противоречий и ограничений**:

- между вниманием к изучению феномена воспринимаемого возраста в медицине, генетике, геронтологии и других науках и отсутствием социально-психологического осмысления данного феномена;

- между включением термина «воспринимаемый возраст» в различные модели с иными названиями, способами его диагностики и, порой, игнорированием социально-психологической природы воспринимаемого возраста, который возникает тогда и только тогда, когда есть воспринимающий человека другой человек, что указывает на отсутствие разработанной социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста;

- между наличием социального запроса на создание программ психологической помощи различным группам населения в области конструирования воспринимаемого возраста, овладения стратегиями поведения в ситуации негативной оценки своего внешнего облика, сопряженного с его возрастными изменениями, профилактики явлений возрастной стигматизации и эйджизма, и отсутствием комплексных социально-психологических практико-ориентированных программ.

Таким образом, **проблема нашего исследования** заключается в рассмотрении феномена «конструирование воспринимаемого возраста» в качестве социально-психологического феномена, в выполнении эмпирического комплексного изучения факторов (социально-психологических, субъектно-личностных, поло-возрастных) и актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста.

Цель исследования: разработка социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста в процессе социального познания, комплексное изучение факторов (социально-

психологических, личностно-субъектных, поло-возрастных) и механизмов конструирования воспринимаемого возраста человека.

Объект исследования: конструирование воспринимаемого возраста в процессе социального познания.

Предмет исследования: социально-психологические, личностно-субъектные, половозрастные, контекстные факторы конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании и его механизмы.

Гипотезы исследования:

Общие гипотезы:

1. Конструирование воспринимаемого возраста может осуществляться в различных социально-психологических контекстах на основе механизмов социального познания и быть детерминировано комплексом факторов, относящихся к объекту и субъекту познания (социально-психологических, личностно-субъектных, поло-возрастных).

2. Фундаментальным фактором конструирования воспринимаемого возраста может выступать внешний облик, его различные компоненты и элементы, а также отношение к внешнему облику, которые, с одной стороны, характеризуют объект познания, с другой стороны - субъект познания.

Частные гипотезы:

1. В комплекс социально-психологических, личностно - субъектных факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания могут входить: разница между хронологическим и субъективным возрастом, параметры отношения к своему внешнему облику объекта познания, среди которых базовое положение может занимать значимость внешнего облика, выраженность потребности «выглядеть моложе» своих лет, выраженность социально-психологических потребностей, ряд личностных особенностей, субъективная оценка экономического статуса.

2. Сочетание социально-психологических факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания изменяется в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни. Вывод о возрасте объекта познания может

формироваться у субъекта познания быстрее, если для восприятия представлен целостный внешний облик мужчин и женщин, принадлежащих к различным возрастным группам.

3. Компоненты внешнего облика (физический внешний облик, социальный внешний облик, экспрессивное поведение) могут оказывать дифференцированное влияние на конструирование воспринимаемого возраста: физический компонент внешнего облика, вероятно, выступает доминирующим ориентиром при конструировании возраста объекта познания. Изменение отдельных элементов и компонентов внешнего облика (веса, индекса массы тела, оформления внешнего облика, экспрессивного поведения) может актуализировать эффект «омоложения» при сохранении неизменными других элементов и компонентов внешнего облика.

4. Субъекты познания, отличающиеся особенностями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания (эффектом конструирования, точностью оценки возраста, временем и числом зрительных фиксаций на его внешнем облике), могут различаться выраженностью социальных потребностей во включении, контроле и любви; определенных типов межличностных отношений; самооценок внешнего облика, удовлетворенности им; параметров самоотношения и психологического благополучия.

5. В процессе конструирования воспринимаемого возраста могут актуализироваться такие механизмы социального познания, как возрастная категоризация, оценка, стереотипизация, сравнение (с другими, с собой), идентификация, рефлексия, частота обращения к которым субъекта познания может быть взаимосвязана с комплексом его социально-психологических, личностно-субъектных характеристик.

6. Основные тенденции динамики отношений субъекта познания (симпатия, уважение, близость) к объекту познания могут быть обусловлены его воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных

изменений внешнего облика (от молодости к зрелости и пожилому возрасту) и опосредованы полом объекта познания.

7. Социально-психологический контекст, представленный типом семьи, может оказывать влияние на результаты конструирования воспринимаемого возраста в зависимости от уровня семейного благополучия.

Задачи исследования:

Теоретические задачи исследования:

1. Осуществить анализ трактовок феномена «конструирование воспринимаемого возраста человека», выделить его ключевые социально-психологические, психологические факторы и механизмы.

2. Рассмотреть соотношение понятий хронологический возраст, социальный возраст, психологический возраст, субъективный возраст, воспринимаемый возраст, дать определение воспринимаемому возрасту как социально-психологическому феномену.

3. Рассмотреть возрастную трансформацию компонентов внешнего облика, ее взаимосвязь с процессами возрастной категоризации и идентификации, возрастными стереотипами, концепциями старения.

4. Обобщить и систематизировать факторы конструирования воспринимаемого возраста в процессе социального познания, теоретические и методические подходы к его изучению.

5. Разработать социально-психологическую концепцию конструирования воспринимаемого возраста и создать теоретическую модель конструирования воспринимаемого возраста в процессе социального познания.

Методические задачи исследования:

1. Разработать дизайн цикла исследований факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста. Подобрать комплекс методик, направленных на диагностику социально-психологических, личностно-субъектных особенностей объекта и субъекта познания.

2. Разработать процедуру «Фотовидеопрезентации внешнего облика» для изучения факторов конструирования воспринимаемого возраста

3. Разработать опросник с целью определения частоты актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста.

Эмпирические задачи исследования:

1. Осуществить анализ воздействия компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; выделить осознаваемые и неосознаваемые субъектом познания критерии конструирования возраста человека на основе восприятия его внешнего облика.

2. Установить влияние социально-психологических, личностно-субъектных, половозрастных характеристик объекта и субъекта познания, компонентов и элементов внешнего облика объекта познания, социально-психологического контекста на особенности конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин.

3. Выявить частоту актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста и ее взаимосвязи с социально-психологическими, личностно-субъектными характеристиками субъекта познания.

4. Провести сравнительный анализ социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъектов познания, отличающихся эффектом конструирования воспринимаемого возраста объекта познания, точностью оценки его возраста, временем и числом зрительных фиксаций на его внешнем облике.

4. Определить динамику отношения к мужчинам и женщинам в связи с их воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений их внешнего облика.

5. Создать на основе теоретической модели конструирования воспринимаемого возраста и ее эмпирической верификации обобщенную эмпирическую модель конструирования воспринимаемого возраста.

6. В соответствии с результатами проведенных исследований разработать программу социально-психологического тренинга конструирования воспринимаемого возраста.

Теоретико-методологической основой исследования являются

Методология психологии социального познания (Г.М. Андреева, А.Г. Асмолов, Т.Ю. Базаров, Балева М.В., Е.П. Белинская, Д. Брунер, А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, Т.П. Емельянова, Т.Д. Марцинковская, А.В. Микляева, О.А. Тихомандрицкая, А.Б. Холмогорова, Д.А. Хорошилов, А.В. Юревич, D. Carlston, A.G. Eickers, S.T. Fiske, D. Hamilton, C.N. Macrae, L.K. Miles, N. Schwarz, S.E. Taylor и др.); представления о закономерностях общения, восприятия и понимания человека человеком (М.В. Балева, А.А. Бодалев, Е.П. Белинская, Т.Л. Крюкова, В.Н. Куницина, В.А. Лабунская, А.В. Микляева, В.Н. Панферов, Е.А. Петрова, Л.И. Рюмшина, Е.В. Рягузова, Т.П. Скрипкина, О.А. Тихомандрицкая и др.); концепции отношений личности (А.А. Бодалев, В.Н. Мясищев; С.Р. Пантелеев, В.В. Столин, Т. Лири); социально-психологический подход к внешнему облику, разработанный В.А. Лабунской и ее учениками (И.И. Дроздова, Е.В. Капитанова, Д.В. Погонцева, Г.В. Сериков, Т.А. Шкурко и др.); положения об осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессах в восприятии другого человека (К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, Д.А. Дивеев, А.А. Демидов, А.Л. Журавлев, П.Н. Ермаков, Б.Ф. Ломов и др.); представление Б.Г. Ананьева о возрасте как «конвергенции биологического, исторического и психологического времени»; представление о конструктивно-позитивном подходе к пониманию процессов старения (Б.Г. Ананьев, М.Д. Александрова, О.Ю. Стрижицкая); идеи междисциплинарного подхода к анализу жизненного пути личности, ее психологического благополучия (И.В. Абакумова, Б.Г. Ананьев, Е.Н. Викентьева, Н.В. Гришина, А.Л. Журавлев, Т.П. Емельянова, И.С. Кон, А.В. Микляева, С.Л. Рубинштейн, Р.Л. Шамионов и др.); идеи о развитии субъекта и бытия личности (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, Т.П. Емельянова, А.Л.

Журавлев, В.С. Мухина, С.К. Нартова-Бочавер, Т.А. Нестик, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко, Д.В. Ушаков).

Методы и методики исследования:

В работе использованы следующие методы психологического исследования: эксперимент, тестирование, анкетирование, метод свободного описания, контент-анализ, метод окулографии (программно-аппаратный комплекс Gazepoint GP3 Eye Tracker) с применением специального программного обеспечения, разработанного Д.В. Явной.

В работе были использованы следующие методики:

1. Разработанная нами процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», которая включает семь комплектов фото и видеоизображений объектов познания.

2. Блок методик для диагностики комплекса социально-психологических и личностно-субъектных характеристик участников исследования: 1) Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А. А. Рукавишниковым; 2) Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, адаптированная Л.Н. Собчик; 3) Методика диагностики психологического благополучия личности Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко; 4) Методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева; 5) Методика исследования осознаваемых отношений личности к каждому члену группы и к себе Т.А. Шкурко (Воронцовой); 6) Тест общей самооэффективности Р. Шварца и М. Ерусалема, адаптированный В.Г. Ромеком; 7) Методика «Локус контроля» Д. Роттера, модифицированная Е.Г. Ксенофонтовой; 8) Пятифакторный личностный опросник (5PFQ) Х. Тсуйи, адаптированный А.Б. Хромовым; 9) Короткий опросник Темной триады (SD3) Д.Н. Джонса и Д.Л. Паулхуса, адаптированный М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой; 10) Анкета выраженности семейного неблагополучия С.А. Труновой.

3. Комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской в соавторстве с другими, для диагностики отношения к своему внешнему облику: 1) Анкета

«Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской и Е.В. Капитановой; 2) Методика «Ценность и значимость внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности» В.А. Лабунской, Г.В. Серикова; 3) Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской; 4) «Шкалы диагностики представлений об оценках внешнего облика родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» И.И. Дроздовой, Е.В. Капитановой, В.А. Лабунской; 5) Методика диагностики жизненной динамики удовлетворенности внешним обликом В.А. Лабунской; 6) Шкала appearance-перфекционизма К. Сривастава.

4. Авторский опросник «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста».

Надежность, достоверность и обоснованность результатов обеспечивалась теоретико-методологической проработкой проблемы исследования, применением взаимодополняющих методов исследования, релевантных цели и задачам исследования, значительным объемом выборки, длительностью и планомерностью решения задач исследования, использованием адекватных методов регистрации и статистического анализа данных: описательных статистик, частотного и контент-анализа, корреляционного анализа Спирмена, U-критерия Манна-Уитни, критерия Крускала-Уоллиса, Т-критерия Уилкоксона, линейного и множественного регрессионного анализа, Т-критерия Стьюдента, критерия равенства дисперсий Ливиня, парного Т-критерия Стьюдента (с учетом поправки Бонферрони), дисперсионного анализа повторных измерений («RM-ANOVA»).

Эмпирический объект исследования: в цикле исследований, проведенных на различных этапах работы, в качестве субъектов и объектов познания приняли участие 2298 человек (1576 женщин и 722 мужчины) в возрасте от 18 до 89 лет. В качестве объектов познания также выступили 105

человек (72 женщины и 33 мужчины), чьи фотоизображения (210 фотографий) находились сети Интернет в открытом доступе на сайтах www.modniy.tv, www.bogomolov.lv, www.1tv.ru/shows/na-10-let-molozhe и др.

Этапы исследования. 1 этап: поисково-теоретический (2011-2015 гг.) – формулировка и изучение состояния разработанности проблемы исследования; подтверждение ее актуальности; анализ существующих социально-психологических подходов к содержанию понятия «конструирование воспринимаемого возраста»; рассмотрение социально-психологических, личностно-субъектных, половозрастных факторов конструирования воспринимаемого возраста; теоретико-методологическое обоснование эмпирического исследования, формулировка научного аппарата исследования.

2 этап: сбор эмпирических данных (2015-2023 гг.) – разработка процедур, методик, дизайна и программы цикла исследований; сбор эмпирических данных о влиянии социально-психологических, личностно-субъектных, объектных (внешний облик объекта познания), половозрастных факторов, социально-психологического контекста на особенности конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин; о дифференцированном влиянии отдельных компонентов внешнего облика (физического, социального, экспрессивного компонентов) на конструирование воспринимаемого возраста.

3 этап: аналитико-обобщающий (2021-2024 гг.), направленный на разработку социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста, на построение регрессионных моделей влияния на конструирование воспринимаемого возраста объекта познания его социально-психологических, личностно-субъектных особенностей; на определение перечня механизмов конструирования воспринимаемого возраста; на создание комплексов характеристик субъекта познания, различающихся особенностями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания; на установление различий в актуализации эффектов омоложения, состаривания

женщин, отнесенных к различным группам на основе критерия «семейного благополучия»; на создание программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения.

Научная новизна исследования:

Впервые разработано научное направление «Социальная психология конструирования воспринимаемого возраста в процессе социального познания», в рамках которого осуществлена его социально-психологическая трактовка, выделены ключевые социально-психологические факторы и механизмы его конструирования в процессе социального познания, предложена социально-психологическая концепция конструирования воспринимаемого возраста, созданы теоретическая и эмпирическая модели его конструирования в процессе социального познания.

Впервые созданы: процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» для изучения конструирования воспринимаемого возраста, включающая комплекты фото и видеоизображений людей разного возраста (более 2834 фото и видеоизображений); опросник с целью определения частоты актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста.

Впервые осуществлен анализ воздействия компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; выделены осознаваемые и неосознаваемые субъектом познания критерии конструирования возраста человека на основе восприятия его внешнего облика; показана ключевая роль лица в конструировании воспринимаемого возраста даже в ситуации представленности субъекту познания целостного внешнего облика; зафиксировано влияние изменения отдельных элементов и компонентов внешнего облика (при сохранении неизменными остальных) на результат конструирования воспринимаемого возраста.

Впервые построен ряд регрессионных моделей влияния на конструирование воспринимаемого возраста объекта познания его социально-

психологических, личностно-субъектных особенностей; установлено, что высокая значимость внешнего облика является ключевым фактором, который при сочетании с другими факторами, позволяет предсказать, какой человек будет выглядеть моложе своих лет.

Впервые показано, что в процессе конструирования воспринимаемого возраста актуализируются такие механизмы социального познания, как возрастная категоризация, оценка, стереотипизация, сравнение (с другими, с собой), идентификация, рефлексия; определена частота их актуализации; определены взаимосвязи названных механизмов с комплексом социально-психологических, личностно-субъектных особенностей субъекта познания (выраженностью социально-психологических потребностей, системой отношений (отношением к себе, другим, к своему внешнему облику), параметрами психологического благополучия. Особенности конструирования воспринимаемого возраста (точность оценки возраста, время и число зрительных фиксаций на внешнем облике объекта познания) связаны с выраженностью у субъекта познания социальных потребностей во включении, контроле и любви; потребности «выглядеть моложе»; типов межличностных отношений; показателей психологического благополучия; самоуверенности; самооценок всех компонентов внешнего облика и интегральных оценок, а также удовлетворенности своим внешним обликом. Выявлены характеристики тех субъектов познания, которые «омолаживают» или «старят» объект познания.

Впервые определена динамика отношений к мужчинам и женщинам в связи с их воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений их внешнего облика. Описаны основные тенденции динамики отношений (увеличение антипатии и уважения), а также половые различия (увеличение уважения к мужчинам при разнонаправленной динамике уважения к женщинам (снижение/увеличение)).

Впервые установлено влияние социально-психологического контекста (представленного в типе семьи по критерию благополучные /

неблагополучные семьи: «семьи группы риска», «собственно неблагополучные семьи», «асоциальные семьи») на воспринимаемый возраст члена семьи (женщины). Выявлено, чем ниже уровень семейного благополучия, тем сильнее выражен «эффект состаривания» женщин в процессе конструирования их возраста субъектом познания. Показано, что «эффект состаривания» сопряжен с низкими оценками своего внешнего облика и неудовлетворенностью им в группе женщин из неблагополучных семей.

Впервые разработана программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения, целями которого являются повышение успешности конструирования своего воспринимаемого возраста, овладение стратегиями поведения в ситуации негативной оценки своего внешнего облика, сопряженного с его возрастными изменениями, профилактика явлений возрастной стигматизации и эйджизма.

Теоретическая значимость исследования: исследование вносит существенный вклад в развитие современной социальной психологии и такой ее области, как психология социального познания. В нем представлено новое направление исследований, которое дополняет и развивает основные положения психологии социального познания, социальной психологии внешнего облика, психологии общения и восприятия человека человеком. В работе осуществлено решение крупной актуальной научной проблемы, заключающейся в выявлении механизмов и факторов конструирования воспринимаемого возраста, результатом решения которой стало создание социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста. Социально-психологическая концепция конструирования воспринимаемого возраста раскрывает социально-психологическую природу воспринимаемого возраста; его связь с биологическим, социальным, психологическим и субъективным возрастами; его роль в формировании отношения к человеку и выборе практик взаимодействия с ним, а также в

процессах возрастной самокатегоризации. Теоретически обоснована фундаментальная роль внешнего облика, представленного в единстве всех его компонентов (физического внешнего облика, социального внешнего облика, экспрессивного поведения), а также отношения к внешнему облику в конструировании воспринимаемого возраста.

Выполненное исследование расширяет представления о сложной и многофакторной детерминации конструирования воспринимаемого возраста, его взаимосвязи с механизмами социального познания и их актуальной роли. В нем обозначены эффекты («омоложение» / «состаривание») с учетом социально-психологической природы воспринимаемого возраста.

Практическая значимость исследования: создана процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», которая может быть использована для изучения воспринимаемого возраста; разработан опросник «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста» для изучения частоты актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста; разработана программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы для разработки психологических технологий омоложения, управления впечатлением, «сопротивления старению», «управления старением» как альтернативы «жестким» хирургическим методам омоложения; для психологического, экспертного, информационного сопровождения людей, находящихся в «третьем» возрасте (взрослых старше 50 лет); для создания программ работы над имиджем в сфере политики, бизнеса, культуры, общественной жизни. Социально-психологическая концепция конструирования воспринимаемого возраста может быть использована в процессе чтения курсов по социальной психологии, психологии личности, психологии жизненного пути и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Воспринимаемый возраст является феноменом социального познания, выражающемся в суждении субъекта познания о возрасте объекта познания, сконструированным в процессе восприятия его внешнего облика, в результате взаимодействия субъекта и объекта познания в различных социокультурных, социально-психологических контекстах.

2. Разработанная социально-психологическая концепция конструирования воспринимаемого возраста включает определение социально-психологической природы воспринимаемого возраста, его социально-психологических функций, обозначает его связи с другими видами возраста, обосновывает фундаментальную роль внешнего облика и отношения к нему в конструировании воспринимаемого возраста, описывает противоречие воспринимаемого, хронологического и субъективного возрастов как источник самокатегоризации, преобразования внешнего облика, актуализации стресса старения и потребности выглядеть моложе, определяет факторы, механизмы, результаты конструирования воспринимаемого возраста.

3. Фундаментальным фактором конструирования воспринимаемого возраста выступает внешний облик, его различные компоненты и элементы, а также отношение к внешнему облику. Компоненты внешнего облика оказывают дифференцированное влияние на конструирование воспринимаемого возраста. Доминирующее положение среди компонентов внешнего облика, которые выступают критериями конструирования воспринимаемого возраста субъектом познания, занимает физический компонент внешнего облика, за ним следует социальный компонент внешнего облика, а далее идет динамический компонент – экспрессивное поведение. Изменение отдельных элементов и компонентов внешнего облика (веса, индекса массы тела, оформления внешнего облика, экспрессивного поведения) при сохранении неизменными других элементов и компонентов внешнего облика актуализирует эффект «омоложения».

4. Лицо, как средоточие всех трех компонентов внешнего облика, является элементом внешнего облика, на который чаще всего осознанно и неосознанно опирается субъект при конструировании воспринимаемого возраста. При конструировании возраста субъект познания наиболее часто фиксирует свой взгляд на таких элементах лица объекта познания, как лоб, глаза, нос («треугольник интереса»).

5. В комплекс социально-психологических, личностно - субъектных факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания входят: разница между хронологическим и субъективным возрастом; интегральная оценка своего внешнего облика, представления об оценке своего внешнего облика другими и значимость внешнего облика как параметры отношения объекта познания к своему внешнему облику; выраженность потребности «выглядеть моложе» своих лет, потребности в контроле; ряд личностных особенностей, субъективная оценка экономического статуса.

6. Сочетание социально-психологических факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания изменяется в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни (регрессионные модели). Универсальным предиктором разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом («спасенные годы») выступает значимость внешнего облика, которая определяет воспринимаемый возраст как мужчин, так и женщин, как в зрелом, так и в пожилом возрасте. Вывод о возрасте объекта познания формируется у субъекта познания быстрее, если для восприятия представлен целостный внешний облик мужчин и женщин, принадлежащих к различным возрастным группам.

7. Особенности конструирования субъектом познания воспринимаемого возраста объекта познания включают: эффекты «состаривания» и «омоложения», точность оценки возраста, время и число зрительных фиксаций на внешнем облике. Субъекты познания, отличающиеся по эффектам конструирования, точности оценки возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике, различаются комплексами социально-

психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей: выраженностью социальных потребностей во включении, контроле и любви; определенных типов межличностных отношений; самооценок всех компонентов внешнего облика, его интегральных самооценок, в том числе, самооценок привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола, его сексуальности, принятия своего отраженного внешнего облика, самооценок его соответствия возрасту, гендеру, а также удовлетворенности им; параметров самоотношения и психологического благополучия.

8. В процессе конструирования воспринимаемого возраста актуализируются механизмы социального познания: возрастная категоризация, оценка, стереотипизация, сравнение (с другими, с собой), идентификация и рефлексия, частота обращения к которым субъекта познания взаимосвязана с комплексом его социально-психологических, личностно-субъектных характеристик: выраженностью его социально-психологических потребностей (во включении и в контроле), системой отношений субъекта восприятия (его отношением к себе, другим, к своему внешнему облику), параметрами его психологического благополучия. Наиболее часто при конструировании воспринимаемого возраста актуализируются механизмы оценки, стереотипизации, возрастной категоризации и сравнения с другими.

9. Основные тенденции динамики отношений субъекта познания (увеличение антипатии и уважения) к объекту познания обусловлены воспринимаемым возрастом объекта познания, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений его внешнего облика (от молодости к зрелости и пожилому возрасту). Половые различия в динамике отношений субъекта к объекту познания заключаются в разнонаправленной динамике видов отношений к мужчинам и женщинам: увеличение уважения к мужчинам, в отличие от разнонаправленной динамики уважения к женщинам (как снижение, так и увеличение).

10. Социально-психологический контекст, представленный типом семьи, оказывает влияние на результаты конструирования воспринимаемого возраста члена семьи-женщины в зависимости от уровня семейного благополучия: чем он ниже, тем более выражен эффект «состаривания». Эффект «состаривания» сопрягается с негативным отношением к своему внешнему облику женщин из неблагополучных семей. Эффект «состаривания» женщин из неблагополучных семей является визуально-воспринимаемым маркером уровня семейного неблагополучия.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Основные положения диссертационного исследования, результаты, выводы и методические рекомендации обсуждались на Международной научной конференции «Андреевские чтения. Социальная психология в современном обществе», посвященной 100-летию Г.М. Андреевой (Москва, 2024); Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2024. Перспективы фундаментальных исследований человека. 80 лет общей психологии в СПбГУ» (Санкт-Петербург, 2024); Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития (Санкт-Петербург, 2023); Международной юбилейной научной конференции «Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований», посвященной 50-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 75-летию академика РАН А.Л. Журавлева (Москва, 2023); XVI Международной конференции «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 2023); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психологические исследования внешности и образа тела» (Рязань, 2023, 2022); Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям» (Санкт-Петербург, 2022); Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН (Москва, 2022);

Всероссийском психологическом форуме (Екатеринбург, 2022); Всероссийской научной конференции «Лицо человека в системах коммуникации» (Москва, 2022); VI Международном женском онлайн-конгрессе «Имидж женщины в эпоху диджитализации: социальная политика, наука и практика» (Москва, 2021); III Российском Гендерном Форуме с международным участием «Гендерный паритет в науке и ее развитие в эпоху цифровизации: идеи-поиск-практики» (Москва, 2021); Международной научно-практической конференции «Общение в эпоху конвергенции технологий» (Москва, 2021); Международной научной конференции «Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами» (Майкоп, Краснодар, 2020); Всероссийской научной конференции «Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры» (Москва, 2020); XVI Европейском Психологическом Конгрессе (ЕСР 2019) (Москва, 2019); Международной конференции «Psychological problems: characteristics, principles of classification and diagnosis» (Ереван, 2019); V Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие» (Кострома, 2019); Всероссийской научной конференция «Внешний облик в различных контекстах взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 2019); Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2018. Психология личности: традиции и современность» (Санкт-Петербург, 2018); Всероссийской научной конференции «Лицо человека: познание, общение, деятельность» (Москва, 2018); Всероссийской юбилейной научной конференции «Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований», посвященной 45-летию лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (Москва, 2018); Всероссийской научной конференции «Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности», посвященной 85-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова (Москва, 2018); Всероссийской научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-

гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках» (Ростов-на-Дону, 2017); Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности» (Краснодар, 2016).

Результаты и основные положения диссертации систематически обсуждались на заседаниях кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный Федеральный университет»; на научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, 2021); в рамках регионального междисциплинарного научно-методологического семинара «Трансформация образования» (Ростов-на-Дону, 2023); на Фестивале науки Юга России (Ростов-на-Дону, 2014, 2015, 2019, 2022, 2023).

Результаты исследования внедрены в педагогическую деятельность при разработке и реализации дисциплин «Социальная психология», «Психология общения и внешнего облика», «Психологическое консультирование и основы социально-психологического тренинга», «Социально-психологические основы PR-коммуникаций в социальной, экономической и политической сферах», «Танцевально-экспрессивный тренинг», «Танцевальная психотерапия в клинической практике» образовательных программ уровня бакалавриата, специалитета и магистратуры ФГАОУ ВО «Южный Федеральный университет». Результаты исследования внедрены в практику в рамках психологического, экспертного, информационного сопровождения людей зрелого и пожилого возраста (цикл передач на региональном телевидении Дон24, 2019-2024 гг.).

Финансирование. Диссертационное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного Фонда: проект № 17-18-01260 (2017-2019 гг.), рук. В.А. Лабунская; проект № 22-28-01763 (2022-2023 гг.), рук. Т.А. Воронцова.

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 44 работы общим авторским объемом 24,12 п.л., в том числе: работ в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, а также входящих в базы данных международных индексов научного цитирования Scopus и Web of Science (17); остальные публикации: статьи в журналах, входящих в РИНЦ (3), главы в коллективных монографиях (6), статьи и тезисы в материалах международных и всероссийских конференций (18).

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и приложений. Общий объем работы составляет 489 страниц. Диссертация содержит 64 таблицы, 37 рисунков, 11 Приложений. Список литературы включает 684 источника, из них 231 - на иностранном языке.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. Теоретические идеи психологии социального познания как основа изучения проблемы конструирования воспринимаемого возраста

В современной социальной психологии, геронтологии, медицине, генетике и других науках внимание ученых всего мира в последние десятилетия приковано к воспринимаемому возрасту («видимому» возрасту, «предполагаемому возрасту», «возрасту внешнего вида» и т.п.) – возрасту человека, основанного на визуальных оценках его внешнего облика другими людьми. Несмотря на то, что термин «воспринимаемый возраст» впервые появляется в публикации по социальной психологии [569], далее его изучением занимались ученые естественно-научных направлений. R. Kastenbaum и коллеги [559] для обозначения этого же вида возраста используют понятие «interpersonal age» («межличностный возраст»), подчёркивая вклад в него других людей, и «look age» («видимый возраст»), подчеркивая вклад в него внешнего облика.

В работе G.A. Borkan, S.S. Bachman, A.H. Norris [474], проводившейся в течении 20 лет с регулярной фиксацией биомедицинских и психосоциальных данных испытуемых, визуальные оценки их возраста были соотнесены с физиологическими индикаторами скорости старения. Показано, лишний вес и плохое здоровье предсказывают более старший воспринимаемый и биологический возраст (по сравнению с хронологическим). Результаты этого исследования позволили сделать вывод, что легко определяемая визуальная оценка возраста является полезным индикатором скорости старения в популяции.

Настоящий прорыв в изучении воспринимаемого возраста был сделан в цикле исследований, проведенных международным научным коллективом

[485, 486]. Было показано, что скорость старения, ассоциированная со сложнейшими био-психическими процессами, связана с тем, выглядит ли человек на свой хронологический возраст или нет (опережает его или выглядит моложе). В исследовании Н. Rexbye с коллегами [620], помимо инсоляции и наличия вредных привычек (курения) было изучено влияние на воспринимаемый возраст ряда социальных и психологических факторов (уровень депрессии, низкий социально-экономический статус), что позволило сделать вывод, что воспринимаемый возраст способен отражать основные опасности для здоровья, обнаруженные ранее в ряде медицинских исследований. Итоги проведенных в направлении изучения связи воспринимаемого возраста и риска смертности подведены в систематическом обзоре [459], подтвердившем увеличение риска смертности от 6 до 51 процента у людей, чей воспринимаемый возраст выше хронологического.

В перечисленных выше работах был получен еще один важный результат: оценщиками выступали, помимо людей, имеющих опыт общения с пожилыми людьми, и неопытные оценщики, не имеющие экспертного статуса, и это значимо не влияло на результаты оценки возраста и обнаруженные закономерности. Сделанные открытия переместили фокус внимания ученых с воспринимающего субъекта на воспринимаемого человека: что именно в воспринимаемом человеке влияет на оценку его возраста? В работе с красноречивым названием «Смертность написана на лице» [536] была подтверждена связь между воспринимаемым возрастом и выживанием, при этом было показано, что именно характеристики лица воспринимаемого человека определяют эту связь. Более подробно изучение феномена воспринимаемый возраст рассмотрено в ряде наших работ [427, 439].

Таким образом, воспринимаемый возраст предстает, с одной стороны, визуально видимым результатом влияния на человека многочисленных внутренних и внешних биосоциальных и психофизиологических факторов; с другой стороны, результатом социального познания и восприятия. В качестве результата социального познания, он выступает основой формирования

отношения к человеку, возникновения относительно него гендерно-возрастных установок и ожиданий, выбора форм обращения и стратегий взаимодействия. Правомерность социально-психологического подхода к анализу феномена воспринимаемого возраста обосновывается нами с помощью опоры на понимание задач психологии социального познания (I), с одной стороны, феномена «возраст» (II), с другой стороны, и феномена «внешнего облика» (III), с третьей [Рисунок 1].

Рисунок 1 - Воспринимаемый возраст как феномен социального познания, возникающий на пересечении понятий «социальное познание», «возраст», «внешний облик»

I. Социальное познание. Определяя задачи психологии социального познания, Г.М. Андреева [11] подчеркивает, во-первых, что важным является выявление того, как обыденный человек познает социальный мир, включающий в себя широкий спектр социальных объектов, таких как другие люди, сам человек, социальные группы, среда, время, другие социальные явления, мир в целом. Д.А. Хорошилов характеризует этот аспект социального познания как «презумпцию повседневности» [409, с. 80]. Во-вторых, познание социального мира – это всегда «конструирование», а не простое отражение. Под конструированием понимается [11] приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры, с целью постижения ее смысла. Е.В. Рягузова [352] подчеркивает, что

конструирование человеком картины мира является способом «познания, осмысления, упорядочивания природного, социального и духовного миров» [352, с. 228]. В-третьих, в центре психологии социального познания находится субъект познания – активный, деятельный, пристрастный. Его роль в социальном познании подчеркивается в значительном количестве аналитических работ, посвященных определению понятий «конструирование», «социальное конструирование» [56, 242, 244, 349, 352, 392 и др.]. Т.Ю. Базаров, О.А. Тихомандрицкая, Е.М. Дубовская [28], Т.Д. Марцинковская, Д.А. Хорошилов [254, 255] Д.А. Хорошилов [409], проводя анализ научного наследия Г.М. Андреевой, подчеркивают активно-конструктивный характер социального познания как процесса конструирования образа социального мира. Т.Ю. Базаров, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая [27] рассматривают активность человека как одно из ключевых положений современной социальной психологии, объединяющее ее и культурно-историческую теорию.

Кроме того, познание социальных объектов, к которым относятся другой человек, группа, общность, а также социальные ситуации и понятия, невозможно только исходя из наличной ситуации восприятия, субъект познания обращается к своему опыту, когнитивным структурам, в процессе познания задействованы эмоциональная и потребностно-мотивационная сферы, ценности и установки, которые рассматриваются в социальной психологии, как показано в работе Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой [55], в качестве детерминант социального поведения на уровне отдельной личности, а также в этот процесс включаются факторы другого порядка - на уровне малых групп – социальные нормы, на уровне больших социальных групп – традиции, обычаи, язык и т.п. [55]. Как пишет Т.В. Лапина [242], познающий субъект характеризуется не только своей активностью, но и включенностью в социальные институты, местом в социальной структуре общества и в системе межличностных отношений, а также набором «социальных конфигураций» [242, с. 23], которые субъект познания прошел в

процессе своего социального развития. Противоположным по смыслу процессу «конструирования» является процесс «деконструкции»: в литературоведении это попытка «избавить опыт мысли от господствующей литературоведческой модели» [21, с. 134], в социологии науки – «обнаружение социальных корней, конституирующих ту или иную практику в ее познавательном аспекте» [242, с. 23]. Т.Ю. Базаров, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая [27] рассматривают учет социального контекста как методологический императив современной социальной психологии. В аналитических работах Т.Ю. Базарова [25], Т.Ю. Базарова, О.А. Тихомандрицкой, Е.М. Дубовской [28] подчеркивается, что учет социального контекста является ключевой идеей психологии социального познания. Е.П. Белинская [57], Е.П. Белинская, Т.Д. Марцинковская [63] рассматривают неопределённость, изменчивость и множественность современного социального мира в качестве основных характеристик транзитивности. Роль социальных и контекстных факторов подчёркивается также в зарубежных работах [400]. Кроме того, ученые фиксируют виртуализацию социальных контекстов. Так, Е.П. Белинская [60] обращает внимание на интернет-коммуникацию: опосредованную, ситуативно-обусловленную, поликультурную, «задающую тем самым новые специфики социальной перцепции, разворачивающейся в условиях все более умножающихся самопрезентаций» [60, с. 49].

Зарубежные авторы [540] также, как и отечественные [11, 15, 255, 409] рассматривают социальное познание как «общий подход, независимый от конкретного содержания» [540, с. 29], как «концептуальную основу и методологический подход для понимания когнитивных основ любой из тематических областей» [540, с. 29] социальной психологии. Определение социального познания, данное International Social Cognition Network, подчеркивает, что социальное познание необходимо рассматривать не как содержательную область, а как подход к пониманию социально-психологических явлений, основными проблемами которого являются

«процессы, лежащие в основе восприятия, запоминания и суждения о социальных стимулах; влияние социальных, культурных и аффективных факторов на обработку информации; а также поведенческие и межличностные последствия когнитивных процессов» [привод. по 578, с. 2]. В отечественной социальной психологии, как подчеркивается Т.Ю. Базаровым, О.А. Тихомандрицкой, Е.М. Дубовской [28], основы психологии социального познания были заложены Г.М. Андреевой, которая, в отличие от зарубежной традиции его рассмотрения, представленной выше, включала в круг субъектов социального познания не только личность, но и малую, и большую социальные группы.

Основным принципом социального познания, как показано в ряде работ [539, 480, 615] является противопоставление объективной реальности, всю информацию о которой субъект восприятия не способен обработать в акте восприятия, и субъективной реальности, сконструированной субъектом в результате познания. «Люди не воспринимают объективную реальность, но вместо этого осмысливают ментальные представления объектов и людей, с которыми они сталкиваются» [615, с. 2]. На то, какая информация достигнет сознания и будет иметь приоритет для обработки (на которую субъект восприятия обратит внимание), влияют ранее сформированные структуры знаний, аффект и мотивационные силы. В результате «внимание опосредует нашу социальную реальность» [615, с. 2]. D. Hamilton, D. Carlston [540] подчеркивают, что «социальное познание представляет собой сосредоточение внимания на когнитивных структурах и когнитивных процессах» [540, с. 29]. Авторы раскрывают данные понятия следующим образом: 1) когнитивная структура – это «любое ментальное представление, построенное на основе прошлого опыта», к которым могут относиться знания, убеждения и ожидания человека в отношении некоторой области стимулов. В фокусе анализа социального познания, по мнению авторов, находится природа этих представлений: как они представлены в памяти, отношения между ними, предпосылки для их активации, последствия их использования при обработке

информации. 2) когнитивный процесс – это «разнообразие умственной деятельности, связанной с пониманием и обработкой полученной информации» [540, с. 39], к которой относятся внимание, интерпретация, оценка, умозаключение, атрибуция, представление в памяти, извлечение из памяти, суждение. В качестве важнейшего элемента анализа социального познания, подчеркивают авторы, выступает взаимодействие между структурой и процессом. Исходное предположение психологии социального познания состоит в том, что когнитивные структуры могут влиять на все процессы, которые используются при обработке информации.

То есть, при изучении того, как люди конструируют возраст других людей, необходимо понимать, на что направлено внимание субъекта познания (на какие элементы и компоненты внешнего облика воспринимаемого человека); как эти элементы и компоненты связываются субъектом познания друг с другом при оценке возраста незнакомого человека и отнесении его к возрастной группе; как на суждение о возрасте незнакомого человека, сконструированном в процессе социального познания, влияют основанные на стереотипах ожидания относительно определенных социальных групп (пожилые/молодые, женщины/мужчины, руководители / подчиненные и т.п.), а также целый комплекс вышеупомянутых социально-психологических и личностно-субъектных факторов (потребности и мотивы воспринимающего, его субъективный возраст, представление о старости, желаемой продолжительности жизни, его система отношений, психологическое благополучие и т.д.).

В аналитическом обзоре, посвященном достижениям и кризисам психологии социального познания за последние годы [615] отмечается, что она встроена в социальное взаимодействие, чувствительна к социальным изменениям и «переосмысливает саму себя» на новом этапе своего развития, при этом «по-прежнему занимается описанием того, как люди понимают самих себя, других и общества, в котором они живут» [615, с. 13]. Социальное познание «стало лицом современной социальной психологии» [615, с. 12].

Ученые различают социальное (познание социальных объектов) и несоциальное познание (предметов окружающего мира) [615]. Также выделяется [266, 637] «холодное» (подверженное влиянию когнитивных структур и процессов) и «теплое» (подверженное влиянию аффективных и мотивационных факторов) социальное познание. В первом случае делается акцент на социальное познание в рамках парадигмы обработки информации; внимание уделяется кодированию, хранению и поиску информации; идет опора на компьютерные метафоры и понимание человека как мыслителя и обработчика информации и т.п. Как подчеркивает N. Schwarz [637], такой подход к социальному познанию продвинул понимание когнитивных процессов, лежащих в основе многих социальных явлений, а также изменил стандарты исследований в этой области (социальные психологи стали использовать в экспериментах замеры латентного периода реакции, тестов на припоминание и узнавание, протоколов мышления вслух и т.п. для проверки теоретических предположений о процессе). Во втором случае акцент делается на исследовании эмоциональных и мотивационных влияний на человеческое познание, на взаимодействии эмоциональных и когнитивных аспектов социального познания, на выявлении роли стереотипов и убеждений, на метафоре человека как «мотивированного тактика» (термин S.T. Fiske и S.E. Taylor [509]).

В отдельный блок в психологии социального познания выделены [615] исследования «восприятия лиц и тел». Лицо является уникальным источником информации о человеке: его поле, расе, возрасте, эмоциональном состоянии, чертах личности, намерениях, целях и других характеристиках. Учеными подчеркивается, что особенности лица являются критериями классификации людей по социальным группам [550, 615]. Внимание к лицу, особенно к глазам, рту, бровям, структуре лица, конфигурации элементов лица и выражениям лица воспринимаемого человека, обусловлено эволюционно, так как позволяет воспринимающему субъекту «делать выводы о ненаблюдаемом сознании других людей и предсказывать их действия» [615, с. 6].

Центральная, ключевая, роль лица и глаз при восприятии и познании человека, его индивидуально-психологических черт и эмоциональных состояний продемонстрирована в работах А.А. Барабанщикова [40-45, 47, 48, 53], К.И. Ананьевой [7-10, 53], В.В. Бабенко, Д.С. Алексеевой, Д.В. Явны, Е.Г. Денисовой, Е.М. Ковш, П.Н. Ермакова [462], А.А. Демидова [145-147], Д.А. Дивеева [151], И.И. Беспрозванной [53], А.В. Жегалло [10, 44, 45], С.Б. Клумовой, Г.Я. Меньшиковой [188]; Г.Я. Меньшиковой, А.О. Пичугиной [263-265]; Б.Г. Мещерякова, М.М. Гизатуллина, А.И. Назарова [266], Е.В. Суворовой [48], М.М. Мариновой [47] и многими другими. А.А. Барабанщиковым разработан коммуникативный подход к исследованию когнитивных процессов, который опирается на идеи Б.Ф. Ломова [250] о неразрывной связи протекания психических процессов с организацией общения людей: «Общение играет роль основания познавательных процессов, которые, в свою очередь, направляют и контролируют коммуникативный процесс» [41, с. 8]. Основным феноменом данного подхода, как подчеркивает А.А. Барабанщиков, является «когнитивно-коммуникативный процесс» – понятие, отражающее взаимосвязь, взаимозависимость, взаимопереплетение познания и общения, а «стержнем», «интегрирующим звеном», объединяющим различные проявления психики и уровни ее организации, выступает субъект – активный, саморазвивающийся, со своими «конкретными потребностями, намерениями, прошлым опытом и оценками...» [41, с. 13]. Современная трактовка коммуникативного подхода, как подчеркивает А.А. Барабанщиков, «принимает вид единства познания, личности и общения» [41, с. 13]. Ключевой особенностью межличностного познания является двойственная позиция субъекта познания, который одновременно выступает объектом познания для партнера по общению.

В отечественной науке за последние десятилетия обнаружены ряд важнейших закономерностей восприятия лица как уникального средства познания себя и другого человека. Учеными описаны закономерности оценки эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей

человека на основании различных изображений его лица (целого, фрагментарного, трансформированного, невозможного) в динамике смены эмоциональных выражений (естественных и кажущихся), а также при сочетании с другими элементами экспрессии [41, 43, 45, 46, 145, 252 и др.]; выявлена специфика различения лиц разных расовых типов [10]; описаны закономерности формирования впечатления о незнакомом человеке в результате предъявления взаимодополнительной и противоречивой информации о нем, включая фотоизображения лица [175]; восприятия здоровья человека [290]; выявлена роль имплицитного научения при оценке психологических качества незнакомое человека по его фотоизображению [182]; описан феномен «индуцированного» восприятия лиц реальных людей с трансформированными конфигурационными признаками (линии рта и глаз, длины носа, расстояние между зрачками) [49]; выявлены влияние на восприятие лица комплекса факторов (пол, степень знакомства, аттрактивность и других), относящихся к объекту и субъекту восприятия, а также фактора контекста [6, 8, 9, 266]; описаны паттерны движения глаз субъекта восприятия [42]; осмыслены особенности восприятия субъектом своего лица в зеркале и на фотографии [76] и т.д. Е.П. Белинской и О.В. Гавриченко [62] приводятся данные о главенствующей роли лица в самопрезентации в виртуальном пространстве. Достижения в изучении лица, полученные психологами и специалистами других дисциплин, представлены в коллективных монографиях [247-249].

При этом, исследований лица как источника конструирования воспринимаемого возраста человека явно недостаточно. Так, в работе А.А. Демидова и коллег [146] продемонстрирована связь оценки возраста человека и его индивидуально-психологическими характеристиками: чем старше объект восприятия, тем более молчаливым, добросовестным, честным, невозмутимым и спокойным он воспринимается субъектом познания. В эксперименте [252] с окклюзией (загораживанием) части изображения предпринята попытка оценить вклад верхней и нижней части лица в

восприятие возраста. При этом, остается неясным, какие характеристики лица выступают критериями определения возраста незнакомого человека, насколько они осознаются субъектом познания, как связаны с формированием отношения к нему, влияет ли на конструирование возраста наличие для восприятия и познания особенностей телосложения человека?

Проведенный обзор позволил выделить следующий ряд принципов и идей психологии социального познания, которые в дальнейшем легли в основу изучения проблемы конструирования воспринимаемого возраста: принцип «презумпции повседневности»; принцип «конструирования», в противовес «фиксированию»; идея о ключевой роли субъекта познания, чьи когнитивные структуры знаний, аффективные, мотивационные характеристики опосредуют процесс социального познания; принцип социальной обусловленности процесса познания: оно возникает, и поддерживается в социальном взаимодействии, взаимно подтверждается и разделяется его участниками.

II. Возраст. Ученые подчеркивают, что возраст не может быть определен через конкретный отрезок физического времени, они рассматривают возраст как «встречу сугубо индивидуального переживания времени с его социально обусловленными формами» [262], определяют возраст не только как биопсихический, но и культурно-исторический феномен, в котором представлено то, как каждая культура воспринимает, осмысливает и легитимизирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества [191, 282]. Б.Г. Ананьев подчеркивал, что «возраст человека всегда есть конвергенция биологического, исторического и психологического времени» [5, с. 141], развивая идеи о «целостности развития человека и преемственности психических процессов» [393, с. 46], которые легли в основу конструктивно-позитивного подхода к пониманию процессов старения [391-394], в противовес дефицитарной парадигме рассмотрения поздних периодов жизни человека. О.Ю. Стрижицкая [393], анализируя научное наследие Б.Г. Ананьева, подчеркивает значимость положений о том, что влияние социальных факторов на человека с возрастом усиливается, достигая своего

пики в период старения; что с возрастом возрастает гетерохронность развития, лежащая в основе активизации ресурсов и потенциалов человека в поздние периоды жизни. В рамках научной школы «Феноменология развития и бытия личности» В.С. Мухиной [278-281] также разрабатываются ряд идей о связи физического внешнего облика с возрастным развитием человека и о роли осознания изменений внешнего облика в развитии личности, важных для нашего исследования: 1) тело человека является «результатом эволюционного и исторического развития», несет в себе отражение красоты, культуры и духовности; 2) тело демонстрирует индивидуально-личностные и социально-психологические характеристики человека, в том числе и возраст, оно меняется в зависимости от возрастного этапа; 3) «с осознания себя телесного из отношения к себе телесному в онтогенезе начинается развитие личности» [281, с. 75]; 4) отношение к телу в самосознании человека представлено через присвоенные человеком традиции, культурные ориентации и его внутреннюю позицию; 5) поздний возраст является «парадоксальным периодом» жизни человека, в котором возможно сохранение «бодрости тела и духа».

Создатель социологической психологии И.С. Кон [191] отмечал влияние на возрастные особенности человека его социальных ролей, социокультурных и социально-экономических факторов, предлагая следующие идеи, важные для понимания феномена возраста: 1) цифры абсолютного возраста человека отражают сложные стадии его развития: биологического, психологического, социального, которые могут не совпадать друг с другом; 2) каждый выделяемый возрастной период относителен, может быть понят только при сравнении его с другим периодом, а также с учетом широкого социального, демографического, экономического, культурного контекста; 3) переходы от одного возрастного этапа к другому размыты и не жестко определены в обществе; 4) необходимо различать поколенческие и возрастные группы: понятие поколение имеет ряд трактовок (антропологических, юридических, исторических, социологических, психологических), подчеркивает общность жизненного опыта и переживаний современников, понятие возрастной группы

«имеет преимущественно структурно-функциональный характер: оно фиксирует место и функции возрастной общности людей в исторически данной системе общественных отношений» [191, с. 130]; 5) в современное время сосуществование поколений становится все более длительным – у современного молодого человека в 20 лет живы не только родители, но и деды, что ставит перед обществом ряд задач - с одной стороны, по продлению активного периода жизни старшего поколения, с другой стороны, ставит задачу «гармонически сочетать людей старшего возраста и молодежь» [191, с. 135]; 6) возрастные стадии развития человека универсальны для любого общества, при этом конкретное содержание стадий и действующие в каждый конкретный возрастной период механизмы социализации исторически специфичны, зависят от социально-экономического строя.

Обращаясь к понятию жизненного пути человека, И.С. Кон подчеркивает, что его рассмотрение требует междисциплинарного подхода, который предполагает три «автономные системы отсчета» [191, с. 256]: 1) индивидуальное развитие человека (описываемое в терминах онтогенез, течение жизни, жизненный цикл и др.), изучаемое психологами и социологами; 2) социально-возрастные процессы, социально-возрастная структура общества (возрастная стратификация, возрастные группы, поколения, возрастное разделение труда и др.), изучаемые социологами и демографами; 3) возрастной символизм (возрастные стереотипы, обряды и др.), который характерен для той или иной социально-экономической или этно-культурной группы, изучаемый этнографами, историками, филологами, фольклористами и другими учеными.

А.В. Микляева [270, 272], в рамках предложенной ею социально-психологической концепции межвозрастных отношений, определяет возраст в качестве ключевого критерия социальной категоризации и возникновения межвозрастных отношений («отношений между людьми как представителями возрастных групп» [272, с. 12]; описывает их функционирование на макро-, мезо- и микроуровнях анализа социальной реальности; на каждом из

выделенных уровней определяя специфику межвозрастных отношений возрастными представлениями, возрастными стереотипами и возрастными установками; дает их определение.

Е.П. Белинская, Т.А. Нестик [64], Е.П. Белинская, А.М. Рикель [65], Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Т.В. Белых [161], А.В. Микляева, В.И. Пищик, М.И. Постникова, Н.В. Сиврикова, Т.В. Черноусова [275], В.И. Пищик [319], М.И. Постникова [327], М.И. Постникова, А.В. Микляева, Н.В. Сиврикова, Л.А. Регуш [328], О.А. Тихомандрицкая, А.М. Рикель [399], И.В. Троцук [400] также подчеркивают важность «поколенческого» измерения проблемы возраста, сквозь призму которого необходимо рассматривать «эффекты возраста, времени рождения и опыта» [327, с. 191].

Многие отечественные и зарубежные ученые [71, 191, 273, 535, 573, 655 и др.] считают, что возраст и старение являются социально конструируемыми феноменами. В.S. Turner [прив. по 636] подчеркивает, что в современной науке жизненный путь больше не трактуется как «линейный», а непрерывность и целостность личности ставятся под угрозу, когда нет определенных руководящих принципов для соответствующей возрасту идентичности или образа жизни; стареющее тело становится местом конфликта в поисках связной телесной субъективности в зрелом возрасте.

Г. Крайг и Д. Бокум [200] пишут о необходимости контекстных парадигм или подходов к анализу возраста и жизненного пути человека, выделяя в качестве ключевых контекст окружающей среды, исторический, социальный, психологический контексты. Авторы подчеркивают, что контекстные подходы являются комплексными и при изучении жизненного пути человека интегрируют различные контексты вместе, что дает путь к пониманию как общих черт, так и индивидуальных особенностей его развития в возрастном континууме. Уникальное сочетание этих контекстов в конечном счете и определяет жизненный путь человека, особенно в период зрелости.

Анализ вышеназванных работ и подходов позволяет сделать ряд выводов, важных для нашего исследования: 1) воспринимаемый возраст

человека невозможно рассматривать в отрыве от других видов возраста (хронологического, субъективного, социального и прочих); 2) воспринимаемый возраст человека, ассоциированный с его телесным старением, включен во все сферы социализации человека (деятельность, общение, самосознание [13]): связан с предписыванием человеку тех или иных видов социальной активности, участвует в регулировании межличностного общения, является важнейшим фактором возрастной самоидентификации человека (определения себя в терминах принадлежности к возрастным группам); 3) возрастные стадии развития человека универсальны для каждого общества, при этом конкретное содержание стадий исторически и культурно специфично (зависит от социального, демографического, экономического, культурного контекста); 4) переходы человека с одного возрастного этапа на другой, границы между возрастными группами размыты и не жестко определены, особенно в современное время; 5) воспринимаемый возраст человека выступает одним из критериев его перехода из одной возрастной группы в другую, так как воспринимаемый возраст, с одной стороны, связан с определением его возраста другими людьми; с другой стороны, с его самоопределением и возрастной самоидентификацией; с третьей стороны, с «визуализацией», воплощением, своеобразной «результатирующей» влияния на него многочисленных факторов, имеющих экзо- и эндогенную природу.

III. Внешний облик. Возраст незнакомого человека как один из главных критериев социальной категоризации, представлен воспринимающему субъекту в элементах и компонентах внешнего облика. В зарубежных исследованиях предприняты многочисленные попытки описать маркеры возраста человека, фиксируемые субъектом познания во внешнем облике воспринимаемого другого при конструировании его возраста, при этом, в большинстве исследований рассматривается преимущественно такой компонент внешнего облика, как физический внешний облик, что значительно упрощает и обедняет интерпретационные модели и схемы анализа получаемых данных. Эта редукция (к физическому внешнему облику) в

контексте поставленной нами проблемы конструирования воспринимаемого возраста не соответствует современному междисциплинарному подходу к изучению возраста (так как фиксируется только на биологическом аспекте возраста), противоречит выделенным выше принципам психологии социального познания (особенно «презумпции повседневности» - человек представлен другому в процессе реального социального взаимодействия всегда целостно), а также упускает из виду социально-психологическую природу, функции и значимость внешнего облика человека в различных социальных контекстах и сферах жизнедеятельности человека. А.А. Бодалевым [82] подчеркивается, что возраст человека субъекту восприятия представлен комплексно: и в физическом компоненте внешнего облика, и в выразительном поведении (например, «старческая» походка), и в оформлении облика. В работах М.В. Балевой [30-36], С.А. Безгодовой [302, 303, 308, 311], А.А. Бодалева [79, 82-89], В.Н. Панферова [299-310], В.А. Лабунской [79, 219-241], Н.Л. Карповой [79, 183], В.Н. Кунициной [79], Л.И. Рюминой [338-342], А.В. Микляевой [267-269, 302, 303, 308, 310-312], Е.В. Рягузовой [346-353], Е.А. Петровой [79, 316, 317], Т.И. Пашуковой [79, 313, 314], Т.П. Скрипкиной [79, 241] и других выявлены основные социально-психологические закономерности восприятия человека человеком. В исследованиях М.В. Балевой [35, 38], А.А. Бодалева [79, 82-89], В.Н. Панферова [299-301, 304-307], В.А. Лабунской [79, 219-230, 389] продемонстрирована роль внешнего облика человека в запуске последовательности процессов восприятия, познания, динамики отношений к другому. Как подчеркивает В.А. Лабунская, А.А. Бодалевым «впервые в отечественной психологии были сформулированы теоретические положения психологии внешнего облика, а сам внешний облик рассматривался как неотъемлемая часть целостного процесса общения» [226].

А.А. Бодалевым [84] выделены ключевые характеристики восприятия человека человеком (целостность, структурность, объективированность, предметность, константность, субъективность), при этом он особо подчеркивал такую характеристику восприятия, как осмысленность,

включение в процесс восприятия «означивания» человека и соотнесение его с обобщенным знанием о данной категории людей. А.А. Бодалев со ссылкой на вероятностную теорию восприятия Е.Н. Соколова [386] определяет восприятие как «сложный активный процесс, основанный на последовательном просмотре отдельных деталей объекта с выделением точек, несущих наибольшую информацию, отведением неправильных гипотез и получением определенного синтеза наиболее информативных точек, который в итоге и позволяет сделать заключение о характере воспринимаемого объекта» [84, с. 142]. В.П. Зинченко [169], обсуждая вероятностный подход к восприятию, противопоставляет концепции Е.Н. Соколова полученные в исследованиях Б.Ф. Ломова факты «одномоментного охвата» объекта восприятия, а также подчеркивает трудность «учета алфавита стимулов или оперативных единиц, с которым реально имеет дело наблюдатель» [169]. В.А. Барабанщиков [42, 50] также выделяет два способа восприятия и организации глазодвигательной активности, когда стимулом выступает лицо: «охватывающий» и «сканирующий».

В применении к теме нашего диссертационного исследования, в фокусе исследовательского внимания должны оказаться элементы и компоненты внешнего облика объекта познания, которые влияют на конструировании его возраста в глазах субъекта познания. «Очертание лица, общий силуэт тела являются важнейшими опознавательными признаками человека для воспринимающих его людей» [84, с. 138] – писал А.А. Бодалев. В процессе восприятия человека человеком большое значение имеют макродвижения глаз, которые, при рассматривании внешнего облика человека, «выполняют функции построения, измерения, контроля и корригирования» [84, с.142]. При восприятии любого объекта, в том числе и человека, в нем выделяются так называемые «конструктивные» точки, относительно которых оцениваются все другие элементы контура объекта, и на которые будет направлен взгляд наблюдающего субъекта. А.А. Бодалев в опоре на результаты исследований подчеркивал, что при восприятии внешнего облика человека в условиях

обычного общения такими «конструктивными» точками являются глаза, к которым постоянно возвращается взгляд субъекта восприятия.

В.Н. Панферовым, А.В. Микляевой [310] обобщены методологические последствия изучения социальной перцепции; показана роль социально-психологической интерпретации в формировании образа человека, которая определяется как познание «внутреннего (идеального) содержания личности по внешним проявлениям» [310, с. 10]; подчеркивается влияние на этот процесс различных социально-психологических контекстов; выделены функции общения и соответствующие им гносеологические формулы познания человека. Авторы соотносят процесс социальной перцепции с когнитивной функцией общения, результатом реализации которой выступает образ человека, который выступает важнейшим регулятором общения и взаимодействия людей. Ученые называют возраст в ряду других критериев дифференцирования образа другого – «неизменными (вечными) основаниями». В.Н. Панферовым, А.В. Микляевой [310] подчеркивается связь социально-психологической интерпретации человека и формирования отношения к нему.

В работах М.В. Балевой [30-36] рассматриваются модели и механизмы социального познания и восприятия; роль факторов пола, контекста, внешнего облика, когнитивных стилей, личностных черт в социальной перцепции человека и группы; факторы формирования отношений к воспринимаемому другому; динамика перцептивных дихотомий на уровне объекта, субъекта и информационного контекста восприятия.

В социальной психологии внешнего облика, развиваемой В.А. Лабунской и коллегами [79, 219-240, 389], дано определение внешнего облика как «конструируемой формы объективизации внутреннего мира личности, как феномена, отражающего различные этапы жизненного пути на основе динамичных, вариабельных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» [234, с. 202]; раскрыта структура внешнего облика и его функции, обоснованы ценностный и

контекстный подходы к внешнему облику и отношению к нему, предложена «многофакторная модель изучения отношения к внешнему облику». Предложенная в рамках данного научного направления трактовка внешнего облика интегрирует в себе междисциплинарный подход к изучению жизненного пути личности, контекстный подход к пониманию возраста и развитию человека, социально-конструкционистский подход к конструированию социальных феноменов. То есть, именно во внешнем облике, его компонентах и элементах воспринимающему субъекту представлен возраст другого во всем его многообразии (биологический, психологический, субъективный и др.), а также его отношение к собственному возрасту.

В целом, в рамках вышеназванных подходов показано, что главными факторами восприятия и познания человека являются социально-психологические, личностно-субъектные характеристики объекта и субъекта познания, их внешний облик, социальная ситуация общения и взаимодействия и более широкий социальный контекст, к которому ученые [191] относят возрастную стратификацию и возрастной символизм социальных общностей, в которые они включены.

Подводя итог, можно сделать ряд важных для дальнейшего анализа выводов. Воспринимаемый возраст является феноменом социального познания, выражающемся в суждении субъекта познания о возрасте объекта познания, сконструированным в процессе восприятия его внешнего облика, в результате взаимодействия субъекта и объекта познания в определенном социокультурном, социально-психологическом контексте. Проблема конструирования воспринимаемого возраста имеет фундаментальный характер и междисциплинарный статус, так как она должна быть решена на пересечении социально-психологических, культурно-исторических, генетических, антропологических, биопсихических, психофизиологических факторов развития человека. Факторами конструирования воспринимаемого возраста являются: «фактор внешнего облика» (элементы и компоненты

внешнего облика, их сочетание). В силу своей важности и значимости с точки зрения вклада в процесс конструирования возраста внешний облик выделяется нами в отдельный фактор, хотя и является атрибутом объекта восприятия, формой «объективации его внутреннего мира» и индивидуального прочтения и воплощения социальных практик конструирования принадлежности к возрастным группам (с одной стороны), а также, на наш взгляд, является той «линзой», через которую смотрит на другого и воспринимающий его субъект познания (имеется в виду внешний облик субъекта познания и его отношение к нему как объективация и визуализация собственного возраста и опыта взросления (старения), сопряжённого с самовосприятием и самокатегоризацией. Также на конструирование воспринимаемого возраста влияют социально-психологические и личностно-субъектные характеристики объекта и субъекта познания (традиционно интегрируемые в исследованиях в «фактор объекта познания» и «фактор субъекта познания»), а также «фактор контекста познания», к которому относятся социальные нормы, традиции общественных групп по отношению к возрасту и возрастным группам, закреплённые в языке, их отношение к пожилым, старости и старению, гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы, ожидаемая продолжительность жизни и т.д., а также конкретная социальная ситуация восприятия.

1.2. Механизмы конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании

В данном параграфе рассмотрим социально-психологические механизмы конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании. Обратимся к определению понятия «механизм» [194, 356, 401]. Так, например, Е.В. Фалунина с коллегами [401] выделяют два подхода к определению понятия «механизм»: 1) естественно-научный (выявление физиологических коррелятов психического процесса или явления); 2)

социально-психологический (выявление того, «каким образом осуществляется тот или иной процесс, какие психические функции, феномены лежат в основе того или иного социального явления, индивидуального проявления или отношения человека» [401, с. 148]). Авторы со ссылкой на Е.И. Бойко дают следующую трактовку поиска механизмов того или иного процесса или явления в психологии: «...вскрыть механизм чего-либо – это значит проникнуть в его внутреннее устройство (строение), уяснить взаимосвязь и взаимозависимость частей или элементов целого и через это понять и объяснить сущность предмета (процесса), его необходимый закономерный ход и его неизбежное возникновение из тех или иных условий» [цит. по 401, с. С. 149].

В рамках данного параграфа мы обратимся к известным механизмам социального познания, с помощью которых, как мы предполагаем, и будет конструироваться воспринимаемый возраст объекта познания у субъекта познания. Г.М. Андреева в ключевой работе по психологии социального познания задает следующий вопрос: «Какие механизмы «обслуживают» процесс конструирования социального мира?» [11, с. 97], подчеркивая, что раскрытие этих механизмов и есть основная задача психологии социального познания - механизмов, «... посредством которых человек осознает себя частью той социальной реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность социальных факторов, которые обуславливают эти процессы» [11, с. 6]. Анализируя большой пласт работ, Г.М. Андреева обсуждает ряд механизмов и объяснительных моделей социального познания: себя, другого, группы, времени, среды, социальных явлений, мира в целом. Автор выделяет в качестве механизмов как конкретные механизмы, явившиеся обобщением эмпирических данных о комплексе факторов, влияющих на процесс социального познания и достижение его результатов, в качестве которых рассматривается формирование образа социального мира и его элементов (часть из которых в отечественной традиции рассматривается также в качестве механизмов межличностного восприятия и общения), так и

теоретические модели и концепции, противопоставляя и сравнивая американскую и европейскую традицию в объяснении закономерностей социального познания, а также интегрируя их с отечественными работами и подходами (концепция социальных представлений С. Московиси, теория социальной идентичности А. Тэшфела, теория самокатегоризации Дж. Тернера, теория каузальной атрибуции Келли, теории когнитивного соответствия, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского и многие другие).

Рассмотрим механизмы социального познания, которые, на наш взгляд, могут быть задействованы в процессе конструирования субъектом познания воспринимаемого возраста другого человека. Наиболее релевантными поставленной задаче, на наш взгляд, являются следующие механизмы социального познания:

1) категоризация – рассматривается Г.М. Андреевой [11], Е.П. Белинской [57], Т.Ю. Базаровым, О.А. Тихамандрицкой, Е.М. Дубовской [28], Дж. Брунером [94], М.А. Копачевской, Г.Я. Меньшиковой, О.А. Тихомандрицкой [193], В.Н. Панферовым и А.В. Микляевой [310], Е.В. Рягузовой [351, 352], С.N. Macrae и G.V Bodenhausen [577] и многими другими учеными как базовый механизм социального познания и познания вообще. Категоризация определяется как «отнесение социальных объектов к категориям» [11, с. 100], «инструмент, посредством которого человек систематизирует свое окружение» [11, с. 98], «универсальный когнитивный процесс» [3, с. 114], с помощью которого осуществляется как социальное познание (на основе социальных категорий), так и несоциальное познание (на основе физических категорий). Традиционно, в психологии социального познания термином «категория» обозначается [577] вся совокупность информации о определенных группах людей, которая может принимать множество форм, в том числе визуальную. А.А. Лузаков [251] подчеркивает, что категории не всегда осознаются субъектом познания, и выделяет категории вербальные и образно-символические.

В качестве категорий в ряде работ [251, 326] рассматриваются эталоны, стереотипы и прототипы. При этом, например, стереотипизация рассматривается [11, 351] как отдельный механизм социального познания, имеет свою историю изучения, критерии отличия от социального познания на основе прототипов и эталонов и т.п. Мы, признавая также в качестве базового механизма конструирования воспринимаемого возраста категоризацию (в частности, возрастную категоризацию), далее рассмотрим и другие механизмы социального познания, позволяющие раскрыть специфику конструирования воспринимаемого возраста.

2) оценка на основе эталонов (сопоставление полученной в процессе социального познания информации с эталонами (мерками, образцами), которые имеют социально-культурный характер происхождения, формируются в совместной деятельности) и прототипов (сопоставление полученной в процессе социального познания информации с прототипами, которые представляют собой «способ хранения социальной информации» [11, с. 119] через фиксацию характеристик типичного представителя какой-либо группы объектов). В.Н. Панферовым, А.В. Микляевой [310] подчеркивается важная роль когнитивных эталонов в познании человека, которые рассматриваются в качестве «психологических инструментов оценки различных социальных объектов, которые складываются в процессе их социально-психологической интерпретации, представляющей собой формирование суждений об этих объектах на основе восприятия и семантизации их характеристик, доступных наблюдению» [310, с. 15]. Проведенный Д.М. Полевым [326] сравнительный анализ понятий эталон и прототип показывает, что они описывают одну и ту же психологическую реальность. Н.Д. Swift и коллеги [651] на основании анализа значительного количества работ показывают, что определения субъектом познания собственной возрастной группы и возрастных групп других людей когнитивно представлены в виде прототипов, в качестве которых рассматриваются значимые представления члена одной возрастной группы по отношению к

другой возрастной группе, а также типичный или репрезентативный идеал категории. В работе J. Liu и коллег [545] определены зоны мозга, в которых, предположительно, могут храниться эти прототипы (зоны, избирательно реагирующие на предъявление частей лица (глаза, нос и рот) и Т-образную пространственную конфигурацию этих частей).

3) стереотипизация определяется как «построение образа на основе уже существующего, устойчивого представления» [11, с. 49] о членах какой-либо группы. Стереотип определяется [11] как упрощенный, схематический, эмоционально-окрашенный образ предмета, явления, группы, обладающий высокой устойчивостью. Данный механизм задействован как при межличностном, так и межгрупповом восприятии, познании, взаимодействии. Е.П. Белинская [60] рассматривает высокую степень стереотипизации в качестве специфической особенности восприятия другого в интернет-коммуникации. М.В. Балевой [32] показано, что в ситуации восприятия конкретного человека (в отличие от безличного другого, описанного с разной степенью перцептивной четкости), стереотипизация актуализируется без участия личностных когнитивных переменных (например, такой, как когнитивный стиль субъекта восприятия). Г.М. Андреева [11] отмечает следующие следствия работы данного механизма в процессе социального познания: 1) упрощение построения образа другого, экономия временных и когнитивных ресурсов субъекта восприятия; 2) сдвиг в оценке воспринимаемого человека (формирование предубеждений, переоценка какого-либо качества и т.д.). Стереотипы относительно возрастных групп, возраста, старости и их участие в процессах социального восприятия, познания, общения как на уровне индивидуального сознания, так и на уровне группового и массового сознания изучены достаточно глубоко. Можно отметить ряд современных работ [150, 189, 269, 423, 451-453, 464, 573, 651, 678 и др.], в которых подчеркивается тесная связь возрастных стереотипов как критериев возрастной категоризации, и возрастной категоризации как источника актуализации целого комплекса возрастных стереотипов

относительно воспринимаемого другого и фактора эйджизма. Участие стереотипов, а также метастереотипов (стереотипов о стереотипах) в конструировании воспринимаемого возраста еще будет обсуждаться в нашей работе ниже.

4) сравнение (себя с другими, других с собой, других людей друг с другом). Социальное сравнение определяется как «установление сходства и различия между двумя или несколькими субъектами» [213, с. 109]. В качестве критерия сравнения здесь вступают конкретный другой / другие, а также сам субъект познания. Выделяют [373, 374] «восходящее сравнение», при котором субъект восприятия сравнивает себя с теми, кто превосходит его по критерию сравнения, и «нисходящее сравнение», при котором сравнение осуществляется с теми, кто уступает ему по данному критерию. Социальное сравнение рассматривается в социальной психологии [11, 36, 213, 215, 217, 373, 376, 504] как важнейший механизм социального познания и ведущий механизм формирования Я-концепции человека, групповой и социальной идентичности, а также в качестве детерминанты саморазвития и, напротив, источника внутренних конфликтов и негативных эмоциональных состояний (зависть, депрессия и т.п.). Несмотря на то, что возраст другого является важнейшим критерием социального сравнения (как пишут В.Н. Панфёров, А.В. Микляева – «вечным» [310]), О.В. Курышева [213] констатирует, что он практически не изучен в данном качестве. При этом, очевидно, что возраст выступает в качестве критерия сравнения своих достижений, палитры социальных ролей (например, появление роли бабушки/дедушки), возрастных изменений внешнего облика (например, глубина морщин, потеря зубов и т.п.), наличия / отсутствия определенных, традиционно считающихся «возрастными» болезней и т.п. с аналогичными показателями других людей, а также их показателей друг с другом. Результаты такого социального сравнения могут оказывать влияние не только на конструирование воспринимаемого возраста (человек будет восприниматься старше или моложе своего

хронологического возраста или субъекта познания), но и на оценку субъективного и социального возраста (своего и другого).

Мы предполагаем, что в качестве механизмов конструирования воспринимаемого возраста могут выступать: 1) сравнение с собой, при котором критериями конструирования возраста воспринимаемого другого является возраст самого субъекта восприятия (как хронологический, так и субъективный, и социальный), представленный в его внешнем облике (наличие / отсутствие возрастных трансформаций) и отношении к нему (ценность своего внешнего облика, эмоциональное принятие / отвержение / отрицание возрастных изменений, стремление к совершенствованию и т.д.); 2) сравнение с другими людьми, критерием конструирования при этом может выступать возраст конкретного другого человека или группы людей, его (их) внешний облик, его (их) отношение к своему внешнему облику, имеющаяся у субъекта познания информация о его (их) опыте взросления / старения, переживаний, сопровождающих возрастную трансформацию внешнего облика и т.п. При совпадении ключевых, как пишет Г.М. Андреева, «выпуклых» характеристик у объекта восприятия и конкретного другого, субъект познания скорее припишет ему возраст, сходный с возрастом конкретного другого. Вопросы о том, кто именно может выступать таким конкретным другим (люди из ближайшего окружения, дальнего окружения, или, например, медийные личности), какие их характеристики являются ключевыми при конструировании возраста воспринимаемого другого, как часто именно этот механизм будет актуализироваться у субъекта познания относительно других механизмов социального познания остаются открытыми.

5) идентификация как механизм межличностного познания рассматривается как «отождествление себя с другим, уподобление ему» [11, с. 47], а также, в более широком социальном контексте, как процесс установления социальной идентичности («осознания индивидами своей принадлежности к группе и оценки позитивности членства в ней» [377, с. 182]), как «механизм построения как минимум двух «элементов» социального

мира: образа-Я и образа группы» [11, с. 188]. Проблематика социальной идентичности, по мнению Г.М. Андреевой, является одной из самых разрабатываемых в социальной психологии и ключевой в психологии социального познания. Теоретическое осмысление социальной идентичности представлено в известных теориях: теории социальной идентичности А. Тэшфела [652] и теории самокатегоризации Дж. Тернера [656], которые легли в основу многих исследований. Анализ современных работ показывает, что роль идентификации как механизма социального познания в конструировании воспринимаемого возраста, а также роль воспринимаемого возраста в становлении возрастной идентичности личности еще недостаточно изучено.

б) рефлексия - определяется [11] как осознание человеком того, как он воспринимается партнером по общению. В контексте нашего исследования мы будем апеллировать к рефлексивному опыту субъекта познания, а именно – к осознанным им оценкам своего воспринимаемого возраста, к осознанному опыту конструирования своего возраста в глазах других людей.

В Таблице 1 систематизированы предполагаемые варианты механизмов и критериев конструирования воспринимаемого возраста человека (или, в русле социально-психологического подхода к определению понятия «механизм», варианты ответов на вопрос «Каким образом осуществляется конструирование воспринимаемого возраста?») соотнесены с обсуждаемыми механизмами социального познания. Данные представления легли в основу разработки опросника «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста» [Приложение А].

Перечисленные механизмы в большей степени относятся к когнитивным механизмам социального познания. Ученые выделяют также аффективные механизмы социального познания, основным из них является эмпатия, которая, в широком смысле, определяется как способность «понимать эмоциональные состояния других людей» [663], включает в себя «разделение аффектов» (способность испытывать то же эмоциональное состояние, что и объект познания) и «эмпатическую точность» (способность точно делать

выводы об эмоциональном состоянии других людей). Аргументы для рассмотрения когнитивных механизмов в качестве механизмов конструирования воспринимаемого возраста следующие.

Таблица 1 - Механизмы социального познания при конструировании воспринимаемого возраста объекта познания

Каким образом субъект познания конструирует возраст объекта познания?	Релевантный механизм социального познания	Критерий конструирования возраста (признак, основание, правило принятия решения)
Относит человека к группе людей, которые находятся на определенном этапе жизненного пути	Возрастная категоризация	Категория (совокупность характеристик определенной <i>возрастной группы</i>)
Оценивает внешний облик человека, опираясь на маркеры возраста	Оценка	Эталон (образ <i>обобщенного другого</i> , принадлежащего к определенной возрастной группе) Прототип (образ <i>типичного другого</i> , принадлежащего к определенной возрастной группе)
Опирается на свои представления о том, как должен выглядеть человек в том возрасте, к которому относится оцениваемый человек	Стереотипизация	Стереотип (упрощенный, схематический, эмоционально-окрашенный <i>образ определенной возрастной группы</i>)
Сравнивает оцениваемого человека со знакомыми мне людьми, у которых примерно такой же возраст	Сравнение (с другими)	Конкретный другой (<i>образ конкретного другого</i>)
Сравнивает оцениваемого человека с собой, ориентируюсь на свой возраст	Сравнение (с собой)	Субъект познания (<i>образ субъекта познания, самокатегоризация, опыт старения, отношение к внешнему облику</i>)
Ставит себя на место оцениваемого человека, пытается понять (или вспомнить), как он мог бы выглядеть (выглядел) в его возрасте	Идентификация	Воспринимаемый конкретный другой (опыт «здесь и сейчас» уподобления, идентификации субъекта познания объекту познания, процесс конструирования возраста как мини-акт общения)
Оценивает возраст человека, опираясь на свой опыт того, как его возраст (или возраст знакомых ему людей) воспринимали и оценивали другие люди	Рефлексия	Рефлексивный опыт субъекта познания (осознанные оценки своего воспринимаемого возраста, осознанный опыт конструирования своего возраста в глазах других людей).

Во-первых, в современной литературе по социальному познанию [663] различается «аффективное восприятие лица» (распознавание / восприятие

эмоций по лицу) и «неаффективное восприятие лица», к которому авторы относят восприятие структурных сигналов от лицевых стимулов, которое позволяет производить субъекту познания различение пожилых лиц от более молодых, женских лиц от мужских. То есть, в процессе конструирования возраста задействованы скорее когнитивные, чем аффективные механизмы. Во-вторых, в ряде исследований распознавания эмоций, в которых учитывался так называемый «возраст лица» [514] (среди объектов познания были как молодые, так и зрелые и пожилые люди), было показано, что одно и то же эмоциональное выражение было интерпретировано субъектом познания по-разному в зависимости от того, кому оно принадлежало – молодому или зрелому человеку, что позволяет предположить, что в ситуации распознавания эмоций по выражению лица субъект познания, в первую очередь, производит категоризацию другого по ключевым категориям, среди которых возраст объекта познания, и затем, с учетом этой первичной категоризации, распознает его эмоциональное состояние.

Обратимся к анализу современных исследований базового механизма социального познания, задействованного в процессе конструирования возраста – категоризации. Работы исследователей социального познания, в первую очередь Д. Брунера [94], показывают, что наиболее общим способом работы с информацией вообще, и социальной информацией в частности, является категоризация (которая является отчасти бессознательным процессом), или отнесение каждого нового воспринимаемого предмета, явления или человека к некоторой категории или классу подобных и уже известных объектов. «Категорию» Д. Брунер определял как «некоторое правило, в соответствии с которым мы относим объекты к одному классу как эквивалентные друг другу» [94, с. 27]. Д. Брунер подчёркивал, что восприятие имеет категориальный характер (категоризация зависит от «доступности категорий», а также от наличия у воспринимающего человека «систем категорий»); основано на способности человека соотносить «свойства входного сигнала» с «соответствующей системой кодирования» (на которую

оказывает влияние опыт воспринимающего субъекта и специальное обучение); опирается на «перцептивную готовность» воспринимающего субъекта, его ожидания, установки и потребности (при этом они оказывают не прямое, а более сложное, косвенное воздействие через создание «структур или правил действия» [94, с. 117]); выполняет функцию репрезентации реальности, при этом результатом восприятия является не «представление мира», а «построение модели мира» [94, с. 18]; лежит в основе реакций на воспринимаемый объект и предвидения других его характеристик, а также планирования своего поведения. В основе восприятия, как пишет Д. Брунер, лежит процесс «принятия решения», состоящий из следующих этапов: элементарного акта выделения объекта из потоков раздражителей, первичной категоризации, поиска дополнительных признаков, подтверждающей проверки и окончательного подтверждения.

Как показывает Г.М. Андреева [11], категоризация каждого вновь встреченного человека начинается с отнесения его к самой широкой категории – «человек», далее же категоризация продолжается отнесением человека к группам по полу, возрасту и т.д. То есть, категоризация по возрасту является одной из первых задач, которые решает субъект восприятия при встрече с незнакомым другим [563]. Кроме того, возраст (наряду с расой) выступает ведущим «критерием исключения» при восприятии лиц в экспериментальной ситуации, где необходимо исключить из перечня лицевых стимулов лишний портрет (фигуру «Чужака» - в терминологии Е.В. Рягузовой [348]). А.В. Микляева [268] определяет возрастную категоризацию как «когнитивный процесс» [268, с. 15] отнесения себя и окружающих к тем или иным возрастным группам, позволяющий дифференцировать незнакомого другого на «своего» и «чужого» по возрастному критерию; подчеркивает ее влияние на формирование первого впечатления, а также неосознаваемый характер категории «возраст» в социальном познании. В проведенном ею исследовании [268] возрастной категоризации в процессе восприятия студентами фотографий преподавателей, было показано, что возрастные характеристики

играют ведущую роль среди социально-категоризирующих признаков. О.В. Курышева [215] подчеркивает мгновенный, неосознаваемый и универсальный характер категоризации по возрасту; ее культурную специфичность и при этом межкультурность (важность категории возраст для любой культуры и отчасти универсальность ее наполнения); опору на внешне-явленные признаки возраста, так называемый «визуальный ряд старости» [215, с. 80], к которым относятся физические признаки (морщины и т.д.), признаки зависимости от других и использование средств телесного контроля (очки и пр.); подвижность и текучесть возрастных характеристик, которые выступают в качестве критерия категоризации. В ранней работе N.A. Kogan [565], в которой сопоставлялись прямая хронологическая оценка возраста лиц на фотографиях, их возрастная категоризация (отнесение к категориям подростков, молодых людей, среднего возраста, пожилым) и предпочтения, результаты показали значительные совпадения предполагаемых возрастов в разных возрастных категориях, что позволило автору сделать вывод о том, что границы между соседними возрастными стадиями очень проницаемы. L. Schwaiger [636] подчеркивает культурную обусловленность процесса возрастной категоризации, рассматривая «возрастную маркировку» как «культурно-нормативное чтение» видимых физических характеристик человека.

H.J. Swift и коллеги [651] рассматривают возрастную категоризацию не только как способ классификации других (для упрощения окружающего мира), но и самих себя (для помощи в определении собственной идентичности); выделяют биологические, психологические и социальные функции возрастной категоризации; подчеркивают ее влияние на чувства, поведение по отношению к объекту восприятия, а также суждения о его привлекательности; выделяют социально-психологические и поведенческие последствия возрастной категоризации, а именно: актуализацию предрассудков, возрастных стереотипов, эйджистских практик дискриминации. H.J. Swift и коллеги [651], систематизируя данные исследования, показывают, что пожилые люди воспринимаются другими как медлительные, сварливые,

более унылые, уязвимые, менее адаптивные и компетентные, по сравнению с молодыми людьми, и, при этом, более дружелюбные и надежные. В работе B.R. Levy [573] предложена теория воплощения стереотипов: ассимиляция стереотипов из окружающей культуры приводит к самоопределениям, что влияет в дальнейшем на функционирование и здоровье. То есть, в процессе возрастной категоризации участники отражают не только объективированные во внешнем облике различия в развитии представителей различных возрастных групп, но и те различия, которые конструируются, культивируются и преувеличиваются культурой, социальными структурами и стереотипами, а также «метастереотипами» (стереотипами о стереотипах) [464]. В связи с этим, возрастная категоризация другого и себя может приводить к тому, что человек будет сознательно ограничивать другого или самого себя в доступе к тем или иным ресурсам, так как считает себя или другого «слишком старым» или «слишком молодым» для того или иного аспекта жизни [600]. H.J. Swift и коллеги [651] подчеркивают уникальность эйджизма как дискриминационной практики, в отличие от других видов дискриминации (сексизм, расизм): эйджизм не основан на закрытых и фиксированных социальных категориях, напротив, человек, старея, в течение своей жизни перемещается сквозь разные возрастные группы, и неизбежно подвергнется возрастной дискриминации и влиянию негативных стереотипов о старости.

Проведенный нами анализ современных исследований возрастной категоризации позволяет выделить ряд важных для постановки задач нашего исследования выводов:

1) категоризация по признаку возраста связана с другими основаниями для категоризации, например, возрастная категоризация связана со статусно-ролевой, особенно в ситуации, когда статус воспринимаемого другого требует дополнительной проверки [268]; категоризация по полу связана с возрастом воспринимаемого человека [291, 473, 563, 565]. В работе N.A. Kogan [565] показано, что женские лица скорее, чем мужские, были отнесены к среднему

и пожилому возрасту, при этом, для субъектов восприятия мужского пола, женские лица были оценены как более молодые, если были выбраны в качестве предпочтительных. Роль пола в социальном восприятии убедительно показана в работах М.В. Балевой [38], в которых фиксируется, что пол является еще одним значимым критерием, который определяет сходство или различие субъекта и объекта восприятия, что обосновывают необходимость учитывать не только пол объекта и субъекта познания, но и их сочетание в отдельно взятом раунде исследования социального восприятия.

2) исследователи выявляют опору на внешний облик воспринимаемого человека при отнесении его к той или иной возрастной группе. О.В. Курышевой [213, 215] описан так называемый «визуальный ряд старости», А.В. Микляевой [268] - «физиогномические признаки», «оформление внешнего облика», «мимические признаки». Исследователями подчеркивается, что критерии возрастной категоризации, связанные с элементами и компонентами внешнего облика, частично не осознаются субъектами познания, а также остается неясным, какие именно элементы внешнего облика являются ключевыми при возрастной категоризации.

3) Как показано в подавляющем большинстве работ [623, 624 и др.], ключевым источником при решении задачи о возрасте объекта познания является лицо. Исследований, где, наряду с лицом, воспринимающему субъекту представлен целостный внешний облик, с учетом характеристик телосложения, критически мало. При этом, в процессе непосредственного общения, его участникам представлен для восприятия, как правило, внешний облик в своей целостности. Подобные дизайны исследований противоречат декларированной в психологии социального познания «презумпции повседневности», что ставит перед нами задачу интеграции различных компонентов внешнего облика при формировании стимульного материала исследования.

4) решение перцептивной задачи на определение возраста связано с специфическими паттернами движений глаз, с концентрацией внимания

субъекта познания на определенных зонах лица, ключевыми из которых при определении возраста незнакомого человека являются области глаз и носа [557, 567, 568]. Показано [557], что эти паттерны специфичны для каждого из субъектов познания, и отсутствуют единые для всех субъектов познания, универсальные пути сканирования лица при решении перцептивной задачи на определение возраста. Нами не обнаружено работ, в которых бы изучалась динамика локализации фиксаций взора субъекта познания на элементах внешнего облика в процессе конструирования возраста другого, особенно в ситуации восприятия целостного внешнего облика.

5) оценка возраста объекта познания связана обратной связью с оценкой его красоты и привлекательности [322, 568, 581]. Полученные данные обсуждаются в свете эволюционных теорий [651], в рамках которых черты лица, которые используются для оценки возраста, связаны с половыми гормонами, лежат в основе воспринимаемой привлекательности и выступают в качестве показателя оценки основного репродуктивного потенциала. Данная идея получила эмпирическое подтверждение: доказано, что физическая привлекательность связана с репродуктивным успехом у людей, живущих в индустриальных условиях [555].

6) обнаружен «эффект смещения собственного возраста» [490, 491, 626]: молодые люди распознают лица других молодых людей более точно, чем лица пожилых людей. Объясняется этот эффект тем, что незнакомые лица изначально быстро классифицируются, при этом внутригрупповые лица рассматриваются как социально значимые, что мотивирует обработку индивидуализирующих черт лица, а лица аутгрупп обрабатываются поверхностно, с вниманием к информации, которая специфична для категории, что и затрудняет последующее распознавание. С данным эффектом связано «преимущество категоризации лиц другого возраста»: более быстрая категоризация лиц другого возраста, чем лиц своего возраста [490]. Также в исследовании движения глаз в направлении заданной цели было обнаружено, что помехи в виде появляющихся в поле зрения лиц разного возраста были

игнорированы для лиц самой старшей возрастной группы и имели наибольший отвлекающий эффект при предъявлении в поле зрения лиц той же возрастной категории, что и субъект восприятия [487].

7) ученые описывают «феномен детского лица» («baby face»), которое сохраняет черты лица ребенка без признаков старения, распознавать и категоризировать которое способны даже высшие приматы (как сородичей, так и людей) [560]. Nam-Hee Kim и In-Young O. [562] подчеркивают, что современные люди охвачены модой на детское лицо, которое становится «социокультурным и культурным кодом красоты».

8) возраст субъекта категоризации влияет на различные аспекты процесса категоризации (вне связи с возрастной категоризацией): на индивидуальные различия в процессах семантической категоризации [667], на мгновенную категоризацию [664] и т.д. Этот аспект проблемы раскрыт в большом количестве работ, анализ его не является целью нашей работы.

Ряд работ рассматривают возрастную категоризацию в различных социальных контекстах. Так, в исследовании, посвященном изучению проблем миграции, U. Bialas [472] пишет о том, что взрослые мигранты в Германии могут пытаться ввести в заблуждение сотрудников миграционных служб, гладко выбрившись и демонстрируя потребность в зависимости, тем самым побуждая официальные лица к их категоризации по возрасту в сторону возрастной группы «молодежь». В организационном контексте учеными [488, 606] показано, что категоризация может служить предвестником межличностных или системных форм предвзятости в организациях, таких, как стигматизация, стереотипное восприятие, дискриминация на рабочем месте.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о ключевой роли механизма возрастной категоризации в процессе конструирования возраста человека, и определить его как когнитивный процесс отнесения воспринимаемого человека к возрастной группе, границы которой заданы социально-демографическими, этно-культурными, биологическими факторами, границы достаточно условны и проницаемы; конституируют

подобие внутри групп и различия между группами. При этом, определение конкретного возраста другого человека не является большой перцептивной проблемой для воспринимающего субъекта. В многочисленных зарубежных исследованиях воспринимаемого возраста участников прямо спрашивали: «Сколько лет этому человеку?», и субъект восприятия незамедлительно давал ответ на этот вопрос. Есть основания предполагать, что на первом этапе восприятия субъектом познания при определении возраста незнакомого человека происходит мгновенная (и, как правило, неосознаваемая) возрастная категоризация по наиболее общим критериям категоризации (которые также недостаточно осознаются субъектом восприятия) на возрастные группы, релевантные задаче определения возраста (например, для того, чтобы быстро отсеять неподходящего по возрасту партнера при знакомстве, или оценить свои шансы при наличии конкурента - претендента на те или иные ресурсы, или определить, нуждается ли другой человек в помощи в силу своего младшего или более старшего возраста; или понять, что нет необходимости спрашивать паспорт при покупке запрещенной до определенного возраста продукции, и т.п.). И тогда, когда эта задача решена (ее можно назвать «грубое различие возраста»), процесс конструирования возраста завершается принятием решения об отнесении человека к некой возрастной группе, и дальше в дело вступают процессы «отражения – отношения – обращения», как показано автором отечественной концепции отношений личности В.Н. Мясищевым [81, 90, 283].

Но если перед субъектом восприятия стоит задача определения конкретного возраста человека (например, в ситуации, когда даже несколько лет разницы в возрасте имеют значение – в реализации брачного поведения (ухаживания, привлечении внимания и т.п.), при реализации потребительского поведения (фейс-контроль на входе в заведения с возрастным цензом) и т.п., а также в экспериментальной ситуации определения возраста другого – назовем это «тонкое различие возраста»), есть основания предполагать, что субъект восприятия вынужден искать дополнительные признаки и использовать иные

категории, укорененные в его личном опыте общения с представителями оцениваемых и пограничных возрастных групп, чтобы сделать более тонкое различие в возрасте воспринимаемого субъекта и возраста известных ему людей, в том числе в качестве критерия различения возраста может выступать и собственный возраст и опыт взросления / старения, отраженный в самосознании и самовосприятии.

1.3. Воспринимаемый возраст как социально-психологический феномен

В данном параграфе обратимся к разграничению понятий воспринимаемый возраст от понятий хронологический, социальный, психологический, субъективный и другие виды возраста, а также рассмотрим периодизации возрастных этапов, которые структурируют период взрослости, уделяя особое внимание внешнему облику, видимым признакам старения в качестве особенностей того или иного возрастного этапа или критерия его выделения. Материалы данного параграфа опубликованы в ряде наших работ [116, 117, 126, 644].

Рассматривая границы временных интервалов жизни человека, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут, что, хоть возраст и имеет пространственное измерение - топику, то есть границы, место в ряду других возрастов, но он не определяется «пустым объемом времени», а может «... быть задан лишь тем содержанием, которое определяет границы и наполненность любой временной формы» [383].

Для структурирования онтогенеза человека в психологии используется понятие «условный» возраст, который определяется методом периодизации. Большинство авторов подчеркивают относительность конкретных возрастных рамок выделяемых возрастных этапов. Как отмечают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [383], для «послешкольного этапа жизни» критерии выделения возрастных периодов либо отсутствуют, либо задаются календарным образом

(например, после 75 лет), либо описываются метафорически («расцвет» и т.п.). В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман [384] предлагают в качестве критерия периодизации «со-бытийную общность» человека с другими на тех или иных этапах, выделяя следующие стадии и этапы: 1) стадия «индивидуализации» (17 - 42 лет), состоящую из из этапов кризис юности (17-21 год); молодость (19-28 лет); кризис молодости (27-33 года); зрелость (32-42 года) и стадию «универсализация», состоящую из: кризиса зрелости (кризиса индивидуальной жизни) (39-45 лет); зрелости (44-60 лет); кризис зрелости (55-65 лет) и наступления старости (62 года). В данной периодизации мы обнаруживаем отсылку на внешний облик, когда автор говорит о возможном возрастном регрессе, приводя в качестве примера «седовласого младенца» («вечного юношу») [384, с. 42]. С точки зрения рассматриваемого нами феномена воспринимаемого возраста, на наш взгляд, этот пример фиксирует противоречие между воспринимаемым и субъективным возрастом такого человека и другими его возрастами (хронологическим, психологическим и прочими).

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [383] подчеркивают, со ссылкой на И.С. Кона, что при выделении возрастных категорий необходимо учитывать индивидуальное развитие человека; возрастную стратификацию общества (возрастное деление поколений и социокультурные нормативы относительно выделяемых в обществе возрастных групп) и возрастную символику культуры. К последней он относит совокупность социальных ожиданий относительно поведения, форм отношений, а также внешнего облика. Автор выдвигает важную идею о том, что «... понятие о возрасте связано со специальным конструированием его как особой категории, имеющей не отражательный, а прежде всего регулятивный смысл» [383], так как это понятие конструируется в рамках той или иной общественной практики и призвано, в первую очередь, упорядочивать и регулировать саму эту практику.

В известной классификации Э. Эриксона [450] в зрелом возрасте выделяются следующие этапы: этап близости и одиночества (знаменует собой

начало зрелости и семейной жизни); этап общечеловечности и самопоглощенности (зрелый возраст); этап целостности и безнадежности.

Взрослость в периодизации Д.Б. Эльконина [449] представлена следующими периодами: 1) 21 - 35 лет – «молодость»; 2) 35 - 60 лет – «зрелость»; 3) 60 - 75 лет - «пожилой возраст»; 4) 75 - 90 лет - «старческий возраст»; 5) свыше 90 лет - «долгожители».

В периодизации, предложенной В.С. Мухиной [278, 280], выделены пять этапов развития: 1) молодость (21-25 лет); 2) первый период взрослости (26-39 лет); 3) второй период взрослости (40-55 лет); 4) третий период взрослости (56-75 лет); 5) поздний возраст (старше 76 лет). В.С. Мухина подчеркивает изменчивость физического компонента внешнего облика и связь этих изменений с этапами жизни: «тело, как и психика, у индивидуального человека, проходящего свой уникальный онтогенетический путь, меняется в зависимости от возрастных этапов его жизни» [281, с. 82], а также описывает ряд проблем, возникающих в связи со старением человека.

Г. Крайг и Д. Бокум [200], подчеркивая относительность и произвольность выделения конкретных возрастных этапов в жизни взрослого человека, предлагают следующую их классификацию: от 20 до 40 лет - ранняя взрослость, от 40 до 60 – средняя, от 60 - поздняя взрослость. Авторы считают целесообразным при анализе развития взрослого человека опираться на понятия возрастные часы и социальные нормы. Несмотря на то, что «возрастные часы» (аналог внутреннего графика жизненного пути личности - термин, введенный Б.Л. Ньюгартен [591]) имеют биологическую и психологическую основу, в первую очередь они зависят от социокультурных норм. Авторы приводят убедительные данные о размывании культурных границ возраста в современное время, пишут о «нерелевантном возрасте», при котором представители более старших возрастных групп могут участвовать в видах деятельности и активностях, ранее традиционно предписанных для более молодых возрастов. В работах отечественных ученых также подчеркивается характерное для современного времени «размывание

специфики возрастных субкультур, меняющее структуру личности новых поколений» [257, с. 54]. Б.Л. Ньюгартен [591] вводит возрастную категорию «молодые старики» - взрослые в возрасте 55 - 75 лет, составляющие достаточно значительную прослойку населения, которые имеют высокий уровень образования, социально и политически активны и обладают большим потенциалом. Е.Е. Сапогова [357, 358] пишет о «парадоксе взрослости», при котором удлинившийся период взросления современного человека (до 35-40 лет) сталкивается с «хронологически обозначенной старостью» [357, с. 60]. То есть человек, вступающий в период взрослости, чувствуя себя активным, ответственным, зрелым, в восприятии общества становится стареющим, при этом он ни чувствует, ни выглядит таким.

Г. Крайг и Д. Бокум [200] также считают, что, в отличие от развития в ранние периоды жизни, развитие взрослого человека в меньшей степени зависит от биологических изменений и хронологического возраста, показывая значительную вариативность. В отечественной науке, на стыке социальной и возрастной психологии, как показано в аналитической работе Е.М. Дубовской [154], возникает возрастная социальная психология, в основе которой, как подчеркивает автор, лежит новая теоретическая парадигма – «парадигма индивидуального пути развития» [154, с. 6]. А.В. Микляева, С.А. Безгодова и коллеги [273, 274] дают определение понятию «траектории взросления» [274, с. 5], подчеркивая роль психологических и социально-средовых факторов в развитии подростков и молодых людей, а также «многослойность, мультидетерминированность, онтологическую неопределённость взросления» [274, с. 11]. О.А. Тихомандрицкая, А.М. Рикель также пишут о «вариативности сценариев современного взросления» [399, с.209], рассматривая взросление и взрослость в русле конструкционистского подхода как социально-конструируемый феномен. Авторы выделяют критерии взросления; подчеркивают важность психологических и социально-психологических критериев (самовосприятие; достижение определенного статуса и т.д.); их изменчивость и связность с изменениями социального контекста; предлагают

«модель исследования поколенческой относительности оценки взросления» [399, с. 212].

При этом, в работах современных ученых аспект, связанный с внешним обликом человека и его возрастными изменениями в различные периоды его зрелой жизни, мало представлен, или представлен исключительно в разрезе физиологических изменений и необходимости адаптации к ним, как, например, в обобщающей работе [200]. Так, в классификации задач развития различных периодов взрослой жизни Р. Дж. Хейвингхерста [привод. по 200] в качестве одной из задач периода средней зрелости выступает задача «принять физиологические изменения среднего возраста и адаптироваться к ним» [200, с. 587], а задачей периода поздней зрелости - «приспособление к снижению физической силы и здоровья» [200, с. 587]. В концепции развития Р. Гудда [привод. по 200] в возрасте 35-45 лет человек, находясь на пике своего развития, начинает ощущать течение времени, конечность своего существования, смертность родителей, а также «физические изменения в период средней зрелости пугают их и приводят в уныние» [200, с. 596]. Анализируя теорию психологических стадий Э. Эриксона, авторы подчеркивают, что ее можно рассматривать как нормативную теорию, которая фокусируется на проблемах идентичности и близости (интимности), необходимых к разрешению на любой стадии человеческого развития. При этом, проблема поиска идентичности, возникающая как ответ на возникновение возрастных трансформаций внешнего облика человека, так же не рассматривается.

В последние десятилетия в работах ученых различных направлений – демографов, геронтологов, социологов, психологов, философов [92, 166, 243, 388, 406, 444, 465 и др.] активно обсуждается новая возрастная категория – «третий возраст». Ученые рассматривают третий возраст как социально-демографическую [243, 388] и биологическую [406] категорию. Представители «третьего возраста» в результате влияния комплекса факторов (увеличение продолжительности жизни, улучшение состояния здоровья,

увеличение пенсионного возраста, расширение сферы услуг, востребованность на рынке труда, повышение социальной активности и т.п.), становятся активными экономическими субъектами и значимой социально-демографической категорией. Социологи фиксируют значительные изменения набора социальных ролей и изменения социального статуса людей этого возраста. Данная тенденция требует от ученых различных направлений (психологов, социологов, экономистов и др.) отдельного внимания к данной возрастной категории, выделения в пожилом возрасте различных подпериодов, соответствующих специфике каждого из этапов старения. Как отмечает Г.Г. Сорокин [388], в качестве критериев их выделения могут выступать степень социальной активности, состояние здоровья, способность к самообслуживанию. Вопрос о конкретных возрастных рамках «третьего» возраста остается открытым. Г.Г. Сорокин [388], проведя обзор критериев его выделения, отмечает в качестве ключевых следующие: активный образ жизни; проживание без детей; наличие интервала от предыдущего и последующего поколения примерно в 30 лет, в соответствии с которыми начало «третьего возраста» наступает в 50 / 60 / 65 лет и продолжается до 75 лет.

При этом, исследователи [97, 200] подчеркивают необходимость новых возрастных классификаций, которые бы выделяли возраст 50 – 59 лет. Этот возраст рассматривается как «промежуточный период, когда человеку уже перевалило за 50, он уже не молод, но еще не стар, и его по-прежнему переполняют желания» [97, с. 15]. Пятидесятилетние находятся в хорошей физической форме, имеют высокий уровень дохода, и, благодаря большому временному интервалу, который разделяет их возраст и предполагаемый возраст дряхления и смерти, имеют возможность изменить свою жизнь: работу, партнера, родить или усыновить ребенка. Эти люди чувствуют себя моложе и выглядят моложе своего возраста, а также понимают «инвестиционную» силу своего внешнего облика и его влияние на все аспекты своей жизни. Данные выводы подтверждаются исследованиями отечественных ученых. Так, в обобщающей работе Е.Ю. Балашовой и Е.М.

Дубовской [29] приводятся данные о росте ориентации на будущее у людей в возрасте 50-59 лет: эти люди «освобождаются от воспитания детей, ведут активный образ жизни, преисполнены планами и надеждами на будущее» [29, с. 38]; также они чувствуют себя моложе своего хронологического возраста.

Обзор возрастных классификаций, проведённый выше, позволяет заключить, что в них недостаточно осмыслены возрастные изменения внешнего облика человека и его восприятие другими людьми как один из ключевых критериев возрастной категоризации и самокатегоризации в процессе его социального развития, участвующий в переходе его с одного возрастного этапа на другой. Для дальнейшего развития этой идеи необходимо обратиться к рассмотрению различных видов возрастов и их связи с воспринимаемым возрастом.

В первую очередь, ученые выделяют хронологический (или «абсолютный») возраст. Он представляет собой возраст, рассчитываемый в единицах измерения времени с момента рождения человека; обозначает длительность его существования от рождения до некоторой точки времени. Хронологический возраст обычно используется в качестве фоновой переменной в эмпирических исследованиях [658], а также той переменной, с которой сравниваются различные типы возраста. Так, A.J. Zimm с коллегами [684] приводят показатель «years saved» («спасенные», или сэкономленные годы), который представляет собой разницу между хронологическим и воспринимаемым возрастом. В первую очередь, этот показатель используется для объективной количественной оценки степени изменения воспринимаемого возраста после эстетических хирургических процедур на лице. В вышеназванном исследовании (49 пациентов были сфотографированы до и после хирургического вмешательства, фотографии «до» и «после» в случайном порядке были предъявлены 50-ти субъектам восприятия для оценки возраста и оценки их привлекательности) было обнаружено, что среднее количество «спасенных лет» после эстетической хирургии лица составило 3,1 года (данные колебались в диапазоне от -4,0 до 9,4 лет). Авторы

показали, что эстетическая хирургия лица эффективна в снижении воспринимаемого возраста пациентов, но не увеличивает их привлекательность.

Социальный возраст определяется через соотнесение имеющегося социального статуса человека, набора его социальных ролей с культуральными нормами, предписывающими достижение определенного статуса и овладение спектром социальных ролей к определенному этапу жизненного пути [200]. Социальный возраст определяет своего рода индекс принадлежности человека его возрастной когорте [559]. В.В. Бочаров [93] подчеркивает, что социальный возраст (например, дошкольный, школьный, студенческий, брачный, пенсионный возраст) представляет собой набор нормативно-ролевых характеристик, которые являются производными от разделения труда в обществе и его социальной структуры. Так, например, брачный возраст регулируется законом и наступает в разных странах в разном возрасте [424], при этом именно хронологический возраст выступает индикатором наступления брачного возраста, «элементом брачной дееспособности» [197], хотя ученые [66] и настаивают, что необходимыми условиями его наступления является физиологическая, психологическая и социальная зрелость. В зарубежном исследовании А. Gewirtz-Meydan и L. Ayalon [525] показано, что воспринимаемый возраст пожилых людей является своеобразным пропуском их в мир сексуальности, который, в связи с практиками эйджизма по отношению к пожилым людям, предписан более молодым возрастным группам. Нас в данном контексте интересует проблема влияния внешнего облика, его значимости, ценности на установление семейно-брачных отношений разного типа, на сегодняшний день активно изучаемая в России и в других странах, которая раскрывает используемые женщинами и мужчинами стратегии и практики ухода за своим внешним обликом, которые и будут в конечном итоге определять специфику их воспринимаемого возраста, обусловленную гендерными различиями. Анализ данной проблемы будет представлен во второй главе.

Еще одним видом возраста, выделяемым учеными, является биологический возраст человека. Биологический возраст отражает уровень соответствия ряда биологических характеристик (обмена веществ, функций организма и т.п.) человека уровню аналогичных показателей, которые зафиксированы для когорты его ровесников [320, 321, 381]. Г. Крайг и Д. Бокум определяют биологический возраст через «положение индивида относительно его предполагаемой продолжительности жизни» [200, с. 563]. В некоторых зарубежных исследованиях [658] биологический возраст называется также «физическим возрастом», так как он отражает физическое состояние человека и основан на изменениях здоровья, физической подготовки, функционирования и внешнего облика. V. Uotinen пишет, что информацию о биологическом возрасте можно получить на основе собственного восприятия человеком своего функционирования или внешнего вида по отношению к определенному возрасту, тем самым подчеркивая многомерную природу возраста и нечеткие границы между выделяемыми видами возраста. Аспект биологического возраста, сфокусированный на внешности, называется «возрастом внешнего вида» [658, с. 11]. В данном понимании это не то же самое, что и воспринимаемый возраст, так как в этом контексте отсутствует воспринимающий другой. В том случае, когда возможна измеримость биологических функций по отношению к возрасту, говорят о «функциональном» возрасте [658, с. 11].

В каждом периоде жизни в качестве критериев оценки биологического возраста выступают релевантные этому возрасту показатели. Если в дошкольном и младшем школьном возрасте это половая, костная и зубная зрелость, то на стадии зрелости и старения в качестве критерия оценки биологического возраста выступает уровень устойчивости организма и его основных систем к различным повреждающим факторам [381].

При отсутствии наступления изменений, предполагаемых по возрастным нормативным статистическим данным его ровесников, у индивида определенного возраста, ученые говорят о том, что его биологический возраст

меньше хронологического – и наоборот, в случае раннего наступления возрастных изменений, характерные для более старшего возраста, ученые фиксируют опережение хронологического возраста биологическим [321], что называется «ускоренным старением» [381]. Старение представляет собой, по мнению В.Х. Хавинсона и В.Н. Анисимова [405], самую сложную проблему современной медицины и биологии, которая имеет этические, социальные и психологические аспекты. А.Н. Плакуев и коллеги [321] насчитывают более 100 теорий старения. Старение трактуется учеными как процесс постепенной инволюции тканей и нарушения функций организма. В.Х. Хавинсон и В.Н. Анисимов подчеркивают, что биологический резерв жизни современного человека составляет 30-45 лет (из расчета видового предела жизни человека 110-120 лет). А.Н. Плакуев и коллеги [321] в качестве субъективных признаков старения называют потерю бодрости и жизненного тонуса, плохое настроение, снижение работоспособности и т.п.; к объективным относят целый ряд показателей, большинство которых касаются возрастной трансформации физического внешнего облика (например, потеря зубов), что, очевидно, будет влиять и на экспрессивное поведение – на мимику, дикцию, походку, осанку и т.д.

Биологический возраст тесно связан с воспринимаемым возрастом. В масштабных исследованиях [474, 485, 486 и др.] было показано, что воспринимаемый возраст, измеренный простым способом усредненной оценки возраста человека воспринимающими его другими людьми (как правило, группой людей не менее 10 человек), не являющимися экспертами-физиологами или геронтологами, напрямую связан с биологическим возрастом, который имеет многомерные, трудоемкие шкалы своего измерения [381]. В работах подчеркивается [564], что воспринимаемый возраст используется в качестве видимого маркера старения, в то время как биологический возраст используется в качестве объективной меры возраста. Авторы подчеркивают, что индустрия антивозрастной косметики сосредоточена на поиске наиболее эффективных продуктов, скрывающих или

временно смягчающих видимые признаки старения, а не на активном устранении первопричин старения. Связь воспринимаемого и биологического возраста показывает, что ключевым способом антивозрастного омоложения является резкое снижение биологического возраста, которое достигается с помощью комплекса стратегий изменения питания, образа жизни и образа мыслей [78, 132, 612], выбор которых, на наш взгляд, опосредован отношением к своему внешнему облику и практиками ухода за ним.

Выделяется также психологический возраст (в некоторых источниках – психический возраст [93]), который определяется с помощью соотнесения уровня психического развития (например, умственного, эмоционального и т.д.) со среднестатистическими показателями уровня развития, достигаемого человеком к определенному возрасту. Такая трактовка психологического возраста предполагает выделение критериев его оценки, вопрос о которых до настоящего момента является открытым. Так, например, Г. Крайг и Д. Бокум [200] рассматривают психологический возраст как отражение способности человека справляться с требованиями среды и общества, адаптироваться к ним; в качестве критериев выделяются уровень интеллекта, способность к обучению, моторные навыки, установки, мотивы и тревожность.

Широко известна причинно-целевая концепция психологического времени личности Е.И. Головахи и А.А. Кроника [135], в рамках которой психологический возраст определяется как «интегративная мера субъективной реализованности личностью психологического времени в биографическом масштабе» [135, с. 37]. Авторами предложен метод каузометрии для выявления причинно-следственных связей и связей типа «цель-средство» событий жизни человека. Также ими разработана оригинальная процедура изучения самооценки своего возраста, благодаря которой был обнаружен феномен «консервации возраста». Респондентам была предложено оценить свой возраст, опираясь на свое «внутреннее чувство» так, как если бы им был неизвестен свой паспортный возраст в силу ошибки в документах, с помощью вопроса «Сколько Вам лет в действительности?».

Оказалось, что большинство опрошенных (55 %) «значительно помолодели». Авторами обсуждаются две возможные причины этого: 1) биологическая: через существование у человека внутреннего биологического «счетчика» годовых циклов психофизиологической активности, который имеет «погрешность» в виде расхождения его показаний с хронологическим возрастом в силу принципиальной невозможности осознания человеком течения собственных внутренних психофизиологических процессов; 2) социальная: через сравнение реальных и нормативно-заданных социальных достижений к определенному периоду жизни. Авторы предположили существование еще одного субъективного, личностного фактора, влияющего на самооценку возраста – это представления о продолжительности своей жизни, «которая включает в себя два слагаемых: прожитые годы как меру прошлого, и предстоящие годы как меру будущего» [135, с. 149]. Самооценка возраста в данном контексте представляет собой соотношение прошлого и будущего времени жизни, своеобразной мерой его реализованности. Е.И. Головаха и А.А. Кроник объясняют феномен «консервации возраста» стремлением человека в условиях ограниченности времени жизни субъективно увеличить жизненную перспективу, «притормозить реальный процесс его истощения, заимствуя из неопределенного прошлого некоторое количество лет и как бы передавая их в фонд будущего» [135, с. 150]. Авторы также обсуждают противоположную тенденцию к завышению своего возраста – «старческое кокетство» и «социальное долгожительство».

Также психологический возраст личности обсуждается учеными в связи с пессимизмом-оптимизмом личности, с планированием жизни в биографическом масштабе, с локализацией личного временного центра – в связи с временными децентрациями (например, «жить в прошлом» или «жить в будущем») [135]; как фактор профессиональной успешности [18]; как ресурс в период поздней взрослости и старения [17, 394].

Аспект возраста, связанный с его субъективной оценкой самим человеком, учеными назван субъективным возрастом. По мнению Е.А.

Сергиенко, автора системно-субъектного подхода к анализу субъективного возраста [363-371], этот тип возраста представляет собой уникальную внутреннюю систему отсчета возраста для человека; «описывает динамику возрастной идентичности» [363, с. 92], является «стержневым представлением, относительно которого человек воспринимает себя на жизненном пути и испытывает удовлетворенность собственной жизнью» [363, с. 92]; предсказывает возрастные изменения; может обозначать предвестники смерти. Е.А. Сергиенко субъективный возраст рассматривается как «динамичный и лабильный конструкт возрастной идентичности, играющий важную роль в поведении и реализации человека» [368, с. 561].

Анализ исследований отечественных ученых, выполненных Е.А. Сергиенко [362, 365, 366, 370, 372], О.С. Волосатовой, Е.В. Забелиной [104], О.Р. Воронцовой, Т.Л. Крюковой [130], О.В. Курышевой [212, 218], А.И. Мелёхиным [257-259], Н.С. Павловой [297, 298], С.В. Тарасовой [218], А.Б. Эйдельман [448] проясняет связь субъективного возраста и различных аспектов здоровья и жизненного пути человека, показывая, что он связан с отношением пожилых людей к жизни, к себе, с качеством жизни, психологическим благополучием [104, 212, 259-261, 298, 448]; стратегиями совладания с проблемами, сопровождающими старение [218] и готовностью к переменам [130], с благополучным / неблагополучным течением тяжелых болезней [366, 372]. Е.А. Сергиенко пишет, что субъективный возраст «отражает общую оценку биопсихосоциальных ресурсов человека, выступая психологическим буфером стрессов» [366, с. 25], при этом, у низкого субъективного возраста, как отмечает А.И. Мелехин [260], есть и обратная сторона, которую ученый называет «ментальной ловушкой стабильности и безопасности», которая может приводить к неприятию старости и страху смерти.

В ряде отечественных исследований [104, 298] фиксируются совпадения / расхождения хронологического, воспринимаемого и субъективного возрастов. В работах зарубежных ученых показано, что пожилые люди, у

которых субъективный возраст старше хронологического, более уязвимы к негативному влиянию низких когнитивных способностей на восприимчивость к мошенничеству [675]; чувствуют себя менее ценными в обществе, имеют более молодой «пороговый возраст старости», не пользуются Интернетом [683]; более уязвимы к финансовой эксплуатации и имеют сниженную финансовую самооценку [676]. Также более молодой субъективный возраст связан с положительной аффективностью и физической активностью [622]; низкой технофобией [650]; статусным потреблением (стремлением к потреблению ради статуса) [497]. Отдельные исследования посвящены технологиям снижения субъективного возраста, например, с помощью программы профилактики падений для пожилых людей (участники чувствовали себя моложе после вмешательства, с 6,43% на исходном уровне до 9,63% в конце программы, чем до него) [519].

В целом, субъективный возраст в современных работах рассматривается как прогностический фактор старения, как показатель благополучного старения, как предиктор смертности в пожилом возрасте. В большом восьмилетнем исследовании пожилых финнов (в возрасте от 65 до 92 лет), выполненном V. Uotinen с коллегами [660, 661], была изучена возрастная идентификация пожилых людей, разделенных на подгруппы в соответствии с их самооценкой когнитивного и физического функционирования. Обнаружено, что участники, отнесенные к группе успешного старения (у которых присутствуют 4 из 5 следующих признаков: наличие / отсутствие болезней / травм, которые могут представлять проблемы в повседневной жизни; отсутствие проблем со здоровьем, накладывающих ограничения на хобби; самооценка когнитивного функционирования выше удовлетворительного; сравнительная функциональная способность по возрасту как хорошая; отсутствие признаков депрессии) имеют более молодую возрастную идентичность, на что указывает более низкий субъективный возраст, более низкий умственный, физический и «внешний» возраст (термин, соответствующий феномену воспринимаемый возраст).

Также пожилые люди, относящиеся к подгруппе «успешное старение», менее часто сообщали о чувстве возраста, давящего на них, имели более высокую удовлетворенность своим хронологическим возрастом, сообщали о более позднем наступлении старости и готовности дожить до 100 лет.

Еще в одном исследовании, проведенном V. Uotinen, T. Rantanen, T. Suutama [659], респондентам были заданы два вопроса об их возрасте: «Чувствуете ли вы себя психически моложе / старше / в соответствии со своим реальным возрастом?» (воспринимаемый умственный возраст) и «Чувствуете ли вы себя физически моложе / старше / в соответствии со своим реальным возрастом?» (воспринимаемый физический возраст). Зафиксировано, что 57 % опрошенных имели более молодой умственный возраст, 37 % - более молодой физический возраст. Смертность среди выборки исследования наблюдалась в течение 13 лет. Выстроенные на основании полученных данных регрессионные модели показали, что субъективно воспринимаемый пожилыми людьми свой возраст как более старший, чем хронологический, является ранним индикатором ухудшения их здоровья и потенциального риска смерти. Авторы доказали, что описание себя старше своего хронологического возраста увеличивало риск смерти даже после поправки на демографические факторы (возраст, пол, уровень образования) и переменные здоровья (болезни, самооценка здоровья). Из двух воспринимаемых возрастных переменных физический возраст оказался более сильным с точки зрения влияния на риск смерти. Авторы считают, что то, что «простой показатель воспринимаемого возраста предсказывает смертность пожилых людей» [659, с. 371], только отчасти может быть объяснено тем, что субъективный возраст отражает общее благополучие человека и его веру в будущее. Авторы считают, что субъективный возраст включает в себя значительно больше аспектов, чем просто индикация глобального благополучия, а именно ожидания относительно своего развития и культурные возрастные нормы. Авторы приводят тезис о том, что в западной культуре существует общепринятая культурная концепция, согласно которой тело и разум представляют собой

отдельные сущности, тело стареет, а разум менее склонен к возрастным изменениям. Также в работе V. Uotinen [658] показано, что субъективный возраст имеет межкультурные различия, что доказывает необходимость учитывать межкультурный контекст при проведении исследований субъективного возраста.

В целом, в большинстве исследований [361, 369, 628 и др.] показано, что молодые люди чувствуют себя в среднем старше, а пожилые люди – моложе своего хронологического возраста. Е.А. Сергиенко называет это «когнитивная иллюзия возраста» [361] и интерпретирует следующим образом: если превышение субъективного возраста над хронологическим наблюдается в молодой выборке, то это может быть связано со стремлением перейти на следующую возрастную ступень, ассоциированную с независимостью, с исполнением «взрослых» социальных ролей; молодой субъективный возраст на более поздних этапах жизни – способ совладания с приближением старости, форма психологической защиты. Ученые [253] фиксируют существование негативного образа старости в российском обществе, что побуждает людей зрелого возраста противопоставлять свой возраст некоему гипотетическому и эмоционально отвергаемому возрасту старости, фиксируя расхождение с ним своего возраста. Аналогичные данные получены и на выборках жителей других стран. Так, в большом ($N = 14\,928$) лонгитюдном исследовании на жителях Германии [677], в котором производилось семь замеров субъективного возраста в течении 24 лет, показано, что рождение в более позднее время связано с ощущением себя моложе на 2% каждое десятилетие; женщины сообщают, что чувствуют себя моложе мужчин; связь высшего образования с более молодым субъективным возрастом стала слабее. В большом кросс-культурном исследовании, проведенном М.Е. Vargas и коллегами [665], показано, что у молодых людей субъективный возраст равен хронологическому, в 20 - 30 лет субъективный возраст отстает от хронологического, и далее эта разница растет вплоть до возраста 50-60 лет.

Аналогичные данные получены А.В. Микляевой [271] в исследовании, в рамках которого хронологический возраст пожилых людей был соотнесен с их возрастной идентичностью, которая определялась как результат «отождествления человеком себя с определенной возрастной группой» [271, с. 304]. Было обнаружено, что 21,7 % пожилых обладают возрастной идентичностью взрослых (предыдущей возрастной группы), что названо автором «парадоксальная возрастная идентичность» [271, с. 304].

Несмотря на большой массив аналогичных результатов, полученных в исследованиях по всему миру, как отмечает D. Weiss [674], нет четкого и однозначного теоретического объяснения этой тенденции.

В работах К. Gilleard [527-530] дается социально-психологическая трактовка субъективного возраста, он рассматривается как аспект самокатегоризации, который отражает общую самооценку человека и его место в обществе. Ученый критикует термин «субъективный» применительно к возрасту, считая, что современные эмпирические исследования субъективного возраста изучают не столько субъективный опыт проживания и переживания возраста, его феноменологию (что, как считает автор, возможно в контексте философских, исторических и литературных исследований, например, в жанре автобиографии), сколько фиксируют саморефлексию социального сравнения, требуемого исследовательским вопросом «Сколько вам лет, на сколько лет Вы себя чувствуете?», для ответа на который необходимо сопоставление «внутренне переживаемой и внешне идентифицируемой старости» [527, с. 2]. К. Gilleard подчеркивает, что субъективный возраст как возрастная самокатегоризация может и должен изучаться в социально-психологических исследованиях. Он пишет, что возраст представляет собой более проблематичную форму самокатегоризации по сравнению с этнической принадлежностью, расой, полом или сексуальностью потому, что возраст постоянно меняет свою форму (социальную, личную, физическую) и точки своего отсчета, что приводит к необходимости регулярного обновления самокатегоризации. Данный аспект

проблемы возрастной идентичности / самокатегоризации (текучесть, нестабильность, необходимость постоянного самоотождествления с учетом возрастных трансформаций внешнего облика и их включенности в процессы социального познания, общения и взаимодействия) соотносится с выделенной Е.П. Белинской одной из «дилемм идентичности»: «константность – изменчивость» [57, с. 9].

Рассмотрим связи субъективного, хронологического и воспринимаемого возрастов. Так, как уже было показано выше, чем старше становится человек, тем более молодым он себя чувствует. Е.А. Сергиенко называет этот феномен «когнитивная иллюзия возраста», Е.И. Головаха и А.А. Кроник - феноменом «консервации возраста», D. Agogo, G. Milne и C.D. Schewe [457] - «искривлением времени». В процессе социального познания человек представлен другому для восприятия и категоризации, результатом которой является суждение о его возрасте у воспринимающего его человека (воспринимаемый возраст), которой возвращается ему в виде реакций на него, отношений (в том числе межвозрастных, которые определяются А.В. Микляевой как «разновидность социально-психологических отношений, которая представляет собой отношения между людьми, являющимися представителями тех или иных возрастных групп» [272, с. 6] и межпоколенных, выделяемых по критерию принадлежности к тому или иному поколению [271, 275]), паттернов поведения и форм обращения, что, с свою очередь, выступает критерием (в совокупности с другими критериями – стереотипами и метастереотипами, отношением в обществе к возрасту, планируемой или ожидаемой продолжительности жизни) для самокатегоризации, то есть субъективного отнесения себя к определенной возрастной группе.

При этом, следствиями этих процессов (категоризация – воспринимаемый возраст - формирование отношений других - самокатегоризация) могут также являться актуализация: стресса старения (анализ которого представлен в работах Т.Л. Крюковой, А.А. Осьмининной

[206-208, 295, 296]); потребности выглядеть моложе своих лет; стремления к трансформации своего внешнего облика в сторону его омоложения. На Рисунке 2 отражено авторское представление о социально-психологической природе воспринимаемого возраста, его связях с хронологическим, субъективным возрастaми, о противоречии хронологического, субъективного, воспринимаемого возрастов как источнике самокатегоризации, нарастания стресса старения, актуализации потребности выглядеть моложе и преобразования внешнего облика.

Рисунок 2 – Противоречие хронологического, субъективного, воспринимаемого возрастов как источник самокатегоризации, нарастания стресса старения, актуализации потребности выглядеть моложе и преобразования внешнего облика

Первый вариант разрешения данного противоречия представляется следствием следующей последовательности процессов: внутреннее переживание возраста (представленное в «молодом» субъективном возрасте), ассоциированное с определенным внешним «Я» личности («внешнее Я личности» – термин В.А. Лабунской [224]), вступает в противоречие с

идентифицируемыми другими людьми внешними признаками возраста (представленные в воспринимаемом возрасте). Воспринимающий другой в опоре на воспринимаемый возраст объекта познания осуществляет его возрастную категоризацию, на основании которой формируется отношение к нему и происходит выбор паттернов поведения и форм обращения (например, обращение «девушка» превращается в «женщину», «женщина» превращается в «бабушку» и т.п.). В результате человек, чувствующий себя моложе своего хронологического возраста, сталкивается с реальностью отношения к нему и практик взаимодействия с ним как с человеком более старшего (чем субъективный) возраста, что соответствует состоянию когнитивного диссонанса и стремлению его уменьшить одним из трех способов [404]: увеличить субъективный возраст; снизить воспринимаемый возраст (через актуализацию потребности выглядеть моложе к преобразованию внешнего облика в сторону омоложения); избегать ситуаций актуализации диссонанса, сопряжённого с нарастанием стресса старения через разрыв социальных контактов и связей, снижение социальной активности и т.п. Схема возрастной самокатегоризации на основе противоречия субъективного и воспринимаемого возраста приведена на Рисунке 3.

Рисунок 3 – Схема возрастной самокатегоризации на основе противоречия субъективного и воспринимаемого возраста

В целом, проведенный анализ показывает, что субъективный возраст представляет собой внутренний, а воспринимаемый возраст - внешний прогностический маркер старения, что обосновывает рассмотрение субъективного возраста в качестве личностно-субъектного фактора воспринимаемого возраста. Также мы подчеркиваем социально-психологическую природу не только воспринимаемого возраста, но и субъективного возраста человека, который представляет собой возрастную самокатегоризацию человека в опоре на внешне идентифицируемые другим человеком признаки возраста, воплощенные в приписываемом этому человеку воспринимаемом возрасте, который находит свое отражение в отношении к нему других людей и формах обращения с ним.

Еще одним видом возраста, выделяемым в современной психологии, является биопсихологический возраст [74], который рассматривается в качестве интегральной характеристики состояния человека, его физического и психологического здоровья, соответствия его личностных и физиологических характеристик возрастным нормам. Биопсихологический возраст состоит из двух компонентов, описанных выше: из биологического возраста и психологического возраста. Березина Т.Н., Рыбцов С.А. [74] пишут о том, что если биологический возраст соответствует хронологическому, то это свидетельствует о нормальном относительном старении; если он превышает хронологический, то старение можно оценить как ускоренное; если он ниже календарного, то старение является замедленным, что является наилучшим вариантом для человека. Ученые приводят результаты масштабного лонгитюдного исследования влияния карантина на показатели биопсихологического возраста в России: у работающих людей в результате влияния условий карантина (годовой период «локдауна» сразу после начала мировой пандемии) значительно возрос биологический возраст и увеличился индекс биологического старения. Проведенное исследование показывает сложную систему взаимосвязей между различными видами возраста.

Взаимосвязи между различными видами возраста представлены в многомерных моделях возраста. «Модель понимания субъективного старения» D. Agogo и коллег [457] содержит ряд положений: 1) процесс старения не линейен, имеет значительный диапазон возможных последствий и представлений о старении для людей одной и той же возрастной группы; 2) понимание субъективного старения должно выходить за рамки самооценки и включать объективные факторы, такие как деятельность и привычки. Авторы подчеркивают тенденцию «успешно стареющих» людей осуществлять самобалансирование между издержками и выгодами старения через комплекс активностей; 3) субъективная модель старения должна учитывать биологические, социальные и психические измерения старения и уникальный опыт его переживания. Предложенная авторами модель субъективного старения включает три группы факторов, которые влияют на соотношение субъективного и хронологического возрастов, приводя к тому, люди начинают себя чувствовать старше или моложе своего возраста: 1) социальные (связаны с наличием / отсутствием / ослаблением / сужением социальных связей); 2) психологические (отказ от изучения новых вещей, прекращение чтения / расширение когнитивных способностей за счет овладения новыми навыками), 3) биологические (нездоровое питание, курение, недостаток упражнений / увеличение физической активности и занятий, укрепляющих здоровье). Авторы подчеркивают роль негенетических факторов в динамике старения, которые обуславливают, по последним данным, около 75% долголетия. В соответствии с данной моделью D. Agogo с коллегами обосновываются различные виды помощи стареющим людям, способствующие субъективному омоложению человека, направленную на повышение уровня социального, психического и биологического функционирования человека до / сверх нормативного уровня (соответствующего хронологическому возрасту).

Наиболее известна и активно используется в психологических исследованиях модель возраста Р. Кастенбаума и коллег [559]. Модель возраста включает в себя нескольких переменных: возраст, на который

человек себя чувствует («feel age»); возраст, на который он выглядит («look age»); возраст, на который он действует («do age»); возраст его интересов («interest age»). Авторы в 1972 году на небольшой выборке (N=75 человек от 20 до 69 лет) провели первое исследование, направленное на то, чтобы выявить соотношение между возрастом, на который человек выглядит, чувствует себя, думает и действует с его хронологическим возрастом, показав, что разрыв между хронологическим и всеми выделяемыми видами возраста увеличивается с каждым прожитым человеком десятилетием. Также Р. Кастенбаум с коллегами вводят понятие «согласованный возраст» («consensual age»), представляющий собой меру согласия между личным («personal age») и межличностным возрастом («interpersonal age»), или, в соответствии с предлагаемой в нашем диссертационном исследовании терминологией, между субъективным и воспринимаемым возрастом.

В современной интерпретации [259, 371] модель Р. Кастенбаума и коллег, а также разработанная на ее основе когнитивная шкала оценки возраста В. Barak [прив. по 256], легли в основу модели субъективного возраста и его измерений («внутренних возрастов»), в которую были включены: интеллектуальный (возраст, которому соответствуют интересы человека и его когнитивные функции); биологический (возраст, на который себя ощущает человек); социальный (возраст, которому соответствует социальная активность); эмоциональный (возраст, на который выглядит человек). Позже S.D. Clark с коллегами [489] в эту модель добавили еще один возраст - «возраст мысли». Исследования субъективного возраста, проведенные Е.А. Сергиенко и коллегами [256, 371 и др.] на разновозрастных выборках, также подтверждают неравномерность выраженности «компонентов», составляющих субъективный возраст. Необходимо отметить здесь, что в предыдущей модели «эмоциональный возраст» измеряется с помощью прямого вопроса, заданного человеку: «на сколько лет, как он думает, он выглядит?» [256, с. 197] и по сути своей, является воспринимаемым возрастом, информация о котором получена со слов человека. В предлагаемой

нами социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста это измерение возраста мы будем называть «самооценка воспринимаемого возраста».

Также нами вводится понятие «желаемый воспринимаемый возраст», который представляет собой возраст, на который хочет выглядеть человек в глазах других людей. Потребность выглядеть моложе своих лет, которая фиксируется в работах современных ученых – философов, социологов, психологов, операционализируется нами как разница между хронологическим и желаемым воспринимаемым возрастом. На ее актуализацию влияет целый комплекс социо-культурных, социально-психологических и личностно-субъектных факторов, включающих в себя, во-первых, культ вечной молодости, страх старения, а также культивируемую в современных обществах концепцию активной старости, анализ которых представлен в работах современных отечественных [98, 177-179, 423, 451-453] и зарубежных [536] ученых. В работах Т.Л. Крюковой, А.А. Осьмининой [206, 208] показано, что страх старения обусловлен сверхценностью внешнего облика.

Во-вторых, на актуализацию данной потребности у людей зрелого и пожилого возраста влияют гендерно-возрастные стереотипы, наличие которых в общественном дискурсе, в пословицах, поговорках, СМИ, социальной политике и обыденных практиках зафиксировано учеными из многих стран, например, «молодые люди предпочтительнее пожилых» [150, 498, 514, 525], или «мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует, а женщине – на сколько она выглядит» [23]. В последнем случае противопоставлены критерии определения возраста мужчины и женщины: мужчины – в опоре на его субъективный возраст, женщины – на ее воспринимаемый возраст. Как отмечают А.А. Wugayan и коллеги [678], пожилые люди в западных обществах, пытаясь отмежеваться от нежелательной подгруппы, склонны больше идентифицировать себя с более молодыми возрастными сегментами, чем со своими возрастными когортами. Это может являться одним из возможных объяснений существования

«когнитивной иллюзии возраста», которая значительно увеличивается по мере старения.

Так же можно отметить гендерно-возрастной стереотип «женщина дурнеет с возрастом, а мужчина становится прекраснее» [97], который ярко обозначает наличие «двойного стандарта старения» [137, 186, 187, 471]. Этот стандарт предполагает, что в традиционном обществе статус стареющей женщины значительно ниже, чем мужчины [186]; требования к стареющим женщинам значительно более высокие, чем к мужчинам; уход за своим внешним обликом предписан обществом в первую очередь для женщин, а не для мужчин [187]. И.А. Григорьева [138] пишет в этой связи: «пожилые женщины подвергаются двойной стигматизации – как женщины и как пожилые» [138, с. 5]; L. Schwaiger [636] вторит ей: «конструкция пожилых тел является гендерной, и ... бинарная конструкция «пожилые» + «женщина» служит дальнейшей маргинализации женщин» [636, с. 24].

В-третьих, на актуализацию потребности выглядеть моложе влияет молодой субъективный возраст, значительная разница между ним и хронологическим возрастом, которая только увеличивается с возрастом [256, 257, 298, 639], а также уже упомянутый выше стресс старения [208, 295], появление которого сопровождает возрастные изменения внешнего облика. Т.Л. Крюкова, А.А. Осьминина [208, 295] фиксируют, что стресс старения приводит к обращению к разнообразным практикам трансформации внешности в сторону более молодого внешнего облика (как инвазивным, так и неинвазивным). При этом, как показано во многих исследованиях [229, 389, 443], отношение с своему внешнему облику, тесно связанное с самоотношением, отношением к другим людям, к жизни, удовлетворенность ею, субъективное благополучие человека опосредуют выбор практик ухода за своим внешним обликом, степень и интенсивность его трансформации. В исследовании Т.Л. Крюковой, А.А. Осьмининой [208] показано и обратное влияние трансформации внешнего облика на психологические и социально-психологические характеристики субъектов омолаживающих практик. Ими

обнаружено, что инициаторы медицинских омолаживающих процедур отмечают их влияние на отношение к себе, на профессиональную успешность и межличностные отношения. Авторы рассматривают омолаживающую трансформацию внешнего облика как «активное совладание со стрессом старения» [208, с. 60].

Подводя итог проведенному в данном параграфе анализу, можно заключить, что, как социально-психологический феномен, воспринимаемый возраст является возрастом объекта познания, сконструированным субъектом познания в процессе восприятия его внешнего облика, в результате их взаимодействия в определенном социокультурном, социально-психологическом контексте. Воспринимаемый возраст представляет собой «визуализацию», воплощающую взаимосвязи основных видов возраста человека: биологического, социального и психологического, субъективного, уникальное и индивидуальное сочетание которых отражает неравномерность темпов социального, психологического и физического его развития, особенно в период второй половины жизни.

1.4. Выводы по главе 1

1. Проблема конструирования воспринимаемого возраста имеет фундаментальный характер и междисциплинарный статус, так как она должна быть решена на пересечении социально-психологических, культурно-исторических, генетических, антропологических, биопсихических, психофизиологических факторов развития человека.

2. Ключевые идеи психологии социального познания, на которые необходимо опираться при изучении конструирования воспринимаемого возраста, следующие: принцип «презумпции повседневности»; принцип «конструирования», в противовес «фиксированию»; идея о ключевой роли субъекта познания, чьи когнитивные структуры знаний, аффективные, мотивационные характеристики опосредуют процесс социального познания; принцип социальной обусловленности процесса познания: оно возникает, и поддерживается в социальном взаимодействии, взаимно подтверждается и разделяется его участниками.

2. Воспринимаемый возраст как феномен социального познания возникает на пересечении понятий «социальное познание», «возраст», «внешний облик». Возраст человека представляет собой «конвергенцию биологического, исторического и психологического времени»; возрастные стадии развития человека универсальны для каждого общества, при этом конкретное содержание стадий исторически и культурно специфично (зависит от социального, демографического, экономического, культурного контекста); переходы человека с одного возрастного этапа на другой, границы между возрастными группами размыты и не жестко определены, особенно в современное время. Воспринимаемый возраст человека выступает одним из критериев его перехода из одной возрастной группы в другую, так как воспринимаемый возраст, с одной стороны, связан с определением его возраста другими людьми; с другой стороны, с его самоопределением и возрастной самоидентификацией; с третьей стороны, с «визуализацией»,

воплощением, своеобразной «результатирующей» влияния на него многочисленных факторов, имеющих экзо- и эндогенную природу. Во внешнем облике воспринимающему субъекту представлен возраст другого во всем его многообразии (биологический, социальный, психологический, субъективный и др.) и на его основе осуществляется в процессе социального познания конструирование представления (образа), осуществляется оценка (суждение) воспринимаемого возраста, формируется отношение к Другому.

3. В качестве механизмов конструирования воспринимаемого возраста выступают следующие механизмы социального познания: возрастная категоризация, оценка, сравнение, стереотипизация, идентификация, рефлексия.

4. Ключевую роль в конструировании воспринимаемого возраста выполняет возрастная категоризация - когнитивный процесс отнесения воспринимаемого человека к возрастной группе, границы которой заданы социально-демографическими, этно-культурными, биологическими факторами, границы достаточно условны и проницаемы; конституируют подобие внутри групп и различия между группами.

5. На конструирование воспринимаемого возраста влияют следующие факторы: «фактор внешнего облика» (элементы и компоненты внешнего облика, их сочетание); «фактор объекта познания» (социально-психологические и личностно-субъектные характеристики объекта познания); «фактор субъекта познания» (социально-психологические и личностно-субъектные характеристики субъекта познания); «фактор контекста познания» (возрастная стратификация общества, возрастной символизм, традиции общественных групп по отношению к возрасту и возрастным группам, закрепленные в языке, отношение в обществе к пожилым, старости и старению, гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы, ожидаемая продолжительность жизни и т.д., социальные нормы, а также конкретный социально-психологический контекст восприятия, общения и взаимодействия).

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

2.1. Социокультурная, социально-демографическая, психофизиологическая, социально-психологическая, личностная, контекстная обусловленность конструирования воспринимаемого возраста человека

В данном параграфе обобщим и систематизируем изученные в современных исследованиях социокультурные, социально-демографические, генетико – медицинские, психо-физиологические, социально-психологические, личностные, контекстные факторы конструирования воспринимаемого возраста, объединенные нами по отнесенности их к объекту, субъекту познания, к внешнему облику и к контексту, а также обозначим группы факторов, которые на сегодняшний день мало изучены либо не изучены в социальной психологии. Материалы проведенного анализа опубликованы в следующих наших работах [19, 119, 120, 434, 642].

К группе факторов объекта познания мы относим характеристики и свойства объекта познания, которые доказано оказывают влияние на конструирование его воспринимаемого возраста. Они объединены нами в следующие подгруппы:

1) Психофизиологическая, биогенетическая подгруппа факторов (изучены ассоциированные с воспринимаемым возрастом зрелых и пожилых людей уровни глюкозы, холестерина, кортизола, гемоглобина, скорость оседания эритроцитов, билирубин в сыворотке крови, длина теломер лейкоцитов, атеросклероз сонной артерии и другие параметры [486, 561, 598, 599, 659], а также эпигенетические биомаркеры старения [668]). Эту группу исследований составляют работы, показавшие, что воспринимаемый возраст выступает надежным биомаркером старения; коррелирует с длиной теломер

лейкоцитов, с физическим / когнитивным функционированием; позволяет предсказывать выживаемость пожилых людей старше 70 лет.

2) Социально-экологическая подгруппа факторов. В качестве одного из ведущих факторов старения лица как мужчин, так и женщин, ассоциированного с воспринимаемым возрастом, превосходящим хронологический, названа инсоляция [458, 620]; для мужчин значимое влияние оказывают курение, низкий индекс массы тела; для женщин - низкий индекс массы тела, низкий социальный уровень [620], усталость после рабочего дня [513]; количество детей (мужчины), семейное положение (женщины) связаны с воспринимаемым возрастом на уровне тенденции [620].

3) Медико-эстетическая группа факторов – к ней относятся омолаживающие хирургические и эстетические процедуры. Показано, что инъекции ботулотоксина в среднем способны «омолодить» на 5,6 лет [481]; хирургические процедуры для лица – на 8,9 лет [553]; по другим данным – на 3,1 года, при этом отмечается, что эффект от процедур может быть и «старящим» (разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом находится в диапазоне от -4,0 до 9,4 лет [684]). В указанных выше исследованиях использовались разные технологии оценки воспринимаемого возраста: в первых двух [481, 553] это была оценка воспринимаемого возраста со слов респондента (мы будем называть ее самооценка воспринимаемого возраста), в третьем исследовании [684] использовались оценки возраста оперируемого человека оценщиками по фотографиям до и после операции. Еще в одном исследовании с использованием оценщиков среднее снижение воспринимаемого возраста составило $5,23 \pm 2,81$ года [516], а авторами сделан вывод, что более надежным и достоверным объективным показателем эффективности результатов применения омолаживающих хирургических технологий является именно воспринимаемый возраст, полученный с привлечением оценщиков, а не самооценка воспринимаемого возраста пациентами. Также показано [483], что эффект по снижению

воспринимаемого возраста тем больше, чем большее количество омолаживающих хирургических вмешательств использовано.

Н.Л. Белопольской и коллегами [70] также зафиксирован омолаживающий эффект в зависимости от типа старения и объема оперативного вмешательства, при этом в исследовании воспринимаемый возраст (в терминологии авторов - «лицевой возраст») оценивали разные группы оценщиков (пластические хирурги, косметологи, пациенты клиники пластической хирургии, эксперты, не связанные с клиникой). Максимальные показатели были получены при комплексном омоложении (хирургической коррекции подверглись все зоны лица) привело к омоложению на 7,6 (при первом типе старения) и 11,7 лет (при втором). Интересно, что эксперты отмечали некоторый диссонанс при восприятии лиц с омоложением только одной из зон, и этот эффект является одним из аспектов отдельной проблемы в области исследований психологических последствий использования пластической хирургии: связи «омоложенного» лица и его привлекательности и других приписываемых его носителю качество, характеристик и свойств.

Так, в работе Zimm и коллег [684] показано, что эстетическая хирургия лица эффективна в снижении воспринимаемого возраста пациентов, но не однозначно влияет на привлекательность. В другом исследовании [589], напротив, показано, что женщины после подтяжки лица оценены не только как более молодые, но и более здоровые, привлекательные, успешные. Аналогичные данные были получены в исследовании [468], где в качестве объектов восприятия выступали женщины, которые перенесли комплексное омоложение верхней части лица (помимо подтяжки лица, еще блефаропластику и подтяжку бровей). Также показано [618], что после комплексного хирургического омоложения, включающего операции на верхней и нижней частях лица, увеличились показатели женственности, привлекательности, социальных навыков и симпатии. Аналогичный эффект был обнаружен при применении малоинвазивных эстетических процедур для лица [493]. Большая выборка оценщиков (N=2000) оценивала изображения до

и после применения процедур; изображения после лечения в большей степени соответствовали положительным чертам характера, были моложе и привлекательнее, а также имели более высокий социальный статус.

В целом, большинство проанализированных работ фиксирует влияние эстетических и хирургических омолаживающих процедур не только на уменьшение воспринимаемого возраста пациентов, но и на их социальное восприятие, что подтверждает предложенную нами трактовку воспринимаемого возраста как основного критерия возрастной категоризации и связь его с гендерно-возрастными стереотипами и ожиданиями. Ученые утверждают, что подобные манипуляции с внешностью (направленные на омоложение) имеют высокую социальную значимость и полезность, поскольку они «улучшают рейтинги воспринимаемого успеха и здоровья среди нашей популяции пациентов» [468, с. 360].

4) Факторы гендера, возраста, расы, этнической принадлежности объекта познания. В исследованиях подчеркивается, что закономерности восприятия возраста незнакомого другого опосредованы гендерно-возрастными особенностями и этнической принадлежностью объекта восприятия. Показано [670], что возраст объекта восприятия влияет на точность определения его возраста в том случае, если субъект восприятия принадлежит к одной с ним возрастной группе, при этом подобной закономерности относительно пола объекта познания / субъекта познания не обнаружено. Данный эффект назван [608] «предвзятость собственного возраста». Также обнаружено [670], что возраст пожилых людей в любых гендерно-возрастных подгруппах «оценщиков» определяется с большей ошибкой, чем молодых.

В работе А.А. Демидова и коллег [146] выявлены ряд закономерностей, связанных с влиянием возраста объекта познания на актуализацию механизмов межличностного восприятия, на точность оценки его возраста (возраст 50-летних натурщиков определяется наиболее точно, 20-ти летних – наименее), а также приводятся данные, позволяющие предположить

гендерную асимметрию в конструировании возраста мужчин и женщин – объектов восприятия.

В эксперименте [654] по выявлению точности оценки возраста при наличии маскировки глаз незнакомого человека очками и его волос – шляпой обнаружено, принадлежность объекта восприятия к другой возрастной / расовой группе снижало точность оценки его возраста. Эти результаты показывают, что «эффект другой расы» [6, с. 143] наблюдается и при восприятии возраста незнакомого человека.

При этом, вклад элементов и компонентов внешнего облика мужчин и женщин в конструирование их воспринимаемого возраста субъектом познания недостаточно изучен. В большинстве работ в качестве объекта восприятия выступают женщины, что подчеркивает гендерную асимметрию в мотивации к омоложению, в интенсивности использования практик ухода за внешним обликом, а также двойной стандарт старения даже на уровне дизайнов современных научных исследований. Незначительное (по сравнению с вышеупомянутым) количество работ включают анализ компонентов и элементов внешнего облика и мужчин и женщин. Например, показано [525], что на специализированных сайтах знакомств пожилые женщины в большей степени представлены как более молодые, по сравнению с мужчинами. F. Flament с коллегами в цикле исследований гендерных различий в старении лица и его связи с воспринимаемым возрастом на выборках из различных стран: Китая (изучены и мужчины, и женщины) [510]; Франции (и мужчины, и женщины) [512]; Кореи (только мужчины) [511] обнаружил линейную возрастную прогрессию старения кожи лица, характерную и для мужчин, и для женщин. Исключение составляли линии марионетки, прогрессирование которых характерно в большей степени для женщин. Описаны стратегии рассматривания лица при оценке возраста, которые отличались в зависимости от пола объекта познания как на китайских, так и на французских выборках: при оценке возраста женщин субъект познания фокусируется на верхней части лица, возраста мужчин – на нижней части.

В ряде работ [549, 613] приводится биологическое обоснование возможной гендерной асимметрии в воспринимаемом возрасте мужчин и женщин в различные периоды жизненного пути. Утверждается, что мужчины и женщины стареют неравномерно, что отражается на неравномерности возрастной трансформации внешнего облика, а также то, что «мужчины стареют лучше». Последнее утверждение является скорее следствием описанных выше гендерно-возрастных стереотипов, хотя объективные данные относительно неравномерности старения все же есть, и они касаются выработки коллагена, который играет важную роль в появлении морщин, и, в целом, в состоянии кожи лица, которые являются важнейшими визуальными «метками» старения. Приводятся данные [549, 619], что женщины теряют коллаген медленнее до периода менопаузы, после чего «теряют его с драматической скоростью», мужчины же начинают его терять раньше, при этом темп процесса значительно более медленный, чем у женщин. В результате этой гетерохронности для женщин характерно более заметное, внезапное изменение внешнего облика и резкое снижение связанного с внешним обликом воспринимаемого возраста; динамика же воспринимаемого возраста мужчин более поступательна, постепенна. Психологи фиксируют [208, 295, 402] более выраженный стресс старения у женщин, характеризующийся напряжением, тревогой, сниженным эмоциональным фоном, а также их более активное обращение к процедурам омоложения.

Этнокультурный фактор конструирования воспринимаемого возраста на сегодняшний день также мало изучен. Исключение составляют несколько вышеназванных исследований старения лица и вклада его компонентов в воспринимаемый возраст [510-513], проведенных на китайских, корейских и французских выборках, результаты которых пока никак не осмыслены в контексте традиций, обычаев «конструирования внешнего облика в соответствии с требованиями этнической группы» [232], практик «ухода за стареющим телом» [138].

5) Тип изображения объекта познания (доступно для оценки возраста только лицо / только тело / и лицо и тело). В редком исследовании, где субъекту познания представлен для оценки целостный внешний облик, включая характеристики телосложения [594], показано, что тип изображения оказывает значимое влияние на эффекты омоложения и точность оценки возраста: при предъявлении только фотографии лица возраст изображенных на ней объектов познания преуменьшается в среднем на 2 года, в отличие от фотоизображений, содержащих и лицо, и тело.

6) Психологические и социально-психологические факторы. Анализ значительного массива публикаций, представленных в международных и отечественных базах данных, в которых термин «воспринимаемый возраст» встречается либо в названии, либо в списке ключевых слов, начиная с вышеупомянутой работы Дж. Лоуренса 1974 года и заканчивая современными работами, проведенный совместно с В.А. Лабунской и опубликованный в одной из наших работ [439] позволяет констатировать, что влияние психологических факторов на воспринимаемый возраст практически не изучено. Исключение составляют несколько работ, в которых показано влияние на воспринимаемый возраст человека его аффективных переживаний в течение жизни [455, 508] и субъективного возраста [371]. Также в работе Е. Noser и коллег [601] подчёркивается важная роль оптимизма, самооценки и удовлетворенности отношениями как важных психосоциальных ресурсов для психического здоровья и изучена их связь с воспринимаемым возрастом на выборке мужчин. Регрессионные модели показали посредническую роль психического здоровья между предикторами (оптимизм, самооценка, удовлетворённость отношениями) и воспринимаемым возрастом. Также показано [620], что показатель выраженности симптоматики депрессии у женщин значимо связан со старением лица.

К группе факторов субъекта познания мы относим характеристики и свойства воспринимающего субъекта. Обобщение полученных на сегодняшний день данных в мировой науке позволяет выделить следующие

переменные, доказано влияющие / не влияющие на конструирование субъектом познания воспринимаемого возраста незнакомого человека.

1) гендерно-возрастные характеристики субъекта восприятия. Относительно их влияния на конструирование воспринимаемого возраста получены противоречивые данные. Так, К. Christensen и коллегами [486] показано, что возраст и пол субъекта познания не влияет на оценку ими возраста объекта познания. В работе К.S. Pilz и L. Нao [608] зафиксировано влияние возраста субъекта познания. Показано, что пожилые люди особенно плохо оценивают возраст более молодых лиц по сравнению с лицами старшего возраста и по сравнению с молодыми людьми. Эти данные были подтверждены в другом исследовании [670], в котором показано, что точность оценки возраста объекта познания снижается с возрастом субъекта познания. В исследовании А. Nkengne с коллегами [596] показано, что и возраст и пол субъекта познания влияет на конструирование воспринимаемого возраста: возраст субъекта познания (моложе / старше 50 лет) обуславливает зоны лица, на которые направлено его внимание при определении возраста субъектов восприятия; влияет на точность определения возраста (субъекты познания моложе 35 лет более точны, чем 50-летние и старше); женщины более точны в определении возраста женщин, чем мужчины.

2) сочетание гендерно-возрастных и расовых характеристик субъекта и объекта познания, наличие / отсутствие опыта взаимодействия с возрастной группой, к которой принадлежит субъект познания. Ученые [524, 670] фиксируют результаты, показывающие, что именно сочетание этих характеристик у субъекта и объекта восприятия может определять процесс конструирования его возраста, в первую очередь такую его характеристику, как точность. Показано, что принадлежность субъекта и объекта познания к одной возрастной группе влияла на точность определения возраста. В уже упомянутом исследовании С. Thorley [654] обнаружено, что принадлежность объекта восприятия к другой, чем принадлежит субъект восприятия, возрастной / расовой группе снижает точность определения возраста в

ситуации, когда часть лица (глава, волосы) замаскированы солнцезащитными очками или шляпой. В исследовании Т. Fujisawa и коллег [518] применена технология оценки возраста другого, при которой участники исследования не называли его возраст, а отвечали на вопрос: «Этот человек старше или моложе меня?». При этом набор лиц-стимулов был максимально приближен к возрастной группе субъекта восприятия (чуть старше / чуть моложе, в пределах 5-ти летнего размаха). Для того, чтобы «эффект другой расы» не пересекался с эффектом «возрастной предвзятости», в качестве субъектов и объектов восприятия выступали японцы. В работе обнаружено: 1) люди склонны проявлять предвзятость в оценке возраста, которая распространяется на большинство гендерных и возрастных групп (переоценивать возраст людей, принадлежащих к ближайшим возрастным группам, и недооценивать свой); 2) на возрастную предвзятость влияли пол и возраст субъекта восприятия - она была больше у мужчин и самой молодой группы участников; 3) в наименьшей степени возрастная предвзятость обнаружена у женщин среднего возраста. Авторы предположили, что склонность к переоценке возраста других («старше, чем я») вызвана автоматическим сравнением оцениваемого лица с собственным возрастом воспринимающего, а также специфики представленности внешнего облика объекта восприятия для оценки его возраста (авторы пишут о «более объективной представленности», в отличие от оценки собственного возраста, основанной на более разнообразных внутренних критериях). Данное исследование подтверждает правомерность выделенного нами в качестве ведущего механизма конструирования воспринимаемого возраста механизм, названный «сравнение с собой».

3) клинический опыт субъекта познания. В ряде работ [486, 594] показано, что воспринимаемый возраст не зависит от профессионального опыта оценивающих (сравнивались оценки возраста, данные субъектами восприятия: женщинами — гериатрическими медсестрами, студентами и преподавателями мужчинами, пожилыми женщинами).

4) наличие специального обучения субъекта восприятия точности распознавания возраста других людей. В работе P. Sörqvist и M. Eriksson [647] показано, что специальное обучение субъектов познания с использованием обратной связи способно значительно повысить точность распознавания возраста других людей, особенно пожилых.

Проведенный анализ особенностей и характеристик субъекта познания, влияющих на процесс конструирования возраста незнакомого человека, позволяет заключить, что ключевые [206, 211, 418, 420] психологические характеристики субъекта познания (система отношений, выраженность социально-психологических потребностей, его субъективный возраст, параметры психологического благополучия и другие характеристики), его отношение к своему внешнему облику в качестве субъективных факторов конструирования воспринимаемого возраста также практически не изучены.

Фактор контекста при восприятии возраста незнакомого человека изучен в меньшей степени, чем предыдущие два. Несмотря на то, что история изучения влияния контекста восприятия на его специфику насчитывает не один десяток лет [8, 9, 30, 134], относительно его влияния на восприятие возраста данных не так много. В работах исследователей контекст рассматривается в нескольких аспектах. В первую очередь, в рамках когнитивных исследований восприятия возраста другого человека как перцептивного процесса контекст представлен перцептивным полем (определенным сочетанием воспринимаемых элементов) и рассматривается как конкретный пространственно-временной контекст восприятия лица человека при определении его возраста (наличие определенного фона, других лиц и т.п.). Так, в работе D. Awad с коллегами [460] показано, что лицо объекта восприятия, окруженное более молодыми лицами, выглядит моложе, а окруженное более «старыми» лицами – старше, чем при отдельном просмотре. Авторы обнаружили, что величина влияния других лиц на воспринимаемый возраст объекта восприятия асимметрична: молодое окружение имеет большее влияние, чем старшее, полученный результат независим от пола или

расы предложенных для оценки возраста лиц. Авторы утверждали, что данная асимметрия могла быть обусловлена возрастной предвзятостью, связанной со своим собственным возрастом, так как субъектами восприятия были молодые люди до 35 лет (молодые участники уделяют больше внимания более молодым «фоновым» лицам», и более молодым «целевым» лицам»). В работе K.S. Pilz и L. Нао [608] данный эксперимент был повторен с участием субъектов восприятия молодого (23-29 лет) и пожилого (64-69 лет) возраста, который позволил подтвердить обнаруженную D. Awad с коллегами закономерность.

Еще одним оригинальным исследованием, поставившем вопрос о влиянии на восприятие возраста перцептивного контекста восприятия, была работа Gunn и коллег [536]. В данном случае контекстом восприятия лица были элементы внешнего облика, обрамляющие его. В терминологии нашего исследования, в качестве контекста для восприятия лица (его физического компонента – овала лица, наличия морщин, складок, цвета и состояния кожи и т.п.) выступил социальный внешний облик (волосы, одежда). Авторы изучали, оказывают ли лицевые или контекстные (волосы и одежда) сигналы самое сильное влияние на воспринимаемый возраст субъектов на фотографических изображениях, и что, в конечном счете, обуславливает связь между воспринимаемым возрастом и выживанием. В 2001 году 187 пар датских близнецов в возрасте старше 70 лет были сфотографированы, лица близнецов на этих изображениях были поменяны местами (лицо одного близнеца вставлено в изображение другого так, что лицо было одного близнеца, а волосы и одежда – другого). В результате этих преобразований было создано по два новых изображения на пару близнецов. Субъекты восприятия оценивали воспринимаемый возраст близнеца по оригиналу и трансформированному изображению. Выживаемость близнецов была определена до конца 2013 года, был проведен статистический анализ воспринимаемого возраста близнецов, определенный по оригинальному и измененному изображению, в парах, где один их близнецов умер первым. В результате было показано, что именно визуальные сигналы лица, а не волосы

или одежда, определяют связь между воспринимаемым возрастом и выживаемостью.

Также фактор контекста, как показано нами выше, может быть представлен в более широком смысле – социальной ситуацией восприятия, социальными нормами и спецификой межличностных отношений в малых группах, традициями общественных групп по отношению к возрасту и возрастным группам, закрепленные в языке, отношением к пожилым, старости и старению, гендерно-возрастными и профессионально-ролевыми стереотипами, ожидаемой продолжительностью жизни и т.д. В этой связи можно выделить несколько работ. В обобщающей работе G. Rhodes [624] обозначены социальные ситуации восприятия, повышающие мотивацию субъекта восприятия к точной оценке возраста (например, необходимость точной оценки возраста при продаже товаров, имеющих возрастную маркировку). Относительно влияния на воспринимаемый возраст более широкого социального контекста необходимо отметить исследование М.Е. Vargas с коллегами [665], в котором на выборке более миллиона человек от 10 до 89 лет из 13 стран изучались культурные различия в восприятии возраста и воспринимаемых переходов в развитии. У всех участники были выявлены следующие возраста: «возраст выбора»; субъективный возраст; «возраст надежды»; воспринимаемый возраст; «возраст перехода» (из детства к молодости, от юношества к взрослости, от зрелости к среднему возрасту, от среднего возраста к старшему). По каждому из изучаемых видов возраста была обозначена культурная специфика. По поводу «возраста надежды» различий между странами и различными возрастными группами не обнаружено – все опрошенные надеются дожить до преклонного возраста. При анализе возраста перехода из одной возрастной группы в другую наблюдались резкие возрастные различия при переходе от взрослого к среднему возрасту и от среднего возраста к старшему. Люди среднего и пожилого возраста, как правило, сообщали, что средний и пожилой возраст начинается в более позднем возрасте (чем молодые). При этом результат не отличался в

коллективистических и индивидуалистических культурах, как предполагали авторы. В качестве возможного объяснения полученных данных выступила идея, что в коллективистических культурах, представленных рядом стран, велика доля пожилого населения, и многие из этих культур могут демонстрировать более негативное отношение к пожилым людям из-за нагрузки, которую быстро стареющее население оказывает на общество. Приведенное исследование – одно из редких исследований, в котором подчеркивается широкий социокультурный контекст функционирования представлений о своем возрасте, в том числе и воспринимаемом. При этом, в данном исследовании не было выявлено влияние представлений о возрасте перехода на изучаемые виды возраста в разных странах, что могло бы пролить свет на социокультурный фактор воспринимаемого возраста.

В этой связи необходимо отметить, что данный фактор (фактор контекста в широком смысле, или социокультурный фактор, представленный в отношении к старости, старению и т.д., специфичных для той или иной культуры) всегда присутствует в исследованиях, проведенных на национальных выборках – в качестве общего социокультурного фона, апелляция к которому присутствует в исследованиях при обсуждении результатов.

Также к фактору контекста отчасти имеет отношение социально-экологическая группа факторов, обозначенная выше – так как задает социально-экологический контекст (инсоляция, семейное положение, наличие / отсутствие детей и прочее), который, влияя на различные аспекты функционирования человека, его психическое и физическое здоровье, опосредованно сказывается на его внешнем облике, биологическом, психологическом, субъективном возрасте, что приводит к его визуально-видимому «старению» / «омоложению» относительно своего хронологического возраста.

Таким образом, проведенная нами систематизация и обобщение имеющихся в науке данных о факторах воспринимаемого возраста позволили

выделить следующие группы факторов, доказано влияющих на конструирование воспринимаемого возраста в процессе социального познания. К группе факторов объекта познания отнесены следующие группы факторов: 1) био-генетические, психо-физиологические; 2) социально-экологические; 3) медико-эстетические; 4) социально-демографические (пол, возраст, раса, этническая принадлежность объекта познания; 5) психологические и социально-психологические; 6) тип изображения объекта познания. Группа факторов субъекта познания: 1) поло-возрастные; 2) принадлежность субъекта и объекта познания к одной половой, возрастной, расовой группе; 3) опыт взаимодействия субъекта познания с оцениваемой возрастной группой; 4) наличие специального обучения субъекта познания точности распознавания возраста других людей. Фактор контекста в современных исследованиях представлен: 1) социокультурной рамкой изучения различных аспектов, связанных с возрастом; 2) социально-экологическими условиями функционирования человека, оказывающими комплексное влияние на внешний облик, что, в свою очередь, опосредованно влияет на воспринимаемый возраст; 3) конкретным пространственно-временным контекстом восприятия лица человека при конструировании его возраста (перцептивным полем восприятия).

Выполненный анализ факторов конструирования воспринимаемого возраста привел к ряду выводов: в большинстве исследований объектами познания являются женщины; вклад компонентов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста мужчин и женщин практически не изучен; психологические характеристики субъекта познания, его отношение к своему внешнему облику в качестве субъективных факторов конструирования воспринимаемого возраста практически не изучены; социально-психологический контекст, представленный в межличностных отношениях, в особенностях малой группы, в типе семьи и характере отношений в ней (что рассматривается отечественными учеными [61, 180, 285,

333] как разновидность социально-психологического контекста), не рассмотрен в качестве фактора конструирования воспринимаемого возраста.

2.2. Роль внешнего облика, его компонентов и функций в конструировании воспринимаемого возраста в процессе социального познания

Теоретической базой нашего исследования выступает отечественная социальная психология внешнего облика, разрабатываемая В.А. Лабунской и коллегами [219-241, 322-324, 373, 374, 389]: ценностный, многофакторный и контекстный подходы к изучению внешнего облика и отношения к нему. Рассмотрим ряд важнейших положений данных подходов к изучению внешнего облика и отношения к нему, на которых будет опираться проведенный нами комплекс исследований конструирования воспринимаемого возраста.

I. Во-первых, положение о том, что важность внешнего облика возникает всегда в ситуации его восприятия другими людьми. Ученые, опираясь на многочисленные исследования, показывают, что оценки и самооценки внешности, беспокойность и удовлетворенность своим внешним обликом всегда взаимосвязаны с оценками других людей. Как емко и точно писал М.М. Бахтин: «... моя внешность, только другим видимая и для других существующая» [цит. по 435].

II. Во-вторых, в рамках «многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику» [389] рассматриваются ряд факторов, обуславливающих формирование различных компонентов отношения к своему внешнему облику, которое определяется как «интегральный социально-психологический феномен, значимый, эмоционально-насыщенный компонент ценностно-смысловой сферы» [389, с. 65]. К таким факторам относятся этнокультурный, социальный, экономический статус человека, его образование и возраст. Эти факторы

задают ценность внешнего облика, отношение к своему внешнему облику и представления о нем, а именно удовлетворенность и обеспокоенность внешним обликом, самооценку его компонентов и стремление к его изменению. Перечисленные выше феномены проявляются в «appearance»-перфекционизме (перфекционизме, касающимся своей внешности и внешности других людей), задают удовлетворённость жизнью, оценку субъективного благополучия, уровень социальной адаптации. Воспринимаемый возраст объекта восприятия в контексте данной модели может выступать в качестве косвенного показателя оценок внешнего облика человека другими людьми, так как является своеобразной результирующей впечатления на других людей. Данная модель содержит систематизацию факторов, которые влияют на внешний облик и отношение к нему, и, через организацию и конструирование внешнего облика и использование тех или иных практик ухода за ним, также влияющих и на конструирование воспринимаемого возраста.

III. В-третьих, в рамках вышеназванного подхода сформулированы представления о степени устойчивости компонентов внешнего облика, их взаимосвязи друг с другом, возможностях трансформации и способности презентировать в процессе социального восприятия, познания и взаимодействия возрастную идентичность человека [222].

IV. В-четвертых, одним из современных трендов изучения отношения к внешнему облику, как подчеркивает В.А. Лабунская в своей аналитической работе [229], является гендерный подход. Выше уже обсуждались гендерно-возрастные стереотипы, имеющие социокультурную природу, определяющие специфику отношения к своему внешнему облику мужчин и женщин, которая, на наш взгляд, и будет в конечном итоге определять различия в их воспринимаемом возрасте, выявление которых является одной из задач нашего исследования. Данный аспект рассмотрения проблемы конструирования воспринимаемого возраста опубликован в ряде наших работ, написанных совместно с В.А. Лабунской и М.А. Ломовой [431, 440, 672].

Рассмотрим здесь несколько важных для подтверждения данного тезиса исследований. В первую очередь, исследователи отмечают исключительно важную роль внешнего облика при выборе брачного партнера [16, 144, 534, 681]. При этом, Т. Gui [534] показано, что в больших городах Китая для женщин активами выступают привлекательный внешний облик и молодой возраст, а для мужчин - образование и более высокий доход. Я.М. Рощиной и С.Ю. Рошиным [335] также описана обратнопропорциональная связь возраста жены и доходов мужа: высокий доход мужа как бы «обменивается» на молодость жены. Также показано [181], что для женщин в большей степени, чем для мужчин, характерна озабоченность своей привлекательностью для партнера. Обнаружено [16], что наиболее значимой характеристикой потенциального партнера для мужчин является его внешняя привлекательность, а для женщин - «самодостаточность» и «сила». Привлекательность внешнего облика, а также соотношение степени привлекательности партнеров [155, 397, 579, 585] рассматриваются в качестве критериев прогнозирования отношений и удовлетворенности ими. Также исследователи фиксируют снижение ценности привлекательного внешнего облика в зависимости от стажа отношений в браке [155, 176] и, напротив, рост значимость привлекательности внешнего облика для одиноких матерей [401], для ориентированных на карьеру супругов и супругов в незарегистрированном браке [396].

V. В-пятых, в социальной психологии внешнего облика выделяется личностный фактор, который определяет отношение к внешнему облику, практики ухода за ним, и, в конечном счете, воспринимаемый возраст человека. В. А. Лабунская [389], проводя анализ работ Я.Б. Наровской, Е.В. Белугиной, Е.А. Варлашкиной, В.А. Цуркина, Т.Н. Разуваевой, P.R.E. Crocker, S.M. Brune, K.C. Kowalski, D.E. Mack, P.M. Wilson, C.M. Sabiston, посвященных влиянию личностного фактора на отношение к внешнему облику, отмечает доказанное влияние на отношение к внешнему облику и сензитивность к его оценкам ряда личностных параметров:

удовлетворенности жизнью, социальной зависимости / независимости, наличия социальных достижений, выраженность чувства вины и стыда, выраженности различных видов перфекционизма (в том числе физического перфекционизма).

В нашем исследовании в качестве личностных факторов воспринимаемого возраста и отношения к своему внешнему облику мы будем рассматривать компоненты «Большой пятерки», «Темной триады», контролирующих тенденций поведения (потребность в контроле, локус контроля, самооэффективность) объекта познания. Выбор данных факторов обусловлен их высокой прогностической ценностью, значительным интересом к ним ученых в мировой науке [39, 196, 329], а также недостаточной изученностью в связи с изучаемыми нами феноменами. Исследований, которые бы связывали воспринимаемый возраст и компоненты «Большой пятерки», «Темной триады», а также контролирующих тенденций поведения, которые рассматриваются нами [433, 645] в качестве критерия выделения «контролирующей» личности (особого типа личности, склонной брать на себя ответственность за других, склонной к контролю своего социального окружения) напрямую, нами не обнаружено. Среди черт «Большой пятерки», как показывают современные исследования, наибольшее количество связей с внешним обликом и отношением к нему имеют факторы экстраверсии и нейротизма. В исследовании G. N. Pfund с коллегами [607], посвященном использованию видеочатов во время пандемии, показано, что более высокая экстраверсия связана с большим использованием видеочата как до, так и после начала пандемии, при этом нейротизм предсказывал более частое сравнение внешности общающихся в видеочате. В работе T. von Soest и коллег [671] показано, что пациентки косметической хирургии демонстрируют более высокие показатели экстраверсии, чем женщины, не прибегающие к хирургическим операциям; при этом через 6 месяцев после операции показатели экстраверсии даже увеличиваются. K. Benford и V. Swami [469] изучали связи между факторами «Большой пятерки» и показателями образа

тела мужчин. Они обнаружили, что нейротизм предсказывает стремление мужчин к мускулистости, а нейротизм в сочетании с экстраверсией предсказывает оценки мужского тела. S. Leikas с коллегами [572] показали, что экстраверсия может успешно моделироваться участниками исследования с помощью своего внешнего облика, и также успешно считывается по их фотографии воспринимающими другими, в отличие от других факторов «Большой пятерки».

Анализ работ, посвященных компонентам «Темной триады», показывает, что большинство исследователей связывают характеристики внешнего облика и отношение к нему и нарциссизм [152]. В работе V. Boursier и F. Gioia [477] показана связь между патологическим женским нарциссизмом и тревожностью по поводу своей внешности. В исследовании S. Vazire и коллег [666] показано, что во внешнем облике отражается личность нарциссов, их озабоченность красотой внешнего облика и желание быть в центре внимания, служит средством продвижения своего статуса. В работе M. Giamini и N.O. Rule [526] продемонстрирован вклад различных характеристик лица, в частности, бровей, в идентификацию нарциссизма объекта восприятия. В работе V.K. Shiramizu и коллег [641], посвященной идентификации компонентов «Темной триады» при восприятии лиц, показано, что воспринимающий субъект статистически достоверно идентифицирует мужской и женский нарциссизм и мужскую психопатию и не в состоянии идентифицировать высокий макиавеллизм вне зависимости от пола объекта восприятия. В работе S.W. Semeluna и коллег [638] показано, что все компоненты «Темной триады» связаны с сексуальной конкурентоспособностью женщин, которая включает в себя стремление к улучшению своей внешности. Авторы подчеркивают, что «“темная сторона” женской личности разжигает повышенную конкуренцию на брачном рынке» [638, с. 77]. В работе N.S. Holtzman и M.J. Strube [547] показано, что люди с высоким уровнем таких «темных черт» личности, таких как нарциссизм и психопатия, могут быть физически привлекательными. Авторы задались

вопросом, а что именно делает их привлекательными? В исследовании они сравнили привлекательность на основе физического внешнего облика (авторы назвали ее «неукрашенная привлекательность») и социального внешнего облика (так называемое «эффективное украшение» с использованием оформления внешнего облика – одежды, аксессуаров и т.п.). В соответствии с выводами о том, что «темные» личности активно создают положительные первые впечатления, авторы обнаружили, что сочетание компонентов «Темной триады» – макиавеллизма, нарциссизма и психопатии – коррелирует с «эффективным украшением». Это позволило ученым сделать вывод, что личности с выраженными компонентами «Темной триады» «конструируют свою внешность, которая действует как социальные приманки, возможно, способствуя их хитрым социальным стратегиям» [638, с. 461]. Относительно психопатии в ряде работ [203] высказывается мнение о роли дефектов внешнего облика в становлении разнообразных психопатий и девиантного поведения.

Отдельная группа исследований связывают особенности самопрезентации в соцсетях и выраженность компонентов «Темной триады». В работе Н.В. Подбужкой, А.Е. Кныш, Ж.Б. Богдан [325] показано, что для людей, которые используют профессиональные фотографии в соцсетях (в отличие от тех, кто использует любительские), для самопрезентации в социальных медиа, характерны высокий уровень выраженности всех компонентов «Темной триады». В работе J.L. McCain с коллегами [583] зафиксирована связь между нарциссизмом и количеством и мотивацией использования селфи в социальных сетях. Н.В. Водянова [103] подчеркивает, что склонность к нарциссизму вообще характерна для современного человека в современную эпоху, в которой он «предстает пассивным потребителем; склонным к нарциссизму; «рыночной личностью», стремящейся, в том числе, выгодно себя продать» [103, с. 10].

Мы предполагаем, что компоненты «Большой пятерки», «Темной триады», контролирующие тенденции поведения найдут свое отражение в

специфической организации различных компонентов внешнего облика человека, что, в конечном итоге, скажется на его воспринимаемом возрасте, что позволит рассматривать вышеперечисленные личностные параметры в качестве личностного фактора конструирования воспринимаемого возраста. Обоснование личностного фактора конструирования воспринимаемого возраста опубликовано в ряде наших работ [109, 121, 123].

VI. В шестых, в социальной психологии внешнего облика можно выделить такой аспект, как «внешний облик и старение». Несмотря на исключительную значимость внешнего облика для человека, его «инвестиционную силу», высокую степень озабоченности внешним обликом современного человека, как показано в работах В.А. Лабунской и коллег [222, 228, 234, 235, 236, 238], на сегодняшний день исследования феноменов, связанных с внешним обликом, преимущественно осуществляются на выборках молодых людей. Можно констатировать, что исследований отношения к своему внешнему облику, переживаний, связанных с возрастными изменениями, практик антивозрастных трансформаций на выборках зрелых и пожилых людей в отечественной социальной психологии явно недостаточно. Отметим несколько ключевых исследований по обозначенному выше аспекту проблемы внешнего облика, которые проведены более пятнадцати лет назад – это исследования Е.В. Белугиной [71] и В.А. Лабунской и Я.Б. Наровской [237, 284].

В опоре на обозначенные выше идеи социальной психологии внешнего облика, а также опираясь на представление о структуре внешнего облика, предложенное В.А. Лабунской [222, 234], проведем анализ и систематизацию современных работ, фиксирующих влияние отдельных компонентов и элементов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста.

В первую очередь обратимся к физическому компоненту внешнего облику, возрастные изменения которого являются, в первую очередь, выражением биологического возраста человека, а манипуляции с ним – отражением социального и психологического / субъективного возраста, а

также давления со стороны общественных ожиданий и стереотипов. В исследованиях зафиксировано влияние следующих характеристик лица на конструирование воспринимаемого возраста: 1) характеристик кожи лица на восприятие возраста российских [586], китайских [510, 582!], европейских светлокожих женщин [512, 596], корейских мужчин [511]; 2) контраста лица [611]; 3) окраски склер глаз [630]; 4) степени *arcus senilis* («старческая дуга» - помутнение роговицы дегенеративного характера) [478]; 5) наличия седых волос (у мужчин и женщин) и степени облысения (у мужчин) [478, 481]; 6) идентификации взгляда как усталого [511]. В целом, исследования позволили выделить перечень лицевых признаков, имеющих наиболее сильную связь с воспринимаемым возрастом, систематизация которых опубликована в ряде наших работ [19, 120, 112]. Нами показано, что влияние данных признаков на конструирование воспринимаемого возраста сопряжено с гендерным и этническим факторами.

Отдельной задачей, стоящей перед исследователями [567, 568], является выявление зон лица, оказывающих решающее влияние на конструирование возраста другого человека. К таким зонам отнесены нос, рот, глаза, область щек. В работе Н.Л. Белопольской и коллег [70] описаны элементы лица женщин, ассоциированные с двумя типами старения в соответствии с визуально воспринимаемыми признаками. Первый тип старения характеризовался избытком кожи и множественными морщинами в области верхнего и нижнего века и лба; лицевые признаки второго типа старения сосредоточены на средней и нижней частях лица (представлены в выраженных носогубных складках, в птозе (опущении) тканей в области подбородка). В исследовании обнаружена связь воспринимаемого возраста, полученного с помощью экспертной оценки (эксперты – пластические хирурги) и типа старения.

Отдельные работы посвящены влиянию на конструирование воспринимаемого возраста конкретных элементов физического внешнего облика. Так, R.D. Vains и коллеги [463] изучали влияние внешнего вида рук на восприятие возраста (морщины, вены, суставы, тонкая кожа, деформация и

пятна характеризуют «старые» руки).

Особое внимание исследователей [539, 604, 620] привлекают характеристики телосложения человека (рост, вес, индекс массы тела) и их влияние на воспринимаемый возраст. Подробный анализ зарубежных исследований по этому аспекту конструирования воспринимаемого возраста подробно представлен в одной из наших работ [106]. Проведенный анализ показал, что характеристики телосложения человека, особенно в сочетании с влиянием других факторов (средовых, социально-демографических) способны повлиять на результаты конструирования воспринимаемого возраста, а именно – на эффекты «омоложения» / «состаривания». Также нами поднимается проблема трансформации этих характеристик в результате сознательного участия людей в спецпрограммах по снижению веса, а также роли социально-психологических, личностных особенностей участников этих программ в достижении определенных результатов. В качестве ключевого фактора трансформации физического внешнего облика в большинстве исследований [206-208, 237, 284, 603, 616] рассматривается отношение к своему внешнему облику.

Обратимся далее к оформлению внешнего облика, или, в терминологии В.А. Лабунской – «социальному внешнему облику». На него оказывают влияние этно-культурные, гендерно-возрастные, профессионально-ролевые стереотипы и ожидания, задающие практики ухода и оформления внешнего облика; оно связано с преобразовательной активностью человека. Выделяются следующие элементы социального внешнего облика [174, 220, 222, 324, 347, 351, 415]: макияж, стрижка, цвет волос, причёска, оформление лицевых волос у мужчин (форма, длина, густота, цвет, стиль бороды и усов), одежда, обувь, аксессуары (очки, украшения, сумки).

Учеными [174, 198, 220, 234, 277, 316, 324, 338, 347, 351, 354, 513, 657] выделяются следующие психологические функции оформления внешнего облика: самопрезентация личности, проявление отношения к другим; проявление отношения к самому себе; регуляция самоотношения;

фасилитация активности; проявление индивидуальности; маскировка; формирование первого впечатления; формирование представления о красивом теле; управление впечатлением; презентация своей Я-концепции; самоконтроль (через демонстрацию соответствия социальному окружению); подчеркивание своего социального статуса; демонстрация / выражение социальной / профессиональной / этнической / гендерно-возрастной принадлежности к той или иной группе; а также регулирование внешнего облика пожилых людей (через общественное осуждение тех или иных элементов социального внешнего облика).

В контексте изучаемой нами проблемы наиболее релевантной тематике конструирования воспринимаемого возраста функцией является функция проявления или демонстрации принадлежности к той или иной возрастной группе, сопряженная с проявлением социальной, профессиональной, этнической или гендерной идентичности. То есть, оформление внешнего облика, с одной стороны, является, в большей степени, выражением социального и психологического / субъективного возраста, отражением особенностей самокатегоризации человека как представителя той или иной возрастной группы, с другой стороны, отражает практики ухода и оформления внешнего облика, служащих способом конструирования впечатления о возрасте человека у воспринимающих его других людей. Данные впечатления, представленные в отношении и формах обращения, поддерживают представления о своем возрасте, самокатегоризацию человека как представителя той или иной возрастной группы, его более молодой или более зрелый субъективный возраст, выступающий одним из способов совладания с возрастными изменениями физического внешнего облика. То есть, например, при наличии возрастных изменений внешнего облика, отражающих биологический возраст человека и труднее поддающихся коррекции, оформление внешнего облика ограничено только социально (через социальные стереотипы, предписания, ожидания, метастереотипы), при этом эти ограничения, в связи со стиранием границ между возрастными периодами,

не являются жесткими, что способствует возникновению значительного количества взрослых «нерелевантного возраста» [200, с. 563]. Эти люди участвуют в различных видах деятельности, ранее четко закрепленными за определенным возрастным периодом (например, учатся в «университете третьего возраста» - термин отражает образовательные учреждения или программы для зрелых и пожилых людей) и используют более свободное оформление своего внешнего облика.

В современных исследованиях доказано влияние элементов социального внешнего облика на возникновение доверия и высокие оценки привлекательности [533, 558, 482]; спортивная одежда рассматривается в качестве воспринимаемого барьера для занятий физической активностью людей, переживших инсульт [552]; социальный внешний облик, демонстрирующий женственность, рассматривается как копинг-стратегия разрешения ролевого конфликта для девушек-спортсменок в атлетических видах спорта [500]; обсуждается роль модной одежды в создании мужской идентичности [584]; зафиксирована связь лицевых волос у мужчин и сексизма [602].

В целом, в социальной психологии оформление внешнего облика представителей более молодых возрастных групп (юные, молодые) рассматривается в качестве инструмента воспроизводства культуры взрослых, становления социальной идентичности личности. Е.В. Рягузова [347] подчеркивает, что макияж выступает «маркером, социокультурным кодом времени» [347, с. 79], способным выступить средством фасилитации активности личности. В работах А.В. Черной [412-414] показаны культурно-исторические источники освоения практик оформления внешнего облика посредством игры с куклами в ранний период жизни: «... пока девочки малы, им обыкновенно обряжает кукол кто-либо постарше, но, как только они получают возможность хотя бы мало-мальски научиться владеть иглой, одежду для кукол уже шьют сами» [412, с. 133]. В работе А.Г. Самохваловой и коллег [354] представлена концептуальная модель одежды как элемента

социального внешнего облика, определены ее функции и факторы различного уровня, влияющие на выбор стиля одежды. В целом, оформление внешнего облика в зрелом возрасте рассматривается как один из инструментов управления старением [568, 573].

Также анализируется влияние отдельных элементов оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст. Наиболее изучено влияние макияжа. В исследовании M. Lee, J. Han, E. Kim [571] показано, что макияж способен уменьшить воспринимаемый возраст женщин путем коррекции цвета кожи. Более молодой возраст в глазах воспринимающего субъекта ассоциирован с такими свойствами кожи, как более светлый тон и более однородный цвет. В исследовании R. Russell с коллегами [629] продемонстрировано дифференцированное влияние макияжа на воспринимаемый возраст. Ученые обнаружили, что женщины после 40 лет выглядели моложе с использованием макияжа, на воспринимаемый возраст 30-летних женщин макияж не оказывал никакого влияния, а воспринимаемый возраст 20-летних женщин с макияжем увеличивался. В работе S.H. Dayan с коллегами [493] произведена количественная оценка влияния косметического макияжа на воспринимаемый возраст и первое впечатление. Женщины с макияжем оказались на 4 года моложе тех, кто не носил никакого макияжа, и вызывали на 37 % лучшее первое впечатление у других.

Также учеными [505, 506] зафиксировано влияние цвета волос в сочетании с цветом кожи на воспринимаемый возраст и привлекательность: женщины с более светлым цветом волос были оценены как более молодые, чем женщины с темными оттенками; этот эффект был более выражен у женщин со светлым цветом кожи. Также показано [478, 538], что наличие седины в причёске является как биологическим маркером старения, так и социальным, сигнализируя воспринимающему субъекту, что носитель седины относится к старшей возрастной группе. Причем влияние седины на воспринимаемый возраст доказано как на женской выборке, так и на мужской (к седине в последнем случае присоединяется еще степень облысения). Работа

F. Muscarella и M.R. Cunningham [588] посвящена изучению социального восприятия мужской модели облысения и наличия/отсутствия лицевых волос. Обнаружено, что уменьшение количества черепных волос связано с повышением восприятия социальной зрелости, умиротворения и возраста, а также снижением восприятия привлекательности и агрессивности. Мужчины с наличием лицевых волос воспринимались как более агрессивные, менее покладистые, привлекательные, социально зрелые и более старые, чем чисто выбритые лица. R. Sinclair [646] подчеркивает, что некоторая степень мужской андрогенетической алопеции (облысения) является универсальной среди стареющих мужчин. Автор отмечает, что волосяной покров головы имеет небольшое функциональное значение, а скорее косметическое и психологическое, так как облысение изменяет внешний вид лица и может привести к эмоциональным проблемам, если будет восприниматься как неблагоприятное. В нашем случае облысение является очевидным визуальным маркером старения, меняющим восприятие лица человека. Ученые [588] дают эволюционную интерпретацию социального восприятия мужской модели облысения и бородатости с точки зрения многомерного значения физических стадий созревания. Так, наличие бороды на лице мужчины в социальном восприятии связывается с стадией полового созревания и предположительно сигнализирует об агрессивном доминировании, а мужской паттерн облысения, напротив, связан со старением.

В уже упомянутой выше работе C. Thorley [654] обнаружено влияние на точность оценки возраста незнакомого человека таких элементов социального внешнего облика, как солнцезащитные очки и шляпа: точность снижалась при использовании очков, эффект увеличивался в случае принадлежности объекта восприятия к другим возрастным/расовым группам.

Проведенный анализ влияния социального внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста позволяет констатировать, что, несмотря на наличие значительного количества работ, в которых бы анализировалось влияние отдельных элементов оформления внешнего облика

на воспринимаемый возраст, вклад целостного оформления внешнего облика в воспринимаемый возраст человека практически не изучен, а также не выявлено дифференцированное влияние оформления внешнего облика в сравнении с влиянием на воспринимаемый возраст других компонентов внешнего облика.

На наш взгляд, обсуждение социального внешнего облика в зрелом и пожилом возрасте невозможно без обращения к концепциям старения. Один из подходов (теория маскировки) [174] рассматривает старение как стремление сохранить молодой образ, как консервацию черт молодости, на что нацелена современная индустрия моды и красоты. Другой подход [470] рассматривает старение как определенный баланс «общественного» (обусловленного физическими изменениями во внешнем облике) и «частного» старения (обусловленного субъективным ощущением старения). В работе К. Ballard, M.A. Elston, J. Gabe [466] показано, что, в отличие от теории маскировки, большинство женщин в возрасте старше 50 лет стремятся создать социально приемлемый образ, отражающий их субъективное ощущение старения. В данном контексте, оформление внешнего облика можно рассматривать как проекцию этого образа. При этом, образ женщины, созданный, например, специалистами в области моды и стиля, отражает и «общественное», и «частное» старение, так как создается в опоре на культурные нормы и специфику личности женщины.

Вклад динамического компонента внешнего облика, или экспрессивного поведения в воспринимаемый возраст человека изучен еще в меньшей степени, чем физический и социальный его компоненты. Наиболее противоречивые данные получены относительно выражения лица. М. С. Voelkle с коллегами [670] показано, что нейтральное выражение лица ассоциировано с наиболее точным определением возраста, счастливое выражение лица приводит к возникновению эффекта омоложения. В работе N. C. Hass и коллег [542] показано, что влияние выражения лица на воспринимаемый возраст опосредовано возрастом объекта восприятия:

грустное выражение лица старит «молодую» выборку (по сравнению с нейтральным выражением), счастливое выражение омолаживает «возрастную» выборку. В работе Z. Wang и коллег [679] выявлена зависимость воспринимаемого возраста от степени интенсивности улыбки. T. Ganel [520] получены противоположные данные: лица с улыбкой оценивались субъектами восприятия как более старые, что объясняется автором неспособностью наблюдателя игнорировать ассоциированные с улыбкой морщины в области глаз. В исследовании N. L. Nelson и C. J. Mondloch [590] подчеркивается необходимость интеграции различных компонентов невербального поведения при изучении восприятия эмоциональных выражений. При этом практически во всех проанализированных здесь исследованиях в качестве основного стимульного материала выступали фотографии объектов восприятия. Однако метод фотографии, на наш взгляд, не позволяет в полной мере изучить вклад в воспринимаемый возраст человека различных компонентов его внешнего облика, который имеет пространственно-временную целостность [222, 234]. Следовательно, необходимы иные технологии исследования, которые бы были чувствительны к динамическому компоненту внешнего облика.

Итак, выше рассмотрены отдельные элементы, а также компоненты внешнего облика, участвующие в конструировании воспринимаемого возраста. При этом, среди различных элементов внешнего облика особую роль и значение имеет лицо человека, так как является средоточием всех выделяемых компонентов внешнего облика: физического компонента (на лице расположены главные лицевые признаки возраста); социального внешнего облика (лицо является традиционным объектом оформления в различных культурах, в том числе – антивозрастного); экспрессивного компонента. Именно лицо человека является наиболее значимым элементом внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста. В зарубежных работах фигурирует понятие «возраст лица» («age of face») [514], а именно: возраст, приписанный незнакомому человеку в результате восприятия его лица. В ряде работ [146, 498, 514, 541, 544] обнаружена связь между

«возрастом лица» и интерпретацией его эмоциональных состояний и черт личности. Результаты исследований обнаруживают неявный негативный стереотип старения, негативные возрастные установки по отношению к пожилым людям, которые могут иметь отрицательные последствия для взаимопонимания в повседневных взаимодействиях с участием пожилых людей. К аналогичным выводам приходят социологи и антропологи. Так, антрополог D. Le Breton подчеркивает в этой связи: «пожилой человек иногда носит свое тело как клеймо» [570, с. 1990]. Е. Масиа с коллегами [576] описали опыт возрастных изменений тела у женщин в возрасте от 65 до 75 лет. Были выделены три основных стигматизирующих признаков старения: 1) растянутость кожи в целом и появление морщин; 2) общее преобразование фигуры; 3) седина. Авторы подчеркивают: несмотря на то, что старение кожи влияет на весь организм, «...превращая тело как онтологическую единицу в различные части обвисшей плоти» [576, с. 5], внимание женщин привлекают прежде всего морщины на лице, поскольку в индивидуалистическом обществе лицо является тем местом, где распознается личность. Авторы, анализируя нарративы участников исследования, выделяют два способа переживания возрастных изменений: принятие и отрицание своей теперешней внешности (с помощью сокращения рассматривания себя в зеркало, фотографирования и т.п. для того, чтобы ограничить процессы объективации телесного Я). При этом, показано, что даже те женщины, которые демонстрируют принятие возрастных изменений и заявляют, что безразличны к признакам старения, стремятся их замаскировать, скрыть «стигматизацию стареющего тела» с помощью четырех методов: использования различных кремов и масел («косметические продукты»); использования макияжа; одежды; окрашивания волос и смены причесок. Авторы подчеркивают социальную регуляцию выбора практик ухода за стареющим телом. Утрата красоты и молодости по мере старения современным обществом не воспринимается как неумолимое последствие естественного процесса старения, а рассматривается как недостаток дисциплины и воли, отражением моральных качеств человека.

Авторы отмечают, что ряд информантов используют указанные выше средства маскировки, чтобы «облегчить свою совесть», так как этого требуют ожидания круга близких людей, особенно детей, при этом эффект от них не так заметен. Авторы подчеркивают, что дети в этом контексте олицетворяют общество в целом, именно через своих взрослых детей пожилые женщины осознают усилия, необходимые для того, чтобы проявить и доказать свою ценность. «Косметическим процедурам» (кремы, сыворотки и т.п.) противостоят пластическая хирургия, как наиболее жёсткий способ омоложения, а также косметическая медицина (инъекции, лазер и т.д.), более доступная и менее радикальная с точки зрения трансформации внешнего облика. Е. Macia с коллегами [576] подчеркивается, что стигматизации подвергаются не только женщины, которые стареют естественно, но и те женщины, которые используют хирургические практики омоложения, так как отказываются стареть, как «все».

Рассматривая стареющее тело в контексте квир-теории, L.J. Sandberg [632] подчеркивает, что сопротивление старению и работа над телом для уменьшения признаков старения становятся важнейшей частью того, как справляются со старением в неолиберальной потребительской культуре, во которой старение рассматривается как форма моральной распущенности и вызывает «культурную паранойю», а телесные проблемы вызывают стыд и стигму у пожилых людей. При этом, идеалы и дискурсы успешного старения произрастают на зыбкой почве, поскольку «все тела склонны нас подводить, и болезни и старческие инвалидности являются ярким тому подтверждением» [632, с. 129], что позволило автору сделать вывод о том, что эйджизму нельзя бросить вызов с помощью только позитивных дискурсов об успешном старении. L. Schwaiger [636] также отмечает двойственность современной концепции успешного старения, которая приводит к постоянному «мониторингу и дисциплинированию тел». L. Schwaiger утверждает, что возрастные изменения тел людей среднего возраста (от 30 до 60 лет) выступают «исторически специфическим местом конфликта между

юношеским внутренним «Я» и эйджистским обществом, которое не ценит пожилых людей» [636, с. 14]. М. Featherstone и М. Hepworth [прив. по 636] используют метафору «маска старения» для описания напряженного противоречия между «внутренним Я» и стареющим «внешним телом», ограничивающего пожилых людей.

Проведенный анализ опубликован в ряде наших работ [106, 107, 441, 442], в том числе написанных в соавторстве с Е.Г. Николаевой [441] и Г.В. Сериковым [442]. Он позволил обозначить вклад отдельных элементов и компонентов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста, а также показал, что в большей степени изучен физический компонент внешнего облика, а также отдельные элементы социального внешнего облика и экспрессивного его компонента. Вклад внешнего облика как целостного, многокомпонентного явления в конструирование воспринимаемого возраста практически не изучен, равно как и не определено дифференцированное влияние на конструирование воспринимаемого возраста его различных компонентов.

Нами показано, что возрастные изменения внешнего облика являются стигматизирующими признаками для стареющего человека, что позволяет обосновать актуальность и научную значимость изучения влияния возрастных трансформаций его внешнего облика, ассоциированных с воспринимаемым возрастом, на формирование отношений к нему.

2.3. Выводы по главе 2

1. Систематизация и анализ изученных на сегодня факторов конструирования воспринимаемого возраста привели к ряду выводов: в большинстве исследований объектами познания являются женщины; не выявлен вклад компонентов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста мужчин и женщин; социально-психологические и личностно-субъектные характеристики субъекта и объекта познания, их отношение к своему внешнему облику в качестве факторов конструирования воспринимаемого возраста практически не изучены; социально-психологический контекст, представленный в межличностных отношениях, в особенностях малой группы, недостаточно рассматривается в качестве фактора конструирования воспринимаемого возраста.

2. Внешний облик выступает в качестве центрального фактора конструирования воспринимаемого возраста. В современных работах фиксируется влияние отдельных элементов физического (лицевые признаки, руки, вес) и социального (макияж) компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста. Вклад динамического компонента внешнего облика (экспрессивного поведения) в конструирование воспринимаемого возраста человека изучен еще в меньшей степени: доказано влияние на конструирование воспринимаемого возраста выражения лица и улыбки. Вклад внешнего облика, как многокомпонентного явления, в конструирование воспринимаемого возраста не изучен, так же, как и дифференцированное влияние отдельных компонентов внешнего облика.

3. Возрастные изменения внешнего облика являются стигматизирующими признаками для стареющего человека, что обосновывает актуальность и научную значимость изучения влияния возрастных трансформаций его внешнего облика, ассоциированных с воспринимаемым возрастом, на формирование отношений к нему.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

3.1. Теоретические положения социально-психологической концепции конструирования воспринимаемого возраста человека в процессе социального познания

В данном параграфе обобщим основные теоретические положения социально-психологической концепции, включающие в себя определение социально-психологической природы воспринимаемого возраста и его социально-психологических функций; положение о его связи с другими видами возраста, представление о фундаментальной роли внешнего облика и отношения к нему в конструировании воспринимаемого возраста; положение о противоречии воспринимаемого, хронологического и субъективного возрастов как источник самокатегоризации, преобразования внешнего облика, актуализации стресса старения и потребности «выглядеть моложе». Также в концепции определяются факторы, механизмы, результаты конструирования воспринимаемого возраста, дается социально-психологическая трактовка омоложения. На основании положений концепции предложена теоретическая модель конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании [Рисунок 4], разработаны процедуры для его изучения, создан дизайн и проведен цикл исследований по изучению факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста. Материалы главы опубликованы в следующих работах [116, 117, 127, 425, 426, 427, 430, 436].

1. Воспринимаемый возраст является феноменом социального познания, выражающемся в суждении субъекта познания о возрасте объекта познания, сконструированным в процессе восприятия его внешнего облика, в результате взаимодействия субъекта и объекта познания в определенном социокультурном, социально-психологическом контексте. Воспринимаемый

возраст выполняет ряд социально-психологических функций: обуславливает актуализацию гендерно-возрастных стереотипов, ожиданий, установок; формирование межличностных и межвозрастных отношений и взаимоотношений; служит основанием для выбора способов общения и взаимодействия.

2. Воспринимаемый возраст человека, полученный в результате восприятия его внешнего облика другими людьми, представляет собой «визуализацию», воплощающую взаимосвязи основных видов возраста человека: биологического, социального, психологического, субъективного; уникальное и индивидуальное сочетание которых отражает неравномерность темпов социального, психологического и физического развития, особенно в период второй половины жизни.

3. Внешний облик (его различные элементы и компоненты), отношение к нему, практики ухода за ним воплощают различные виды возраста, способствуют формированию сложной системы взаимосвязей между биологическим, социальным, психологическим, субъективным возрастами, отражая этап жизненного пути человека, обеспечивая объективацию и визуализацию возраста, сопряжённого с самовосприятием, самокатегоризацией.

4. Осознание человеком степени значимости внешнего облика, отношения к своему внешнему облику в конструировании воспринимаемого является эффективным инструментом управления впечатлением в общении и взаимодействии, «сопротивления старению» и «управления старением».

5. Противоречие между хронологическим, субъективным и воспринимаемым возрастами является источником актуализации социальной потребности «выглядеть моложе», нарастания стресса старения, возрастной самокатегоризации и трансформации внешнего облика.

6. Социальная потребность «выглядеть моложе» формируется и реализуется в процессе социального взаимодействия, на ее актуализацию влияют социально-психологические, экономические факторы: культ

молодости, установка на активное старение и его особенности, низкий субъективный возраст, агрессивное предложение услуг по омоложению, эффективность которых подкреплена доказательной медициной, транслируемые в обществе гендерно-возрастные стереотипы, высокая ценность, значимость привлекательного внешнего облика, возрастная дискриминация на рынке труда, на брачном рынке, возрастная стигматизация.

7. Омоложение представляет собой снижение воспринимаемого возраста человека за счет практик, направленных на различные компоненты внешнего облика: 1) на физический внешний облик (инвазивные и неинвазивные технологии омоложения, программы двигательной активности, коррекции питания и т.д.); 2) на социальный внешний облик (тренинговые, консультативные, имиджевые социально-психологические технологии, связанные с моделированием оформления внешнего облика с использованием макияжа, одежды, прически, с управлением впечатлением и т.д.); 3) на экспрессивное поведение (тренинговые, консультативные, имиджевые социально-психологические технологии, связанные с использованием экспрессивного поведения в управлении впечатлением).

8. Конструирование воспринимаемого возраста осуществляется в различных социально-психологических контекстах на основе механизмов социального познания и детерминировано комплексом факторов, относящихся к объекту и субъекту познания (социально-психологических, личностно-субъектных, поло-возрастных). Фундаментальным фактором конструирования воспринимаемого возраста выступает внешний облик, его различные компоненты и элементы, а также отношение к внешнему облику, которые, с одной стороны, характеризуют объект познания, с другой стороны - субъект познания.

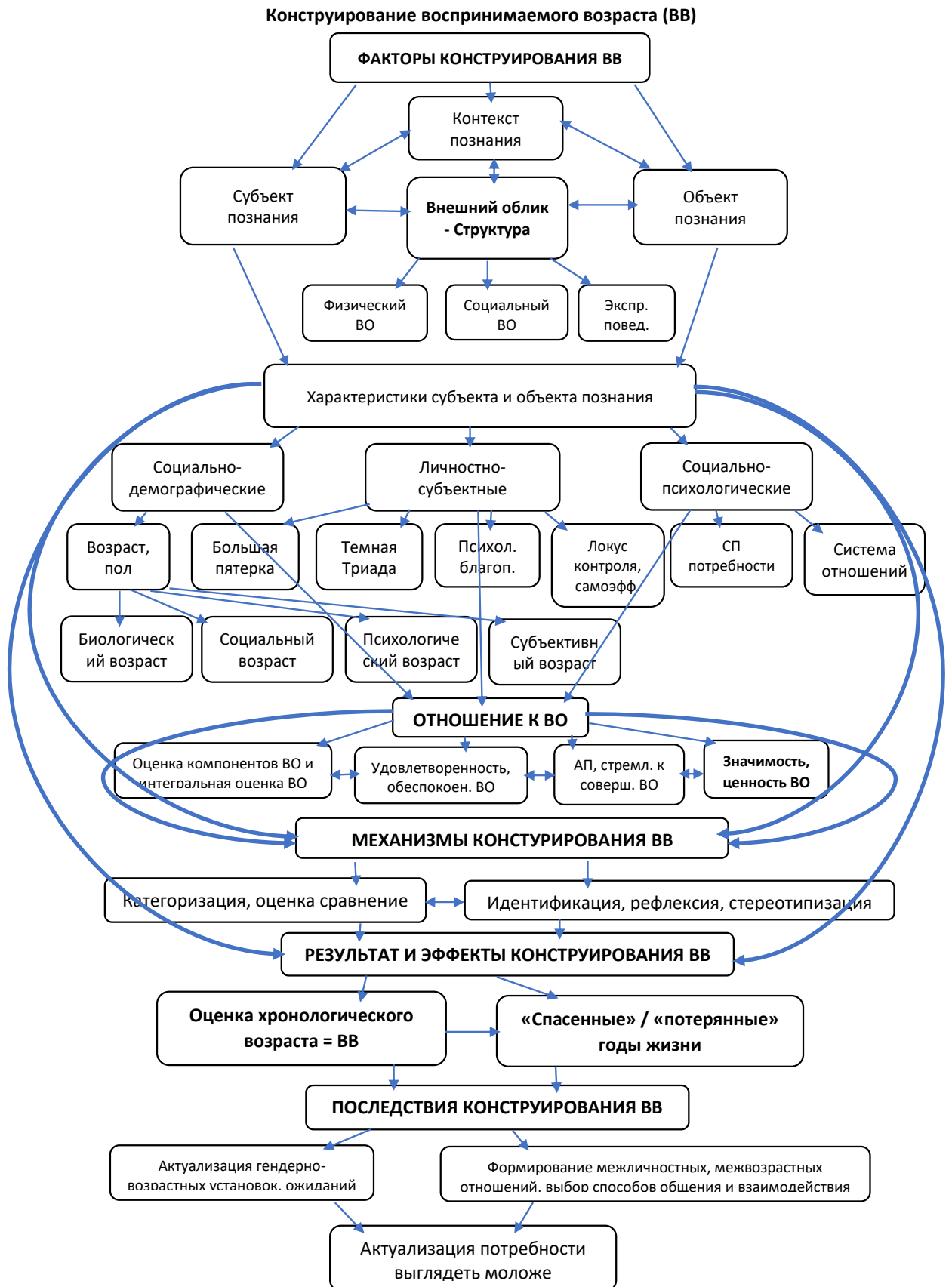

Рисунок 4 - Теоретическая модель конструирования воспринимаемого возраста человека в социальном познании

9. В качестве механизмов конструирования воспринимаемого возраста выступают следующие механизмы социального познания: возрастная категоризация, оценка, сравнение, стереотипизация, идентификация, рефлексия. Ключевую роль в конструировании воспринимаемого возраста выполняет возрастная категоризация - когнитивный процесс отнесения воспринимаемого человека к возрастной группе, границы которой заданы социально-демографическими, этно-культурными, биологическими факторами. Возрастные границы являются достаточно условными и проницаемыми, они влияют на формирование возрастного подобия внутри возрастных групп и на возникновение различий между этими возрастными группами.

10. Результатами конструирования воспринимаемого возраста являются: оценка и самооценка воспринимаемого возраста; разница между хронологическим возрастом и воспринимаемым возрастом: количество лет, на которые человек выглядит моложе хронологического возраста («спасенные» годы жизни – эффект «омоложения») или старше («потерянные» годы жизни – эффект «состаривания»); желаемый воспринимаемый возраст – обозначает возраст, на который хочет выглядеть человек; разница между хронологическим и желаемым воспринимаемым возрастом человека (рассматривается как проявление потребности «выглядеть моложе» своих лет); рефлексия объектом познания оценок его возраста другими людьми (возраст, на который выглядит человек, по оценкам других людей).

3.2. Теоретико-методические подходы к изучению воспринимаемого возраста в зарубежных и отечественных исследованиях

В данной главе рассмотрим существующие на сегодняшний день подходы и методы изучения воспринимаемого возраста в отечественных и мировых исследованиях. Специфика изучения воспринимаемого возраста человека, с учетом предлагаемой нами теоретической модели конструирования воспринимаемого возраста, состоит в том, что для его анализа необходим и объект, и субъект восприятия. Таким образом, исследователь при разработке дизайна исследования должен ответить, как минимум, на два вопроса: как будет представлен объект восприятия (на фотографии, видеозаписи или непосредственно), и кто будет оценивать его возраст (эксперты или обычные люди). При этом, следует отметить, что в ряде работ воспринимаемый возраст определялся со слов испытуемого [256, 370, 559, 665] с помощью нескольких вопросов: «На какой возраст, как Вам кажется, вы выглядите?»; «В среднем, сколько лет Вам, по мнению других людей?». С учетом предлагаемой нами трактовки воспринимаемого возраста, для его определения всегда нужен субъект познания.

Для анализа мировой практики в изучении воспринимаемого возраста нами проведен анализ около двухсот работ, представленных в международных базах данных и отечественной базе данных РИНЦ, в которых словосочетание «воспринимаемый возраст» встречается либо в названии статьи, либо в списке ключевых слов. В данной статье опустим ту часть работ, которые посвящены изучению воспринимаемого возраста по голосу человека, несмотря на то что паралингвистические и экстралингвистические компоненты речи являются элементами экспрессивного поведения и, соответственно, входят во внешний облик человека. При этом, подобные исследования нуждаются в принципиально иных методических решениях, чем те, которые обсуждаются

в данной работе, и являются дальнейшими перспективами нашего исследования.

Итак, в большинстве исследований используются фотографии объектов восприятия, предварительно протестированных на предполагаемые корреляты их воспринимаемого возраста, например, выявлен их уровень глюкозы крови [599], уровень кортизола [598], биологический возраст [486], показатели самооценки и удовлетворенности отношениями [601] и т.п. Эти и другие исследования позволили на сегодняшний день выделить различные группы факторов, относящихся к фактору объекта восприятия, влияющие на его воспринимаемый возраст.

Также значительный объем исследований посвящен изучению эффекта медицинских, косметологических процедур, эстетических операций на воспринимаемый возраст, привлекательность пациентов, и связанных с уменьшением воспринимаемого возраста показателей воспринимаемой успешности, здоровья, симпатии, развития социальных навыков, привлекательности и женственности [68-70, 483, 589, 618, 653, 684]. В данном случае оценщикам предлагаются для оценки возраста предоперационные и послеоперационные фотографии, или фото «до» и «после» омолаживающих процедур. Также участники исследования оценивают привлекательность и иные психологические характеристики пациентов (как правило, с помощью 10-балльной или иной шкалы, подобной шкале Лайкерта) на фотографиях. Эти характеристики в исследованиях обозначаются как «воспринимаемые» (успешность, привлекательность, женственность и т.п.). В качестве измеримого эффекта после эстетических процедур рассматриваются «спасенные годы» [684] (хронологический возраст минус воспринимаемый возраст) и изменение других оценок.

При изучении «фактора внешнего облика» используются фотографии изучаемого элемента внешнего облика с учетом степени его выраженности. Также используются технологии трансформации, затемнения, исключения или прикрытия (например, медицинской маской [593]) элементов внешнего

облика. Например, в серии исследований Т. Ganel и коллег [520-522], посвященных влиянию улыбки на воспринимаемый возраст, участники исследования оценивали возраст незнакомых людей по фотографии лица, имеющего улыбающееся / нейтральное / удивленное выражение.

Отдельной проблемой изучения воспринимаемого возраста является проблема стимульного материала и баз данных. Современные ученые [680] фиксируют значительный разрыв в исследованиях на молодых и пожилых выборках, а также имеющийся дефицит баз данных, включающих фотографии лиц пожилого возраста. И если относительно моделирования выражений лица для изучения психологических особенностей и состояний человека разработаны компьютерные технологии трансформации лиц [53, 151], психологические технологии моделирования выражений лица и фиксации спонтанных выражений [514], также сообщается о технологиях создания «невозможного лица» («deepfake») [47], то для изучения специфики восприятия возраста человека вопрос создания баз данных лиц с возрастными трансформациями внешнего облика остается открытым. В ряде зарубежных работ предложены технологии 3D-моделирования старения [605] и непрерывного возрастного прогрессирования лица («Pyramid of GANs») [679]; в рамках последней представлено эффективное решение проблемы точности старения и при этом сохранения идентичности объектов восприятия. В исследовании А.А. Forte и коллег [515] были использованы оригинальные изображения лиц (фас, профиль) женщин среднего возраста и их изображения с искусственно состаренными частями лица с целью выявления элементов лица с точки зрения их влияния на восприятие возраста. В работе Р.А. George и G.L. Hole [524] в качестве стимульного материала были использованы оригинальные и видоизмененные (зеркальное отражение, удаление компонентов лица и т. п.) лица с целью роли тех или иных элементов лица в конструировании возраста. В работе Gunn и коллег [536] использован прием замены частей лица: наряду с оригинальным изображением близнеца, были

получены изображения, в которых лицо одного близнеца было вставлено в изображение другого близнеца.

В редких случаях в качестве стимульного материала в исследованиях выступают фотографии, отражающие целостный внешний облик человека с учетом всех его компонентов, например, изображения объектов восприятия в полный рост [594].

Еще одним аспектом, важным для обсуждения в контексте разработки методических приемов изучения конструирования воспринимаемого возраста, является проблема естественности изображения объекта восприятия. Так, в исследовании К. Christensen и коллег [485] участники исследования – близнецы были сфотографированы цифровой камерой на расстоянии 0,6 метра на нейтральном фоне, при этом не все близнецы были сфотографированы с нейтральным выражением лица. В другом исследовании К. Christensen и коллег [486] были использованы фотографии лица паспортного типа без контроля оформления внешнего облика, экспрессивного поведения объектов восприятия, а также контекста восприятия (интервьюеры посещали участников в их домах, что обеспечивало включение более пожилых и слабых участников, но фотографии не были стандартизированы так, как это было бы возможно в контролируемых условиях). В исследовании А.А. Демидова и коллег [146] в качестве стимульного материала выступили черно-белые фотографии, которые были предоставлены самими испытуемыми.

Решение проблемы стимульного материала и недостатка баз данных при изучении воспринимаемого возраста представляется нам в разработке комплектов фото- и видеоматериалов для решения широкого круга задач по выявлению факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста. Для решения задачи установления динамики отношений к мужчинам и женщинам в связи с их воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений внешнего облика, нами предлагается использование известного бесплатного российского приложения FaceApp

[556, 592] для получения комплекта стимульных материалов изображений лиц с контролем нарастания его возрастных трансформаций.

Таким образом, для изучения воспринимаемого возраста в мировой практике в первую очередь используется фотография лица, реже – всего тела, практически никогда – видеозапись. В ряде исследований использованы фото глаз [532], участков кожи лица [582], изображения рук [463]. Как правило, фотографии лица делаются под бестеневой лампой с использованием цифровой камеры высокого разрешения [561]. Только в одном исследовании нами была обнаружена видеозапись – для изучения способности сотрудников магазина оценивать возраст своих клиентов для предотвращения незаконных продаж табака и алкоголя несовершеннолетним лицам [587]. Также в одном из первых исследований воспринимаемого возраста [474] не использовались ни фотографии, ни видеозаписи, а применялось реальное живое общение воспринимающего человека с объектом восприятия. Визуальную оценку возраста проводил врач при первом контакте с участником исследования без знания его хронологического возраста, в «живой» обстановке взаимодействия, когда испытуемый был полностью одет. Очевидно, что подобные дизайны исследования очень трудоемки и мало сопоставимы с другими исследованиями.

Отдельной проблемой является ответ на вопрос: кто должен выступать в качестве субъектов восприятия - оценщиков, и какого их количество достаточно, чтобы определить воспринимаемый возраст человека. Выше мы уже фиксировали те особенности субъекта восприятия, которые могут влиять на приписывание возраста воспринимаемому другому, но не обсуждали вопрос их количества. Так, в работе A.J. Zimm и коллег [684] в качестве экспертов - оценщиков выступали 50 человек, не осведомленных о целях исследования; в другом исследовании [561] воспринимаемый возраст оценивали 19 профессиональных медсестер, работающих с пожилыми людьми. Также в качестве оценщиков выступали: три независимых дерматолога [653]; 20 медсестер, 10 молодых мужчин и 11 женщин старшего

возраста [486]; 48 экспертов (20 мужчин и 28 женщин в возрасте 22-64 лет) [596]; 10 медсестер [536]; 12 молодых взрослых [496]; 10 пластических хирургов (7 мужчин и 3 женщины), 13 косметологов (все женщины), 26 женщин – пациентов пластических хирургов, 32 женщины и 20 мужчин в возрасте от 30 до 68 лет, которые никак не связаны с пластической хирургией [70].

В большом исследовании [537] был сделан вывод, что возраст субъекта оценивания, пол оценщика, его национальность, возраст и опыт в оценке возраста мало влияют на полученные данные о возрасте, что позволяет использовать для оценки воспринимаемого возраста людей без определенной подготовки. При этом для получения воспроизводимых данных требуется не менее 10 оценщиков. Также специальное исследование [594] показало, что на оценку воспринимаемого возраста, в основном, влияет фото-презентация, а не клинический опыт оценщика.

Также можно выделить дизайны исследования, в которых воспринимаемый возраст оценивается с помощью оценщиков – не экспертов, а затем сопоставляется с особенностями старения лица (например, с визуальной оценкой кожи лица [582, 586, 596], зафиксированными с помощью привлечения обученного эксперта, тем самым выявляя специфику обыденного восприятия возраста с учетом некоторых объективированных критериев старения кожи лица.

В целом, описанные выше технологии и дизайны исследований направлены на выявление воспринимаемого возраста человека, полученного как среднее арифметическое оценок его возраста группой субъектов восприятия, и соотнесение этого показателя с характеристиками объекта и субъекта восприятия. Выше нами подчеркивалось, что процесс конструирования возраста является полифакторным и мало осознаваемым субъектом восприятия процессом. В значительной части исследований ученые получают информацию о возрасте воспринимаемого человека «со слов» субъектов восприятия. Благодаря такому подходу мы получаем доступ к

осознаваемым субъектом восприятия критериям конструирования воспринимаемого возраста. Выявление же неосознаваемых механизмов и факторов конструирования воспринимаемого возраста требует иных технологий и дизайнов исследования, к которым относится технология отслеживания взгляда субъекта познания (айтрекинг) [4, 44, 265]. Данная процедура пока мало используется для изучения процессов конструирования возраста. Можно выделить ряд работ, где это было сделано. Используя отслеживание глаз, в исследовании D.G. Kwart, T. Foulsham и A. Kingstone [568] было изучено, как люди воспринимают возраст и привлекательность молодых и пожилых лиц, и какие «восходящие» сигналы лица являются ключевыми в этом процессе. В работе M. Kurosumi и коллег [567] проанализирован взгляд субъекта познания для выявления областей интереса во время конструирования возраста японских женщин. Как показано в обзоре А.А. Демидова и К.И. Ананьевой [147], перцептивная задача, стоящая перед наблюдателем, является одним из важнейших факторов его окуломоторной активности. Нами не обнаружено работ российских психологов, которые бы изучали ее особенности при решении такой перцептивной задачи, как определение возраста незнакомого человека. Использование технологии айтрекинга дало бы нам понимание того, какие именно компоненты и элементы внешнего облика являются ведущими при конструировании воспринимаемого возраста. При этом в отечественной науке накоплен значительный объем исследований психологических особенностей человека по изображению его лица и теоретических моделей их анализа и интерпретации [4, 9, 40, 43, 50].

Подводя итог проведенному обзору мировой практики изучения воспринимаемого возраста, можно обозначить ряд проблем, возникающих на пути решения задач выявления факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста. Во-первых, это чрезвычайная трудоемкость и сложность исследований конструирования воспринимаемого возраста. Дизайн исследований предполагает, помимо тестирования, фотографирование

участников, экспонирование их фотографий группе «оценщиков» для оценки их возраста, определение среднего арифметического оценок. Во-вторых, проблемой являются небольшие объемы выборок и переменных. В-третьих, проблемой является дефицит баз данных, включающих фотографии людей пожилого возраста, а также традиционно меньшая доступность зрелых и пожилых людей для исследования, в отличие от молодых. Также проблемой является необходимость под каждую задачу всякий раз создавать комплект фото- или видеоизображений. В-четвертых, в значительной части исследований ученые получают информацию о конструировании воспринимаемого возраста «со слов» субъектов познания. Благодаря такому подходу мы получаем доступ к осознаваемым субъектом познания критериям конструирования воспринимаемого возраста, но выявление неосознаваемых механизмов и факторов его конструирования требует иных технологий и дизайнов исследования, к которым относится технология отслеживания взгляда субъекта познания (айтрекинга). Использование этой технологии требует, помимо оборудования, лабораторных условий проведения исследования, обученного персонала также и специфическое программное обеспечение.

С учетом вышеназванных проблем, а также проведенного анализа, можно сделать ряд важных выводов, предваряющих разработку процедуры по изучению механизмов и факторов конструирования воспринимаемого возраста в нашем исследовании: 1) изучение конструирования воспринимаемого возраста предполагает экспонирование изображения объекта познания субъекту познания; 2) в качестве изображения объекта познания могут быть использованы фотографии лица (портретные изображения), всего тела (ростовые фотографии), а также видеозаписи целостного внешнего облика человека с учетом его динамического компонента; 3) изучение поло-возрастных аспектов конструирования воспринимаемого возраста требуют включения факторов пола / возраста при разработке комплектов фотографий для исследования; 4) в качестве субъектов

познания могут выступать обычные люди, не обладающие экспертными знаниями в области определения возраста или коррекции внешнего облика; 5) в методическом плане воспринимаемый возраст объекта познания – это среднее арифметическое оценок его возраста, полученных с помощью экспонирования его изображения субъектам познания в количестве не менее 10 человек; 6) наряду с определением воспринимаемого возраста, мы предполагаем фиксировать также его самооценку своего воспринимаемого возраста; его оценку воспринимаемого возраста, по мнению других людей (с его слов); его желаемый воспринимаемый возраст; 7) для выявления фиксаций взора на тех или иных элементах внешнего облика (зон интереса) при решении перцептивной задачи на определение возраста другого человека необходимо использовать технологию айтрекинга.

Проведенный анализ позволил сформулировать требования к методической организации предлагаемой нами процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика», которая разработана на основе мировой практики изучения воспринимаемого возраста, а также ряда теоретических подходов. Основным подходом, на который мы опирались при разработке процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика», выступил социально-психологический подход к внешнему облику человека [222, 234, 240, 389] как феномену, отражающему различные этапы жизненного пути человека, конструируемому на основе взаимосвязей трех компонентов: физического, социального облика и экспрессивного поведения. Экспрессивное поведение в рамках данного подхода понимается, по определению В.А. Лабунской, как «социально и биологически обусловленный способ организации невербальных средств выражения личностной структуры» [220, с. 34], как «форма объективизации внутреннего мира» [220, с. 36]. Данный подход диктует ряд требований к разработке комплектов фото и видеоизображений.

Во-первых, при создании комплектов фото и видеоизображений внешний облик человека должен быть представлен целостно, с учетом трех

его компонентов. Это означает, что нет необходимости при составлении комплекта фотографий для основного этапа исследования изолировать физический внешний облик, «очищая» фотоизображения от макияжа, одежды, унифицировать позы объектов восприятия при фотографировании и т.д.

Во-вторых, для выявления дифференцированного влияния на конструирование воспринимаемого возраста компонентов внешнего облика необходима разработка специальных дизайнов с контролируемым влиянием независимых переменных, в качестве которых выступали бы компоненты внешнего облика, а также разработка специальных наборов изображений.

В-третьих, использование только лишь фотоизображений для решения задачи анализа дифференцированного влияния отдельных компонентов внешнего облика объекта познания на конструирование его воспринимаемого возраста затруднено, так как на фотоизображении экспрессивное поведение представлено преимущественно статичными (зафиксированными одномоментно) мимикой, позой, осанкой, жестами, наклоном головы, взглядом, а на видеозаписи представлен весь спектр динамических характеристик экспрессивного поведения в пространственно-временном развитии. Так, В.А. Лабунская выделяет следующие динамические характеристики экспрессивного компонента внешнего облика: «произвольность – непроизвольность, интенсивность – расслабленность, симметрия – асимметрия, стереотипность – разнообразие, спонтанность – конвенциональность, гармония – дисгармония, типичность – индивидуальность» [220, с. 41], которые будут нести дополнительную информацию о возрасте объекта познания. Его экспрессивное поведение, при сочетании с проксемическими характеристиками общения, выполняет следующие социально-психологических функций, выделяемые В.А. Лабунской: «функцию регуляции, идентификации, стратификации, адаптации, демонстрации отношения к себе, к другому, принятия себя, ожидания определенного поведения от другого» [220, с. 38]. Экспрессивное поведение незнакомого человека является пусковым механизмом разворачивания

процессов социально-психологической интерпретации, которая определяется как процесс «установления всей иерархии связей между объектными и субъектными свойствами человека» [220, 300]. В нашем случае субъектом познания осуществляется поиск между видимыми характеристиками внешнего облика человека и его возрастом. С учетом возможного влияния на интерпретацию экспрессивного поведения социальной ситуации взаимодействия, а также необходимости создания такой видеозаписи, в которой бы за короткий срок был бы представлен как можно более обширный экспрессивный репертуар человека, который понимается как совокупность форм и паттернов движений, используемых человеком для самовыражения, мы предлагаем использовать видеозаписи танцевального самовыражения. Танец определяется нами как «совокупность невербальных сигналов и знаков, имеющих пространственно-временную структуру и несущих информацию о психофизиологических, психологических и социально-психологических особенностях личности» [435, с. 69], в том числе и о ее возрасте.

В-четвертых, для определения влияния среднеустойчивого компонента внешнего облика, или социального внешнего облика, на конструирование воспринимаемого возраста, необходим дизайн исследования с контролем влияния целостного оформления внешнего облика, которое рассматривается нами как «процедура трансформации всех его элементов (стрижка, покраска, укладка, макияж, подбор одежды, обуви, аксессуаров) с привлечением специалистов в области моды, стиля, имиджа» [107, с. 142].

В-пятых, понятие о структуре внешнего облика необходимо использовать как при подборе комплектов фото и видеоизображений, так и при анализе получаемого материала от субъекта познания. В качестве такого материала в нашем исследовании выступают: 1) свободные высказывания субъекта познания относительно критериев конструирования возраста (осознаваемых им и вербализуемых в процессе конструирования возраста); 2) зоны внешнего облика, на которые направлено внимание субъекта познания при конструировании возраста объекта познания, перемещения взгляда с зоны

на зону, количество и время фиксации на них, что дает информацию о частично неосознаваемых субъектом познания критериях конструирования возраста.

В-шестых, для выявления влияния социально-психологических и личностно-субъектных характеристик объекта и субъекта познания на конструирование воспринимаемого возраста, необходимо проводить, наряду с фотографированием, также их психологическую диагностику.

В-седьмых, для выявления влияния воспринимаемого возраста объекта познания и ассоциированных с приписываемым возрастом возрастных изменений внешнего облика на отношение к объекту восприятия, возможны две стратегии: 1) поиск фотоизображений объекта восприятия, различающихся принадлежностью к возрастным этапам жизни (в качестве ограничений в данном случае придётся принять тот факт, что фотоизображения не будут «очищены» от дополнительных факторов; 2) трансформация фотоизображений в приложении Face App с целью получения фотоизображений с контролируемым (остающимся неизменным) социальным внешним обликом.

Разработка процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» опирается на методологию отечественной психологии социального познания и отечественную психологию общения и межличностного познания, рассмотренные выше. В рамках данной методологии сформулированы основные требования к объекту и субъекту познания с учетом принципа «презумпции повседневности» – это должны быть обычные люди, не актеры и не эксперты. Также, как подчеркивается В.Н. Панферовым и А.В. Микляевой [310], в качестве объекта познания может быть как человек, так и его изображение; прием фиксации свободных высказываний о воспринимаемом другом – релевантен методологическим основаниям исследовательских процедур в области социального познания человека; для их анализа учеными обосновывается использование процедуры контент-анализа.

Также разработка процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» опиралась на гендерную методологию [105, 138, 186, 187, 360], в рамках которой внимание исследователей обращено на причины гендерных различий в восприятии и интерпретации возраста, возрастных изменений внешнего облика, отношении к старению и практиках организации своего внешнего облика и «контроля стареющего тела» [138]. Данная методология представлена как в разработке комплекта фото и видеоизображений, так и в интерпретации полученных данных. Междисциплинарный подход к жизненному пути человека, разработанный И.С. Коном, представлен в требовании к стимульному материалу соблюдать баланс представленности в нем изображений объектов познания, которые находятся на различных этапах жизненного пути, а также в требованиях к интерпретации полученных данных, которую необходимо проводить с учетом поколенческого измерения, представлений об относительности жестких возрастных рамок, о сложности и неравномерности развития человека, учетом широкого социального, демографического, экономического, культурного контекста.

Коммуникативный подход к исследованию когнитивных процессов в общении, развиваемый Б.Ф. Ломовым [250] и В.А. Барабанщиковым [4, 40], в рамках которого «познавательный процесс представляется как фрагмент бытия человека, реализующего единство внешних и внутренних условий своего существования» [40, с. 19], позволяет уравновесить исследовательский фокус внимания как на объекте, так и на субъекте познания, рассматривать их во взаимосвязи в акте познания, а сам этот акт – как коммуникацию.

Вышеназванные подходы и идеи легли в основу разработки процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» для решения поставленных в исследовании задач выявления факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста.

3.3. Описание комплектов фото и видеоизображений внешнего облика

Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» включает в себя комплекты фото и видео презентаций внешнего облика, которые позволяют решать комплекс задач по выявлению факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста: проводить анализ влияния компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; выявлять динамику отношения к объекту познания в связи с нарастанием возрастных изменений внешнего облика; изучать влияние социально-психологического контекста, социально-психологических, личностно-субъектных характеристик объекта и субъекта познания на конструирование воспринимаемого возраста человека. Каждый респондент чье фотоизображение включено в комплекты фотографий, дал свое информированное согласие на использование своего фотоизображения, а также результатов психологического тестирования в психологическом исследовании. Часть респондентов дали свое согласие на размещение своего фотоизображения в публикациях в журналах и в тексте данной работы. В случае, если фотоизображения были получены в сети Интернет на общедоступных сайтах, они также приводятся в данной работе со ссылкой на источник.

В комплект № 1 входит набор фотоизображений для выявления влияния элементов и компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста (разработан при участии М.В. Коноваловой и Е.Г. Николаевой). В него входят портретные и ростовые фотоизображения мужчин и женщин, находящихся на различных этапах жизненного пути. Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 5.

Рисунок 5 - Пример фотоизображений из комплекта 1 (модель M25)

К Процедуре прилагается специально разработанная социально-демографическая анкета с блоком «Самооценка возраста» [Приложение Б] для получения информации о самооценке субъектом познания своего субъективного, воспринимаемого возраста, желаемого воспринимаемого возраста, желаемой продолжительности жизни. Также, наряду с анкетой, были использованы иные социально-психологические методики (приведены в следующей главе) для решения задачи изучения влияния социально-психологических и личностно-субъектных особенностей объекта и субъекта познания на конструирование воспринимаемого возраста. Процедура исследования с применением данного комплекта фотоизображений, схемы анализа полученного материала, а также сами фотоизображения приведены в Приложении В.

Комплект № 2 разработан для изучения влияния физического внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста (разработан при участии А.М. Лавриненко). В него входят ростовые фотоизображения тридцати женщин, сфотографированных до и после прохождения специальных занятий по похудению. Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 6.

воспринимаемый возраст
37 лет (до прохождения
курсов)
хронологический возраст 40 лет

воспринимаемый возраст
36 лет (после прохождения
курсов)

Рисунок 6 – Пример фотоизображений из Комплекта 2 (модель 3)

Комплект № 3 создан для изучения влияния среднеустойчивого компонента внешнего облика (социального внешнего облика, или оформления внешнего облика) на конструирование воспринимаемого возраста. Состоит из двух частей. Комплект 3.1 создан для изучения влияния социального внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста женщин (разработан при участии Н.А. Шевцовой). В него входят 144 ростовых фотоизображения 72 женщин, сфотографированных до и после прохождения целостного оформления их внешнего облика в телепрограмме «Модный приговор» (фотоизображения размещены на официальном сайте программы www.modniy.tv). Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 7. Подробное описание комплекта и порядок исследования приведен в Приложении Г.

Рисунок 7 - Пример фотоизображений из комплекта 3.1. (модель 38EO51)

Комплект 3.2. создан для изучения влияния социального внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста мужчин (разработан при участии К.В. Костериной). В него входят 66 ростовых фотоизображений 33 мужчин, сфотографированных до и после прохождения целостного оформления их внешнего облика в телепрограммах «Модный приговор», «На 10 лет моложе» и «Преображение К. Богомолова» (фотоизображения размещены на официальном сайте программ www.modniy.tv, www.bogomolov.lv, www.1tv.ru/shows/na-10-let-molozhe). Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 8. Подробное описание комплекта, порядок исследования и фотоизображения приведены в Приложении Д.

Рисунок 8 - Пример фотоизображения из комплекта 3.2. (модель 2УЛ28)

Комплект № 4 разработан для изучения влияния экспрессивного поведения на конструирование воспринимаемого возраста. В него входит набор из восьми фотоизображений внешнего облика двоих мужчин и шести женщин. Также все модели были сняты на видео во время исполнения ими спонтанного танца, который рассматривается в данном контексте как особая (ритмизированная) форма экспрессивного поведения. Полученный видеоматериал был нарезан на отрезки, по 15 секунд на каждую модель, которые предъявлялись респондентам в том же порядке, что и фотографии. Респонденты, которые оценивали возраст моделей по фото – не видели видео, и, наоборот. Всем респондентам задавался вопрос «Сколько лет человеку на данном фото/видео?». Итоговый анализ проводится как сравнительный анализ

воспринимаемого возраста, полученного на основании фотографии объектов восприятия и его видеоизображения. Подробное описание комплекта и сам комплект приведен в Приложении Е.

Комплект № 5 разработан для изучения динамики отношения к мужчинам и женщинам в связи с их воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений их внешнего облика (от молодости к зрелости и пожилому возрасту) (разработан при участии А.В. Фалько). Разработан на базе Комплекта фотоизображений 1 с использованием процедур «состаривания» / «омоложения» в приложении FaceApp. Состоит из 36 фотографий 12 человек (шести мужчин и шести женщин). Каждый объект познания имеет три фотоизображения, которые отличаются степенью возрастной трансформации физического внешнего облика при сохранении других компонентов внешнего облика в зафиксированном состоянии. Процедура предъявления и комплект фотоизображений приведены в Приложении Ж.

Комплект № 6 разработан для изучения влияния социально-психологических и личностно-субъектных характеристик объекта и субъекта познания на конструирование воспринимаемого возраста человека (разработан при участии А.Г. Артамоновой и А.М. Юхневич). Комплект состоит из различных наборов ростовых и портретных фотографий с учетом изучаемых переменных. Всего в Комплект № 6 вошли 2342 фотографии 1171 человек, предварительно протестированных с использованием комплекса социально-психологических методик. Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 9.

Модель 145Ж, хронологический возраст 67 лет, воспринимаемый возраст 58 лет

Модель 146М, хронологический возраст 65 лет, воспринимаемый возраст 62 года

Рисунок 9 – Пример фотоизображений из Комплекта 6

Комплект № 7 разработан с целью изучения влияния социально-психологического контекста на конструирования воспринимаемого возраста человека (разработан при участии С.А. Труновой). Состоит из 160 ростовых и портретных фотографий 80 женщин 22-57 лет ($M=38,5$ лет); разделены на две подгруппы: благополучный тип семьи (40 женщин) / неблагополучный тип семья (40 женщин). Пример фотоизображений из данного комплекта приведен на Рисунке 10.

Модель 35, хронологический возраст 43 года, воспринимаемый возраст 39 лет, первая подгруппа

Модель 75, , хронологический возраст 49 лет, воспринимаемый возраст 59 лет, вторая подгруппа

Рисунок 10 – Пример фотоизображений из Комплекта 7

Исследования с использованием данных комплектов, а также подробности и специфика применения процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» будут представлены в следующей главе.

3.4. Выводы по главе 3

1. В главе сформулированы основные теоретические положения социально-психологической концепции, включающие в себя определение социально-психологической природы воспринимаемого возраста и его социально-психологических функций; приводится обоснование его связи с другими видами возраста, а также фундаментальной роли внешнего облика и отношения к нему в конструировании воспринимаемого возраста; описано противоречие воспринимаемого, хронологического и субъективного возрастов как источник самокатегоризации, преобразования внешнего облика, актуализации стресса старения и потребности «выглядеть моложе». В концепции определяются факторы, механизмы, результаты конструирования воспринимаемого возраста, дается социально-психологическая трактовка омоложения. На основании положений концепции предложена теоретическая модель конструирования воспринимаемого возраста в социальном познании, а также процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», предназначенная для эмпирической верификации концепции.

2. Определены методические ограничения изучения конструирования воспринимаемого возраста: 1) исследования воспринимаемого возраста очень трудоемки, так как предполагают наличие и объекта, и субъекта познания; 2) следствием является небольшие объемы выборок и изучаемых переменных; 3) проблемой является разрыв в исследованиях на молодых и пожилых выборках, а также дефицит баз данных, включающих фотографии людей пожилого возраста; 4) выявление неосознаваемых механизмов и факторов восприятия требует иных технологий и дизайнов исследования.

3. Анализ методических подходов к изучению конструирования воспринимаемого возраста показал, что: 1) изучение конструирования воспринимаемого возраста предполагает экспонирование изображения объекта познания субъекту познания; 2) в качестве изображения объекта познания могут быть использованы фотографии лица, всего тела, а также

видеозаписи; 3) необходимо включать разновозрастных и отличающихся по полу «объектов познания» при разработке комплектов фотографий, видеозаписей для исследования; 4) в качестве субъекта познания могут выступать обычные люди, не обладающие экспертными знаниями в области определения возраста или коррекции внешнего облика; 5) результат конструирования (оценки) воспринимаемого возраст объекта познания – это среднее арифметическое оценок его возраста, полученных с помощью экспонирования его изображения субъектам познания в количестве не менее 10 человек; 6) методом выявления неосознаваемых субъектом познания критериев конструирования возраста выступают технологии отслеживания взгляда (айтрекинг).

4. Теоретически обоснованы следующие требования к разработке комплектов фото- и видеоизображений для решения комплекса задач по изучению механизмов и факторов конструирования воспринимаемого возраста: 1) при создании комплектов фото и видеоизображений внешний облик человека должен быть представлен целостно, с учетом трех его компонентов, их взаимодействия на различных этапах жизненного пути; 2) для решения задачи выявления дифференцированного влияния отдельных компонентов внешнего облика необходимы специальные дизайны исследования, и специальные комплекты фотографий, которые бы позволяли доказать интенсивность влияния физического внешнего облика, социального внешнего облика, экспрессивного поведения на конструирование воспринимаемого возраста. 3) для изучения влияния динамического компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста необходимо использовать, наряду с фотоизображениями, так же и видеозаписи целостного внешнего облика, в качестве которых могут выступать видеозаписи спонтанного танца. 4) для определения влияния социального внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста необходим дизайн исследования с контролем влияния «целостного оформления» внешнего облика и процедуры трансформации всех его

элементов (стрижка, покраска, укладка, макияж, подбор одежды, обуви, аксессуаров) с привлечением специалистов в области моды, стиля, имиджа. 5) понятие о структуре внешнего облика необходимо использовать как при подборе комплектов фото и видеоизображений, так и при анализе получаемого материала от субъекта познания: свободных высказываний субъекта познания относительно критериев восприятия возраста (осознаваемых им и вербализуемых в процессе конструирования возраста), а также локализаций фиксаций взгляда субъекта познания на конкретных элементах внешнего облика при решении перцептивной задачи на определение возраста человека; 6) для выявления факторов объекта и субъекта познания, учитывая социально-психологические функции внешнего облика, параллельно фотографированию необходимо проводить психологическое тестирование, включающее в себя диагностику социально-психологических потребностей, системы отношений личности (к себе, к другим, к миру), отношения к внешнему облику, а также ряда личностных черт.

5. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» для изучения конструирования воспринимаемого возраста человека включает в себя семь комплектов фото и видеоизображений внешнего облика, каждый из которых разработан для решения определенных задач: комплект № 1 для анализа влияния компонентов внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; комплект № 2 для оценки влияния устойчивого компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; комплект № 3 для изучения влияния оформления внешнего облика мужчин и женщин на конструирование воспринимаемого возраста; комплект № 4 для оценки влияния динамического компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста; комплект № 5 для изучения связи между результатами конструирования воспринимаемого возраста и отношения к объекту познания; комплект № 6 для изучения влияния социально-психологических и личностных факторов на конструирование воспринимаемого возраста человека; комплект № 7 для изучения влияния

социально-психологического контекста на конструирования
воспринимаемого возраста человека.

ГЛАВА 4. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

В главе представлены результаты десяти исследований с общей выборкой 2298 человек (1576 женщин и 722 мужчины) в возрасте от 18 до 89 лет, включая субъектов и объектов познания. В качестве объектов познания также выступили 105 человек (72 женщины, 33 мужчины, 210 фотографий), чьи фотоизображения находились сети Интернет в открытом доступе на сайтах www.modniy.tv, www.bogomolov.lv, www.1tv.ru/shows/na-10-let-molozhe и др. В каждом исследовании представлены методики, описаны участники исследования, сделаны выводы относительно доказательства выдвинутых гипотез. Результаты обработки данных приведены в Приложении И.

4.1. Вклад компонентов и элементов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста

В данном параграфе приводятся результаты пяти исследований, в которых проверялось предположение о дифференцированном влиянии компонентов внешнего облика объекта познания на конструирование его воспринимаемого возраста (гипотеза 3).

4.1.1. Анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

Цель исследования № 1: выявление осознаваемых субъектом познания компонентов, элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания. Исследование

проведено при участии Е.Г. Николаевой (сбор данных), результаты опубликованы [430, 441].

Дизайн и методы исследования № 1: в качестве основного метода выступила Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (комплект № 1). Фотографии комплекта были размещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала показывалась карточка с ростовым изображением человека, затем с портретным; порядок фотографий был определен так, чтобы чередовались мужские и женские фотографии, рожденные в одном десятилетии люди, предъявлялись один раз на пять предъявлений. Относительно каждого человека, изображенного на фотографии, были заданы два вопроса: 1) «Сколько лет человеку на данном фото?»; 2) «Что в этом человеке позволяет Вам сделать этот вывод?».

В результате ответа на второй вопрос получено 3268 высказываний (единичных реплик, законченных по смыслу), которые были обработаны далее с помощью процедуры контент-анализа (выделены единицы контент-анализа первого, второго и третьего уровней), критерии которой подробно описаны в Приложении В.

Выборка исследования № 1: в качестве субъектов познания выступили 60 человек: 47 женщин и 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет, каждый из которых оценивал возраст объектов познания из Комплекта № 1 (40 фотографий / 20 человек).

Результаты исследования

Анализ данных состоял в подсчете абсолютной и относительной частоты встречаемости категорий контент-анализа третьего уровня (обобщенных) в общем количестве высказываний (3268 высказываний). В результате вычислено место компонентов внешнего облика: доля устойчивого компонента (или физического внешнего облика); среднеустойчивого (или социального внешнего облика) и динамического (или экспрессивного

компонента) в общем количестве критериев конструирования воспринимаемого возраста [приведены в Таблице И.1].

Анализ данных Таблицы И.1 показывает, что при конструировании воспринимаемого возраста субъект познания опирается на физический внешний облик: критерии оценки возраста с опорой на элементы физического внешнего облика составили 41,55 % всех свободных высказываний субъектов познания. Элементы и характеристики социального внешнего облика субъектом познания упоминались в два раза реже и составили 17,63 % в общем массиве высказываний; элементы и характеристики экспрессивного поведения занимают 10,4 % всех высказываний относительно критериев конструирования воспринимаемого возраста. Внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик, являлся отправной точкой для восприятия возраста в 14,08% всех случаев, оценочные бессодержательные высказывания составляют почти десятую часть всех ответов респондентов (8,51 %). Также в качестве критериев конструирования воспринимаемого возраста выступает фиксация субъектом познания соответствия / несоответствия внешнего облика объекта познания стереотипам: гендерно-возрастным (6 %), этнокультурным (0,83 %) и профессионально-ролевым стереотипам (1,01 %).

Для детального анализа доли каждого выделенного элемента внешнего облика мы провели контент-анализ содержания каждого компонента внешнего облика в структуре критериев конструирования воспринимаемого возраста. В качестве параметров устойчивого компонента внешнего облика в нашем исследовании рассматривались следующие категории контент-анализа второго уровня: лицо, шея, руки, фигура, ноги. Для сопоставимости частоты встречаемости категорий разного уровня подсчет категорий второго уровня также велось в общем массиве высказываний. Результаты анализа содержания физического внешнего облика в структуре критериев конструирования воспринимаемого возраста представлены в Таблице И.2.

Анализ показывает, что ведущую роль среди устойчивых параметров конструирования взрослыми испытуемыми возраста другого человека играют лицо (30,7% при общей доле устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста 41,55%) и фигура (7,37%), при этом доля фигуры в четыре раза меньше доли лица в структуре восприятия возраста в опоре на компоненты и элементы внешнего облика. Такие элементы внешнего облика, как руки (1,8 %), шея (1,56 %) и ноги (0,12%), занимают всего 3,45 %.

Детальный анализ социального внешнего облика в структуре критериев конструирования воспринимаемого возраста приведен в Таблице И.3. В качестве критериев определения возраста незнакомого человека субъекты познания отмечали: 1) особенности одежды и обуви - данные критерии занимают ведущее положение среди элементов социального внешнего облика (8,96 %); 2) следующим по значимости показателем является прическа (4,47 %); 3) макияж у женщин (1,35%) / наличие бороды и ее характеристики (небритость, щетина, бородка, поросль на лице) у мужчин (1,69%). Украшения были отмечены в 25 высказываниях из 3268 (всего 0,76 %), хотя присутствовали на 9 моделях из 20, что составляет почти 50%.

Детальный анализ элементов экспрессивного компонента внешнего облика в структуре критериев конструирования воспринимаемого возраста приведен в Таблице И.4. Обнаружено, что ведущим критерием, на который опирается субъект познания при конструировании воспринимаемого возраста выступают взгляд и мимика объекта восприятия (совокупная доля 8,21 %). Незначительную долю в структуре восприятия занимают поза и осанка (совокупная доля 2,23 %).

Следующим этапом обработки полученных данных являлся анализ доли критериев оценки возраста, относящихся к лицу, в общем массиве критериев конструирования воспринимаемого возраста. Для этого из 32 единиц контент-анализа были выбраны все категории, которые включают разнообразные лицевые признаки. В результате выделены 16 единиц контент-анализа (50 % всех критериев), которые относятся ко всем изучаемым компонентам

внешнего облика: к физическому, социальному и экспрессивному компонентам. В Таблице И.5 приведен подсчет абсолютной и относительной частоты встречаемости данных единиц в общем массиве высказываний.

Анализ данных показывает, что почти половина высказываний (1527 из 3268, или 46,79 %) о критериях конструирования воспринимаемого возраста связаны с лицом и различными его характеристиками, что позволило сделать вывод о том, что лицо является наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека.

Выводы исследования: 1) компоненты внешнего облика оказывают дифференцированное влияние на результаты конструирования воспринимаемого возраста. Физический компонент внешнего облика выступает доминирующим ориентиром при конструировании возраста объекта познания; 2) среди параметров физического внешнего облика на конструирование возраста влияют (по мере убывания): лицо, фигура, руки, шея, ноги; среди параметров социального внешнего облика: особенности одежды и обуви, прическа; макияж (у женщин) / небритость, щетина, бородка, поросль на лице (у мужчин), украшения; среди элементов экспрессивного поведения: взгляд, мимика, поза, осанка; 3) в качестве критериев конструирования воспринимаемого возраста выделены такие элементы, как опора на внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик; оценочные бессодержательные высказывания; восприятие возраста с опорой на соответствие внешнего облика объекта восприятия гендерно-возрастным, этнокультурным и профессионально-ролевым стереотипам; 4) лицо, как средоточие устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика, выступает наиболее значимым элементом внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста объекта познания.

По итогам проведенного исследования составлена эмпирическая модель влияния внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста [Рисунок 11].

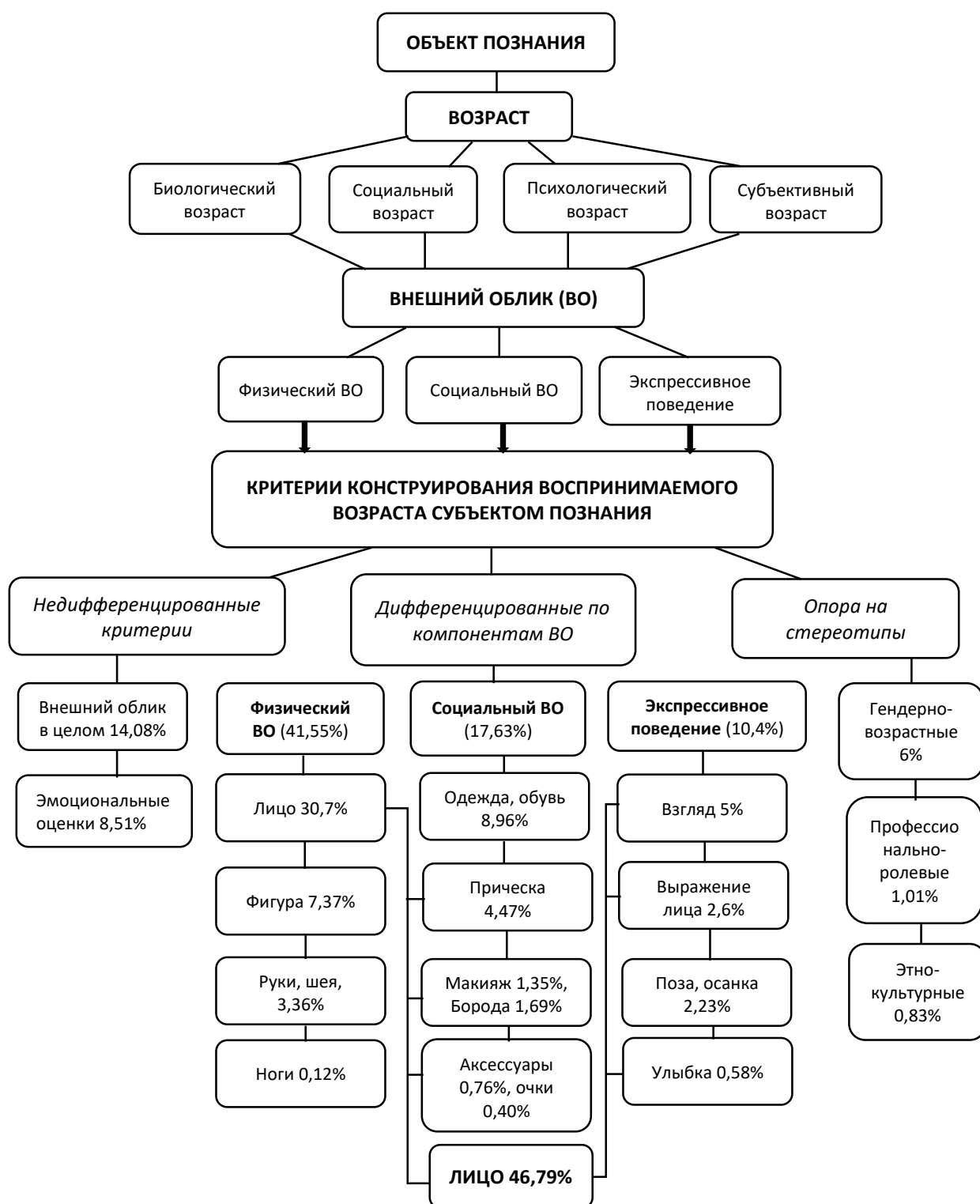

Рисунок 11 - Эмпирическая модель влияния внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста (по результатам контент-анализа критериев конструирования воспринимаемого возраста)

Обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить дифференцированное влияние компонентов и элементов внешнего облика

в конструирования возраста объекта познания, ключевую роль лица человек, а также выстроить иерархию способов и средств омоложения с точки зрения их влияния на возникновение эффектов «омоложения» / «состаривания».

4.1.2. Поло-возрастной анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

В этой части работы нами была поставлена цель выявления различий в представленности компонентов и элементов внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин, принадлежащих к возрастным группам «молодость» и «зрелость», в соответствии с поставленной в диссертационном исследовании гипотезой № 2. Выборка исследования и методы описаны в предыдущем параграфе. В этой части работы нами при участии А.Г. Артамоновой проведен поло-возрастной анализ нарративов - свободных описаний критериев конструирования воспринимаемого возраста объекта познания в объеме 2027 высказываний, полученных от субъектов познания. Материалы анализа опубликованы [120, 123].

Из данных, полученных в исследовании №1, извлечены свободные описания критериев конструирования возраста относительно объектов познания, возраст которых выровнен с точки зрения соответствия их возраста двум возрастным периодам – периоду «молодость» и периоду «зрелость», в соответствии с возрастной периодизацией Д.Б. Эльконина [449], в которой возраст от 21 до 35 лет относится к возрастному этапу «молодость»; от 35 до 60 лет – к этапу «зрелость». Из общего массива данных нами отобраны полученные данные относительно следующих «объектов познания»: 1) мужчины: объект познания № 2 (25 лет); № 4 (23 года); № 10 (35 лет); № 6 (45 лет); № 8 (58 лет); № 14 (37 лет); 2) женщины: объект познания № 9 (28 лет);

№ 17 (22 года); № 19 (28 лет); № 1 (42 года); № 5 (40 лет); № 11 (58 лет), всего 24 фотографии 12-ти объектов восприятия: шести мужчин и шести женщин. Фотографии приведены в Таблице И.6 и Таблице И.7.

В первую очередь, проведем сравнительный анализ компонентов внешнего облика, а также выделенных категорий «внешний облик в целом», «оценочные бессодержательные высказывания», «опора на гендерно-возрастные стереотипы», «опора на профессионально-ролевые стереотипы», «опора на этнокультурные стереотипы», не дифференцированные с точки зрения компонентов внешнего облика, на которые опирался субъект познания при конструировании возраста мужчин и женщин. Нами было получено 973 высказывания относительно критериев конструирования возраста мужчин и 1054 высказывания относительно конструирования возраста женщин. Сравнительный анализ доли выделенных компонентов внешнего облика, а также категорий «внешний облик» и опора на гендерно-возрастные, профессионально-ролевые и этнокультурные стереотипы при конструировании возраста мужчин и женщин представлен в Таблице И.8.

Сравнительный анализ компонентов внешнего облика, на которые опирается субъект познания при конструировании возраста мужчин и женщин, позволил сделать ряд выводов: 1) количество отдельных по смыслу единиц анализа относительно возраста женщин больше, чем относительно возраста мужчин в общем массиве высказываний, что позволяет сделать вывод, что женщины в качестве объекта познания у оценивающего возраст субъекта вызывают большее количество нарративов, чем мужчины; 2) у мужчин ссылка на внешний облик в целом, не дифференцированный на какие-либо компоненты, актуализируется в большем проценте случаев, чем у женщин, что позволяет заключить о тенденции более специфичного, с опорой на конкретные критерии возраста, ассоциированные с визуально-воспринимаемыми компонентами внешнего облика, конструирования возраста женщины, чем мужчины; 3) доля опоры на гендерно-возрастные, профессиональные, этнокультурные стереотипы более представлена в

процессе конструирования возраста мужчин, чем женщин; 4) доля среднеустойчивого компонента внешнего облика в конструировании возраста мужчин и женщин идентична; 5) основные различия в представленности компонентов внешнего облика обнаружены в представленности устойчивого компонента: он значительно более представлен при восприятии возраста женщины, а также динамического компонента: он более представлен среди осознаваемых субъектом познания критериев конструирования возраста мужчин.

На следующем этапе анализа мы обратились к гендерному анализу иерархии элементов внешнего облика, входящих в его основные три компонента. Результаты анализа элементов устойчивого компонента внешнего облика представлены в Таблице И.9. Анализ доли элементов устойчивого компонента внешнего облика среди общего массива критериев, на которые опирается субъект познания при конструировании возраста мужчин и женщин, позволяет заключить: 1) при конструировании возраста мужчин первые 5 мест занимают следующие элементы физического внешнего облика: лицо, морщины, фигура, кожа лица, наличие/отсутствие лысины; возраста женщины: лицо, морщины, кожа лица, фигура, шея и щеки. Ключевые элементы внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин идентичны – это, в первую очередь, лицо и его компоненты, наличие/отсутствие морщин, состояние кожи лица и характеристики фигуры. Отличие с точки зрения ключевых критериев конструирования возраста следующее: при конструировании возраста мужчины субъекты познания обращают внимание на наличие/отсутствие лысины как признак возраста, при конструировании возраста женщины субъекты познания фиксируют линию подбородка, наличие второго подбородка и носогубный треугольник. 2) Обнаружены критерии конструирования возраста женщины, которые практически отсутствуют при конструировании возраста мужчины: это категории «грудь», «полнота» и «руки». 3) выстроена иерархия элементов устойчивого компонента внешнего

облика в порядке убывания у мужчин и женщин при конструировании их возраста.

Результаты анализа элементов среднеустойчивого компонента внешнего облика представлены в Таблице И.10. Анализ доли элементов среднеустойчивого компонента среди общего массива критериев конструирования возраста мужчин и женщин позволил сделать ряд выводов: 1) на первых двух местах находятся при конструировании возраста как мужчины, так и женщины, такие элементы среднеустойчивого компонента внешнего облика, как одежда и обувь (1 место) и прическа (2 место); третье место в данной иерархии гендерно-специфично, его занимают макияж (у женщин) / борода, усы (у мужчин); 3) если женщина при ее восприятии субъектом познания обнаруживает в своем внешнем облике атрибуты, приписываемые традиционно мужчинам (усы), то субъект познания сразу маркирует ее как женщину, принадлежащую к более старшей возрастной группе; 4) на последнем месте среди элементов среднеустойчивого компонента внешнего облика занимают украшения у женщин (респонденты подчеркивают, что украшения могут быть атрибутом возраста, например, «детские серьги», «куча дурацких побрякушек» и т.п.).

Результаты анализа элементов динамического компонента внешнего облика представлены в Таблице И.11. Анализ доли элементов динамического компонента внешнего облика позволяет заключить, что их иерархия с точки зрения их вклада в конструирование возраста воспринимаемого человека у мужчин и женщин идентична: первые места занимает взгляд, выражение лица, поза. Далее у мужчин идет улыбка, а у женщин – осанка. Разница между представленностью улыбки и осанки в структуре восприятия мужчин и женщин составляет доли процента, поэтому мы можем сделать вывод, что разницы между иерархией элементов динамического компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста мужчин и женщин не обнаружено.

Далее мы провели сравнительный анализ выделенных компонентов и элементов внешнего облика, на которые опирается субъект познания в

качестве критериев конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин, находящихся на различных этапах жизненного пути. Для этого были подсчитаны: 1) доля представленности 32 категорий контент-анализа в нарративах респондентов относительно возраста мужчин, находящихся на этапе жизненного пути «молодость» (3 мужчины-объекта восприятия, 6 фотографий, 477 высказываний) и «зрелость» (3 мужчины-объекта восприятия, 6 фотографий, 496 высказываний) – приведены в Таблице И.12; 2) доля представленности 32 категорий контент-анализа в нарративах респондентов относительно возраста женщин, находящихся на этапе жизненного пути «молодость» (3 женщины-объекта восприятия, 6 фотографий, 528 высказываний) и «зрелость» (3 женщины-объекта восприятия, 6 фотографий, 526 высказываний) – приведены в Таблице И.13.

Сравнительный анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих в качестве осознаваемых субъектом познания критериев конструирования возраста мужчин, находящихся на возрастных этапах «молодость» и «зрелость» показал, что: 1) обнаружена динамика доли компонентов внешнего облика при конструировании возраста мужчин в зависимости от этапа их жизненного пути: увеличивается доля устойчивого компонента внешнего облика, уменьшается доля среднеустойчивого компонента внешнего облика, не изменяется доля динамического компонента внешнего облика; 2) увеличивается доля опоры на гендерно-возрастные, профессионально-ролевые и этнокультурные стереотипы при конструировании возраста мужчин на этапе «зрелость» в сравнении с молодыми мужчинами; 3) возрастает опора при конструировании возраста зрелых мужчин на такие элементы устойчивого компонента внешнего облика, как «лицо» и «морщины», и снижается опора на такой элемент среднеустойчивого компонента внешнего облика, как «одежда, обувь».

Сравнительный анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих в качестве осознаваемых субъектом познания критериев конструирования возраста женщин, находящихся на возрастных этапах

«молодость» и «зрелость» показал, что: 1) обнаружена динамика доли компонентов внешнего облика при конструировании возраста женщин в зависимости от этапа их жизненного пути: увеличивается доля устойчивого компонента внешнего облика, уменьшается доля динамического компонента внешнего облика, не изменяется доля среднеустойчивого компонента внешнего облика; 2) увеличивается доля опоры на гендерно-возрастные, профессионально-ролевые и этнокультурные стереотипы при конструировании возраста женщин на этапе «зрелость» в сравнении с молодыми женщинами; 3) значительно возрастает опора при конструировании возраста зрелых женщин на такие элементы устойчивого компонента внешнего облика, как «лицо» и «морщины», и снижается опора на такие элементы динамического компонента внешнего облика, как «взгляд», «выражение лица».

Поло-возрастной анализ компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания, позволил сделать ряд выводов:

1. Обнаружены различия доли компонентов внешнего облика (устойчивых, среднеустойчивых и динамических) среди общего массива критериев конструирования возраста мужчин и женщин: 1) количество отдельных по смыслу единиц анализа относительно возраста женщин больше, чем относительно возраста мужчин в общем массиве высказываний, что позволяет заключить, что женщины в качестве объекта познания у конструирующего их возраст субъекта вызывают большее количество нарративов, чем мужчины; 2) доля опоры на гендерно-возрастные, профессиональные, этнокультурные стереотипы более представлена в процессе конструирования возраста мужчин, чем женщин; 3) доля среднеустойчивого компонента внешнего облика в конструировании возраста мужчин и женщин идентична; 4) основные различия в представленности компонентов внешнего облика обнаружены в доле устойчивого компонента: он значительно более представлен при конструировании возраста женщины, а

также динамического компонента: он более представлен при конструировании возраста мужчин.

2. Выявлены особенности представленности элементов устойчивого компонента внешнего облика среди критериев конструирования возраста мужчин и женщин: 1) ключевые элементы физического внешнего облика при конструировании возраста мужчин и женщин идентичны – это лицо и его компоненты, наличие/отсутствие морщин, состояние кожи лица и характеристики фигуры; 2) отличия обнаружены в использовании такого критерия конструирования возраста мужчины, как «наличие/отсутствие лысины», а при конструировании возраста женщины субъект познания фиксирует линию подбородка, наличие второго подбородка и носогубный треугольник; 3) описаны критерии конструирования возраста женщины, которые практически отсутствуют при конструировании возраста мужчины («грудь», «полнота», «руки»); 4) выстроена иерархия элементов устойчивого компонента внешнего облика в порядке убывания у мужчин и женщин при конструировании их возраста.

3. Выявлены особенности представленности элементов среднеустойчивого компонента внешнего облика в качестве критериев конструирования возраста мужчин и женщин: первые два места с точки зрения представленности их в общем количестве элементов социального внешнего облика при конструировании возраста и мужчины и женщины занимают: одежда, обувь и прическа; третье место в данной иерархии гендерно-специфично - это макияж (у женщин) / борода, усы (у мужчин); последнее место среди элементов среднеустойчивого компонента внешнего облика занимают украшения у женщин.

4. Иерархия элементов динамического компонента внешнего облика (с точки зрения их вклада в конструирование воспринимаемого возраста) идентична для мужчин и женщин – объектов познания: взгляд, выражение лица, поза, улыбка/осанка.

5. Обнаружены различия доли элементов и компонентов внешнего облика в общем количестве критериев конструирования возраста мужчин на этапе «молодость» и «зрелость»: 1) обнаружена динамика представленности компонентов внешнего облика при конструировании возраста мужчин в зависимости от этапа их жизненного пути: увеличивается доля устойчивого компонента внешнего облика, уменьшается доля среднеустойчивого компонента внешнего облика, не изменяется доля динамического компонента внешнего облика; 2) увеличивается доля опоры на гендерно-возрастные, профессионально-ролевые и этнокультурные стереотипы при конструировании возраста мужчин на этапе «зрелость» в сравнении с молодыми мужчинами; 3) значительно возрастает опора при конструировании возраста зрелых мужчин на такие элементы устойчивого компонента внешнего облика, как «лицо» и «морщины», и снижается опора на такой элемент среднеустойчивого компонента внешнего облика, как «одежда, обувь».

6. Обнаружены различия доли элементов и компонентов внешнего облика в общем количестве критериев конструирования возраста женщин на этапе «молодость» и «зрелость»: 1) обнаружена динамика представленности компонентов внешнего облика при конструировании возраста женщин в зависимости от этапа их жизненного пути: увеличивается доля устойчивого компонента внешнего облика, уменьшается доля динамического компонента внешнего облика, не изменяется доля среднеустойчивого компонента внешнего облика; 2) увеличивается доля опоры на гендерно-возрастные, профессионально-ролевые и этнокультурные стереотипы при конструировании возраста женщин на этапе «зрелость» в сравнении с молодыми женщинами; 3) значительно возрастает опора при конструировании возраста зрелых женщин на такие элементы устойчивого компонента внешнего облика, как «лицо» и «морщины», и снижается опора на такие элементы динамического компонента внешнего облика, как «взгляд», «выражение лица».

Обсуждение. Проведенное исследование доказывает, что сочетание элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования субъектом познания возраста другого, изменяется в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни. Показано, что при конструировании воспринимаемого возраста субъект познания опирается на критерии возрастной категоризации, которые отличаются в зависимости от того, кто является объектом познания – мужчина или женщина, а также в зависимости от того, на каком возрастном этапе они находятся.

4.1.3. Гендерная асимметрия при конструировании воспринимаемого возраста ровесников – мужчин и женщин

Целью исследования № 2 этой стала дополнительная проверка и подтверждение вывода о воздействии половозрастных факторов на конструирование воспринимаемого возраста на примере конструирования возраста ровесников – мужчин и женщин. Материалы исследования опубликованы [112, 127].

Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика». Из комплекта фотографий № 1 были отобраны портретные и ростовые фотографии трех женщин и трех мужчин, возраст которых в парах женщина/мужчина примерно одинаков, при этом пары относятся к различным возрастным группам. Фотографии женщин и мужчин-ровесников приведены в Таблице И.14. Первая пара (м/ж, 23 года) относятся к возрастному периоду «молодость», вторая пара (м/ж, 38/40 лет) относятся к периоду «зрелость», к началу этого возрастного периода («зрелость - до 50 лет»); третья пара (м/ж, 59 лет) относятся к «зрелому» возрасту, к окончанию этого периода («зрелость – после 50 лет»).

В качестве основного способа конструирования воспринимаемого возраста нами было использовано сравнение. Этот способ заключался в сравнении респондентами фотоизображений мужчин и женщин – ровесников

(портретная и ростовая фотография мужчины и женщины экспонировались одновременно, в одном акте восприятия), результатом чего выступало заключение «оценщика», есть ли различие в их возрасте. Относительно каждой пары респонденты отвечали на два вопроса: 1) «Кто из предложенной Вам пары людей старше?», выбирая один вариант из трех: «женщина старше мужчины»; «мужчина старше женщины»; «возраст женщины и мужчины одинаков»; 2) «Что во внешнем облике этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?». Полученные в результате ответа на второй вопрос высказывания были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других, описанной выше. Дополнительно нами был использован также второй, традиционный способ конструирования воспринимаемого возраста человека, основанный на мировой практике его определения. Вторым способом (прямая оценка) заключался в экспонировании фотографий «моделей» в случайном порядке, причем одномоментно «оценщик» видел только одну фотографию «модели» (портретные и ростовые фотографии предъявлялись отдельно). Относительно каждой фотографии респондентам был задан один вопрос: «Сколько лет человеку на фотографии?». Выбор способов определения воспринимаемого возраста базировался на понимании оценки объекта восприятия и его сравнения с другими социальными объектами как основных механизмов социального восприятия и познания, обсуждение которых представлено в первой главе. Для того, чтобы избежать влияния способа предъявления фотографий на приписывание возраста «моделям», а также выяснить, влияет ли способ актуализации механизмов конструирования возраста незнакомого человека у субъекта восприятия на результат конструирования (в качестве которого выступает, в первом случае, решение о том, кто старше в паре или возраст одинаков, а во втором случае, конкретная цифра возраста), первый и второй способ оценки возраста «моделей» был реализован на разных выборках.

Выборка исследования. В исследовании в качестве субъектов восприятия выступили 215 человек. Первую подвыборку («сравнение») составили 155 человек: 109 женщин и 46 мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, $M=29,18$. Распределение респондентов на возраст было следующим: 1) «второй период юности» (17-20 лет) - 44 человека; 2) «молодость» (21-34 года) – 65 человек; 3) «зрелость» (35-60 лет) – 46 человек. Вторую подвыборку («оценка») составили 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет, $M=38$). Данные по второй подвыборке были получены при проведении исследования № 1.

Гендерно-возрастной анализ результатов оценки возраста мужчин и женщин-ровесников представлен в Таблицах И.15 – И.16. Нами был подсчитан процент выбора каждого из трех вариантов ответа в целом по выборке, а также отдельно по женщинам и мужчинам (Таблица И.15) и по возрастным группам (Таблица И.16).

Анализ результатов показывает, что примерно треть всех «оценщиков» фиксируют, что возраст оцениваемых женщин и мужчин одинаков. Большинство же опрошенных фиксирует разницу в возрасте, причем эта разница меняется в зависимости от возрастного этапа, на котором находятся воспринимаемые мужчины и женщины.

Так, молодая женщина (23 лет) была оценена как «старше мужчины» того же возраста (41 %, в 1,8 раза больше, чем противоположная оценка); зрелая женщина (40 лет) уже с перевесом в 2,3 раза (21 % и 48 % соответственно) оценивается как более молодая, чем мужчина аналогичного возраста; и «зрелая» женщина после 50 лет (59 лет) оценивается как более молодая уже 62 % респондентов, что в 8 раз больше, чем количество респондентов, придерживающихся противоположной точки зрения.

То есть, мы обнаруживаем гендерную асимметрию в восприятии возраста мужчин и женщин: молодые женщины воспринимаются старше мужчин того же возраста, а зрелые (как до, так и после 50 лет) – моложе, причем чем старше женщина, тем более выражена эта гендерная асимметрия.

При сравнении подвыборок мужчин и женщин выявленная закономерность сохраняется с той лишь разницей, что среди мужчин несколько выше доля тех, кто оценивает женщину старше мужчины, а среди женщин – доля тех, кто оценивает мужчину старше женщин.

Сравнение результатов восприятия возраста женщин и мужчин-ровесников, полученных в подгруппах «юные», «молодые», «зрелые», показывает тот же перекося в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, что и на общей выборке, а именно:

1) при восприятии молодых мужчины и женщины-ровесников (первая пара, 23 года) большинство респондентов считают, что женщина старше мужчины (эта тенденция максимальна для «юных» и «молодых» респондентов – 47,7 % и 50,8 %, и несколько снижается у «зрелых» респондентов);

2) при восприятии зрелых мужчин и женщин (вторая пара, 38/40 лет, третья пара, 59 лет) большинство респондентов считают, что женщина моложе мужчины. При этом, относительно второй пары ровесников (40/38 лет) эта тенденция несколько снижается с возрастом респондентов (56,8 % «юных» респондентов, 53,8 % «молодых» респондентов и 39,1 % «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины); относительно третьей пары ровесников (59 лет) эта тенденция растет (47,7 % юных респондентов, 60 % «молодых» респондентов и 63 % «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины).

3) 47,7 % респондентов подгруппы «юные» (по сравнению с 35,5 % респондентов выборки в целом) правильно фиксируют одинаковый возраст более зрелой пары (третья пара, 59 лет), а 54,3 % подгруппы «зрелые» (по сравнению с 36,1 % респондентов общей выборки) правильно фиксируют одинаковый возраст более молодой пары (первая пара, 23 года).

Иными словами, чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе.

Для подтверждения данных о гендерной асимметрии в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных с помощью метода «сравнения», обратимся к их возрасту, полученному с помощью традиционного способа прямого оценивания. К данным, полученным относительно возраста каждой пары мужчины/женщина в выборке из 60 «оценщиков» (60 оценок возраста по каждой фотографии, 12 фотографий, всего 720 оценок возраста), был применен критерий Уилкоксона, который применяется к однородным данным в целях выявления так называемого «эффекта обработки» [Таблица И.17]. Также по каждой из «моделей» (по ростовой и портретной фотографии отдельно) посчитаны средние значения оценок ее возраста или собственно ВВ «модели». Данные приведены в Таблице 2.

Таблица 2 - Воспринимаемый возраст мужчин и женщин-ровесников

Воспринимаемый возраст	Первая пара (рост)	Первая пара (портрет)	Вторая пара (рост)	Вторая пара (портрет)	Третья пара (рост)	Третья пара (портрет)
мужчины	24,9	24,7	42,2	42,6	61,3	63,5
женщины	28,3	26,6	39,4	38,8	55,8	59,6
ВВ муж. – ВВ жен.	-3,4	-1,9	2,8	3,8	5,5	3,9
ВВ муж. – ВВ жен. (без учета типа фотографирования)	-2,65		3,3		4,7	
Пояснение к Таблице 2: ВВ муж. – ВВ жен. – разница между воспринимаемым возрастом мужчины и женщины в каждой паре.						

Результаты сравнения оценок возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных на другой выборке «оценщиков» и с применением другого способа конструирования ВВ незнакомого человека (прямая оценка) сходны с описанными выше. Возраст женщины из первой пары оценен как более зрелый по сравнению с мужчиной; возраст женщин из второй и третьей пары оценен как меньший по сравнению с мужчиной; данные различия зафиксированы как при оценивании возраста по ростовой фотографии, так и при экспонировании портретного фото; наибольшие различия в ВВ наблюдаются относительно третьей пары мужчина/женщина из возрастной группы «зрелость после 50».

Анализ средних оценок возраста показывает, что возраст и мужчины и женщины из первой пары («молодость») переоценивается, но возраст женщины переоценивается в большей степени; возраст женщины из второй пары оценивается более приближенно к ее хронологическому возрасту, а возраст мужчины завышается в среднем на 4 года; возраст женщины из третьей пары занижается на ростовом фото и приближен к ее хронологическому возрасту на портретном, а возраст мужчины значительно завышается (от 2 лет на ростовом фото до 4 лет на портретном). В целом, разница между возрастом мужчины и женщины (без учета типа фотографирования) изменяется от -2,65 (первая пара), до 3,3 (вторая пара) и 4,7 (третья пара).

Также в рамках данного исследования были выявлены элементы внешнего облика ровесников – мужчин и женщин, на которые опирался воспринимающий субъект при конструировании их возраста в ситуации одновременной представленности субъекту познания. Нами было получено 507 содержательных высказываний при ответе на вопрос «Что во внешнем облике этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?» (171 - относительно первой пары; 169 – второй, и 167 – третьей), которые были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других, предложенной выше. Далее были подсчитаны доли единиц контент-анализа, в качестве которых выступают элементы внешнего облика человека, в общем массиве высказываний относительно каждой пары (в %, округленных до целых чисел), и проранжированы. В Таблице И.18 представлены ранжированные критерии оценки возраста мужчин и женщин-ровесников.

При восприятии молодой пары участники исследования фиксируют старомодную одежду женщины (по сравнению с мужчиной в молодежной одежде, который из-за этого выглядит как подросток), ее «взрослый» взгляд, отмечают, что ее «старит» прическа. При восприятии второй пары участники исследования отмечают, что у мужчины значительно больше морщин, его

«лицо выдает возраст», значительное количество высказываний посвящено анализу особенностей телосложения моделей, причем одна и та же характеристика (полнота) выступает аргументом и «за» и «против» вывода о возрасте («полная – значит старше»; «полная – может выглядеть старше, значит, все-таки моложе»). При восприятии третьей пары наличие морщин аргументирует каждую из трех точек зрения на соотношение возраста, также большая доля высказываний содержит ссылку на состояние лица в целом, без выделения отдельных его характеристик, на одежду («сдержанный стиль в одежде», «одежда соответствует людям одного возраста» и т.п.), на состояние кожи лица («сухая, дряблая кожа»), на взгляд («опять выдают глаза прожитую жизнь, хоть женщина выглядит супер»). В целом, при восприятии возраста молодых мужчин и женщин-ровесников «оценщики» опираются, в первую очередь, на социальный внешний облик («одежда», «прическа») и динамический компонент внешнего облика («взгляд»), а при восприятии возраста зрелых мужчин и женщин – на физический внешний облик («морщины», «телосложение и т.д.». Интересно, что значительная часть высказываний (около 15 %) участников исследования не дифференцирована с точки зрения конкретных критериев возраста, есть только указание, что «внешний облик в целом» или то, что они «так выглядят», позволило сделать вывод о возрасте. Данные, полученные через сравнение двух объектов восприятия – мужчины и женщины, сопоставимы с данными, полученными с помощью прямой оценки возраста. Так, например, последний критерий (недифференцированная с точки зрения конкретных компонентов и элементов внешнего облика ссылка на него в целом) в предыдущем варианте анализа составляла 14,08 %. Также, в среднем, около 20 % участников исследования не смогли назвать ни одного критерия, на который они опирались при решении поставленной задачи.

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ особенностей конструирования воспринимаемого возраста ровесников – мужчин и женщин, позволяет сделать ряд **выводов**: 1) Обнаружена гендерная асимметрия при

сравнении воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников: молодая женщина воспринимается другими людьми старше мужчины аналогичного возраста, а зрелая женщина – моложе мужчины аналогичного возраста, при этом, чем старше воспринимаемые мужчина и женщина-ровесники, тем эта тенденция значительнее. 2) На конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияет возраст и пол субъекта познания: чем больше разница в возрасте субъекта и объекта познания, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта познания возрастной группе; среди мужчин-субъектов познания выше доля тех, кто оценивает женщину (любой возрастной группы) старше мужчины, а среди женщин – доля тех, кто оценивает мужчину старше женщин. 3) Процесс конструирования возраста объекта познания недостаточно осознается воспринимающим субъектом.

Обсуждение. Гендерная асимметрия при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников может быть интерпретирована с помощью двух подходов. С помощью первого, который фиксирует связь воспринимаемого и биологического возраста, и с учетом средней продолжительности жизни в России мужчин и женщин, которая, в среднем, различается на 10 лет по данным ООН [610], можно предположить, что мужчины и женщины одного хронологического возраста могут иметь разный биологический возраст, и как следствие, разный воспринимаемый возраст. В процессе социального восприятия воспринимающий человек неосознанно фиксирует будущий «жизненный потенциал» мужчин и женщин, приписывая женщине более молодой возраст, чем ее ровеснику – мужчине. Однако, эта линия рассуждений не объясняет перекося в воспринимаемом возрасте молодых мужчины и женщины. Вторая линия интерпретации приводит нас к пониманию социальных и культурных причин обнаруженных гендерных различий. Так, несмотря на то, что нормативная обеспокоенность своим внешним обликом на современном этапе развития общества фиксируется учеными как у мужчин, так и у женщин [389], к женщинам в

современном обществе предъявляется гораздо больше требований, связанных с поддержанием более привлекательного и молодого внешнего облика. Проведенное исследование обнаруживает последствия вышеназванных гендерных стереотипов и связанных с ними практик ухода за своим внешним обликом на уровне социального восприятия и познания: зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого внешнего облика; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя, в противовес мужчинам, зрелость, и, связанную с этим возрастным этапом, компетентность, мудрость, профессионализм.

4.1.4. Влияние изменений отдельных элементов и компонентов внешнего облика (физического, социального, экспрессивного компонентов) на конструирование воспринимаемого возраста

В данном разделе рассмотрим результаты трех исследований (исследования №№ 3-5), имеющих различные дизайны (будут описаны в каждом параграфе отдельно), посвященные выявлению дифференцированного влияния отдельных компонентов внешнего облика (физического, социального, экспрессивного компонентов) на конструирование воспринимаемого возраста человека.

4.1.4.1. Влияние физического компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста

Цель исследования № 3: выявление влияния на конструирование воспринимаемого возраста объекта познания изменения основных характеристик его телосложения (веса, индекса массы тела) в результате применения процедур по снижению веса. Набор эмпирических данных выполнен при участии А.Н. Лавриненко, результаты исследования

опубликованы [106].

Выборка и дизайн исследования. В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте от 18 до 49 лет, посещающие специальные курсы по похудению. Курсы проходили в течение 1,5 месяцев и состояли из двух разделов: 1) увеличение физической активности участников (фитнес-занятия 3 раза в неделю по 45 минут); 2) выстраивание новой схемы пищевого поведения (одно тренинговое занятие в неделю с использованием методов гештальт-терапии). Каждая участница программы похудения была сфотографирована дважды — до и после курсов, фотографии участниц вошли в Комплект № 2 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика». Также был зафиксирован результат похудения каждой из участниц (в килограммах) сразу после курсов и через полгода после их начала. В качестве субъектов познания выступили 28 «оценщиков», не являвшихся экспертами в области оценки возраста (24 женщины и 4 мужчины в возрасте от 22 до 45 лет). Им были предложены в случайном порядке 60 фотографий женщин для оценки их возраста. Для каждой фотографии был рассчитан средний возраст, который далее рассматривался нами как воспринимаемый возраст изображенного на ней человека.

Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», Комплект № 2.

Результаты.

Для каждой участницы программы похудения были получены данные о ее воспринимаемом возрасте до и после похудения. Полученные данные были подвергнуты математическому анализу с использованием Т-критерия Уилкоксона, результаты приведены в Таблице 3. Данный критерий позволяет сопоставить показатели, измеренные до и после влияния какого-либо фактора, на одной и той же выборке испытуемых. В качестве такого фактора выступало снижение веса и индекса массы тела испытуемых в результате участия в специальной программе.

Таблица 3 - Сравнительный анализ воспринимаемого возраста женщин «до» и «после» курсов по похудению по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Негативные ранги (а. ВВ после < ВВ до)	20а	16,4	328	Z=-2,390, p=0,017
Позитивные ранги (b. ВВ после > ВВ до)	9b	11,89	107	
Связи (с. ВВ после = ВВ до)	1с	-	-	
Всего	30	-	-	

Проведенный анализ показал, что женщины, которые прошли курсы по похудению, стали выглядеть моложе, чем они выглядели до похудения. Для каждой обследуемой был рассчитан показатель различий между воспринимаемым возрастом до похудения и воспринимаемым возрастом после похудения, названный нами «эффект омоложения». Размах этого показателя в изучаемой группе был от -4,71 до 8,46. Мы предположили, что «эффект омоложения» может быть связан с результатом похудения, измеренным в килограммах. Проведенный нами корреляционный анализ Спирмена не подтвердил этого предположения.

Выводы: обнаружено значимое влияние изменений характеристик телосложения женщин (вес, индекс массы тела) в результате применения процедур по снижению веса на конструирование их воспринимаемого возраста субъектом познания

Обсуждение. Полученные в исследовании данные позволяют обозначить влияние физического компонента внешнего облика (особенностей телосложения) на конструирование воспринимаемого возраста человека: снижение веса участников специальных программ по похудению приводит к эффекту «омоложения» в глазах субъекта познания.

4.1.4.2. Влияние социального компонента внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста

Целью исследования № 4 стало изучение влияния комплексного оформления внешнего облика женщин и мужчин (стрижка, укладка, подбор

одежды, обуви, аксессуаров и т.д.) на конструирование их воспринимаемого возраста для доказательства гипотезы № 3 диссертационного исследования. Набор эмпирических данных был осуществлен при участии Н.А. Шевцовой и К.В. Костериной, результаты исследования опубликованы [107, 108, 128, 432].

Дизайн и методы исследования. В качестве основного метода исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», Комплект № 3. Альбом с фотографиями «моделей» (расположенных в нем случайным образом, но так, чтобы их фотографии «до» и «после» преобразования внешнего облика не следовали бы друг за другом) был представлен субъектам познания с вопросом: «Сколько лет женщине / мужчине на фотографии?». Оценка возраста мужчин и женщин осуществлялась на разных выборках субъектов познания – «оценщиках».

Выборка исследования. Выборка 1. В качестве объектов познания выступили 72 женщины (144 фотографии) от 22 до 89 лет ($M=48,62$), выравнивание выборки по количеству «моделей» на каждый десятилетний возрастной интервал); субъектов познания («оценщиков») - 35 женщин и 16 мужчин в возрасте от 18 до 79 лет. По каждому объекту познания – женщине была получена 51 оценка ее возраста до и 51 оценка ее возраста после целостного оформления внешнего облика (всего 102 оценки на каждую «модель», или 7344 оценок по всем «моделям»-женщинам). Выборка 2: объекты познания - 33 мужчины (66 фотографий) в возрасте от 20 до 60 лет ($M=38,3$ года); субъекты познания - 80 человек (40 женщин и 40 мужчин) в возрасте от 18 до 60 лет. По каждому объекту познания – мужчине были получены 80 оценок возраста до и 80 оценок возраста после целостного оформления внешнего облика (всего 160 оценок возраста на каждого человека, или 5280 оценок по всем «моделям»-мужчинам).

Результаты.

Для доказательства третьей гипотезы исследования к полученным данным о возрасте каждой «модели» был применен Т-критерий Уилкоксона. В Таблицах И.19-И.21, на Рисунках И.1-И.3 приведены результаты

сравнительного анализа воспринимаемого возраста «моделей» № 1, № 3 и № 20, возраст которых стал значимо ниже / выше / не изменился после целостного оформления ее внешнего облика. Подобный анализ проведен по каждой из 72 «моделей» исследования, в результате чего сделаны следующие выводы: 1) у 78% от общей выборки женщин – участниц программы «Модный приговор» обнаружен «эффект обработки», то есть доказано влияние оформления внешнего облика на их воспринимаемый возраст, что позволяет нам подтвердить гипотезу о влиянии целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст моделей; 2) обнаруженное влияние является разнонаправленным: у 53 % (38 женщин) воспринимаемый возраст уменьшился, у 25 % (18 женщин) увеличился, что позволяет сделать вывод о наличии преобладающей тенденции – снижении воспринимаемого возраста.

Наличие двух эффектов целостного оформления внешнего облика («омолаживающего» и «старящего») эмпирически обосновывает существование дополнительных факторов, опосредующих влияние оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин, к которым относятся их различные характеристики, в том числе показатели физического компонента внешнего облика (например, возраст, рост, вес и т.д.).

Для статистического подтверждения того, что омолаживающий эффект целостного оформления внешнего облика является преобладающим, нами подсчитан средний возраст объекта восприятия до и после целостного оформления внешнего облика, далее к оценкам возраста был применен критерий Уилкоксона, результаты которого представлены в Таблице 4.

Таблица 4 - Сравнительный анализ воспринимаемого возраста объектов восприятия до и после целостного оформления внешнего облика по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после < ВВ до)	47	40,19	1889,00	Z=-3,227, p=0,001
Положительные ранги(ВВ после > ВВ до)	25	29,56	739,00	
Связи (ВВ после = ВВ до)	0			
Всего	72			

Проведенный анализ математически подтверждает омолаживающий эффект целостного оформления внешнего облика.

В качестве дополнительных факторов, опосредующих влияние целостного оформления внешнего облика женщин на их воспринимаемый возраст, в нашем исследовании выступили характеристики «моделей», размещенные на сайте телепередачи «Модный приговор» в открытом доступе: возраст, рост, вес, размер одежды, работа, семейное положение, количество детей в семье. Для анализа влияния данных факторов на воспринимаемый возраст мы разделили выборку на 3 подгруппы: 1) в первую подгруппу вошли 38 женщин, ВВ которых уменьшился в результате целостного оформления внешнего облика; 2) во вторую подгруппу вошли 18 женщин, ВВ которых увеличился; 3) третью подгруппу составили 16 женщин, чей ВВ не изменился. Далее мы сравнили первую и вторую подгруппы по критерию Манна-Уитни, значимые различия приведены в Таблице 5.

Таблица 5 - Сравнительный анализ возраста и роста женщин, у которых в результате оформления внешнего облика воспринимаемый возраст значительно уменьшился (группа 1) / увеличился (группа 2) по критерию Манна-Уитни

Параметр	М / σ (группа 1)	М / σ (группа 2)	Z	p	Средний ранг 1 группы	Средний ранг 2 группы
Возраст	55,18/13,16	34,00/11,27	- 4,626	0,000	35,43	13,86
Рост	162,87/6,76	167,06/5,74	-2,323	0,020	25,03	35,83

Данные показывают, что возраст и рост (характеристика физического компонента внешнего облика) женщин являются дополнительными переменными, которые участвуют в процессах конструирования возраста на основе целостного оформления внешнего облика. Обнаруженный в исследовании эффект омоложения в результате оформления внешнего облика в большей степени характерен для зрелых женщин, а также для женщин, которые имеют низкий рост; для молодых и рослых женщин использование комплексного оформления внешнего облика может приводить к тому, что они будут выглядеть старше с точки зрения воспринимающего субъекта.

Для выявления специфики влияния возраста и роста на эффект

омоложения в результате целостного оформления внешнего облика женщин нами был применен линейный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступила разница между воспринимаемым возрастом женщин до и после целостного оформления внешнего облика (ВВдо-ВВпосле), названная нами «Эффект омоложения». Эта переменная может принимать как положительные, так и отрицательные значения, причем, чем более высокие положительные значения она принимает, тем омолаживающий эффект сильнее. Отрицательные значения данного параметра говорят об обратном эффекте («старящем»). Переменная «эффект омоложения» в изучаемой выборке имела размах от -11,35 до 13,57 лет. Применение линейного регрессионного анализа, где в качестве предиктора (независимой переменной) выступал рост, не показало его значимого линейного влияния на эффект омоложения (зависимую переменную). Результаты анализа влияния возраста моделей на эффект омоложения приведены в Таблице 6.

Таблица 6 - Результаты линейного регрессионного анализа (зависимая переменная: «эффект омоложения» (ВВдо-ВВпосле), предиктор - возраст)

Модель	В	Ст. ошиб.	В	t	p
(Константа)	-6,703	1,845		-3,632	0,001
Возраст	0,184	0,036	0,518	5,072	0,000
Общие показатели регрессии	$R=0,518; R^2=0,269; F=25,730; p=0,000$				

Уравнение регрессии представляет собой следующее выражение: «Эффект омоложения» (ВВдо-ВВпосле) = $0,184 \times \text{Возраст} - 6,703$. Полученное уравнение регрессии позволяет вычислить тот возраст, который ассоциирован с нулевым эффектом (отсутствием омолаживающего эффекта). Соответственно, возраст свыше «нулевого» связан с омолаживающим эффектом (показатель ВВдо-ВВпосле принимает положительные значения); возраст ниже «нулевого» ассоциирован с обратным эффектом (показатель ВВдо-ВВпосле принимает отрицательные значения). Решение уравнения $0,184 \times \text{возраст} - 6,703 = 0$ позволило нам вычислить этот возраст. Он равен 36,43 года. То есть, возраст «модели» свыше 36 лет позволяет нам прогнозировать омолаживающий эффект целостного оформления внешнего облика, а возраст «модели» ниже данного возраста – обратный («старящий») эффект.

На выборке 2 нами проведена обработка полученных данных, аналогичная той, что описана выше. Получение сходных / различных от женщин результатов позволило бы выявить общие и гендерно-специфичные закономерности конструирования воспринимаемого возраста на основе социального внешнего облика. У современных женщин имеется значительно больше социально приемлемых инструментов трансформации их внешнего облика, чем у мужчин, в том числе макияж, который считается главным источником омоложения.

Итак, подсчет среднего «эффекта омоложения» (ВВдо - ВВпосле) для каждого объекта восприятия, показывает размах от -11,47 до 10,47 лет. Среднее количество лет, на которое объект восприятия стал выглядеть моложе, составляет 3,79 года, среднее количество лет, на которое объект восприятия в ряде случаев стал выглядеть старше, так же 4,08 года. В процентном соотношении доля объектов восприятия, которые стали выглядеть моложе с точки зрения показателя «эффект омоложения» составляет 73 %, доля объектов восприятия, которые стали выглядеть старше – 27 %.

К полученным данным был применен критерий Уилкоксона. Он был проведен 80 раз к данным, полученным по 80-ти субъектам познания относительно всех «моделей», сравнивались воспринимаемый возраст до и после. Результаты обработки приведены в Таблице И.22. Для 64% мужчин – «моделей» доказано влияние оформления внешнего облика на их воспринимаемый возраст. Влияние, так же, как и в женской выборке, является разнонаправленным: у 52 % мужчин воспринимаемый возраст уменьшился, у 12 % - увеличился, что позволило сделать вывод о наличии преобладающей тенденции – снижении воспринимаемого возраста.

Выводы. 1) Доказано влияние комплексного оформления внешнего облика женщин и мужчин на их воспринимаемый возраст. Это влияние дифференцированное: у 53 % женщин и 52 % мужчин воспринимаемый возраст уменьшился, у 25 % женщин и 12 % мужчин воспринимаемый возраст

- увеличился. Преобладающей тенденцией данного влияния является снижение воспринимаемого возраста. 2) На выборке женщин – объектов познания выведена формула «эффекта омоложения» (разницы между воспринимаемым возрастом, приписанным объекту восприятия до и после целостного оформления внешнего облика) ($0,184 \times \text{Возраст} - 6,703$), с помощью которого обнаружен «пограничный» возраст женщины (36 лет), который меняет «эффект омоложения» с отрицательного на положительный. 3) «Эффект омоложения» от $-11,47$ лет до $+10,47$ у женщин и от $-11,35$ до $+13,57$ у мужчин.

Обсуждение. Результаты согласуются с данными, полученными в ряде исследований [493, 571, 629]. В работе доказано, что целостное оформление внешнего облика оказывает дифференцированное влияние на воспринимаемый возраст: молодых женщин старит, а зрелых – омолаживает. Полученные данные подтверждают также закономерность, обнаруженную Р. Руссел с коллегами [629] на примере макияжа. Вслед за авторами, мы считаем, что целостное оформление внешнего облика влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т.д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления внешнего облика (например, применение макияжа ассоциировано с более взрослой возрастной группой). При этом, нам удалось с помощью линейного регрессионного анализа обнаружить возраст женщины, меняющий «эффект омоложения» со старящего на омолаживающий. Этот возраст составляет 36 лет.

Обнаружено, что в результате комплексной трансформации социального внешнего облика (стрижка, укладка, подбор одежды, обуви, аксессуаров и т.д.) воспринимаемый возраст мужчин также значительно изменяется, основная тенденция этого изменения – омоложение. Сравнивая этот результат с данными, полученными на выборке женщин, мы приходим к выводу, что роль

макияжа лица, который у женщин считается ведущим способом оформления внешнего облика [629] преувеличена с точки зрения его влияния на воспринимаемый возраст. Проведенные нами исследования позволили заключить, что именно целостное оформление внешнего облика объекта восприятия позволяет субъектам восприятия «перемещать» его на более молодой этап жизненного пути. Полученные результаты позволили обнаружить социальные ожидания относительно внешнего облика зрелых мужчин и женщин – следит за собой, ухожен, одет в современную одежду, носит модную обувь – значит, молодой (неухоженность, отсутствие внимания к своему внешнему облику – атрибут старости).

4.1.4.3. Влияние динамического компонента (экспрессивного поведения) на конструирование воспринимаемого возраста

Цель исследования № 5: выявление влияния динамического компонента (экспрессивного поведения) внешнего облика на конструирование воспринимаемого возраста. Набор эмпирических данных был осуществлен при участии Г.В. Серикова, результаты исследования опубликованы [442].

В качестве основного **метода** исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», Комплект № 4 (процедура исследования подробно описана в Главе 3).

Выборка исследования № 5: Объекты познания – 8 человек (2 мужчин и 6 женщин) в возрасте от 21 до 45 лет (7 человек в возрасте 21-23 года, одна женщина, далее «возрастная модель» № 4, в возрасте 45 лет); субъекты познания («оценщики») – 108 человек в возрасте от 14 до 78 лет (60 женщин и 48 мужчин). Выборка субъектов познания разделена на две подгруппы: первая подгруппа (53 человека – 23 мужчины и 30 женщин) оценивали возраст моделей на основе их фотоизображения, вторая подгруппа (55 человек – 25 мужчин и 30 женщин) оценивали возраст моделей, опираясь на их видеоизображение. Респонденты, которые оценивали возраст моделей по фото

– не видели видео, и, наоборот, те, кто оценивал возраст моделей по видео, не видели фотографий.

Результаты

В Таблице 7 приведен средний возраст, который приписан моделям субъектами познания в каждой из подгрупп.

Таблица 7 - Воспринимаемый возраст «моделей», полученный на основе восприятия субъектом познания фото- (подгруппа 1) и видеоизображения (подгруппа 2) объектов познания

Номер модели	1	2	3	4	5	6	7	8
Хронологический возраст	22	22	23	45	23	22	21	21
Воспринимаемый возраст (по фото)	22,2	24,7	22,8	38,1	20,5	26,1	23,2	23,3
Воспринимаемый возраст (по видео)	22,2	22,8	22,6	38	19,9	24	22,2	22,8

К полученным данным был применен критерий знаковых рангов Уилкоксона ($Z = -2,366$, $p = 0,018$), который показал значимые различия результатов конструирования воспринимаемого возраста на основе его статической (фотоизображение) и динамической (видеоизображение) презентации. Воспринимаемый возраст «моделей» (по фото) оказался выше, чем воспринимаемый возраст тех же «моделей» (по видео), с учетом целостного динамического компонента внешнего облика. То есть, «модели», чей динамический компонент внешности был доступен для анализа, воспринимались другими людьми как более молодые, чем эти же «модели» на фото, где динамический компонент внешнего облика был ограничен статическими позой, жестами и выражением лица.

Также мы провели сравнительный анализ данных (воспринимаемый возраст, сконструированный субъектами познания на основании восприятия фото- и видеоизображения), полученных на «возрастной модели». Так, с помощью частотного анализа был выявлен «размах» воспринимаемого возраста, приписываемого «возрастной модели» – от 27 до 52 лет (вне зависимости от типа ее предъявления – фото- или видеоизображение). Мы предположили, что воспринимаемый возраст «возрастной модели»,

представленный на основе динамической визуальной презентации, имеющей характерный для более молодой возрастной группы динамический компонент внешнего облика, будет отличаться от воспринимаемого возраста «возрастной модели», представленной на основе статической визуальной презентации. Как было показано выше, «возрастная модель» была предложена респондентам для оценки ее возраста в двух вариантах: первой подгруппе – на фото, второй – на видеозаписи, при этом танцевальные умения и навыки, стиль танца (современный) были выровнены с другими, более молодыми участниками. Иными словами, нами решалась задача – может ли субъект восприятия игнорировать визуальные сигналы физического внешнего облика, если динамический компонент внешнего облика будет им противоречить. Или, если «возрастная модель» будет вести себя «как молодая», в данном случае, танцевать в «молодежной манере», при наличии всех остальных возрастных признаков объекта восприятия (морщины, овал лица и т. п.), которые не были скрыты, позволит ли это субъекту восприятия приписать ей меньший возраст, чем в том случае, когда она ему представлена на фотоизображении, где динамический компонент «свернут». Таким образом, нами решался вопрос, перевесит ли динамический компонент внешнего облика (танцевально-экспрессивные движения, подобные движениям всех остальных в «молодой» группе) устойчивый и среднеустойчивый компоненты внешнего облика. Для этого мы применили критерий Манна – Уитни, сравнив воспринимаемый возраст «возрастной модели», полученный на основании восприятия ее фото- и видеоизображения. Полученные результаты (ср. ранг 1 группы = 55,38; ср. ранг 2 группы = 53,56; $Z = -0,302$; $a = 0,762$) позволили сделать вывод об отсутствии значимых различий. Это означает, что при восприятии «возрастной» модели ее внешний облик воспринимается целостно, с опорой на все три его компонента, и наличие «молодой» экспрессии не способно нивелировать сигналы устойчивого компонента внешнего облика.

Выводы. 1) Если экспрессивное поведение объекта познания доступно для восприятия, то объект познания воспринимается другими людьми как

более молодой, чем в ситуации восприятия по фотографии, где динамический компонент внешнего облика ограничен статическими позой, жестами и выражением лица; 2) Демонстрация «молодой» экспрессии, вступающей в противоречие с физическим компонентом, с элементами социального компонента внешнего облика не оказывает существенного влияния на результаты конструирования воспринимаемого возраста.

Обсуждение. Исследование показало, что в ситуации, при которой субъект познания сталкивается с противоречивыми сигналами, исходящими от различных компонентов внешнего облика объекта познания, он конструирует его возраст целостно. Наличие «молодой» экспрессии неспособно нивелировать сигналы устойчивого компонента внешнего облика, что подтверждает выявленную в большом количестве исследований [586, 596] ведущую роль устойчивого компонента внешнего облика при восприятии возраста.

4.2. Динамика отношений к объекту познания в связи с нарастанием возрастных изменений его внешнего облика

Целью исследования № 6 стало изучение динамики отношений симпатии–антипатии, уважения–неуважения, близости–отдаленности к объекту познания в связи с его воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений внешнего облика (по фотоизображению лица, трансформированного в приложении FaceApp от молодости к зрелости и пожилому возрасту). Исследование выполнено совместно с В.А. Лабунской, результаты исследования опубликованы [114, 438].

Дизайн и методы. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (Комплект № 5), в который вошли фотоизображения лица, трансформированного в приложении FaceApp. Фотоизображения объекта восприятия предъявлялись субъекту познания для оценки возраста и отношения к нему в случайном порядке. Отношение к

объекту восприятия было измерено с помощью «Методики исследования осознаваемых отношений личности к каждому члену группы и к себе» Т.А. Воронцовой [435]. Участникам исследования предлагалось оценить свое отношение к объекту познания (к каждой «модели», находящейся на различных возрастных этапах – «молодость», «зрелость», «пожилой возраст») по трем 8-балльным шкалам: «Симпатия–Антипатия» (СА), «Уважение–Неуважение» (УН), «Близость–Отдаленность» (БО). Шкалы в нашем исследовании имели следующие градации. Шкала СА: от 1 до 8 баллов, 1 балл – минимум антипатии и максимум симпатии к человеку, 8 баллов — максимум антипатии и минимум симпатии. Аналогичным образом построены и две другие шкалы. Эти цифры отражают интенсивность отношения к объектам восприятия: чем выше балл, тем выше интенсивность негативного отношения – антипатии, неуважения, отдаленности; чем ниже балл, тем выше интенсивность симпатии, уважения, близости. Фотографии «моделей» (ИФ – исходное фото), номер предъявления (НП), полученный в результате исследования их воспринимаемый возраст (соответствующий возрастным этапам «молодость», «зрелость», «пожилой возраст») приведены в Приложении Ж.

Выборка исследования № 6. В качестве субъектов восприятия выступили 334 человека в возрасте от 21 до 60 лет ($M=37,24$; $SD=10,46$), жители различных регионов России (88% выборки составили жители Южного Федерального округа, 12% выборки являлись жителями других округов). Выборка сбалансирована по полу (178 человек, или 53% выборки, составили женщины, 156 человек, или 47% выборки, составили мужчины) и возрасту (162 человека, или 49%, относятся к возрастному этапу «молодость» по классификации Д.Б. Эльконина; 172 человека, или 51%, относятся к возрастному этапу «зрелость»).

Результаты. Для проверки гипотезы 6 диссертационного исследования к данным, полученным по шкалам СА, УН, БО по каждой «модели» был применен дисперсионный анализ повторных измерений («RM-ANOVA») с

использованием программы SPSS Statistics 21. Проверка условия сферичности осуществлялась с помощью критерия Mauchly, в ситуациях отклонения от сферичности были использованы способы Greenhouse-Geisser и Huynh-Feldt. Проведенный анализ позволил сделать вывод о наличии/отсутствии значимых различий в средних значениях изучаемых видов отношений субъектов познания к каждой «модели» в зависимости от условного возрастного этапа, ассоциированного с изменениями ее внешнего облика. В качестве 1-го измерения выступило отношение к «модели» на условном этапе «молодость», 2-го измерения — «зрелость», 3-го измерения — «пожилой возраст». Анализ включал в себя также апостериорные сравнения с использованием парного критерия Стьюдента (с учетом поправки Бонферрони), в результате чего были получены данные о значимых различиях между первым и вторым измерениями; вторым и третьим; а также первым и третьим. Результаты RM-ANOVA представлены в Таблице И.23.

Проведенный анализ показал наличие значимых различий в средних значениях изучаемых видов отношений субъектов познания к большинству «моделей» в зависимости от возрастного этапа, ассоциированного с изменениями внешнего облика. Значимые различия получены по подавляющему большинству «моделей» (по 11 по шкале С-А, по 8 — по шкале УН, по 10 — по шкале БО), выстроены профили динамики отношений по шкалам / по «моделям»-женщинам и «моделям»-мужчинам, приведенные на Рисунках 12-17.

По шкале СА (Рисунок 12) зафиксировано значимое «последовательное» повышение антипатии (так называемый «линейный» тренд) к четырем женщинам (1Ж, 2Ж, 3Ж, 6Ж); относительно «моделей» 4Ж и 5Ж обнаружена разнонаправленная динамика: незначительное повышение антипатии на условном этапе «зрелость» и значительное уменьшение антипатии (относительно первого и второго измерений) на этапе «пожилой возраст» (4Ж) и значительное снижение антипатии на условном этапе «зрелость» и незначительное повышение на этапе пожилой возраст (5Ж). В

целом, относительно этих двух «моделей» можно говорить о снижении антипатии.

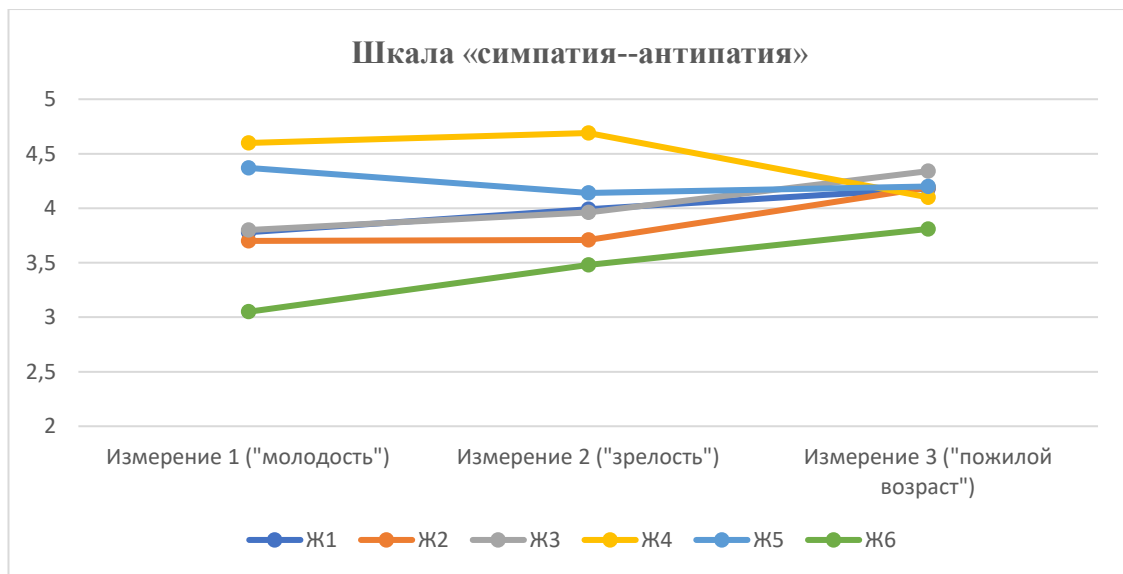

Рисунок 12 – Динамика отношения к «моделям»-женщинам по шкале «симпатия—антипатия»

По шкале УН (Рисунок 13) значимая динамика зафиксирована относительно четырех «моделей»: 1Ж («последовательное» повышение неуважения); 3Ж (незначительное снижение неуважения на втором измерении, далее значимое увеличение); 4Ж (незначительное увеличение неуважения на втором измерении, далее значимое снижение); 5Ж («последовательное» снижение неуважения).

По шкале БО (Рисунок 14) фактор «возрастная трансформация внешнего облика» повлиял на отношение ко всем «моделям», в 50% случаев тренд динамики — увеличение отдаленности, в 50% случаев динамика не так однозначна: 1Ж (значительное уменьшение отдаленности на этапе «зрелость», далее значимое увеличение отдаленности); 4Ж (незначительное увеличение отдаленности на этапе «зрелость», далее значимое снижение); 5Ж (значимое снижение отдаленности на этапе «зрелость», далее незначительное увеличение).

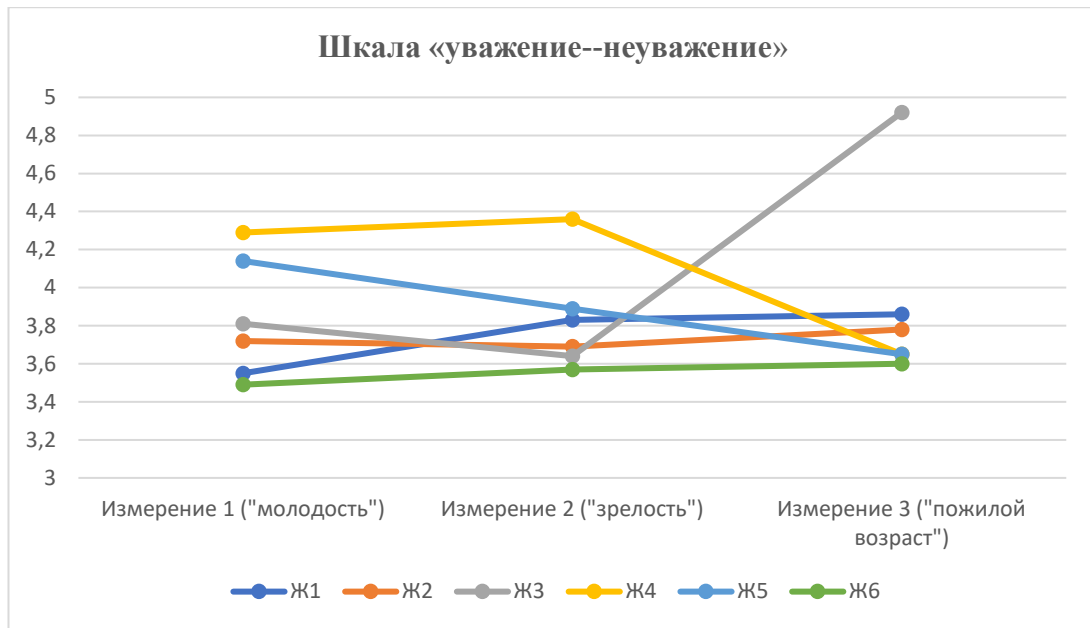

Рисунок 13 - Динамика отношения к «моделям»-женщинам по шкале «уважение—неуважение»

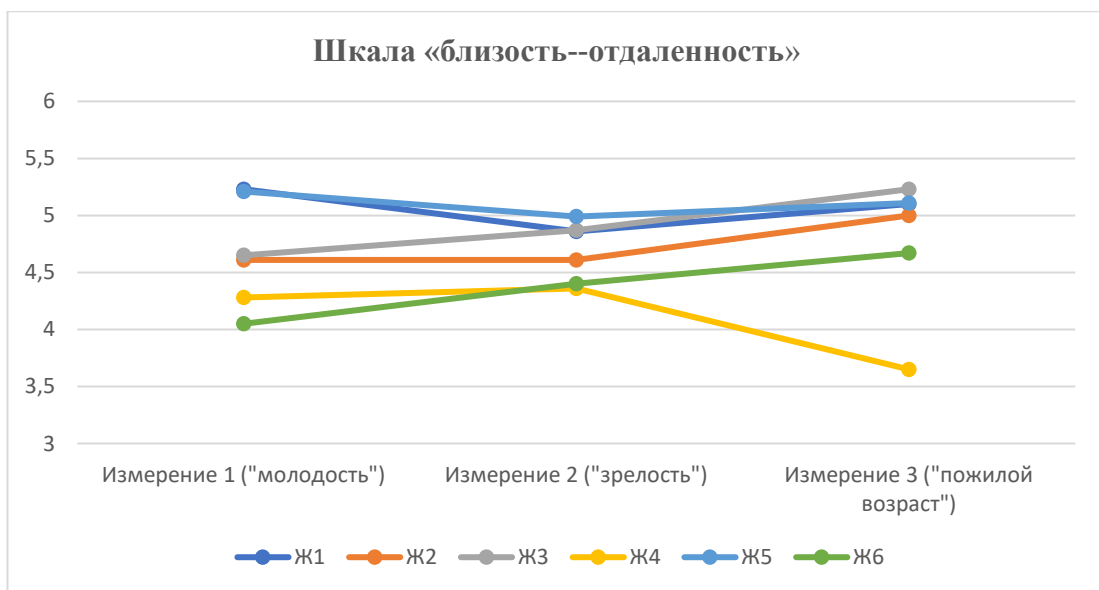

Рисунок 14 – Динамика отношения к «моделям»-женщинам по шкале «близость—отдаленность»

По «моделям»-мужчинам получены следующие результаты.

По шкале СА (Рисунок 15) значимая динамика отношений обнаружена относительно пяти мужчин из шести: 1М (значимое увеличение антипатии на этапе «зрелость», далее незначительное снижение); 2М (незначительное увеличение антипатии на этапе «зрелость», далее значимое увеличение антипатии); 3М (незначительное увеличение антипатии, далее резкое

снижение антипатии относительно первого и второго измерений); 5М (незначительное увеличение антипатии на этапе «зрелость», далее значимое относительное второго измерения снижение антипатии); 6М (значимое увеличение антипатии на этапе «зрелость», далее незначительное ее снижение). То есть в трех случаях из пяти обнаружено увеличение антипатии, в двух — значимое снижение.

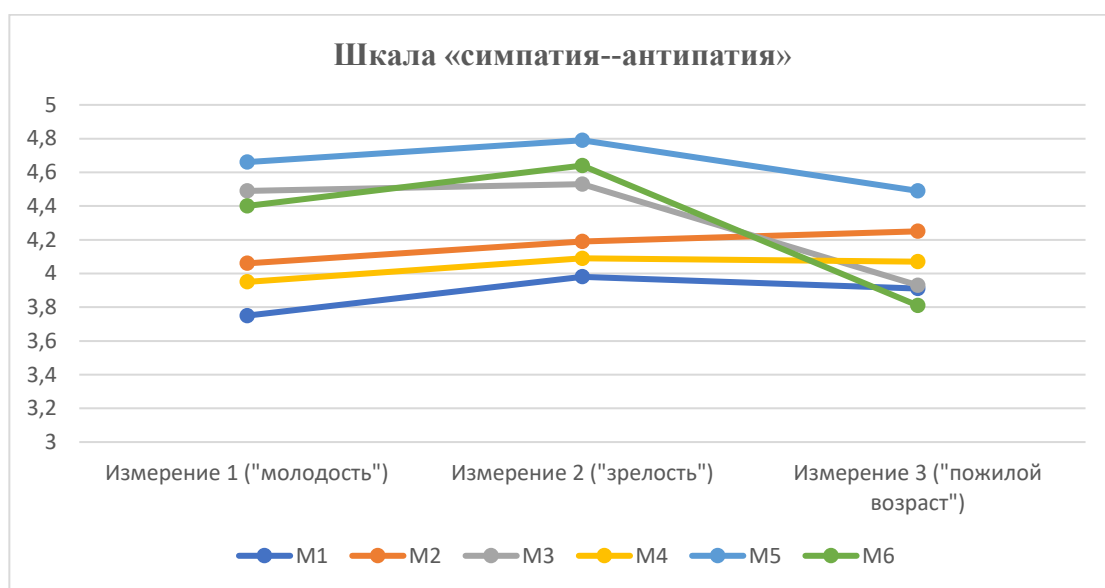

Рисунок 15 – Динамика отношения к «моделям»-мужчинам по шкале «симпатия—антипатия»

Самые интересные результаты, на наш взгляд, получены по шкале УН (Рисунок 16). Динамика по ней имеет сходный профиль у всех «моделей»-мужчин, у четырех из них динамика значимая ($p \leq 0,01$): это незначительное изменение отношения к «модели» на этапе «зрелость», далее значительное снижение неуважения (увеличение уважения) на этапе «пожилой возраст». Причем этот профиль динамики обнаружен относительно мужчин-«моделей», к которым были применены все использованные технологии трансформации лица. То есть, независимо от варианта возрастной трансформации лица, нами обнаружен «универсальный» тренд динамики отношения по шкале УН к молодым, зрелым и пожилым мужчинам, а именно – значительное увеличение уважения.

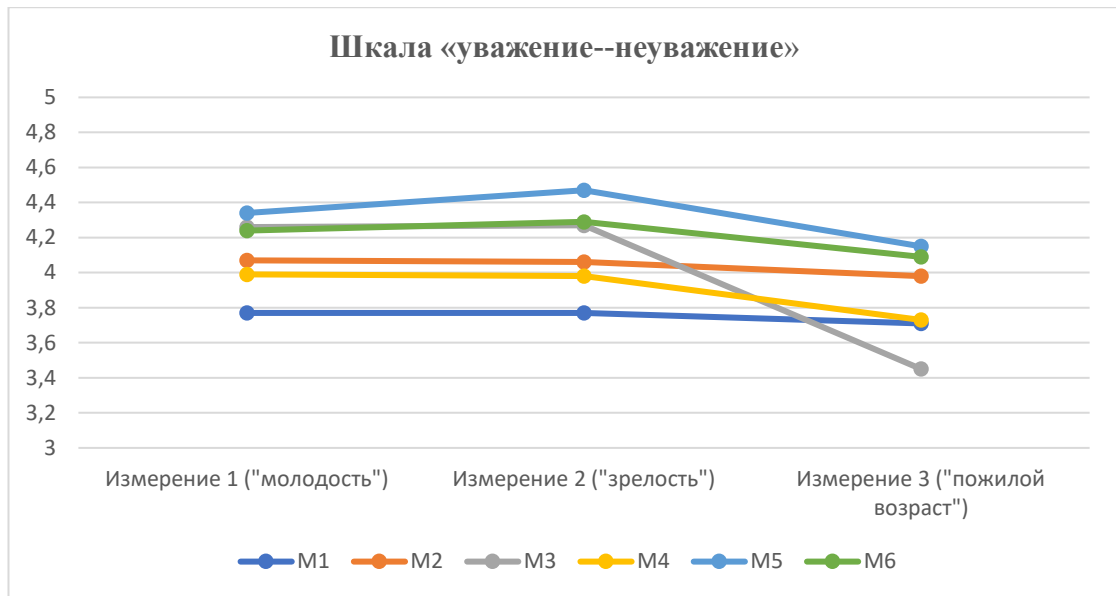

Рисунок 16 – Динамика отношения к «моделям»-мужчинам по шкале «уважение—неуважение»

По шкале БО (Рисунок 17) динамика разнонаправленная: к «моделям» 1М и 2М субъекты восприятия демонстрируют значимое увеличение отдаленности (особенно при сравнении первого и третьего измерений); к «модели» 3М выраженность отдаленности снижается (при сравнении второго и третьего, а также первого и третьего измерений); к «модели» 5М на этапе «зрелость» незначительно увеличивается, а затем снижается до прежнего уровня.

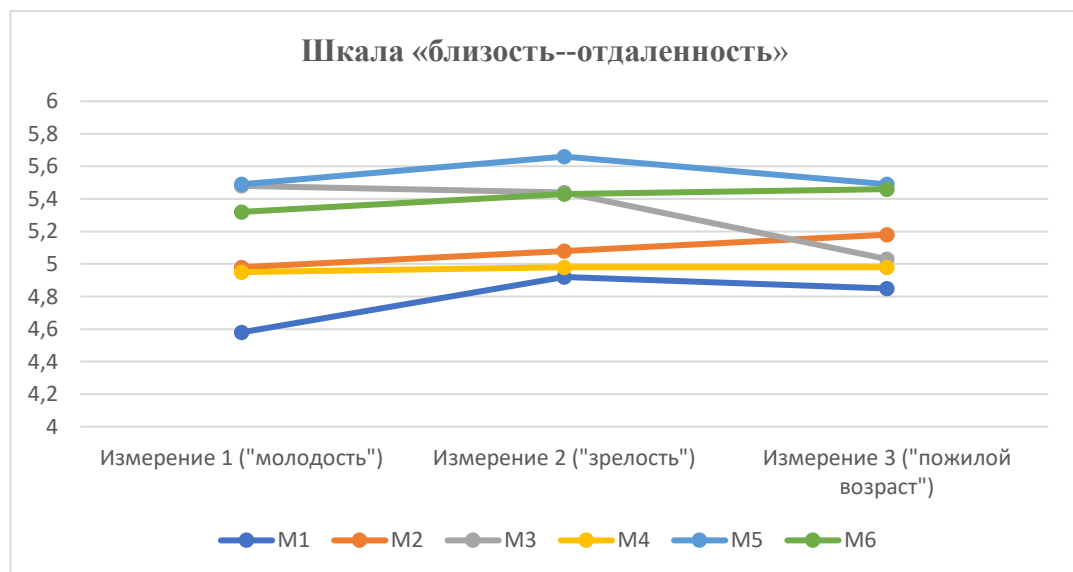

Рисунок 17 – Динамика отношения к «моделям»-мужчинам по шкале «близость—отдаленность»

Выводы. 1) Отношение субъектов познания к объектам познания значительно изменяется в зависимости от воспринимаемого возраста, ассоциированного с изменениями внешнего облика (от молодости к зрелости и пожилому возрасту). 2) Обнаружены следующие тенденции динамики отношений субъекта познания к объекту познания, связанной с нарастанием возрастных изменений его внешнего облика вне зависимости от гендерного фактора: увеличение антипатии (в 64% наблюдений); снижение антипатии (в 36% наблюдений); возрастание неуважения (в 25% наблюдений); снижение неуважения (в 75% наблюдений); увеличение/снижение отдаленности (50% и 50%). 3) Обнаружены гендерные различия в динамике отношений к «моделям»: это увеличение уважения к «моделям»-мужчинам, в отличие от разнонаправленной динамики уважения к «моделям»-женщинам.

Обсуждение. Зафиксированная динамика отношений обнаруживает доброжелательный (увеличение уважения) и враждебный эйджизм (увеличение антипатии) по отношению к пожилым людям, имеющим явные возрастные изменения внешнего облика. Также разнонаправленная динамика по шкале «уважение-неуважение» к мужчинам и женщинам подтверждает современные данные об амбивалентности (враждебный / доброжелательный сексизм) гендерных установок, которые обсуждаются в работах Е.А. Силиной, Т.Л. Крюковой [379]; Е.А. Силиной, Т.П. Опекиной, Т.Л. Крюковой [380]; Т.П. Опекиной, Н.С. Шиповой, Т.Л. Крюковой [294], а также существование возрастного стереотипа, многократно растиражированного в СМИ, литературе и искусстве: «женщина стареет, мужчина мужает» [97]. На наш взгляд, то, что перед оценкой своего отношения к модели был задан вопрос о ее возрасте, актуализировало возрастные стереотипы субъектов познания, которые, в соответствии с моделью Fiske and Neuberg [482], далее могли быть перенесены на объект познания. В соответствии с данной моделью, если пожилой человек классифицируется как относящийся к категории пожилых людей, отношение к пожилым людям в целом может быть перенесено на конкретного пожилого человека. Объяснение полученным данным можно также искать в

закономерности, обнаруженной в зарубежных исследованиях [514], которая названа «молодые люди предпочтительнее пожилых людей», а также в отечественных работах [150], посвященных изучению образа мужчины и женщины в русских пословицах и поговорках, касающихся возраста, для которых характерны скорее пренебрежительные характеристики стариков, как мужчин, так и женщин. Также ученые говорят о «возрастной стигме» [514], которая может проявляться через актуализацию возрастных стереотипов и предубеждений по отношению к пожилым людям по типу доброжелательного и враждебного эйджизма.

Еще одна линия интерпретации полученных данных может идти через следующую логическую связь: возрастные изменения на лице (опущенные уголки рта и т. п.) искажают эмоциональные атрибуции [514], которые, в свою очередь, влияют на оценку отношения к объекту восприятия. При этом, как показано в обзоре М. Folster и коллег [514], большинство исследований, в которых сообщается о негативном отношении к пожилым людям, были проведены с участием молодых людей в качестве воспринимающих. Выборка нашего исследования сбалансирована с точки зрения возрастного этапа субъектов восприятия, что и позволило, на наш взгляд, выявить и противоположную тенденцию: увеличение симпатии, уважения и близости к пожилым людям.

4.3. Влияние социально-психологических и личностно-субъектных характеристик объекта познания на конструирование его воспринимаемого возраста в процессе социального познания

В данном параграфе представлены результаты исследований по проверке гипотез 1 и 2 диссертационной работы, посвящённых выявлению социально-психологических и личностно-субъектных факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания, а также их сочетаний в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни.

4.3.1. Социально-психологические корреляты и предикторы желаемого воспринимаемого возраста

Цель исследования № 7: выявление предикторов и коррелятов разницы между хронологическим (ХВ) и желаемым воспринимаемым возрастом (ЖВВ) человека, которая рассматривается нами как проявление потребности «выглядеть моложе» (ПВМ) своих лет. Исследование выполнено при участии А.Г. Артамоновой, результаты исследования опубликованы [111, 116, 129].

Методы и методики. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», Комплект № 6. Методики: 1) Анкета «Самооценка возраста»; 2) Комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской [389] в соавторстве с другими, для диагностики отношения к своему внешнему облику: анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской и Е.В. Капитановой; методика «Ценность и значимость внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности» В.А. Лабунской, Г.В. Серикова; методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской; шкала appearance-перфекционизма К. Сривастава.

Выборка исследования: 637 человек в возрасте от 21 года до 75 лет (235 мужчин, 402 женщины). Выборка исследования была разделена на подгруппы по возрасту [Эльконин, 1971]: 1) «Молодость» (21–34 года, 114 человек, 28 муж., 86 жен., Мвозр. = 26,48); 2) «Зрелость до 50 лет» (35–49 лет, 153 человека, 52 муж., 101 жен., Мвозр. = 42,35); 3) «Зрелость после 50 лет» (50–59 лет, 215 человек, 90 муж., 125 жен., Мвозр. = 53,93); 4) «Пожилой возраст» (60–75 лет, 155 человек, 65 муж., 90 жен., Мвозр. = 64,93).

Результаты. Для выявления выраженности ПВМ (ХВ-ЖВВ) на различных поло-возрастных подвыборках мы использовали описательные статистики [Таблица И.24]. Показатель ХВ-ЖВВ по общей выборке исследования принимает значения от - 7 до 55 лет, $M=9,85$, ст. откл.=7,67.

Отрицательные значения (респонденты хотят выглядеть старше своего возраста) показателя ХВ-ЖВВ обнаружены только у 5 человек (0,8 %), нулевые значения (респондент хочет выглядеть на свой возраст, что говорит об отсутствии у него ПВМ) обнаружены у 68 человек (10,7 %), у 564 (88,5 %) респондентов обнаружены положительные значения показателя ХВ-ЖВВ, что говорит о наличии ПВМ. То есть, подавляющее большинство респондентов (88,5 %) имеют актуальную потребность выглядеть моложе своего хронологического возраста. Среднее арифметическое показателя ХВ-ЖВВ с возрастом растет, равно как и его максимальные значения. Проведем анализ значимости различий в изучаемых подгруппах с точки зрения возраста и пола. Анализ показателей выраженности ПВМ представителей различных возрастных групп по критерию Крускала-Уоллиса представлен в Таблице 8.

Таблица 8 - Влияние фактора «возрастной этап» на выраженность ПВМ (параметра ХВ-ЖВВ) по критерию Крускала-Уоллиса

Возрастная группа	Среднее арифметическое ХВ-ЖВВ	Средний ранг по группам	Статистика критерия
Молодые	2,67	113,02	Хи-квадрат=201,058; p=0,000
Зрелость до 50	8,59	298,28	
Зрелость после 50	11,77	378,97	
Пожилые	13,68	404,38	

Приведенные результаты показывают влияние фактора «возрастной этап» на выраженность ПВМ: она значимо поступательно увеличивается с возрастом. Если в молодом возрасте разница желаемого и хронологического возраста составляет всего 2,67 года, то в возрасте «зрелость до 50» она составляет уже 8,59 лет, в возрасте «зрелость после 50» - 11,77 года, а в пожилом возрасте – 13,68 лет.

Для выявления влияния фактора «гендер» нами был применен t-критерий Стьюдента для сравнения показателя ХВ-ЖВВ в мужской и женской подвыборках сначала на основной выборке, а затем отдельно по возрастным группам, результаты приведены в Таблице 9. Если критерий равенства дисперсий Ливиня показывал неправомерность применения Т-критерия Стьюдента, то был применен критерий Манна-Уитни.

Таблица 9 - Влияние фактора «пол» на выраженность ПВМ (параметра ХВ-ЖВВ) по критерию Стьюдента или критерию Манна-Уитни (по возрастным подвыборкам)

Возрастная группа	М муж.	М жен.	Статистика критерия
Основная выборка	10,08	9,72	Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр.=311,61, ср. ранг 2 гр.=322,54, $Z=-0,725$ при $p=0,468$
Молодые	0,57	3,37	Использован критерий Стьюдента: $t=-4,767$ при $p=0,000$
Зрелость до 50	7,77	9,01	Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр.=69,57, ср. ранг 2 гр.=80,83, $Z=-1,493$ при $p=0,136$
Зрелость после 50	10,90	12,39	Использован критерий Стьюдента: $t=-1,609$ при $p=0,109$
Пожилые	14,89	12,81	Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр.=79,28, ср. ранг 2 гр.=77,08, $Z=-0,302$ при $p=0,763$

Как видно из Таблицы 9, влияние гендерного фактора обнаружено на подвыборке «Молодые». Женщины ориентированы на более молодой воспринимаемый возраст, чем мужчины, хотя выглядят моложе своих лет (в среднем, на 3,4 года), в сравнении с мужчинами, которые хотят выглядеть моложе в среднем на 0,6 года, то есть их желаемый воспринимаемый возраст приближен к хронологическому. В подгруппах «Зрелость до 50» и «Зрелость после 50» среднее арифметическое показателя ХВ-ЖВВ у женщин больше, чем у мужчин, но разница не значима с точки зрения статистики, что не позволяет нам сделать вывод о влиянии гендерного фактора на выраженность ПВМ в возрасте 35-75 лет. Также не обнаружено значимых гендерных различий изучаемого показателя в основной выборке исследования.

Для выявления психологических коррелятов показателя ХВ-ЖВВ применен корреляционный анализ Спирмена. В Таблице И.25 представлены значимые на уровне значимости 0,05 и 0,01 корреляции.

Наиболее высокие коэффициенты корреляции показателя ХВ-ЖВВ обнаружены с другими показателями самооценки возраста (ХВ-СВ, ХВ-СВВ, ХВ-ОВВ), а также с реальным воспринимаемым возрастом респондентов,

измеренным с помощью процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (ХВ-ВВ). То есть, участники исследования с выраженной ПВМ имеют молодой субъективный возраст (показатель ХВ-СВ); считают, что выглядят значительно моложе своих лет (показатель ХВ-СВВ); сообщают о том, что другие люди считают их выглядящими (ХВ-ОВВ) моложе своих лет, а также реально выглядят моложе своих лет (показатель «спасенные годы», или ХВ-ВВ). Также обнаружены связи с когнитивным (значимость внешнего облика для академической успеваемости, карьеры и образа жизни, оценка соответствия внешнего облика возрасту) и поведенческим (appearance-перфекционизм) компонентами отношения к своему внешнему облику. Люди с выраженной ПВМ фиксируют на уровне самооценок несоответствие своего внешнего облика возрасту. Также интерес вызывает обнаруженная нами взаимосвязь показателя ППЖ (планируемой продолжительности жизни) и ХВ-ЖВВ: чем выше ПВМ, тем более длительную жизненную перспективу определяет для себя человек.

На следующем этапе обработки данных, для выявления психологических предикторов ПВМ, был предпринят множественный регрессионный анализ (пошаговый метод). Перед процедурой нами был проведен анализ корреляционных связей между возможными предикторами, в результате которого были исключены переменные, корреляция между которыми была выше 0,5 (наличие таких переменных снижает ценность регрессионного анализа). Итоговый список возможных предикторов составили: разница между хронологическим и субъективным возрастом; разница между хронологическими и воспринимаемым возрастом; планируемая продолжительность жизни; экономический статус (был включен в окончательный список предикторов, так как показал свое влияние на изучаемую переменную на этапе предварительных подсчетов); удовлетворённость и обеспокоенность внешним обликом; значимость внешнего облика в сфере общения; интегральная оценка внешнего облика;

выраженность арреагансе-перфекционизма. Результаты представлены в Таблице И.26.

Результаты регрессионного анализа показали, что в качестве основных предикторов ПВМ выступают субъективный возраст ($\beta=0,368$), воспринимаемый возраст ($\beta=0,160$) и экономический статус ($\beta=-0,143$), причем первые 2 показателя увеличивают потребность, а экономический статус – снижает. Коэффициент детерминации составил 19,8 %, что свидетельствует о наличии и других факторов, влияющих на данную потребность, в качестве которых в данном исследовании рассматриваются ряд социальных факторов. С учетом доказанного ранее влияния на изучаемый показатель возрастного фактора, нами был проведен еще один раунд регрессионного анализа [Таблица И.27]; в перечень независимых переменных вошли показатели ХВ-СВ, ХВ-ВВ и возраст испытуемых.

Проведенный анализ показал, что наиболее высокий коэффициент детерминации (33,5 %) дает модель, в которой предикторами ПВМ выступают хронологический ($\beta=0,425$) и субъективный возраст ($\beta=0,262$) человека: чем старше становится человек, чем более выражено рассогласование его субъективного и хронологического возраста, тем больше актуализируется его ПВМ.

Выводы. 1) Психологическими коррелятами стремления выглядеть моложе своих лет выступают субъективный возраст; самооценка воспринимаемого возраста и представление об оценках воспринимаемого возраста другими людьми; реальный воспринимаемый возраст; арреагансе-перфекционизм; значимость внешнего облика (в сферах академической успеваемости / карьеры / образа жизни); оценка соответствия своего внешнего облика возрасту; планируемая продолжительность жизни; 2) основными предикторами потребности выглядеть моложе своих лет выступают субъективный и хронологический возраст.

Обсуждение. Выявленные психологические корреляты стремления выглядеть моложе своих лет позволяют описать психологический портрет

человека, который стремится к более молодому воспринимаемому возрасту. Это человек, который имеет молодой субъективный возраст и реально выглядит моложе своих лет (имеет более молодой воспринимаемый возраст); описывает себя как выглядящего моложе своего хронологического возраста; сообщает о том, что другие люди говорят ему о том, что он выглядит моложе своих лет; имеет высокий уровень арреансе-перфекционизма; имеет высокую ценность, значимость внешнего облика (особенно в сферах академической успеваемости, карьеры, образа жизни); имеет низкую оценку соответствия своего внешнего облика возрасту (считает, что его внешний облик не соответствует возрасту); собирается жить долго (имеет высокую планируемую продолжительность жизни).

Множественный регрессионный анализ позволил выстроить две регрессионные модели: 1) предикторами потребности выглядеть моложе выступают субъективный и воспринимаемый возраст, а также экономический статус – коэффициент детерминации данной модели 19,8%; 2) предикторами выступают хронологический и субъективный возраст – коэффициент детерминации модели 33,5 %. Наибольшей прогностической ценностью обладает вторая модель, в которой в качестве предикторов ПВМ выступают субъективный и хронологический возраст. Это позволяет понять логику формирования воспринимаемого возраста человека (конечной точки – того, как он выглядит в глазах других людей), начиная с начальной точки – с его ПВМ. Чем старше становится человек и чем более молодо он себя чувствует (относительно своего возраста), тем более выраженной становится его ПВМ. В соответствии с фундаментальными представлениями о социальных потребностях как ведущем факторе социального поведения, ПВМ запускает комплекс взаимосвязанных форм поведения и когнитивно-эмоциональных его компонентов, включающих отношение к своему внешнему облику, что приводит к реальному омоложению человека в глазах других людей.

4.3.2. Влияние субъективного возраста и отношения к своему внешнему облику на воспринимаемый возраст объекта познания с учетом факторов пола и возраста

В данном параграфе нами будет прояснен аспект взаимосвязи и влияния между субъективным и воспринимаемым возрастом, а также выявлено, какие компоненты отношения к своему внешнему облику будут предсказывать более молодой воспринимаемый возраст у людей, находящихся на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст». Результаты исследования опубликованы [110, 113, 115, 117].

Процедура, методики описаны в предыдущем параграфе, за исключением методики, которая была использована в этой части работы. Дополнительно для диагностики когнитивного компонента отношения к своему внешнему облику были применены «Шкалы диагностики представлений об оценках внешнего облика родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» В.А. Лабунской [389].

Выборка исследования. Из выборки, описанной в предыдущем параграфе, были извлечены данные 523 человек (207 мужчин и 316 женщин, далее «основная выборка») в возрасте от 35 до 75 лет. Основная выборка была разделена на две подгруппы по возрасту: 1) «Зрелые» - в нее вошли испытуемые от 35 до 59 лет включительно (368 человек, 142 мужчины и 226 женщин, $M = 49$ лет); 2) «Пожилые» - от 60 до 75 лет (155 человек, 65 мужчин и 90 женщин, $M = 65$ лет).

Результаты.

Для анализа данных с целью формирования списка переменных – возможных предикторов показателя ХВ – ВВ мы провели корреляционный анализ Спирмена: сначала на общей выборке, а затем отдельно на гендерно-возрастных подвыборках. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 28.

Корреляционный анализ позволяет сделать вывод, что показатель ХВ – ВВ имеет значимые взаимосвязи со всеми изучаемыми переменными: с субъективным возрастом, с показателями самооценки возраста, а также с параметрами когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов отношения к своему ВО. В целом, значительно моложе своего хронологического возраста в глазах воспринимающих их людей выглядят те участники исследования, которые чувствуют себя ($r = 0,205$); считают, что выглядят ($r = 0,340$); хотят выглядеть ($r = 0,226$), сообщают о том, что другие люди считают их выглядящими ($r = 0,383$) моложе своих лет; высоко удовлетворены ($r = 0,146$) и обеспокоены своим ВО ($r = 0,107$); стремятся к его совершенствованию ($r = 0,117$) и имеют высокий appearance-перфекционизм ($r = 0,109$); имеют представления о высоких оценках своего ВО другими людьми (друзьями-мужчинами $r = 0,185$; друзьями-женщинами $r = 0,127$; руководителем $r = 0,166$); имеют высокую субъективную значимость, ценность ВО в различных сферах (в сфере общения и дружбы $r = 0,154$; в сфере академической успеваемости $r = 0,108$; в сфере карьеры $r = 0,107$; в сфере семьи и романтических отношений $r = 0,144$; в сфере образа жизни $r = 0,122$ и счастья $r = 0,103$); имеют высокие позитивные самооценки как отдельных компонентов своего ВО (оценки лица $r = 0,152$; телосложения $r = 0,165$; оформления ВО $r = 0,148$; выразительного поведения $r = 0,155$), так и интегральные самооценки (высокую степень принятия своего отраженного ВО $r = 0,143$; соответствия гендеру $r = 0,088$; привлекательности ВО $r = 0,133$; сексуальности ВО $r = 0,130$; высокую интегральную оценку ВО $r = 0,164$).

Корреляционный анализ на гендерно-возрастных подвыборках показал сходные тенденции, за исключением ряда взаимосвязей: в подвыборке «Пожилые» нами не обнаружена связь параметра ХВ – ВВ с субъективным возрастом; обнаружена обратнопропорциональная взаимосвязь с оценкой соответствия ВО возрасту на подвыборках «Женщины» ($r = -0,118$) и «Зрелые» ($r = -0,116$); на подвыборке «Зрелые» параметр ХВ – ВВ оказался

связан обратнопропорциональной взаимосвязью с оценками ВО матерью ($r = -0,156$).

Проведенный анализ позволил составить список возможных социально-психологических предикторов показателя ХВ – ВВ для регрессионного анализа. Главными требованиями к формированию этого списка были следующие: 1) из перечня возможных предикторов должны быть исключены показатели, имеющие коэффициент корреляции между собой больше, чем 0,5; 2) в этот список должны были войти переменные, которые относились бы к разным видам самооценки возраста и параметрам отношения к своему ВО – когнитивному, эмоциональному, поведенческому и не дублировали бы друг друга, что могло понизить ценность полученных в результате множественного регрессионного анализа данных.

В результате проведенной работы в список предикторов вошли такие показатели, как ХВ – СВ (разница между хронологическим и субъективным возрастом), ХВ – ЖВВ (разница между хронологическим и желаемым ВВ), оценка ВО матерью, интегральная оценка ВО, удовлетворенность ВО, обеспокоенность ВО, арреанг-перфекционизм, экономический статус, а также интегральный показатель «значимость ВО», вычисленный как среднее арифметическое показателей значимости ВО в различных сферах. Результаты множественного регрессионного анализа представлены в Таблице 10.

Таблица 10 - Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); основная выборка $N = 523$)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-4,500	1,690		-2,662	0,008
ХВ – СВ	0,063	0,030	0,102	2,107	0,036
Значимость ВО	0,813	0,214	0,172	3,789	0,000
Оценка ВО матерью	-0,325	0,103	-0,148	-3,164	0,002
Интегральная оценка ВО	0,007	0,003	0,124	2,580	0,010
ХВ – ЖВВ	0,077	0,031	0,118	2,444	0,015
Экономический статус	0,761	0,345	0,104	2,210	0,028
Общие показатели регрессии	$R = 0,329$; $R^2 = 0,108$; $F = 8,919$; $p = 0,000$				

Как видно из Таблицы 10, в результате применения пошагового метода регрессии из 9-ти предикторов в уравнение регрессии оказались включены 6:

разница между хронологическим и субъективным возрастом, значимость ВО, оценка ВО матерью, интегральная оценка ВО, потребность выглядеть моложе своих лет и экономический статус. Коэффициент множественной корреляции R , который отражает связь зависимой переменной с совокупностью независимых переменных равен 0,329; значение R^2 составляет 0,108 и показывает, что 10,8 % дисперсии переменной ХВ – ВВ обусловлено влиянием предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β являются статистически достоверными, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния каждого из предикторов: на первом месте с точки зрения влияния на зависимую переменную находится значимость ВО, далее оценка ВО матерью, потом интегральная оценка ВО, далее – потребность выглядеть моложе своих лет, экономический статус и субъективный возраст (показатель ХВ – СВ). Каждая из переменных вносит примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней положительно, за исключением оценки ВО матерью. Этот предиктор входит в модель с отрицательным знаком, то есть снижает величину «спасенных лет».

Для выявления специфики влияния предикторов на зависимую переменную далее мы предприняли процедуру множественного регрессионного анализа на различных гендерно-возрастных подвыборках. Результаты проведенного анализа приведены в Таблицах 11 – 14.

Таблица 11 - Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); мужская подвыборка $N = 207$)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-5,147	1,773		-2,903	0,004
ХВ – СВ	0,096	0,043	0,159	2,212	0,028
Значимость ВО	0,840	0,368	0,160	2,281	0,024
Удовлетворенность ВО	0,454	0,220	0,148	2,067	0,040
Общие показатели регрессии	$R = 0,283$; $R^2 = 0,080$; $F = 5,405$; $p = 0,001$				

В модели, построенной на мужской подвыборке, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают три переменные: значимость ВО, субъективный возраст и удовлетворенность ВО.

Таблица 12 – Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); женская подвыборка $N = 316$)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-3,581	1,640		-2,184	0,030
ХВ – ЖВВ	0,138	0,044	0,184	3,114	0,002
Значимость ВО	0,757	0,251	0,180	3,013	0,003
Экономический статус	0,964	0,409	0,140	2,357	0,019
Общие показатели регрессии	$R = 0,294$; $R^2 = 0,086$; $F = 8,392$; $p = 0,000$				

В модели, построенной на женской подвыборке, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают три переменных: значимость ВО, потребность выглядеть моложе своего возраста и экономический статус.

Таблица 13 – Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); подвыборка «Зрелые» $N = 368$)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-2,541	1,662		-1,528	0,127
ХВ – СВ	0,080	0,034	0,127	2,331	0,020
Оценка ВО матерью	-0,468	0,120	-0,216	-3,896	0,000
Интегральная оценка ВО	0,012	0,003	0,201	3,564	0,000
Значимость ВО	0,654	0,258	0,136	2,537	0,012
Общие показатели регрессии	$R = 0,329$; $R^2 = 0,108$; $F = 9,469$; $p = 0,000$				

В модели, построенной на подвыборке зрелых взрослых в возрасте от 35 до 59 лет, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают четыре переменных: оценка ВО матерью (с отрицательным знаком), интегральная оценка ВО, значимость ВО и субъективный возраст.

Таблица 14 – Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); подвыборка «Пожилые» $N = 155$)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-2,835	1,815		-1,562	0,121
Удовлетворенность ВО	0,679	0,225	0,253	3,025	0,003
Значимость ВО	0,934	0,336	0,232	2,779	0,006
Общие показатели регрессии	$R = 0,337$; $R^2 = 0,113$; $F = 8,122$; $p = 0,000$				

В модели, построенной на подвыборке пожилых взрослых в возрасте от 60 до 75 лет, предикторами показателя ХВ – ВВ выступили две переменных из предполагаемых девяти: удовлетворенность своим ВО и значимость ВО. Очевидно, что на этом возрастном этапе можно предположить влияние иных факторов на зависимую переменную. На следующем раунде регрессионного

анализа нами было решено включить в перечень независимых переменных показатель планируемая продолжительность жизни, которая по результатам проведенного нами на первом этапе корреляционного анализа показала $r = 0,247$ при уровне значимости $p = 0,003$ с показателем «спасенные годы». Это дало значительный прирост коэффициента детерминации (R^2) до 15,8 %. Результаты приведены в Таблице 15.

Таблица 15 – Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (XB – BB); метод: stepwise (по шагам); подвыборка «Пожилые» $N = 155$; в перечень предикторов включен фактор «планируемая продолжительность жизни»)

Модель	B	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-10,800	3,776		-2,860	0,005
Удовлетворенность ВО	0,707	0,229	0,260	3,088	0,003
Значимость ВО	0,965	0,344	0,237	2,804	0,006
Планируемая продолжительность жизни	0,088	0,038	0,197	2,328	0,022
Общие показатели регрессии	$R = 0,397$; $R^2 = 0,158$; $F = 7,436$; $p = 0,000$				

Выводы: 1) Выявлены социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста объекта познания на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст»: субъективный возраст, значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика, оценка внешнего облика матерью, потребность выглядеть моложе своих лет, экономический статус. 2) Сочетание социально-психологических предикторов воспринимаемого возраста различно в зависимости от гендера и возрастного этапа жизни. Выявлены универсальные и специфичные для гендерно-возрастных групп предикторы воспринимаемого возраста. 3) Наибольшей прогностической ценностью обладает регрессионная модель, выстроенная на данных участников исследования пожилого возраста (от 60 до 75 лет), в которую вошли сочетание предикторов «значимость внешнего облика», «удовлетворенность внешним обликом» и «планируемая продолжительность жизни». 4) Поведенческий компонент отношения к своему внешнему облику (выраженность appearance-перфекционизма) не влияет на показатель разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом («спасенные годы»).

Обсуждение. Проведенное исследование позволило впервые выделить основные социально-психологические предикторы, влияющие на показатель «спасенные годы» взрослых в возрасте 35-75 лет: это субъективный возраст (разница между хронологическим и субъективным возрастом), значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика, выраженность потребности выглядеть моложе своих лет (измеренная в количестве лет, на которые человек хочет выглядеть моложе своего хронологического возраста), экономический статус и представление об оценке своего внешнего облика матерью. Все предикторы, за исключением оценки внешнего облика матерью, входят в уравнение регрессии со знаком «+» и увеличивают значение показателя разницы между хронологическим и ВВ. В базовый перечень предикторов вошли параметры самооценки возраста (субъективный возраст и желаемый воспринимаемый возраст) и когнитивного компонента отношения к своему внешнему облику (значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика и представление об оценке внешнего облика матерью). Несмотря на статистическую значимость проведенных нами процедур регрессионного анализа, коэффициент детерминации составил 10,8 %, что еще раз показывает сложную детерминацию воспринимаемого возраста, на который, помимо социально-психологических, оказывает влияние целый комплекс факторов, от генетических до социокультурных.

Проведенный нами дополнительный регрессионный анализ по отдельным гендерно-возрастным подвыборкам позволил нам уточнить влияние изучаемых предикторов в зависимости от гендера и возрастного этапа жизни. Нами обнаружены универсальные и специфичные для гендерно-возрастных групп предикторы воспринимаемого возраста. В качестве универсального предиктора выступает значимость внешнего облика, которая определяет воспринимаемый возраст как мужчины, так и женщины, как в зрелом, так и в пожилом возрасте. То есть, высокая значимость внешнего облика является системообразующим фактором, который при сочетании с другими психологическими факторами, позволяет предсказать, какой человек

будет выглядеть моложе своих лет: 1) это мужчина (модель 2), который считает, что «внешний облик имеет значение», имеющий субъективный возраст, значительно ниже своего хронологического возраста и удовлетворённый своим внешним обликом; 2) это женщина (модель 3), также имеющая высокую значимость внешнего облика, высокий экономический статус и которая хочет выглядеть значительно моложе своих лет; 3) на возрастном этапе «зрелость» (модель 4) это те взрослые, которые имеют низкий субъективный возраст, высокую значимость и положительную интегральную оценку внешнего облика, средние оценки их внешнего облика матерью; 4) на возрастном этапе «пожилой возраст» (модель 5) показатель «спасенные годы» определяют значимость внешнего облика, удовлетворенность им и планируемая продолжительность жизни, причем данные предикторы обладают большей прогностической ценностью, чем в любой другой подгруппе (объясняют 15,8 % дисперсии переменной ХВ – ВВ). Неожиданным результатом исследования явилось то, что поведенческий компонент отношения к своему внешнему облику (выраженность appearance-перфекционизма) не влияет на «спасенные годы».

Таким образом, сочетание социально-психологических предикторов воспринимаемого возраста изменяется в зависимости от пола и возрастного этапа жизни. В качестве универсального предиктора в зрелом и в пожилом возрасте выступает значимость внешнего облика, которая определяет воспринимаемый возраст как мужчины, так и женщины.

4.3.3. Сравнительный анализ отношения к своему внешнему облику и воспринимаемого возраста мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст»

Для уточнения роли отношения к своему внешнему облику объекта познания в конструировании его воспринимаемого возраста в рамках исследования № 7 в данном параграфе проведен сравнительный анализ

мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст». В этой части работы обработка данных была осуществлена при участии А.Г. Артамоновой, результаты исследования опубликованы [118, 119]. Процедура, методики и выборка описаны в предыдущем параграфе.

Результаты.

На первом этапе обработки данных нами был проведен сравнительный анализ показателя ХВ-ВВ и параметров отношения к своему внешнему облику в мужской и женской подвыборках с использованием Т-критерия Стьюдента. Правомерность применения Т-критерия Стьюдента проверялась с помощью критерия равенства дисперсий Ливиня; в противном случае применялся критерий Манна-Уитни. Обнаружено, что в подвыборке мужчин среднее арифметическое показателя ХВ-ВВ=0,82 года, а в женской подвыборке 2,66 лет; различия значимы ($t=-4,458$, $p=0,000$). То есть, женщины выглядят в глазах других людей значительно моложе, чем мужчины, и выявленная закономерность характерна не только для мужчин и женщин-ровесников, как было представлено выше, но и для мужчин и женщин разных возрастов, начиная с 35 до 75 лет. Сравнения показателя ХВ-ВВ мужчин и женщин отдельно по возрастным группам 35-59 и 60-75 лет показало, что между мужчинами и женщинами в возрасте 35-59 есть значимые различия ($t=-5,278$, $p=0,000$, $M \text{ муж.}=-0,41$, $M \text{ жен.}=2,08$), а между мужчинами и женщинами в возрасте 60-75 лет – нет ($t=-0,857$, $p=0,000$, $M \text{ муж.}=3,49$, $M \text{ жен.}=4,12$). В Таблице И.29 приведены описательные статистики показателя ХВ-ВВ у мужчин и женщин в изучаемых возрастных группах, в Таблице И.30 – результаты сравнительного анализа параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «Зрелость» и «Пожилой возраст» по Т-критерию Стьюдента.

Анализ данных, приведенных в Таблице И.29, позволяет сделать вывод, что наибольшая разница между хронологическим и ВВ как в подгруппе мужчин, так и в подгруппу женщин, наблюдается в пожилом возрасте: в среднем 3,5 года у мужчин и 4 года у женщин. Данный вывод подтвержден

также наличием корреляционной связи возраста и показателя ХВ-ВВ: в подгруппе мужчин ($N=207$) $r=0,341$ при $p=0,000$, в подгруппе женщин ($N=316$) $r=0,236$ при $p=0,000$.

Сравнительный анализ параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин на возрастном этапе «зрелость» обнаружил значимые различия во всех изучаемых компонентах отношения к ВО:

1) в оценках отдельных компонентов и в интегральных оценках ВО – у женщин значительно более высокие оценки своего лица, оформления ВО, выразительного поведения, выше степень принятия своего отраженного ВО, оценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола, оценка сексуальности и интегральная оценка ВО, при этом значительно ниже оценка возрастной привлекательности ВО и оценка соответствия ВО гендерным ролям;

2) обнаружены значимые различия в представлениях об оценках своего ВО – женщины считают, что их ВО более высоко оценивается друзьями-мужчинами, а мужчины – матерью;

3) женщины значительно более обеспокоены своим ВО;

4) женщины имеют более высокие показатели стремления к совершенствованию своего ВО и *appearance*-перфекционизма.

При этом, на этапе «пожилой возраст» обнаружено лишь два значимых различия: параметра «представления об оценке своего ВО друзьями мужчинами» (женщины в большей степени, чем мужчины, фиксируют положительные оценки своего ВО друзьями-мужчинами), а также «стремления к совершенствованию своего ВО» (у женщин оно значительно выше, чем у мужчин).

На следующем этапе анализа данных мы провели корреляционный анализ Спирмена показателя ХВ-ВВ и параметров отношения к своему ВО отдельно на подвыборках мужчин и женщин в возрасте 35-59 лет (зрелость) и 60-75 лет (пожилой возраст), результаты которого приведены в Таблице И.31.

Нами обнаружено, что показатель ХВ-ВВ мужчин и женщин имеет ряд взаимосвязей с параметрами отношения к своему ВО, которые опосредованы этапом жизненного пути:

1) ХВ-ВВ женщин в возрасте зрелости (35-59 лет) взаимосвязаны прямопропорциональной взаимосвязью с ценностью, значимостью ВО для общения и дружбы, карьеры, семейных отношений, в том числе и со средним показателем значимости ВО; с показателями оценки ВО (оценкой лица, телосложения, выразительного поведения, оценкой привлекательности ВО для партнера противоположного пола, сексуальности, интегральной оценкой ВО); с удовлетворенностью ВО и обратнопропорционально с показателем оценки соответствия ВО возрасту. То есть, женщины в возрасте 35-59 лет, которые оценивают свой ВО как не соответствующий возрасту; имеют высокую ценность, значимость ВО, особенно с сферах общения и дружбы, карьеры и семейных отношений; имеют позитивные оценки своего ВО, особенно лица, телосложения, выразительного поведения, привлекательности и сексуальности, а также удовлетворенные своим ВО, выглядят значительно моложе своих лет в глазах других людей.

2) ХВ-ВВ женщин пожилого возраста в меньшей степени обусловлены параметрами отношения к своему ВО: зафиксированы обратнопропорциональная взаимосвязь с оценкой соответствия ВО возрасту и прямопропорциональная с показателями оценок ВО другими людьми (друзьями-мужчинами и руководителем). Женщины пожилого возраста, выглядящие значительно моложе своих лет, осознают несоответствие своего ВО возрасту и фиксируют высокие оценки своего ВО мужчинами и руководителем (если работают в настоящий момент, то реальные оценки, если нет – то ретроспективно).

3) ХВ-ВВ мужчин в возрасте 35-59 имеют прямопропорциональные взаимосвязи с показателем удовлетворенности своим ВО и обратнопропорциональную взаимосвязь с оценкой ВО отцом; в возрасте 60-75 – так же с показателем удовлетворенности своим ВО, с оценкой ВО значимыми

другими (особенно друзьями-мужчинами), с показателем значимости ВО для общения и дружбы, а также с интегральной оценкой ВО. Проведенный анализ обнаруживает особую роль в конструировании ВВ мужчин их удовлетворённости своим ВО: мужчины, удовлетворенные своим ВО, идентифицируются другими людьми как выглядящие значительно моложе своих лет. В отличие от женщин, «спасенные годы» пожилых мужчин в большей степени взаимосвязаны с параметрами отношения к своему ВО: моложе своих лет выглядят мужчины, имеющие высокую интегральную самооценку ВО, а также оценку ВО значимыми другими (особенно друзьями-мужчинами).

Выводы: 1) Воспринимаемый возраст мужчин и женщин в зрелом возрасте значимо различается: женщины выглядят значительно моложе мужчин (показатель «спасенные годы» у женщин больше аналогичного показателя у мужчин на 2,5 года,); в пожилом возрасте различия «спасенных лет» у мужчин и женщин незначимы, они в среднем выглядят моложе своего хронологического возраста на 3,5–4 года; 2) Обнаружены значительные гендерные различия в отношении к своему внешнему облику мужчин и женщин зрелого возраста, которые объясняют разницу в воспринимаемом возрасте мужчин и женщин: женщины имеют более позитивные оценки как отдельных компонентов внешнего облика, так и его интегральные оценки, более обеспокоены своим внешним обликом, в большей степени стремятся к совершенствованию своего внешнего облика, имеют более высокий уровень appearance-перфекционизма и более низкую оценку возрастной привлекательности своего внешнего облика. 3) Описаны взаимосвязи показателя «спасенные годы» мужчин и женщин с параметрами отношения к своему внешнему облику, опосредованные этапом жизненного пути; показано, что воспринимаемый возраст женщин в зрелом возрасте в большей степени обусловлен их отношением к своему внешнему облику, чем женщин в пожилом возрасте; выявлена роль удовлетворенности мужчин своим внешним обликом в конструировании их возраста в процессе социального познания.

Обсуждение. Исследование показало, что женщины в возрасте зрелости выглядят значительно моложе мужчин аналогичного возраста; в пожилом возрасте расхождение между хронологическим и ВВ у мужчин и женщин незначимо (и те, и другие в среднем выглядят моложе своих лет на 3,5–4 года). Это вывод подтверждает закономерность, обнаруженную нами на мужчинах и женщинах-ровесниках зрелого возраста нами, а также другими учеными [146]. Ограничением предыдущего исследования выступал узкий круг «моделей» для оценки возраста (мужчин и женщин-ровесников), в данном исследовании вывод сделан на выборке более, чем 500 испытуемых.

Также мы обнаружили значительные гендерные различия в отношении к своему ВО мужчин и женщин зрелого возраста, которые, на наш взгляд, могут объяснить обнаруженную нами разницу в ВВ мужчин и женщин: женщины имеют более позитивные оценки отдельных компонентов ВО (лица, оформления ВО, выразительного поведения) и интегральные оценки ВО (высокую степень принятия так называемого «отраженного ВО» (термин В.А. Лабунской [219], означает принятие своего отражения в зеркале, фотографий, видео и т.п.), высоко оценивают привлекательность и сексуальность ВО, в целом, имеют высокую интегральную оценку своего ВО); женщины имеют более высокую обеспокоенность своим ВО, высокие показатели стремления к совершенствованию своего ВО и appearance-перфекционизма. Ранее мы объясняли разницу в восприятии возраста ровесников - мужчин и женщин гендерными ожиданиями и стереотипами субъектов восприятия (то есть видели причины гендерной асимметрии в восприятии возраста в «глазах смотрящего»), теперь же мы выявили еще один важнейший фактор конструирования ВВ – это отношение к своему ВО объекта восприятия. Так, высокая обеспокоенность своим ВО, стремление к его совершенствованию, более высокий уровень перфекционизма, связанного со своим ВО у женщин (в сравнении с мужчинами), положительная фиксация на своем ВО (позитивные оценки компонентов ВО и интегральные оценки) задают стратегии и практики организации ВО у женщин и, в результате, приводят к

тому, что женщины выглядят значительно моложе мужчин. При этом, зафиксированные различия, на наш взгляд, обнаруживают действие тех же гендерно-возрастных стереотипов и ожиданий, но уже на уровне объекта восприятия. При всех описанных выше позитивных оценках ВО женщины, в сравнении с мужчинами, имеют более низкую оценку возрастной привлекательности своего ВО: их в большей степени, чем мужчин, беспокоит появление внешних признаков старения, они считают, что с возрастом становятся внешне менее привлекательными. Мужчины, напротив, считают, что с возрастом не теряют своей внешней привлекательности. Также обнаружено, что мужчины имеют более позитивные представления об оценке своего ВО матерью, чем женщины. Результаты нашего исследования частично совпадают с данными H.L. Quittkat и коллег [614], полученными на немецкой выборке: и в нашем исследовании, и в исследовании немецких ученых показано, что женщины имеют более позитивные оценки своего ВО и ярко выраженный поведенческий компонент отношения к ВО, при этом нами не зафиксированы различия в удовлетворенности ВО и ценности, значимости его в различных сферах, немецкие же коллеги фиксируют более высокую неудовлетворенность телом и важность внешности у женщин. Вероятно, различия в результатах обусловлены тем, что западные коллеги фиксируют, в первую очередь, показатели отношения к физическому компоненту ВО, мы же опираемся на социально-психологическую трактовку внешнего облика.

Также нами зафиксированы взаимосвязи показателя «спасенные годы» мужчин и женщин с параметрами отношения к своему ВО, показано, что эти взаимосвязи опосредованы этапом жизненного пути. Данный вывод подтверждает важнейшие положения социальной психологии ВО [79, 82, 389] о связи восприятия и оценок ВО (своего и другого человека) с этапом жизненного пути как субъекта, так и объекта восприятия. Нам кажется особенно важным и интересным, что наибольшее количество связей изучаемых показателей обнаружено в подвыборке женщин зрелого возраста, причем часть этих взаимосвязей зафиксирована с теми параметрами

отношения к своему ВО, по которым женщины и мужчины имеют значимые различия – это связи с оценкой лица, выразительного поведения, привлекательности ВО, сексуальности и интегральной оценки ВО. Женщины с высокой степенью выраженности этих показателей выглядят значительно моложе своего возраста, что в том числе, объясняет тот факт, что женщины в зрелом возрасте выглядят моложе мужчин. Полученные данные в очередной раз подтверждают роль лица как «важнейшего инструмента общения» [82, с. 17], как ключевого объекта познания, средства общения и организации деятельности в различных контекстах [247-249]. Также, даже если анализировать только сильные взаимосвязи (на уровне значимости $\leq 0,01$), то степень расхождения ВВ и реального возраста женщины зрелого возраста повышается при высоких показателях ценности, значимости ВО в сфере семейных отношений, позитивных оценках своего телосложения, привлекательности ВО для партнера противоположного пола, сексуальности, удовлетворенности ВО и высокой интегральной оценки своего ВО; женщины пожилого возраста – при высоких оценках ВО друзьями-мужчинами; мужчины пожилого возраста – при высокой удовлетворенности своим ВО и высокой ценности, значимости ВО для общения и дружбы. Полученные результаты еще раз эмпирически подтверждают «многофакторную модель отношения к ВО», разработанную В.А. Лабунской и коллегами [389], краеугольным элементом которой выступает ценность, значимость ВО.

4.3.4. Взаимосвязь между показателем «спасенные годы» и социально-психологическими и личностно-субъектными характеристиками объекта познания

В исследовании № 8 изучалась взаимосвязь между показателем «спасенные годы» и личностными, социально-психологическими (Большая пятерка, Темная триада, выраженность социально-психологических потребностей, локус контроля и самооффективность) показателями в

подгруппах «зрелые» и «молодые». Исследование выполнено совместно с В.А. Лабунской, А.Г. Артамоновой, результаты исследования опубликованы [109, 121, 434, 439].

Методы. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации ВО», Комплект № 6. Также были использованы методики: 1) пятифакторный опросник личности «Большая пятерка» Х. Тсуи, адаптированный А. Б. Хромовым [411]; 2) короткий опросник Темной триады, адаптированный М. Егоровой, М. Ситниковой, О. Паршиковой [156]; 3) опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым [337]; 4) Методика «Локус контроля» Д. Роттера, модифицированный Е.Г. Ксенофонтовой [209]; 5) шкала общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптированная В.Г. Ромеком [421].

Выборка исследования № 9: в качестве объектов восприятия выступили 103 человека (65 женщин и 38 мужчин) в возрасте от 18 до 77 лет ($M=34,14$); в качестве субъектов восприятия выступили 36 человек (29 женщин и 7 мужчин) в возрасте от 21 до 65 лет ($M=39,11$). Выборка объектов исследования была разделена на 2 подгруппы: 1) «молодые» (в подгруппу вошли взрослые в возрасте «юность» и «молодость» в возрасте от 19 до 34 лет включительно, 34 женщины и 24 мужчины); 2) «зрелые» (в подгруппу вошли взрослые в возрасте «зрелость» и пожилой возраст» в возрасте от 35 до 77 лет, 31 женщина и 14 мужчин).

Результаты

К полученным данным применен корреляционный анализ Спирмена, результаты которого (значимые корреляционные связи) представлены в Таблице И.32.

В подгруппе «молодые» (у респондентов в возрасте 19-34 года) показатель «спасенные годы» (ХВ-ВВ) взаимосвязан:

1) с первичным фактором Большой пятерки «Активность – пассивность»: более активные респонденты воспринимаются другими людьми как выглядящие моложе своих лет, пассивные – старше;

2) с обобщенным фактором Большой пятерки «Эмоциональность – сдержанность» и с первичными факторами «Тревожность – беззаботность», «Напряженность – расслабленность», «Депрессивность – эмоциональная комфортность», «Эмоциональная лабильность – стабильность»: респонденты до 34 лет, выглядящие моложе своих лет, имеют повышенную эмоциональность, тревожны, напряжены, депрессивны и эмоционально лабильны. Как отмечается разработчиками опросника, эти люди не способны контролировать эмоции и импульсивные влечения.

3) с обобщенным фактором Большой пятерки «Игривость – практичность» и с первичными факторами «Мечтательность – реалистичность» и «Пластичность – ригидность». Те люди, у которых высокие показатели по данным шкалам, имеют высокий показатель ХВ-ВВ, то есть выглядят моложе своих лет в глазах других людей. И, напротив, у молодых респондентов, которые выглядят старше своих лет, выражены такие компоненты Большой пятерки, как «Пассивность», «Сдержанность» (беззаботность, расслабленность, эмоциональная комфортность, стабильность), «Практичность» (реалистичность, ригидность).

4) с показателем самооффективности: значительно старше своего возраста выглядят «молодые» взрослые с высокой самооффективностью.

В подгруппе «зрелые» (у респондентов в возрасте 35-77 лет) показатель «спасенные годы» (ХВ-ВВ) в меньшей степени, чем в подгруппе «молодые», взаимосвязан с выраженностью компонентов Большой пятерки:

1) обнаружены связи с первичным фактором Большой пятерки «Доверчивость – подозрительность» (более доверчивые респонденты воспринимаются другими людьми как выглядящие моложе своих лет);

2) с обобщенным фактором Большой пятерки «контролирование – естественность» (люди с высокой волевой регуляцией поведения выглядят значительно моложе своих лет);

3) с первичным фактором Большой пятерки «Артистичность – неартистичность» (более артистичные респонденты выглядят значительно моложе своих лет).

4) с выраженностью социально-психологической потребности в контроле себя и других: «зрелые» взрослые с высокой выраженностью потребности в контроле себя и других выглядят значительно старше своего хронологического возраста.

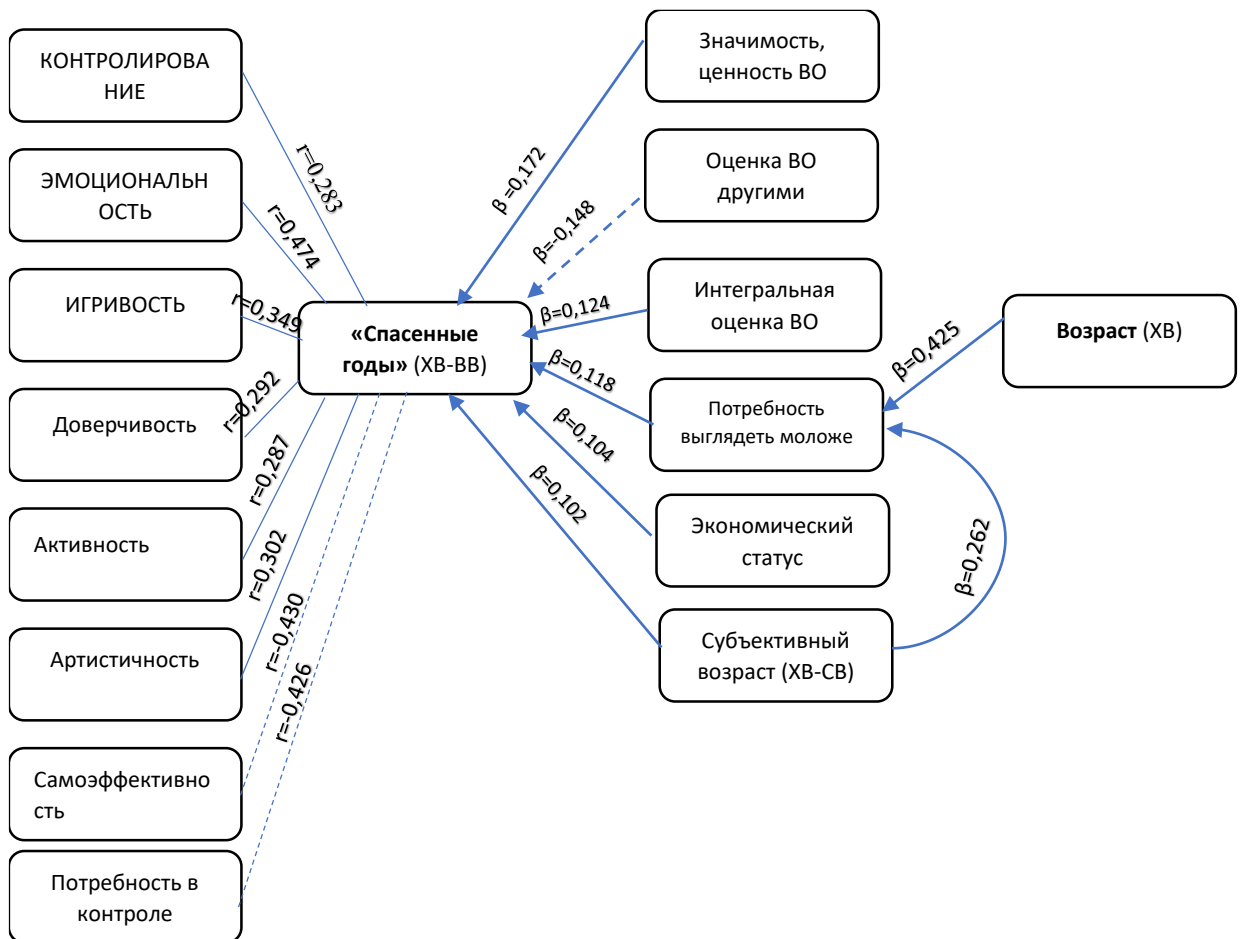
Значимых взаимосвязей компонентов Темной триады, а также показателей локализации локуса контроля и показателя «спасенные годы» (ХВ-ВВ) обнаружено не было.

Выводы: Разница между ХВ и ВВ («спасенные годы») взаимосвязана с выраженностью компонентов Большой пятерки, социально-психологических потребностей (в контроле) и самооффективностью, взаимосвязи опосредованы принадлежностью участников исследования к возрастной группе «молодые» / «зрелые». Связей показателя ХВ-ВВ и параметров Темной триады и локуса контроля не обнаружено.

Обсуждение. Обнаружено, что не негативные личностные характеристики связаны с величиной «спасенных лет», а выраженность скорее позитивных черт личности: доверчивости, артистизма и контролирования (в подгруппе «зрелые»); активности, эмоциональности и игривости (в подгруппе «молодые»). Полученные данные согласуются с исследованиями влияния на воспринимаемый возраст позитивных эмоциональных переживаний в течении жизни, веры в будущее [455, 659], а также, на наш взгляд, возрастных стереотипов субъекта восприятия. Наши данные показывают, что личностные характеристики, ассоциированные с более молодой возрастной подгруппой (например, игривость, доверчивость и т.д.), представленные в организации

своего внешнего облика, считаются субъектом познания и результируются в приписывании объекту познания более молодого возраста.

Выводы исследований влияния социально-психологических и личностно-субъектных характеристик объекта познания на конструирование его воспринимаемого возраста субъектом познания обобщено на Рисунке 18.

Пояснение к рисунку: стрелки указывают на факт влияния, доказанный с помощью множественного регрессионного анализа; линии указывает на значимые прямопропорциональные взаимосвязи, пунктирные линии указывает на значимые обратнопропорциональные взаимосвязи

Рисунок 18 – Эмпирическая модель влияния группы факторов на воспринимаемый возраст объекта познания

4.4. Взаимосвязь социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания и актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

В данном параграфе представлены результаты исследования № 9, которое направлено на доказательство гипотез 3, 4, 5 диссертационной работы: на выявление частично неосознаваемых субъектом познания элементов внешнего облика, на которые направлен его взор при конструировании им возраста объекта познания; выявление социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания, опосредующих особенности конструирования им воспринимаемого возраста объекта познания (эффект, точность, время и число зрительных фиксаций на внешнем облике), а также актуализацию механизмов конструирования воспринимаемого возраста. Набор эмпирических данных осуществлен при участии А.Г. Артамоновой и А.М. Юхневич, компьютерная обработка данных осуществлена при участии А.Г. Артамоновой, Д.В. Явны, результаты исследования опубликованы [19, 122, 124].

Дизайн и методы исследования. Для выявления частично неосознаваемых субъектом познания элементов внешнего облика, на которые направлен его взор при конструировании им возраста объекта познания необходим был адекватный поставленной задаче дизайн исследования. Он включал в себя следующие этапы:

1 этап: выявление социально-психологических и личностно-субъектных характеристик участников исследования – субъектов восприятия с использованием следующих методик: 1) анкета «Самооценка возраста» Т.А. Воронцовой; 2) опросник «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской [389]; 3) опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А. А. Рукавишниковым [337]; 4) методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, адаптированная Л.Н. Собчик; 5)

методика диагностики психологического благополучия личности Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [422]; 6) методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева.

2 этап: изучение параметров взора субъектов восприятия (зоны интереса, время и количество фиксаций) при оценке возраста незнакомых других (объектов познания) с помощью технологий eye-tracking (ай-трекинг). В качестве основного метода исследования на данном этапе выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой, комплект фотографий № 1, состоящий из 34 фотографий 17-ти человек - объектов познания (по 2 фотографии на человека – портретной и ростовой). Каждая из этих фотографий была экспонирована на экране компьютера субъектам восприятия для оценки возраста в случайном, но одинаковом для всех испытуемых порядке. Бланк фиксации воспринимаемого возраста объектов познания, расположенных в порядке их предъявления субъекту познания, приведен в Таблице И.45. Движения глаз субъектов познания отслеживались с помощью айтрекера Gazepoint GP3 Eye Tracker в задаче свободного осмотра. Использовался дисплей Dell S2316H 23"; испытуемые располагались в жестком кресле на расстоянии примерно 65 см от плоскости дисплея, так что угловые размеры его рабочей области составляли примерно 43x25 угл. град. Разрешение дисплея равнялось 1920x1080 пикселей. Фотографии масштабировались до пиксельной высоты дисплея, при этом средняя ширина лица на ростовой фотографии составляла около 2,41 угл. град., на портретной — 6,74 угл. град. Перед началом демонстрации фотографий проводилась пятиточечная калибровка трекера. Частота регистрации составила 60 Гц. Количество фиксаций и время фиксации, а также сосредоточение фиксаций на определенных областях («тепловые карты») [Приложение К] были получены с помощью стандартного ПО к данной марке айтрекера - Gazepoint Analysis UX Edition (v.6.8.0) x64. Фильтры выбросов не использовались.

Участникам исследования была дана следующая инструкция: «Исследование посвящено изучению того, как люди делают вывод о возрасте других людей. Для этого мы будем использовать технологию айтрекинга. Вам будут показаны фотографии разных людей – портретные и ростовые. Вышла задача – посмотреть на фотографии и сказать мне, сколько лет человеку на фото. Я буду записывать Ваши ответы. Прошу Вас всякий раз делать вывод по каждой фотографии отдельно. Время экспозиции каждого фото на ограничено, Вы сами регулируете переключение фотографии клавишей «пробел». Можете уже расположить Ваш палец над клавишей. Прошу Вас не ждать от меня никаких сигналов к переключению фотографий, смотрите на фотографии столько времени, сколько Вам нужно. После калибровки мы переходим к оценке возраста. Итак, сколько лет человеку на фотографии?». Каждый из участников исследования подписал этическое соглашение и дал согласие на использование полученных в исследовании данных в научном исследовании.

3 этап: выявление механизмов конструирования воспринимаемого возраста с помощью специально разработанного опросника «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста» (авторы Т.А. Воронцова, В.А. Лабунская). Она была использована строго после прохождения процедуры айтрекинга для доведения до сознания участников исследования тех приемов и способов, которыми они только что пользовались для оценки возраста объекта познания.

Выборка исследования: в качестве субъектов познания выступили 408 человек в возрасте от 18 до 71 года ($M=24,07$), 334 женщины и 74 мужчины.

4.4.1. Локализация фиксаций взора субъекта познания на элементах внешнего облика при конструировании возраста объекта познания

В данном параграфе с помощью метода окулографии определялись частично неосознаваемые субъектом познания элементы внешнего облика, на которые направлен его взор при конструировании им возраста объекта

познания. Для этого каждое изображение, предложенное субъектам познания для оценки возраста, было разделено на зоны с точки зрения элементов внешнего облика: 1) портретные фотографии — на 12 зон: голова + волосы (Голова); лоб; левый глаз (ЛГ); правый глаз (ПГ); переносица (Пер); нос; правая щека (ПЩ); левая щека (ЛЩ); губы + подбородок (ГБ); шея (Ш); плечи; грудь; 2) ростовые фотографии — на эти же зоны плюс две дополнительные зоны: таз (Таз); ноги (Ноги). Пример деления портретных и ростовых фотографий на зоны представлен на Рисунке 19, деление всех фотографий на зоны приведено в Приложении Л. Для каждой зоны и каждого изображения был создан набор бинарных масок.

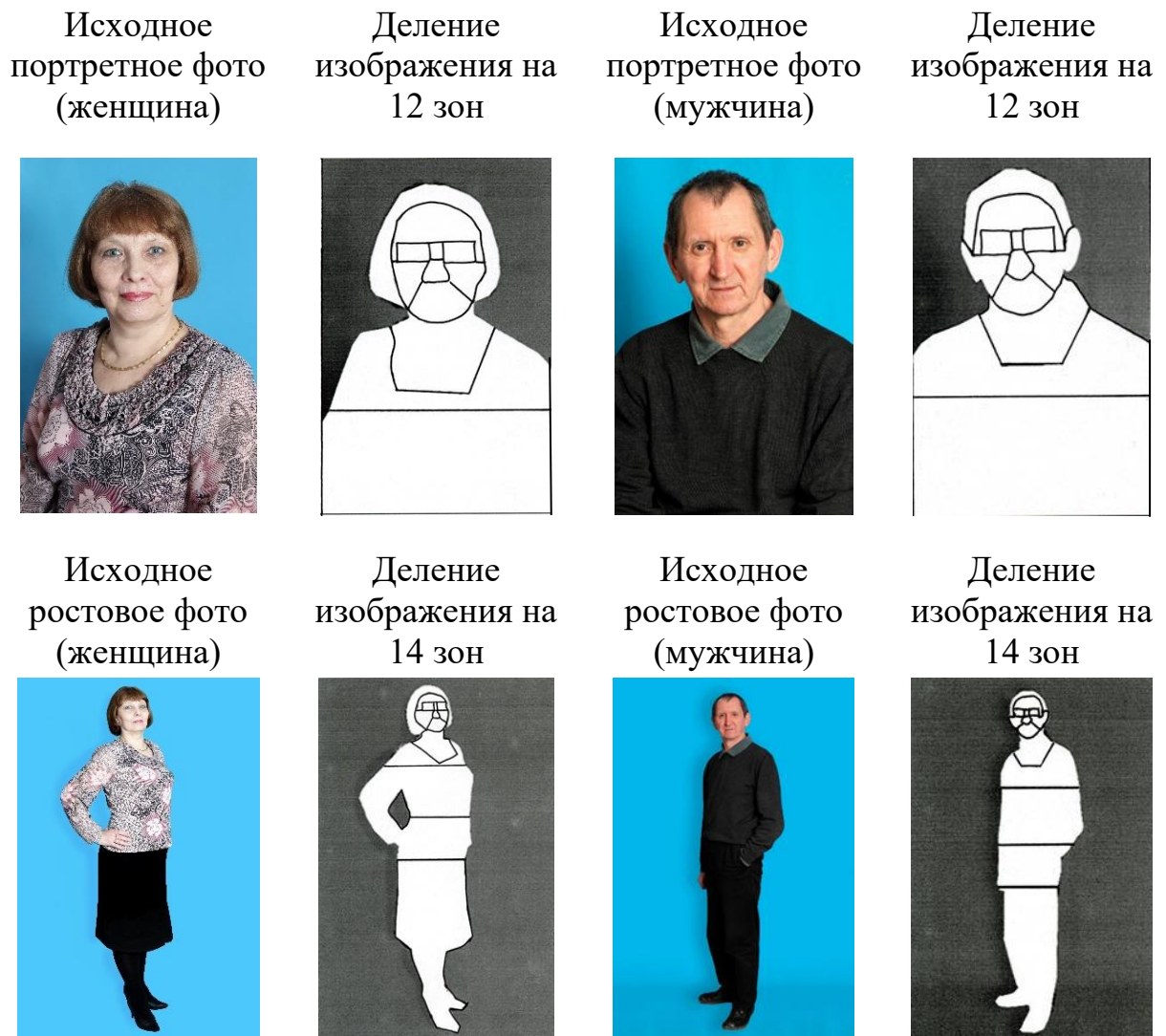

Рисунок 19 - Пример деления портретных и ростовых фотографий на зоны

Далее с помощью специального программного обеспечения,

разработанного Д.В. Явной, были получены данные о количестве фиксаций каждого из 408 субъектов восприятия на каждой зоне по каждой из 34 фотографий. Был получен следующий массив данных по каждой фотографии: номер фиксации каждого респондента на фотографии (портретной/ростовой), а также информация о том, на какую зону была направлена фиксация. Далее были проанализированы первые 15 фиксаций, рассчитанные на всех субъектов восприятия (вычислены доля фиксаций в процентах на тех или иных зонах внешнего облика с учетом номера фиксации). Отдельные зоны в процессе анализа объединялись в интегральные области (например «тело», «глаза», «верхняя часть лица», «нижняя часть лица» и т. п.). В среднем, при решении перцептивной задачи о возрасте незнакомого человека воспринимающим субъектом делалось от 11 (ростовая фотография) до 13 (портретная фотография) фиксаций. С учетом того, что был обнаружен значительный размах количества фиксаций взора субъекта восприятия на предложенных для оценки возраста изображениях (в среднем — от 4 до 40 фиксаций в расчете на каждую фотографию), на данном этапе обработки данных нами была поставлена задача определения соотношения локализации фиксаций на каждой из выделенных зон в пределах основного объема рассматривания (от начала рассматривания до 15-й фиксации), а также динамики локализации фиксаций на тех или иных зонах с первой по 15-ю фиксацию. В этот объем данных вошли только результативные фиксации. В качестве результативных фиксаций рассматриваются фиксации на выделенных элементах внешнего облика человека, представленных на фотографиях. Фиксации, находящиеся вне зоны тела, не учитывались. С учетом того, что изображения объектов восприятия шли последовательно, одно за другим, без фиксационного креста, первая результативная фиксация связана, в большей степени, с расположением взгляда в центре экрана при переключении следующего эпизода для оценки и малоинформативна. Именно последующие фиксации имеют отношение к реальному интересу субъекта восприятия, к неосознаваемому поиску им «аргументов» для определения возраста. В силу данного обстоятельства при

анализе полученных данных нами будет анализироваться переход от первой к последующим фиксациям.

Итак, для выявления основных закономерностей конструирования возраста другого человека с точки зрения распределения последовательности взглядов на элементах внешнего облика, нами были проанализированы первые 15 фиксаций, рассчитанные на всех субъектов восприятия. В Таблице И.33 приведены данные по распределению зон внешнего облика, представленных на портретных фотографиях на каждой из фиксаций (с первой по пятнадцатую) в целом по массиву из 408 субъектов восприятия. Анализ массива данных показывает, что 35,9% всех первых фиксаций субъекта восприятия на портретной фотографии объекта восприятия приходится на голову/волосы; на лоб приходится 37 % фиксаций; на зону глаз (левый глаз, правый глаз, переносица) приходится 14,9 % фиксаций; на нос – 3,3 %, на область щек (суммарно 3,8 %), доля губ составляет 2,5 %, незначительный процент занимают зоны плеч, шеи и груди (1,6, 0,7 и 0,8 % соответственно).

Из Таблицы И.33 видно, что доля зоны головы и волос резко падает, начиная с третьей фиксации, и перемещается на зону глаз (суммарно уже со второй фиксации она занимает 22,2 %, третьей – 28,9 %, четвертой – 28,9%, пятой – 28,8%, шестой – 28,3%, седьмой – 27,9 %, восьмой – 27,9%, девятой – 28,3%, 10-ой – 27,4%, 11-ой – 26,8%, 12-ой – 26,0, 13-ой – 27,2 %, 14-ой – 25,7, 15-ой – 24,4%). Также взоры субъекта восприятия сосредоточены на зоне лба (некоторое снижение доли с 37% на первой фиксации и 41,2 % на второй, начиная с третьей фиксации почти треть фиксаций вне зависимости от номера сосредоточены на этой зоне лица).

Также необходимо отметить, что доля нижней части лица (губы, подбородок, а также зоны шеи, плеч и груди) значительно ниже с точки зрения фиксаций на них, чем доля верхней части лица.

Также обращает на себя внимание некоторая диспропорция фиксаций на левой и правой сторонах лица, а именно: левый и правый глаз, левая и правая щека. Применяв критерий Уилкоксона, мы обнаруживаем значимые различия

в долях фиксаций на них в течении основного времени рассматривания (среднее количество фиксаций – 11 на портретном фото). Проведенный анализ показывает приоритет в рассматривании левого глаза ($Z=-3,124$, $p=0,002$) и левой щеки ($Z=-3,237$, $p=0,001$) при решении перцептивной задачи о возрасте.

Далее обратимся к аналогичным данным, полученным на массиве ростовых фотографий. В Таблице И.34 приведены данные по распределению зон внешнего облика по ростовым фотографиям на каждой из фиксаций по массиву из 408 субъектов восприятия.

Анализ массива данных показывает иное, чем на портретной фотографии, распределение зон внешнего облика с первой по 15 фиксации. Так, максимальная доля первой фиксации приходится на зону груди (27,4 %) и плеч (22,7 %) – в общем массиве фиксаций эта зона занимает 50,1 %, далее по доле - шея - 13,0 %, лоб (9,9 %) и голова, волосы (7,9 %). Суммарно зона лица, исключая лоб (левый глаз, правый глаз, переносица, нос, левая щека, правая щека, губы/подбородок) занимает на первой фиксации 14,8 %. Таз и ноги имеют незначительную суммарную долю 4,2 %, несмотря на большую абсолютную площадь, которую занимают эти зоны в общей площади фотографии.

При этом, если посчитать суммарно долю лица в общем массиве зон, куда включить зоны головы/волос, лба, глаз, переносицы, носа, щек, губ, то она после первой фиксации (32,6%) растет колоссально, занимая максимальную зону к третьей и четвертой фиксации и далее занимая неизменно 2/3 всех фиксаций на внешнем облике воспринимаемого другого на портретном фото: 65,2; 82,9; 78,0; 73,6; 71,4; 68,9; 68,6; 66,0; 65,8; 63,4; 62,9; 63,4; 62,8; 66,0.

Также можно заключить, что суммарная доля зон глаз, переносицы и носа, по сравнению с первой фиксацией, которая составляет 5,9 %, дальше резко возрастает на второй фиксации до 14,2 %, на третьей и четвертой – до 18,0 % и 18,1 %, и дальше держится в диапазоне от 14,2 до 18,8, причем эта доля

не падает с номером фиксации, а напротив, даже на 15-ой фиксации занимает 18,8%.

Диспропорция фиксаций на левом / правом глазе и левой / правой щеке проверена с помощью критерия Уилкоксона, результаты которого показали, что на ростовых фотографиях имеется приоритет в рассматривании левого глаза ($Z=-3,181$, $p=0,001$) и левой щеки ($Z=-3,408$, $p=0,001$) при решении перцептивной задачи о возрасте.

Обратимся к наиболее общим закономерностям.

Обобщенный анализ фиксаций субъекта восприятия на **портретной** фотографии незнакомого человека при определении его возраста показывает, что:

1) Первая результативная фиксация субъекта восприятия сосредоточена на зонах голова / волосы (35,9 %) и лоб (37 %). Общая суммарная доля этих двух зон составляет 73 %. Далее зона голова / волосы значительно падает уже со второй фиксации до 10,3 %, начиная с третьей фиксации и до пятнадцатой не превышает 3 %. Это означает, что интерес субъекта восприятия перемещается на другие зоны. Зона глаз (левый глаз, правый глаз, переносица) на первой фиксации занимают всего 14,9 %.

2) Вторая фиксация субъекта восприятия далее перемещается на зоны лба (41,2 %) и глаз (32 %). Общая суммарная доля этих двух зон составляет 73,2 %. Это означает, что уже начиная со второй фиксации, субъект восприятия концентрируется на верхней части лица, включающей в себя лоб и зону глаз, при решении перцептивной задачи о возрасте незнакомого человека. И, если на второй фиксации зона лба еще превалирует над зоной глаз, то, начиная с третьей, фиксации, в верхней части лица зона глаз превалирует над зоной лба (критерий Уилкоксона: $Z=-3,180$, $p=0,001$). В целом, верхняя часть лица (лоб, зона глаз) является приоритетом в рассматривании, начиная со второй фиксации (73,2%), третьей (71,7 %) и далее доля этой части лица колеблется от 68,8 % (на четвертой фиксации) и не

опускается ниже 59,8 % (на пятнадцатой). Максимальная концентрация субъекта восприятия на зонах лба и глаз обнаружена на 2-ой фиксации.

3) Большинство субъектов восприятия, начиная с третьей фиксации, продолжают концентрироваться на зонах лба и глаз, в большей степени сосредотачиваясь на глазах, при этом доля фиксаций на нижней части лица начинает расти: 9,1 % - на первой фиксации, 14,9 % на второй фиксации, 22,8 % - на третьей фиксации, далее вырастая до 25 % на пятой, шестой, седьмой фиксации, далее несколько снижаясь до 23,8 % на одиннадцатой фиксации (среднее количество фиксаций при рассматривании портретной фотографии) и вырастая снова до 26,5 % и 25,5 % на четырнадцатой и пятнадцатой фиксации. То есть, те субъекты восприятия, которые продолжают рассматривать портретную фотографию, затрудняясь с решением перцептивной задачи о возрасте незнакомца, начинают перегруппировывать взгляд, обращаясь в большей степени, чем на первых 11 фиксациях, на зону нижней части лица, а также обращая внимание на зону шеи, плеч, груди. Эта группа зон растет с первой по 15 фиксацию (с 3,1 % на первой фиксации, потом падая до 1,6 % на второй, далее с третьей фиксации (2,3 %) вырастая до 11,3 % на пятнадцатой фиксации, причем наибольшие доли обнаружены именно на 12-15-ых фиксациях (9,5 %, 9,2 %, 10,5% и 11,3 % соответственно).

Обнаруженные закономерности проиллюстрированы на Рисунках 20 и 21. На Рисунке 20 наглядно показано, что зона глаз, начиная с 3-ей фиксации, занимает наибольшую долю концентрации взглядов субъектов восприятия при определении возраста, при этом ее абсолютный размер незначителен, по сравнению с другими зонами. Более детальное деление нижней зоны лица (отдельно нос, щеки, губы и подбородок), представленное на Рисунке 21, показывает, что субъект восприятия в пределах основного объема рассматривания портретной фотографии (до 11 фиксации, и далее, до 13-ой) фиксируется, на зоне глаз (1 место), лба (2 место), носе (3 место), что названо нами «треугольник интереса».

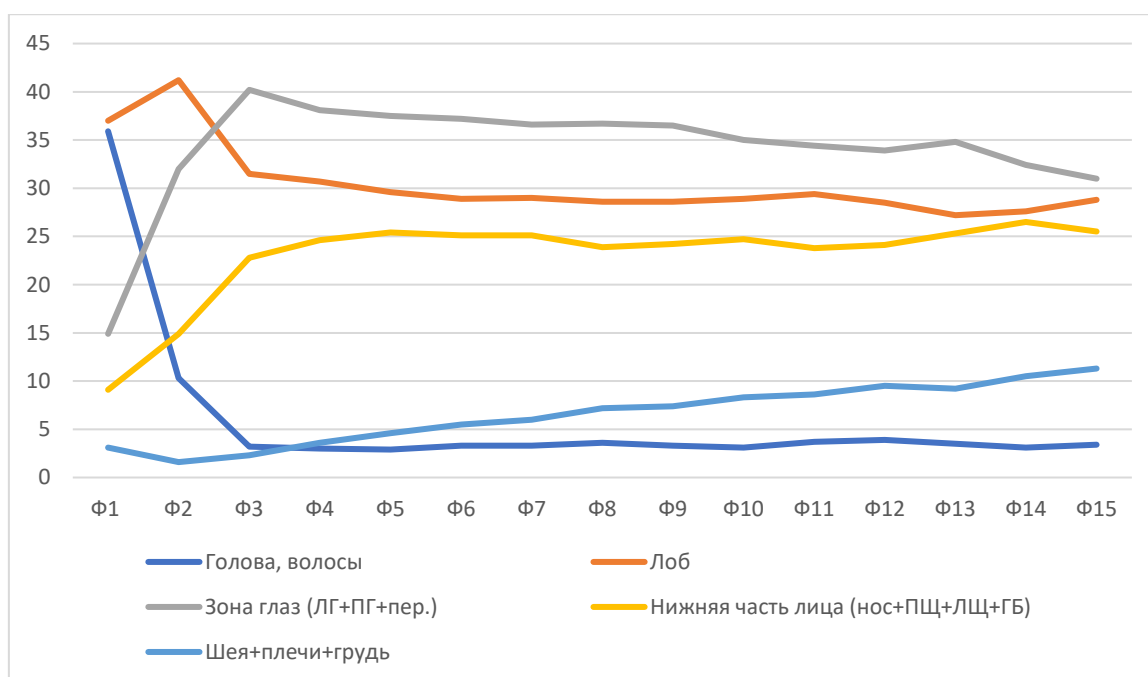

Рисунок 20 – Динамика фиксации на зонах внешнего облика с 1 по 15 фиксации (портретная фотография, 5 областей)

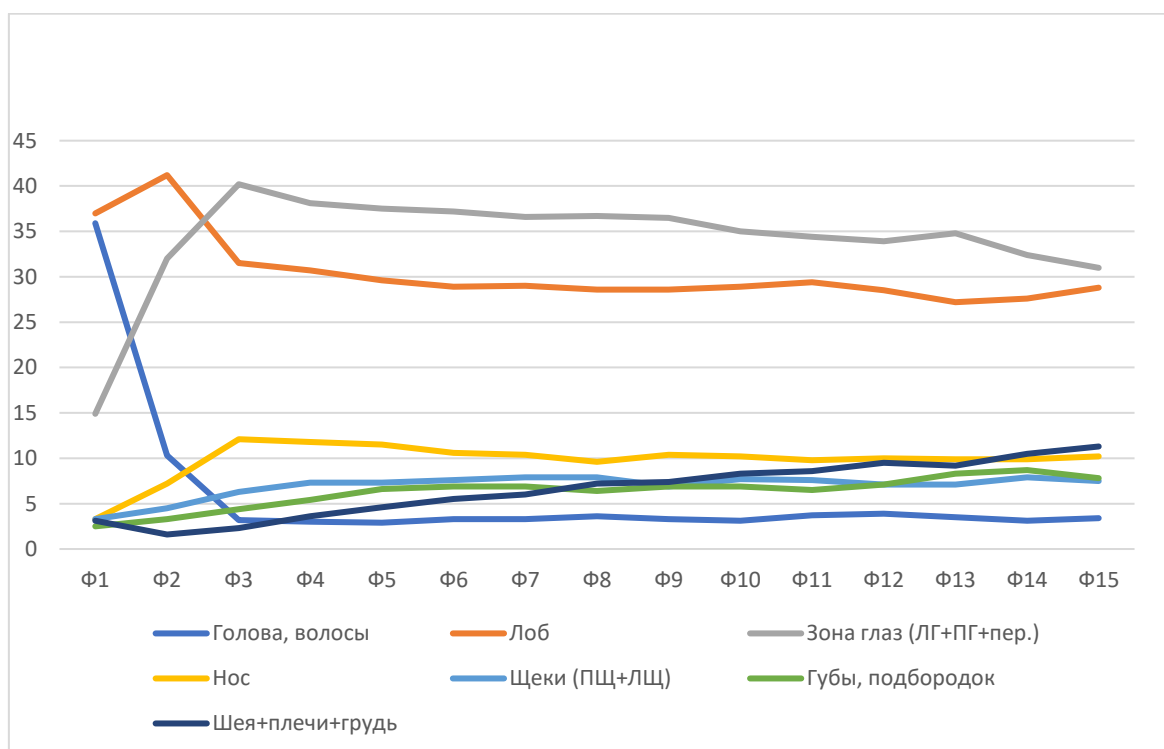

Рисунок 21 - Динамика фиксации на зонах внешнего облика с 1 по 15 фиксации (портретная фотография, 7 областей)

Обобщенный анализ фиксаций субъекта восприятия на **ростовой** фотографии незнакомого человека при определении его возраста показывает, что:

1) Первая результативная фиксация субъекта восприятия сосредоточена на зонах шея (13%), плечи (22,7 %) и грудь (27,4 %). Общая суммарная доля этих трех зон составляет 63,2 %. Зоны, расположенные на голове (волосы, лоб, глаза, переносица, нос, щеки, губы и подбородок) на первой фиксации занимают всего 32,6 %, а таз и ноги – незначительные 4,2 %. На наш взгляд, первая фиксация связана в большей степени с расположением взгляда в центре экрана при переключении следующего эпизода для оценки, и малоинформативна. Именно последующие фиксации имеют отношение к реальному интересу субъекта восприятия, к неосознаваемому поиску субъектом восприятия «аргументов» для приписывания возраста.

2) Уже со второй фиксации взор субъекта восприятия перемещается на элементы лица. Доля лба и зоны глаз (верхняя часть лица) уже со второй фиксации занимает 31,9 %, достигая пика на третьей (40,9 %), и дальше с четвертой (38,6%) до 15-ой (32,1 %) не опускаются ниже 30 %. Также нижняя часть лица (нос, щеки, губы, подбородок) занимают значительную долю на каждой из фиксаций: с 10,3 % на второй фиксации, 20,2 % - на третьей, достигая максимальной доли в 23,3 % - на четвертой, и далее, с пятой (22,8 %) и до 15-ой (22,6 %) колеблется, не опускаясь ниже 20 %. Интерес субъектов восприятия к верхней части лица значительно выше, чем к нижней части лица (доказано с помощью критерия Уилкоксона, $Z=-3,408$, $p=0,001$).

3) «Треугольник интереса» (лоб, зона глаз, нос), обнаруженный на портретной фотографии, продолжает занимать наибольшую зону среди всех выделенных областей внешнего облика, на которых фиксируется субъект восприятия при решении перцептивной задачи о возрасте незнакомого человека. Так, на второй фиксации он занимает 15,8 %, на третьей 35,3, достигает пика на четвертой (45,3 %), далее, с пятой (40,6 %) по пятнадцатую (37,2%) не опускается ниже 33 %. «Треугольник интереса» при сравнении с

большой по абсолютной площади интегральной зоной «Тело», в которую вошли плечи, грудь, таз, ноги, также показывает приоритет (доказано с помощью критерия Уилкоксона, $Z=-2,556$, $p=0,011$). При этом, особенности телосложения занимают значительную долю среди зон интереса субъекта восприятия: 54,3 % на первой фиксации; 22,0 % - на второй; 10,6 % - на третьей; 15,6 – на четвертой, и дальше растут с 19,1 % (на пятой), достигая пика на двенадцатой (29,1 %), и дальше не опускаются ниже 27 %.

4) Также важным является тот факт, что субъект восприятия сосредотачивает свой взор при решении перцептивной задачи на определение возраста незнакомого другого в ситуации, когда ему доступны не только элементы лица, но и особенности телосложения, все равно на лице (Рисунки 22 и 23).

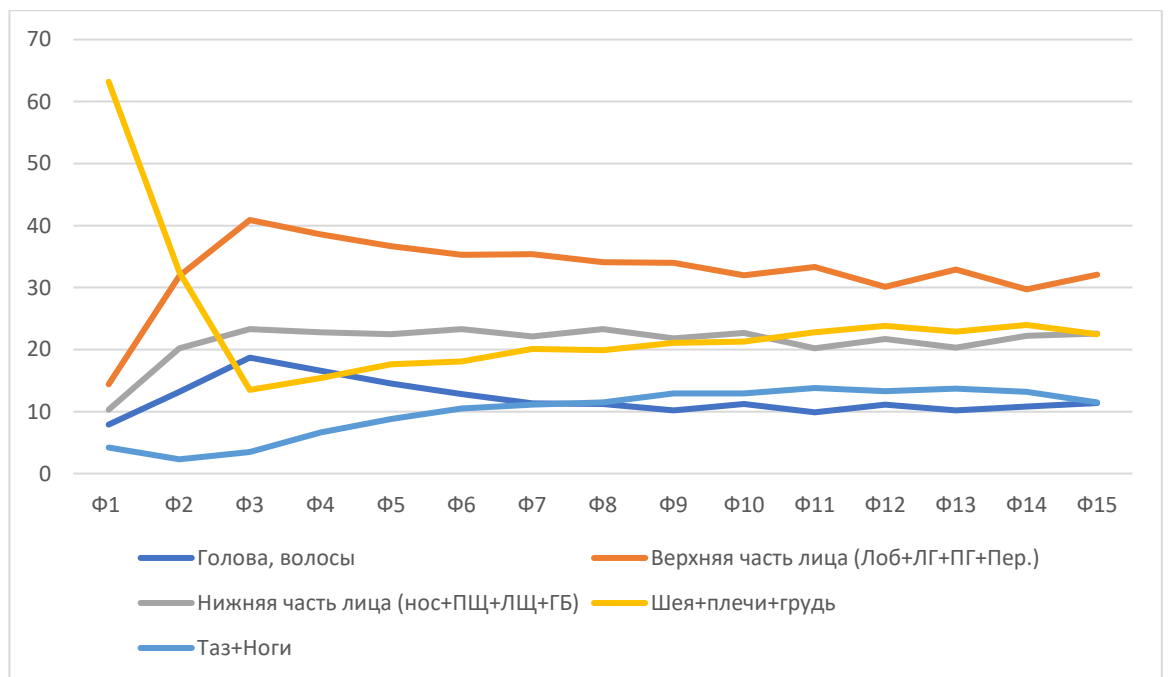

Рисунок 22 - Динамика фиксаций на зонах внешнего облика с 1 по 15 фиксацию (ростовая фотография, 5 областей)

На Рисунке 23 приведено наглядное изображение динамики фиксаций на интегральных областях внешнего облика: голове (волосы, лоб, глаза, переносица, нос, щеки, губы, подбородок, шея) и тела (плечи, грудь, таз, ноги). Сравнение долей этих областей по критерию Уилкоксона показывает значимые различия ($Z=-3,351$, $p=0,001$).

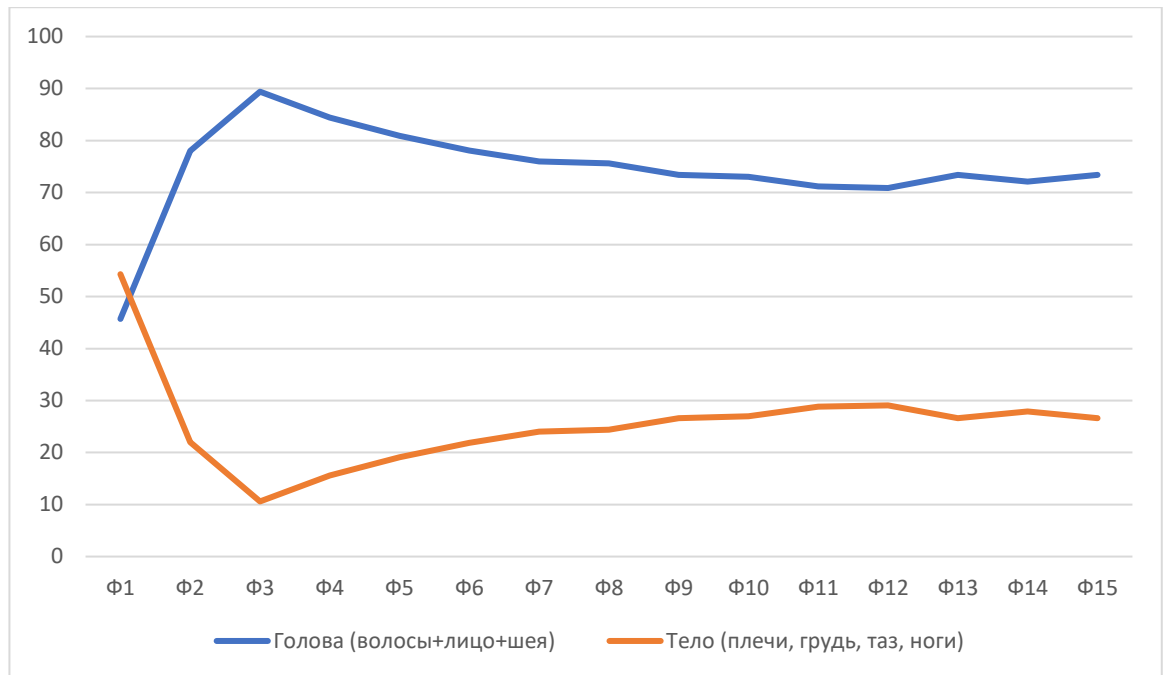

Рисунок 23 - Динамика фиксаций на интегральных зонах внешнего облика (голова / тело) с 1 по 15 фиксацию (ростовая фотография)

Даже исключение из интегральной области «голова» значительных зон (волосы, шея) и выделение их в отдельный блок (Рисунок 24) показывает приоритет лица над «телом» ($Z=-2,953$, $p=0,003$) и областью «волосы + шея» ($Z=-3,408$, $p=0,001$)

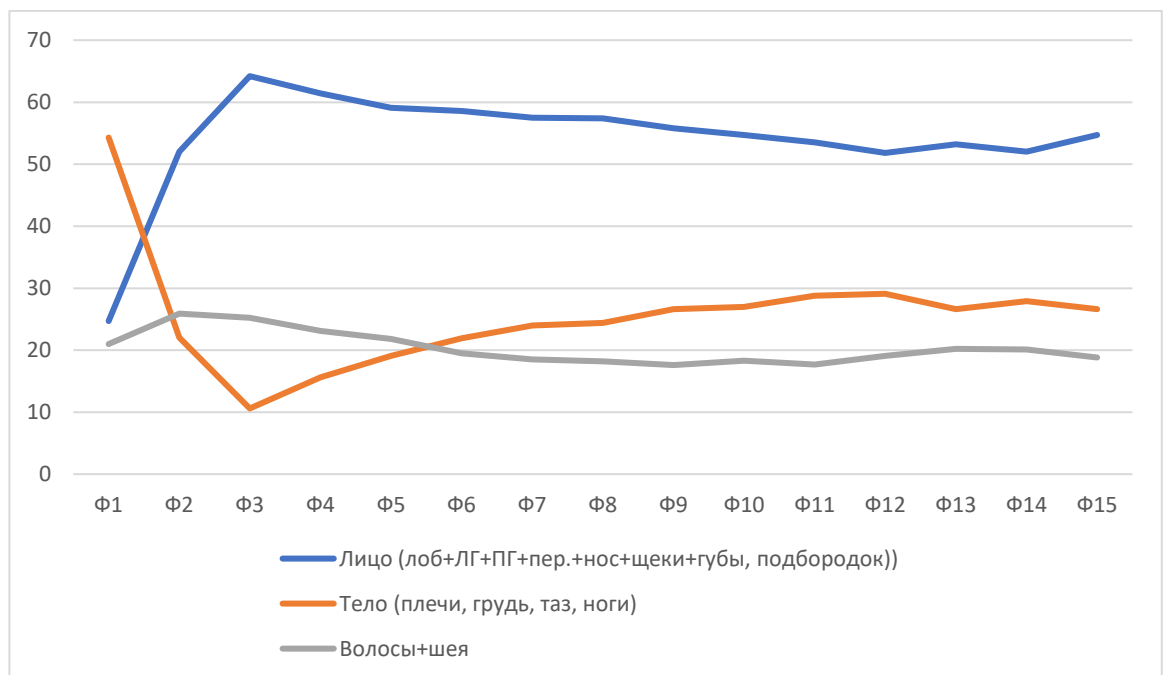

Рисунок 24 – Динамика фиксаций на интегральных зонах внешнего облика (лицо / тело, остальные элементы головы) с 1 по 15 фиксацию (ростовая фотография)

Пар аме тр	1_Го лова	2_ло б	3_Л Г	4_П Г	5_П ер	6_Н ос	7_П Щ	8_Л Щ	9_Г Б	10_ Ш	11_ Пле чи	12_ Груд ь
ВСЕ	3,8	29,9	15,4	11,6	8,4	10,3	2,7	4,5	6,6	3,3	1,6	1,9
Му ж.	3,9	33,3	12,8	11,9	8,3	9,8	3,1	4,0	6,6	2,8	1,4	2,1
Жен .	3,8	27,5	17,1	11,6	8,5	10,5	2,5	4,9	6,5	3,7	1,8	1,7
Мол .	3,9	27,9	15,1	10,9	9,0	10,4	2,9	5,1	6,5	3,2	2,5	2,6
Зрел .	3,8	31,4	15,6	12,2	8,0	10,2	2,5	4,0	6,6	3,4	1,0	1,2

Пояснение к Таблице: ВСЕ – по всем объектам восприятия; Муж. – по объектам восприятия-мужчинам; Жен. – по объектам восприятия-женщинам; Мол. – по объектам восприятия, относящихся к возрастной группе 19-36 лет; Зрел. - по объектам восприятия, относящихся к возрастной группе 38-59 лет

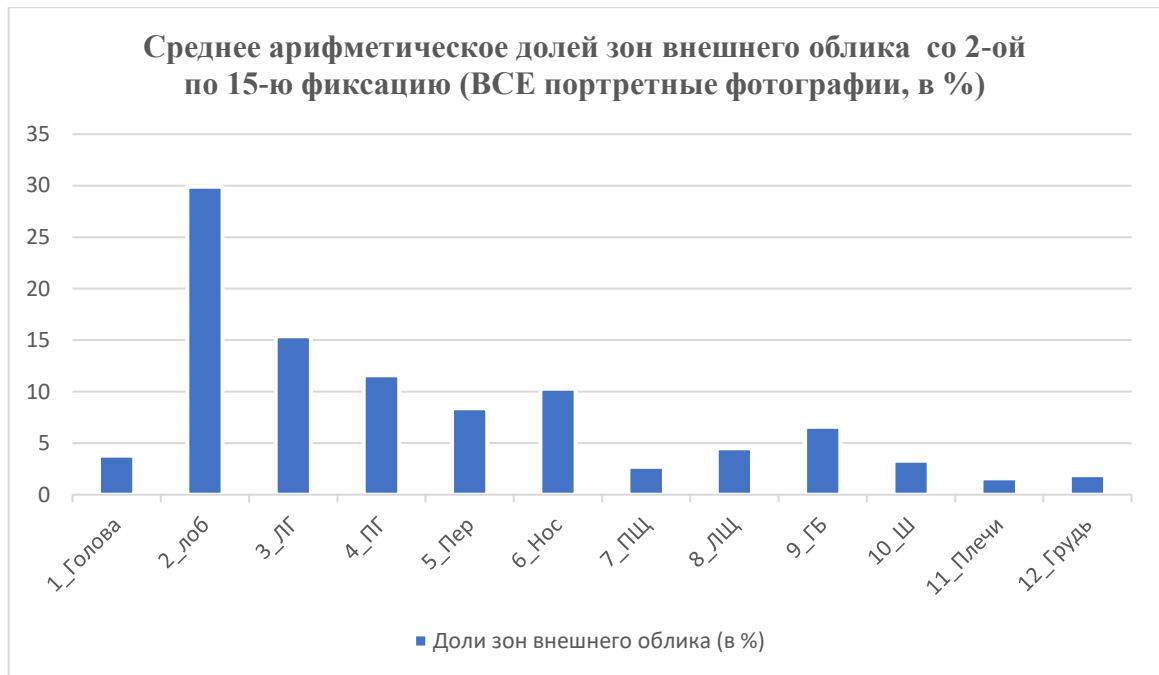

Рисунок 25 - Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (портретные фотографии, без учета гендера и возраста объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Анализ среднего арифметического долей внешнего облика, на которые направлены фиксации при решении перцептивной задачи о возрасте незнакомого другого показывает, что в течении основного массива фиксаций субъект восприятия направляет свой взор на лоб, зону глаз (левый глаз, правый глаз, переносица), нос, что названо нами выше «треугольник интереса» и занимает в совокупности долю в 65,3 % среди всех выделенных зон внешнего облика. Следующей по занимаемой доле областью выступает нижняя часть лица (13,8 %), в которую входят следующие зоны (по убыванию): губы, подбородок (6,6%), левая щека (4,5%) и правая щека (2,7%) с приоритетом на левой щеке. Остальные зоны (голова, волосы 3,8%, шея 3,3 %, плечи 1,6%, грудь 1,9%) занимают всего десятую часть (суммарно 10,6%) от всего объема зон внешнего облика, на которые обращаем внимание субъект восприятия, не смотря на значительный абсолютный объем площади данных зон на портретной фотографии.

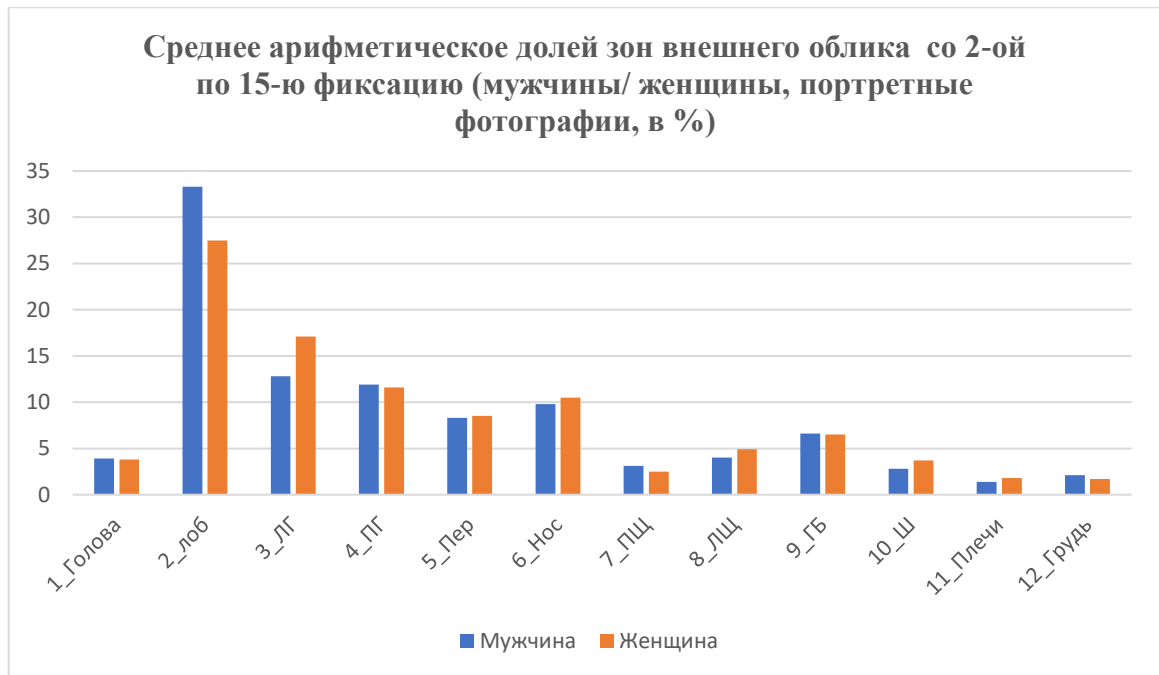

Рисунок 26 - Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (портретные фотографии, с учетом гендерной принадлежности объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Анализ распределения зон интереса в зависимости от того, кто является объектом восприятия – мужчина или женщина, представлен на Рисунке 26.

К сравнению долей, занимаемых каждой из выделенных зон интерес, был применен критерий Уилкоксона. Значимость различий была обнаружена по зонам: лоб ($Z=-3,233$, $p=0,001$, у мужчин доля выше); левый глаз ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у женщин доля выше); правая щека ($Z=-2,856$, $p=0,004$, у мужчин доля выше); левая щека ($Z=-3,045$, $p=0,002$, у женщин доля выше); шея ($Z=-3,170$, $p=0,002$, у женщин доля выше); плечи ($Z=-2,982$, $p=0,003$, у женщин доля выше); грудь ($Z=-2,040$, $p=0,041$, у мужчин доля выше). Это означает, что при определении возраста мужчин воспринимающий субъект неосознанно ищет информацию в таких зонах лица, как лоб, правая щека, и особенностях телосложения (грудь), а при определении возраста женщин - в таких зонах лица, как левый глаз и левая щека, шея и плечи.

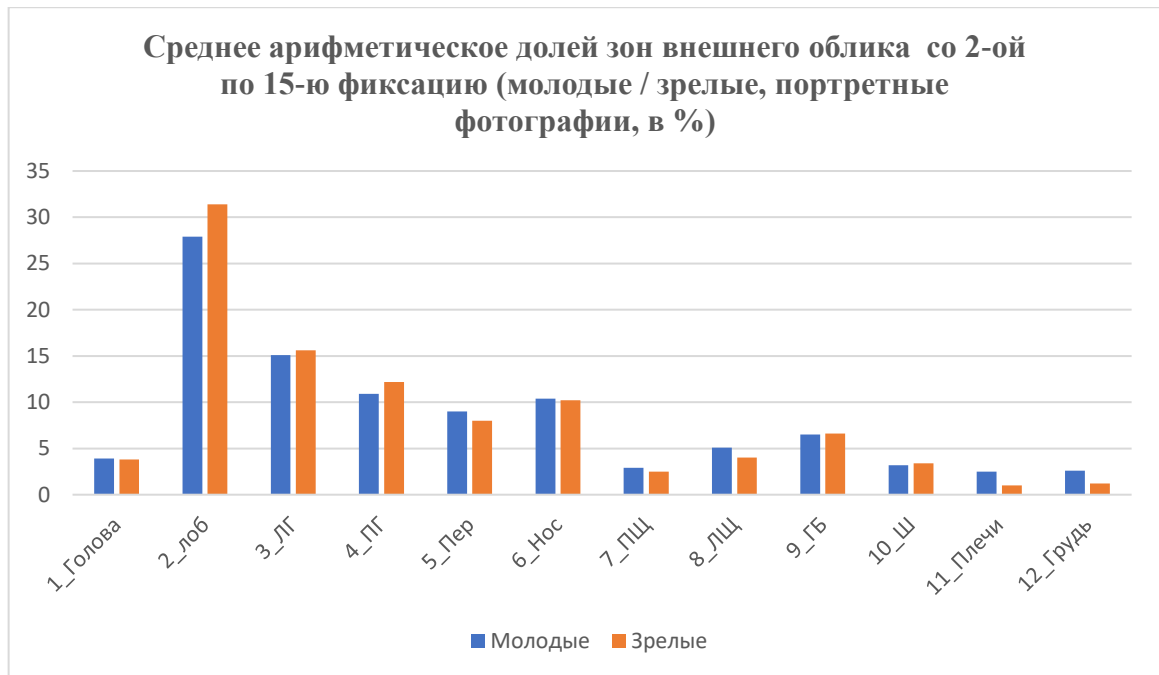

Рисунок 27 – Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (портретные фотографии, с учетом возраста объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Анализ распределения зон интереса в зависимости от того, кто является объектом восприятия – молодой или зрелый человек, представлен на Рисунке 27.

К сравнению долей, занимаемых каждой из выделенных зон интереса, также был применен критерий Уилкоксона. Значимость различий была обнаружена по зонам: лоб ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у зрелых доля выше); правый глаз ($Z=-2,605$, $p=0,002$, у зрелых доля выше); переносица ($Z=-3,107$, $p=0,002$, у молодых доля выше); правая щека ($Z=-2,417$, $p=0,016$, у молодых доля выше); левая щека ($Z=-3,296$, $p=0,00$, у молодых доля выше); плечи ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у молодых доля выше); грудь ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у молодых доля выше). В целом, при определении возраста зрелого человека субъект восприятия концентрируется в большей степени на «треугольнике интереса» ($Z=-3,296$, $p=0,001$); а молодого человека – на нижней части лица (левая щека, правая щека, губы и подбородок) ($Z=-2,856$, $p=0,004$) и зонах плечи, грудь.

Аналогичный анализ проведем относительно данных, полученных по решению субъектом восприятия перцептивной задачи по определению возраста незнакомого человека на основании ростовой фотографии, на

которой представлен целостный внешний облик, включающий особенности телосложения.

Таблица 17 - Средние значения долей зон внешнего облика (2-15 фиксации), высчитанное для всех ростовых фотографий по всем 408 субъектам восприятия (в процентах)

Параметр	1_Голова	2_Лоб	3_ЛГ	4_ПГ	5_Пер	6_Нос	7_ПЩ	8_ЛЩ	9_ГБ	10_Ш	11_Плечи	12_Грудь	13_Таз	14_Ноги
ВСЕ	12,4	21,5	5,7	4,5	2,3	3,9	4,1	5,7	8,4	7,9	4,7	8,5	4,6	5,8
Муж	9,8	23,3	5,9	4,9	2,8	3,9	5,0	5,9	8,6	7,9	5,6	8,5	3,7	4,1
Жен	14,0	20,3	5,6	4,2	2,0	3,9	3,6	5,5	8,2	8,0	4,1	8,5	5,1	6,9
Мол	14,1	21,0	5,3	4,3	2,2	3,6	4,0	5,6	7,4	7,9	4,3	8,2	5,3	6,8
Зрел	10,9	21,9	6,1	4,7	2,5	4,1	4,2	5,7	9,3	7,9	4,9	8,7	4,0	5,0
Пояснение к Таблице: ВСЕ – по всем объектам восприятия; Муж. – по объектам восприятия-мужчинам; Жен. – по объектам восприятия-женщинам; Мол. – по объектам восприятия, относящихся к возрастной группе 19-36 лет; Зрел. - по объектам восприятия, относящихся к возрастной группе 38-59 лет														

Анализ среднего арифметического распределения долей зон внешнего облика, на которых фиксируется субъект в восприятии на ростовой фотографии в поисках информации о возрасте незнакомого человека, позволяет сделать следующие выводы:

1) Несмотря на то, что воспринимающему субъекту доступен для восприятия весь целостный внешний облик, он продолжает искать информацию о возрасте человека на его лице, а не в особенностях телосложения. Прибавление зон таз и ноги, которые занимают практически половину площади фотографии, дает прирост всего 10,4 % фиксаций на них.

2) «Треугольник интереса» занимает третью часть интересующей субъекта восприятия области (37,9%), нижняя часть лица 18,2%, голова/волосы 12,4% и шея 7,9 %. В целом, область головы (волосы, лоб, зона глаз, нос, щеки, губы, подбородок, шея) занимают 76,4 %, область телосложения (плечи, грудь, таз, ноги) занимают долю 23,6 %.

3) Область лица (лоб, зона глаз, нос, губы/подбородок) занимает долю в

56,1%.

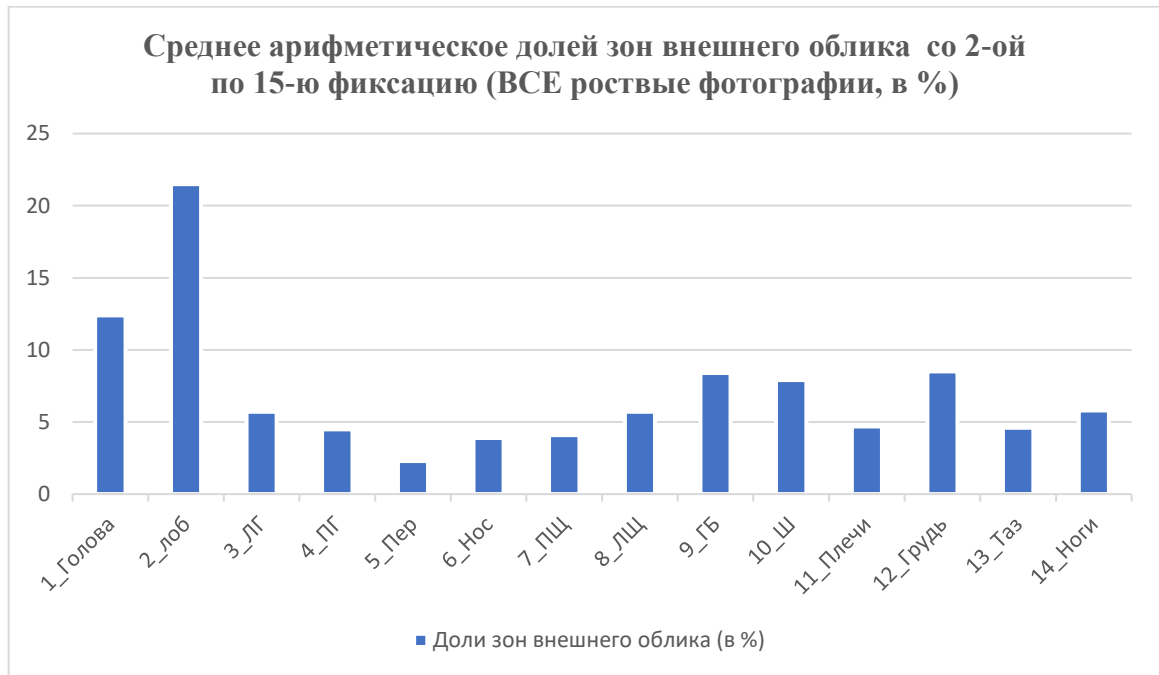

Рисунок 28 – Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (ростовые фотографии, без учета гендера и возраста объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Сравнение процесса конструирования воспринимаемого возраста на основе восприятия внешнего облика мужчин и женщин позволяет выявить некоторые особенности, обусловленные полом и возрастом объекта восприятия. Сравнительный анализ по критерию Уилкоксона был проведен по выделенным 14 зонам внешнего облика (доли на каждой из фиксаций, начиная со второй и заканчивая 15-ой), в также по интегральным зонам «треугольник интереса» (лоб, левый глаз, правый глаз, переносица, нос), «нижняя часть лица» (левая щека, правая щека, губы/подбородок) и «тело» (плечи, грудь, таз, ноги).

Сравнение особенностей распределения зон внешнего облика при восприятии мужчин и женщин показало значимые различия в долях следующих зон внешнего облика: голова / волосы ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у женщин доля выше); лоб ($Z=-3,233$, $p=0,001$, у мужчин доля выше); правый глаз ($Z=-2,417$, $p=0,016$, у мужчин доля выше); переносица ($Z=-3,170$, $p=0,002$, у мужчин доля выше); правая щека ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у мужчин доля выше); плечи ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у мужчин доля выше); таз ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у

женщин доля выше); ноги ($Z=-3,170$, $p=0,002$, у женщин доля выше). Также обнаружены различия в интегральных областях внешнего облика: «треугольник интереса» ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у мужчин доля выше); нижняя часть лица ($Z=-2,982$, $p=0,003$, у мужчин доля выше); «тело» ($Z=-2,794$, $p=0,005$, у женщин доля выше). Полученные данные говорят нам о том, что гендерная принадлежность объекта восприятия вносит изменения в специфику конструирования воспринимаемого возраста: субъект восприятия перераспределяет свое внимание в зависимости от того, кто является объектом восприятия – мужчина или женщина. При решении перцептивной задачи на определение возраста мужчины воспринимающий субъект в большей степени концентрируется на его лице (особенно «треугольник интереса» и нижняя часть лица), при восприятии женщины – ее телосложении (особенно таз и ноги) и верхней части головы, волос. В среднем, доля зон внешнего облика, входящих в «треугольник интереса», занимает при восприятии мужчин 40,9 %, а женщин – 36,1 %; нижняя часть лица - 19,5% и 17,3 % соответственно; «тело» - 21,9 % при восприятии мужчины и 24,6 % - женщины.

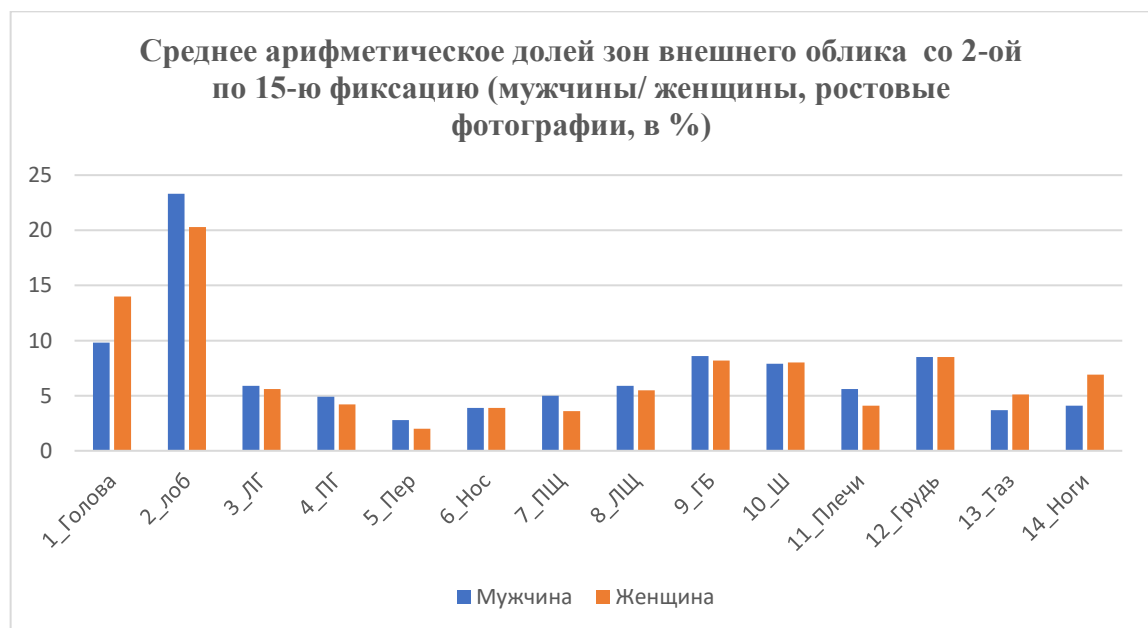

Рисунок 29 – Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (ростовые фотографии, с учетом гендерной принадлежности объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Сравнение особенностей распределения зон внешнего облика при восприятии молодых и зрелых взрослых показало значимые различия в долях следующих зон внешнего облика: голова / волосы ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у молодых доля выше); лоб ($Z=-2,794$, $p=0,005$, у зрелых доля выше); левый глаз ($Z=-2,291$, $p=0,022$, у зрелых доля выше); губы / подбородок ($Z=-3,296$, $p=0,001$, у зрелых доля выше); плечи ($Z=-3,170$, $p=0,002$, у зрелых доля выше); таз ($Z=-2,919$, $p=0,004$, у молодых доля выше); ноги ($Z=-3,045$, $p=0,002$, у молодых доля выше). Также обнаружены различия в интегральных областях внешнего облика: «треугольник интереса» ($Z=-3,170$, $p=0,002$, у зрелых доля выше); нижняя часть лица ($Z=-2,919$, $p=0,004$, у зрелых доля выше); «тело» ($Z=-2,417$, $p=0,016$, у молодых доля выше).

Полученные данные говорят нам о том, что возраст объекта восприятия (принадлежность его к более молодой / старшей возрастной группе) вносит изменения в специфику конструирования воспринимаемого возраста: субъект восприятия перераспределяет свое внимание в зависимости от того, кто является объектом восприятия – молодой человек или представитель более старшей возрастной группы. При решении перцептивной задачи на определение возраста представителя более молодой возрастной группы воспринимающий субъект в большей степени концентрируется на его теле (особенно таз и ноги) и верхней части головы, волос; при восприятии представителей старшей возрастной группы – компонентах лица (особенно лоб, левый глаз, губы/подбородок, в целом, сосредотачивается в большей степени, на «треугольнике интереса» и нижней части лица), а также плечах. В среднем, доля зон внешнего облика, входящих в «треугольник интереса», занимает при восприятии молодых людей 36,4 %, а зрелых – 39,3 %; нижняя часть лица – 17 % и 19,2 % соответственно; «тело» - 24,6 % при восприятии молодых и 22,7 % - зрелых взрослых.

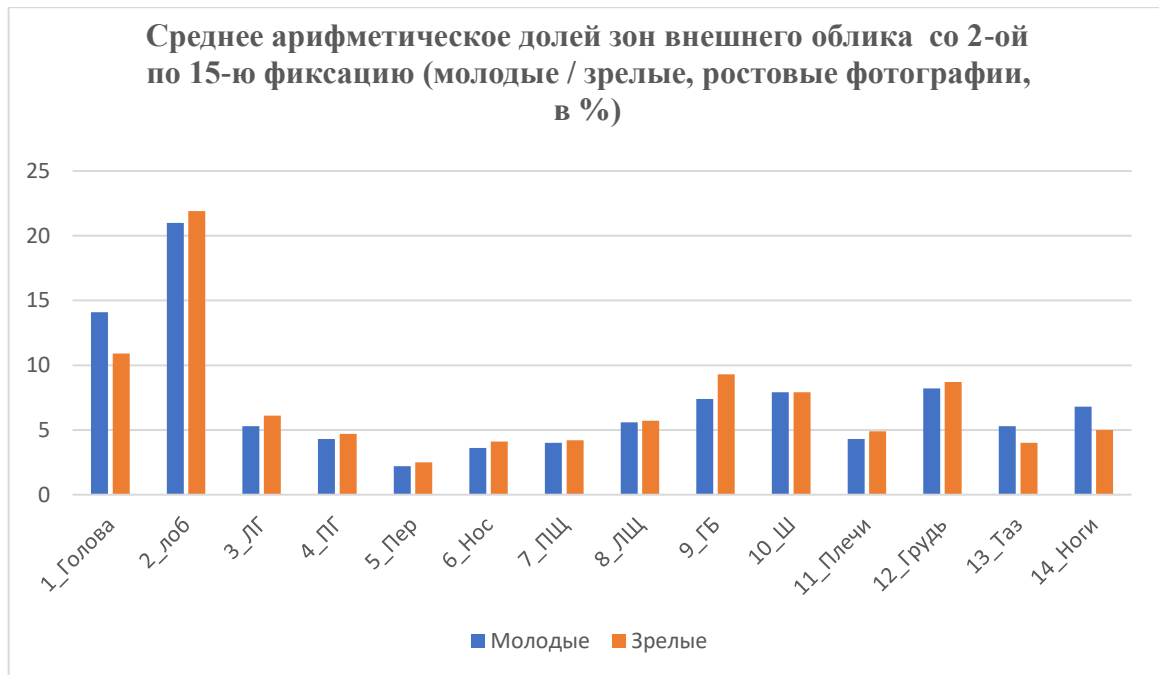

Рисунок 30 – Распределение среднего арифметического долей зон внешнего облика (ростовые фотографии, с учетом возраста объекта восприятия, 2-15 фиксации)

Выводы: 1) Описаны локализации фиксаций взора субъекта познания на элементах внешнего облика при конструировании возраста объекта познания в ситуации предъявления субъекту познания изображений, содержащих как лицо, так и тело целостный внешний облик. 2) при решении перцептивной задачи на определение возраста другого в ситуации, когда субъекту познания доступны не только элементы лица, но и целостный внешний облик, содержащий особенности телосложения, субъект познания сосредоточивает свой взор на лице. 3) Обнаружен приоритет лица объекта восприятия над телом; приоритет верхней части лица над нижней, приоритет левой половины лица над правой при решении перцептивной задачи на определение возраста незнакомого человека.

Обсуждение. Исследование подтверждает особый статус лица в изучении процессов социального познания и общения, показывая, что лицо является исключительно важным источником конструирования возраста незнакомого человека. Объяснение данному выводу находим в понимании природы и структуры внешнего облика [389]: лицо является сосредоточением всех трех компонентов внешнего облика (физического внешнего облика,

социального внешнего облика и экспрессивного поведения), благодаря чему индикативный и диагностический потенциал лица значительно превосходит все другие части тела. Также, опираясь на психологию общения и межличностного познания [79], коммуникативный подход к исследованию когнитивных процессов в общении [40, 43], можно объяснить значительную долю фиксаций субъекта восприятия на глазах незнакомого Другого: в процессе его восприятия он превращается из объекта восприятия в субъекта общения. Воспринимающий человек как бы вступает в общение с воспринимаемым Другим, моделирует возможные стратегии взаимодействия с ним, вглядывается в его глаза, а не рассматривает его как объект. Полученные в исследовании данные о локализации фиксаций взора субъекта восприятия при конструировании возраста незнакомого человека также не противоречат результатам исследования динамики взора человека в процессе восприятия выражений лица, в котором зафиксирован «эффект доминантности сторон лица» [42, с. 367].

4.4.2. Анализ особенностей конструирования субъектом познания воспринимаемого возраста мужчин и женщин, принадлежащих к различным возрастным группам при восприятии их лица и целостного внешнего облика

Для проверки второй гипотезы диссертационного исследования из массива полученных при проведении исследования № 9 данных были извлечены данные по восприятию восьми объектов познания с учетом следующих критериев: 1) это были не первые и не последние фотографии в процессе предъявления фотографий субъектам познания; 2) они были сбалансированы с точки зрения пола и возраста объектов познания: выбраны по одной мужской и женской портретной/ростовой фотографии на каждый из четырех возрастных интервалов (20—30 лет, 31—40 лет, 41—50 лет, 51—60 лет). Комплект фотографий представлен в Приложении М.

Выборка субъектов познания также была сбалансирована с точки зрения гендерно-возрастных характеристик. Из общей выборки исследования № 10 были извлечены данные о количестве фиксаций и времени рассматривания портретной и ростовой фотографий при определении возраста изображенных на них незнакомых людей 76 субъектов познания: 38 мужчин в возрасте 21-59 лет ($M_{\text{возр.}} = 28,84$ лет) и 38 женщин в возрасте 21-59 ($M_{\text{возр.}} = 28,79$ лет).

Результаты.

Нами был проведен сравнительный анализ количества фиксаций и времени рассматривания портретной и ростовой фотографий при определении возраста изображенных на них незнакомых людей, по критерию Уилкоксона; результаты представлены в Таблице И.35. Критерий Уилкоксона, примененный к данным, полученным по фиксациям участников исследования относительно каждой «модели», показывает в 100% случаев преобладание отрицательных рангов над положительными, что свидетельствует о том, что количество фиксаций при оценке возраста на основе портретной фотографии преобладает над аналогичным показателем при рассматривании ростовой фотографии, при этом относительно моделей 37М, 32Ж, 42Ж и 58М эти различия значимы. Относительно времени рассматривания перед тем, как участники делали вывод о возрасте незнакомого человека, какой-либо общей закономерности нами не обнаружено, что позволяет предположить влияние дополнительных факторов, в качестве которых в данной работе выступают гендерно-возрастные особенности объектов восприятия.

В Таблице И.36 приведены данные о среднем количестве фиксаций и времени рассматривания при определении возраста объекта познания. Представленные в таблицах данные показывают, что в среднем субъект познания рассматривает портретную фотографию незнакомого человека 6,24 секунды и делают 13 фиксаций, давая заключение о его возрасте, и 6,04 секунды и 11 фиксаций, рассматривая ростовую фотографию.

Для проверки второй гипотезы нами был подсчитано общее количество фиксаций и общее время восприятия каждым участником исследования: 1)

всех портретных и всех ростовых фотографий; 2) всех женских и всех мужских портретов / ростовых фотографий; 3) всех портретов и ростовых фотографий молодых (возрастной интервал 20—40 лет) и зрелых (41—60 лет) взрослых. К полученным показателям применен критерий Уилкоксона, результаты которого представлены в Таблице И.37. Сравнивались количество фиксаций и общее время рассматривания в следующей последовательности: «лицо»/«фигура»; «лицо»/«лицо»; «фигура»/«фигура».

Поведенный анализ показывает значимые различия в количестве фиксаций при решении задачи на определение возраста незнакомого человека на основе восприятия портретной и ростовой фотографий, как на общем массиве фотографий, так и отдельно по мужским и женским фотографиям, а также фотографиям молодых и зрелых «моделей»: количество фиксаций при рассматривании портретной фотографии значимо больше, чем при рассматривании ростовой фотографии.

Относительно времени рассматривания на общем массиве фотографий была обнаружена тенденция ($p = 0,077$) к большему времени рассматривания лица, чем изображения, содержащего целостный внешний облик, которая на статистически достоверном уровне проявилась при сравнении женских портретных и ростовых фотографий ($p = 0,055$), а также портретных и ростовых фотографий зрелых взрослых ($p = 0,033$). То есть нами обнаружено, что субъекты восприятия значительно больше времени рассматривают фотографии лица женщин и зрелых взрослых (41—60 лет), чем фотографии их целостного внешнего облика (ростовые фотографии).

Интересные данные получены при сравнении количества фиксаций и времени рассматривания лиц женщин и мужчин, а также молодых и зрелых взрослых при принятии решения об их возрасте: данные показатели значительно более интенсивны при восприятии женских (по сравнению с мужскими) и зрелых лиц (по сравнению с молодыми).

Эта же тенденция обнаружена и при восприятии целостного внешнего облика (ростовой фотографии) мужчин и женщин, молодых и зрелых

взрослых, при этом необходимого уровня статистической достоверности ($p = 0,01$) достигает сравнение количества фиксаций при восприятии ростовой фотографии мужчин и женщин: при рассматривании женских ростовых фотографий количество фиксаций субъекта восприятия значительно больше, чем при рассматривании мужских ростовых фотографий.

Выводы:

1) Особенности конструирования воспринимаемого возраста (важнейшие характеристики окуломоторной активности - число фиксаций, время рассматривания) при определении возраста по портретной и ростовой фотографии имеют значимые различия.

2) Количество фиксаций при рассматривании портретной фотографии значимо больше, чем при рассматривании ростовой фотографии, вне зависимости от гендерно-возрастных характеристик объекта восприятия;

3) Время рассматривания лица и фигуры в целом различается на уровне тенденции ($p = 0,077$): время рассматривания лица больше, чем изображения, содержащего целостный внешний облик; при этом с учетом гендерно-возрастных характеристик объектов объекта познания эта закономерность выглядит следующим образом: субъекты восприятия больше времени рассматривают фотографии лица женщин и зрелых взрослых (41—60 лет), чем фотографии их целостного внешнего облика (ростовые фотографии).

4) Количество фиксаций и время рассматривания лиц женщин значительно больше, чем лиц мужчин; лиц зрелых людей значительно больше, чем молодых лиц; количество фиксаций при восприятии ростовой фотографии женщин также значимо больше, чем ростовой фотографии мужчин. Это означает, что для воспринимающего субъекта определение возраста женщины является более сложной задачей, чем мужчины; определение возраста зрелого человека — более сложная задача, чем молодого.

4.4.3. Комплексы социально-психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей субъектов познания, различающихся по эффекту, точности конструирования воспринимаемого возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике

На следующем этапе обработки массива полученных в исследовании № 9 (N=408) данных мы обратились к специфике конструирования воспринимаемого возраста субъектом познания, к доказательству гипотезы № 4. Выделены процессуальные характеристики конструирования воспринимаемого возраста другого (время рассматривания, количество фиксаций взгляда) и характеристики результата конструирования возраста другого (точность определения возраста, тенденция старить / омолаживать воспринимаемого человека). Более подробно критерии выделения особенностей конструирования воспринимаемого возраста описаны ниже:

1) Время рассматривания объекта познания при решении перцептивной задачи о его возрасте (быстрое решение перцептивной задачи о возрасте незнакомого другого / длительное решение перцептивной задачи о возрасте незнакомого другого).

2) Количество фиксаций (малое количество фиксаций на объекте познания при принятии решения о возрасте / большое количество фиксаций);

3) Тип оценки возраста с точки зрения разницы между хронологическим возрастом объекта познания и его воспринимаемым возрастом, рассчитанной с учетом знака (знак «плюс» - тенденция омолаживать объект познания / знак «минус» - тенденция старить объект познания);

4) Точность оценки возраста с точки зрения разницы между хронологическим возрастом объекта познания и его воспринимаемым возрастом, рассчитанной по модулю (более точны в определении возраста объекта познания / менее точны в определении возраста объекта познания).

По каждому из вышеперечисленных критериев субъекты познания были

разделены на подгруппы, далее к данным, полученным по их социально-психологическим и личностным особенностям, был применен Т-критерий Стьюдента (в случаях правомерности его применения с учетом критерия Ливиня, в противном случае был использован критерий Манна-Уитни). Результаты его применения приведены в Таблицах И.38-И.41.

Проведенный анализ показал, что субъекты познания, различающиеся по эффекту, точности конструирования воспринимаемого возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике отличаются комплексами социально-психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей, а именно:

1) Комплекс самооценок своего внешнего облика (оценки лица, телосложения, оформления внешнего облика, степень принятия своего отраженного внешнего облика, оценки соответствия своего внешнего облика возрасту, гендеру, гендерным ролям, привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола, оценки сексуальности своего внешнего облика, а также интегральная оценка своего внешнего облика), удовлетворенность своим внешним обликом, потребность в контроле (на уровне требуемого от других поведения), внутренняя конфликтность в сфере контроля, типы межличностных отношений (властно-лидирующий, независимо-доминирующий, прямолинейно-агрессивный), самопринятие как параметр психологического благополучия, самоуверенность и самопринятие как компоненты самоотношения опосредуют время принятия решения о возрасте незнакомого человека.

Быстро принимают решение о возрасте другого человека субъекты познания с более позитивными оценками своего внешнего облика (своего лица, телосложения, оформления внешнего облика, с более высокой степенью принятия своего отраженного внешнего облика, соответствия своего внешнего облика возрасту, гендеру, гендерным ролям, имеющие высокие самооценки привлекательности своего внешнего облика для партнера противоположного пола, сексуальности своего внешнего облика, интегральные оценки своего

внешнего облика); с более высокой удовлетворенность своим внешним обликом; с более низкой потребностью в контроле со стороны других людей (в зависимости); с более высокой внутренней конфликтностью в сфере контроля; имеющие более выраженные такие типы отношений с другими людьми, как властно-лидирующий, независимо-доминирующий, прямолинейно-агрессивный тип; более самоуверенные и имеющие более выраженное самопринятие (как параметр психологического благополучия и как компонент самоотношения), по сравнению с субъектами познания, которые медленно конструируют воспринимаемый возраст другого, длительно решают задачу на определение возраста незнакомого другого.

2) Потребность выглядеть моложе, оценка соответствия своего внешнего облика возрасту, властно-лидирующий и прямолинейно-агрессивный тип межличностного поведения, комплекс параметров психологического благополучия (позитивные отношения с окружающими, управление средой, личностный рост, самопринятие, баланс аффекта, осмысленность жизни, человек как открытая система), самоуверенность как компонент самоотношения опосредуют число зрительных фиксаций на воспринимаемом человеке (малое и среднее количество фиксаций на объекте восприятия при принятии решения о возрасте / выше среднего и большое количество фиксаций).

Малое и среднее количество фиксаций на объекте восприятия при принятии решения о возрасте (по сравнению с теми, кто демонстрирует количество фиксаций выше среднего и большое количество фиксаций, рассчитанное относительно всех фиксаций 408 субъектов познания на всех 34 фотографиях) демонстрируют более молодые (с точки зрения их хронологического возраста) субъекты познания, которые имеют низкую потребность выглядеть моложе, оценивают свой внешний облик как соответствующий возрасту; имеют более выраженные такие типы межличностных отношений с другими людьми, как властно-лидирующий и прямолинейно-агрессивный; имеют более выраженный комплекс параметров

психологического благополучия (позитивные отношения с окружающими, управление средой, личностный рост, самопринятие, осмысленность жизни, человек как открытая система) и менее выраженный показатель «баланс аффекта», а также более выраженную самоуверенность (как компонент самоотношения).

3) Оценка соответствия своего внешнего облика возрасту, социальные потребности во включении и любви (требуемое поведение), объем интеракций в сфере включения и аффекта, внутренняя конфликтность в сфере включения, тип межличностных отношений (сотрудничающе-конвенциальный) - опосредуют точность определения возраста. Более точны в определении возраста незнакомого другого те субъекты познания, которые демонстрируют более высокую оценку соответствия своего внешнего облика возрасту; имеют менее выраженную потребность во включении и любви со стороны других людей (и, соответственно, объем интеракций в этих сферах и внутреннюю конфликтность в сфере включения); более выраженный сотрудничающе-конвенциальный тип межличностных отношений с другими людьми (.

4) Оценка своего телосложения, покорно-застенчивый, зависимо-послушный и сотрудничающе-конвенциальный тип отношений, а также хронологический возраст опосредуют тенденцию омолаживать / старить воспринимаемого человека. Омолаживают воспринимаемого другого субъекты познания, которые имеют более молодой хронологический возраст; менее позитивные оценки своего телосложения; а также демонстрируют такие типы межличностных отношений с другими людьми, как покорно-застенчивый, зависимо-послушный и сотрудничающе-конвенциальный типы отношений.

Выводы: 1) социально-психологические, личностные, возрастные особенности субъектов познания влияют на процессуальные характеристики конструирования воспринимаемого возраста другого (время рассматривания, количество фиксаций взгляда) и характеристики результата конструирования возраста другого (точность определения возраста, тенденция старить /

омолаживать воспринимаемого человека). 2) Описаны комплексы социально-психологических, личностных, возрастных особенностей субъекта познания, которые влияют на процессуальные характеристики и характеристики результата конструирования воспринимаемого возраста. Обобщенные выводы исследования представлены на Рисунке 31.

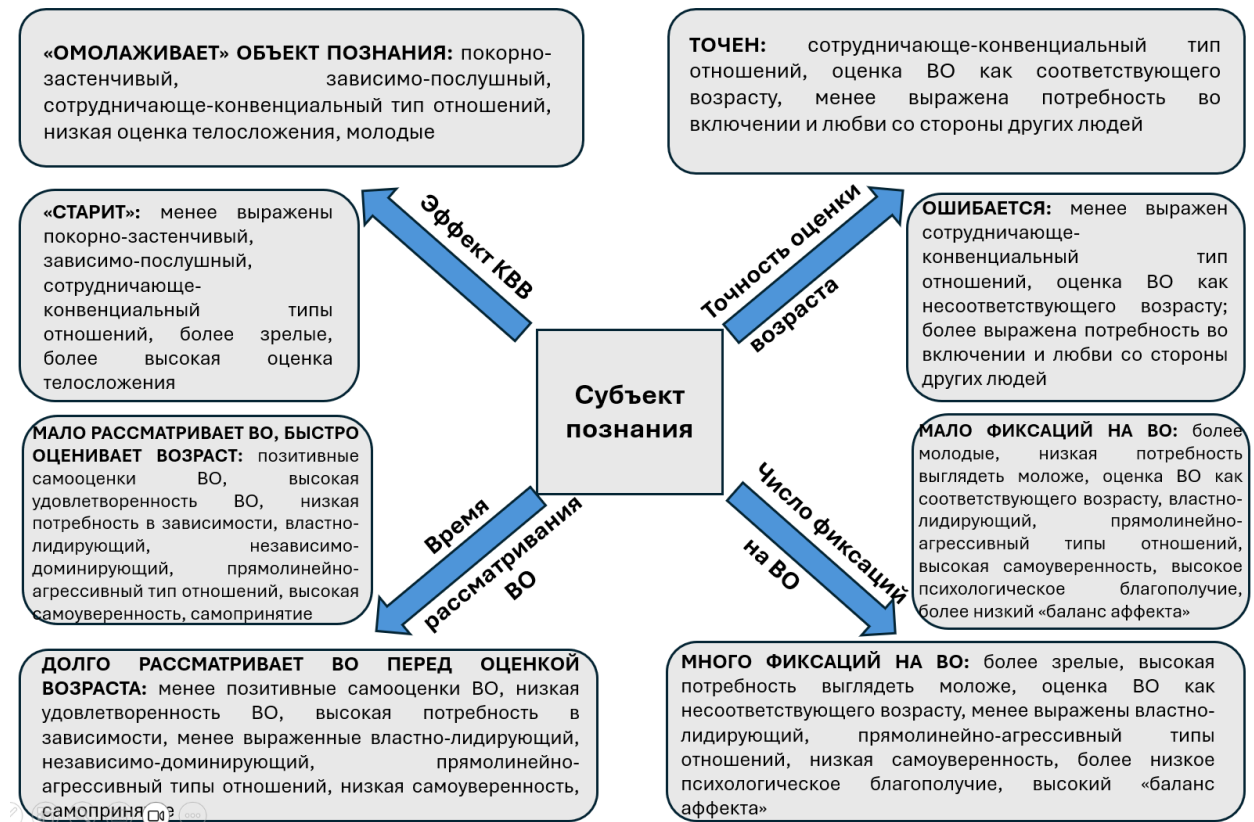

Рисунок 31 - Социально-психологические, личностно-субъектные характеристики субъекта познания, различающегося по критериям: эффект конструирования воспринимаемого возраста (КВВ), точность оценки возраста, время рассматривания ВО, число фиксаций на ВО

Обсуждение. Полученные данные подтверждает на эмпирическом уровне предлагаемую нами теоретическую модель конструирования воспринимаемого возраста, а также соответствуют базовому положению психологии социального познания о том, что субъект познания – это активный действующий субъект, который участвует в процессе познания «полностью»: в процессе познания задействованы его опыт, потребностно-мотивационная сфера, система отношений, параметры психологического благополучия и другие особенности.

4.4.4. Анализ взаимосвязей между выраженностью социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания и частотой актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

В данном параграфе представлены механизмы конструирования воспринимаемого возраста, которые были изучены с помощью специально разработанного опросника «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста», использованного строго после прохождения процедуры айтрекинга. В Таблице 18 представлены описательные статистики частоты актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста незнакомого другого на общем массиве полученных данных (408 субъектов восприятия).

Таблица 18 - Описательные статистики частоты использования механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста

Механизм социального познания	Размах	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Эмпатия	5	0	5	2,25	1,487
Аттракция / пв	5	0	5	2,16	1,494
Сравнение (с другими)	5	0	5	3,29	1,507
Сравнение (с собой)	5	0	5	2,58	1,572
Идентификация	5	0	5	1,63	1,654
Рефлексия	5	0	5	2,64	1,545
Возрастная категоризация	5	0	5	3,34	1,449
Оценка (оценка ВО)	5	0	5	4,18	1,139
Каузальная атрибуция	5	0	5	2,55	1,526
Стереотипизация	5	0	5	3,83	1,235

Далее мы провели ранжирование данных: от 1 – наиболее часто используемый механизм до 10 – наименее часто используемый механизм, результаты которого приведены в Таблице 19.

Таблица 19 - Ранжирование частоты использования механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста незнакомого другого

Механизм конструирования воспринимаемого возраста	Среднее	Ранг
ОЦЕНКА	4,18	1
СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ	3,83	2
ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ	3,34	3
СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ	3,29	4
РЕФЛЕКСИЯ	2,64	5
СРАВНЕНИЕ С СОБОЙ	2,58	6
ИДЕНТИФИКАЦИЯ	1,63	7

Анализ данных, полученных по методике «Механизмы конструирования возраста», позволяет заключить: 1) воспринимающий субъект конструирует возраст незнакомого другого с использованием базовых механизмов социального познания (все предложенные респондентам варианты ответов были выбраны, минимальная выраженность механизма «идентификация» с рангом 10 соответствует 1,63, показатель соответствует частоте его использования скорее как «по случаю»; 2) Наиболее высокие ранги (от 1 до 4, что соответствует высокой частоте их актуализации – чаще, чем иногда, часто, обычно) у таких механизмов, как «оценка внешнего облика», «стереотипизация», «возрастная категоризация», «сравнение с другими». Полученные данные, представленные на Рисунке 32, позволяют сделать вывод, что конструирование воспринимаемого возраста опирается прежде всего на возрастную категоризацию другого человека на основании оценки его внешнего облика с учетом возрастных стереотипов, существующих в широком социальном контексте, а также опыта взаимодействия с конкретными другими (и сравнения внешнего облика воспринимаемого человека с внешним обликом конкретных других). На эмпирической уровне мы получили данные, что субъекты восприятия в первую очередь, при конструировании возраста другого, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете возраст других людей?», выбирают варианты: 1 ранг - оцениваю внешний облик человека, опираясь на маркеры возраста (лицо, тело, одежда, косметика, прическа, выразительное поведение) и делаю вывод о его возрасте; 2 ранг - опираюсь на свои представления о том, как должен выглядеть человек в том возрасте, к которому

относится оцениваемый человек; 3 - отношению оцениваемого человека к воображаемой группе людей, находящихся на определенном этапе жизненного пути (юные/молодые/зрелые/пожилые/старые); 4 ранг – сравниваю оцениваемого человека со знакомыми мне людьми, у которых примерно такой же возраст.

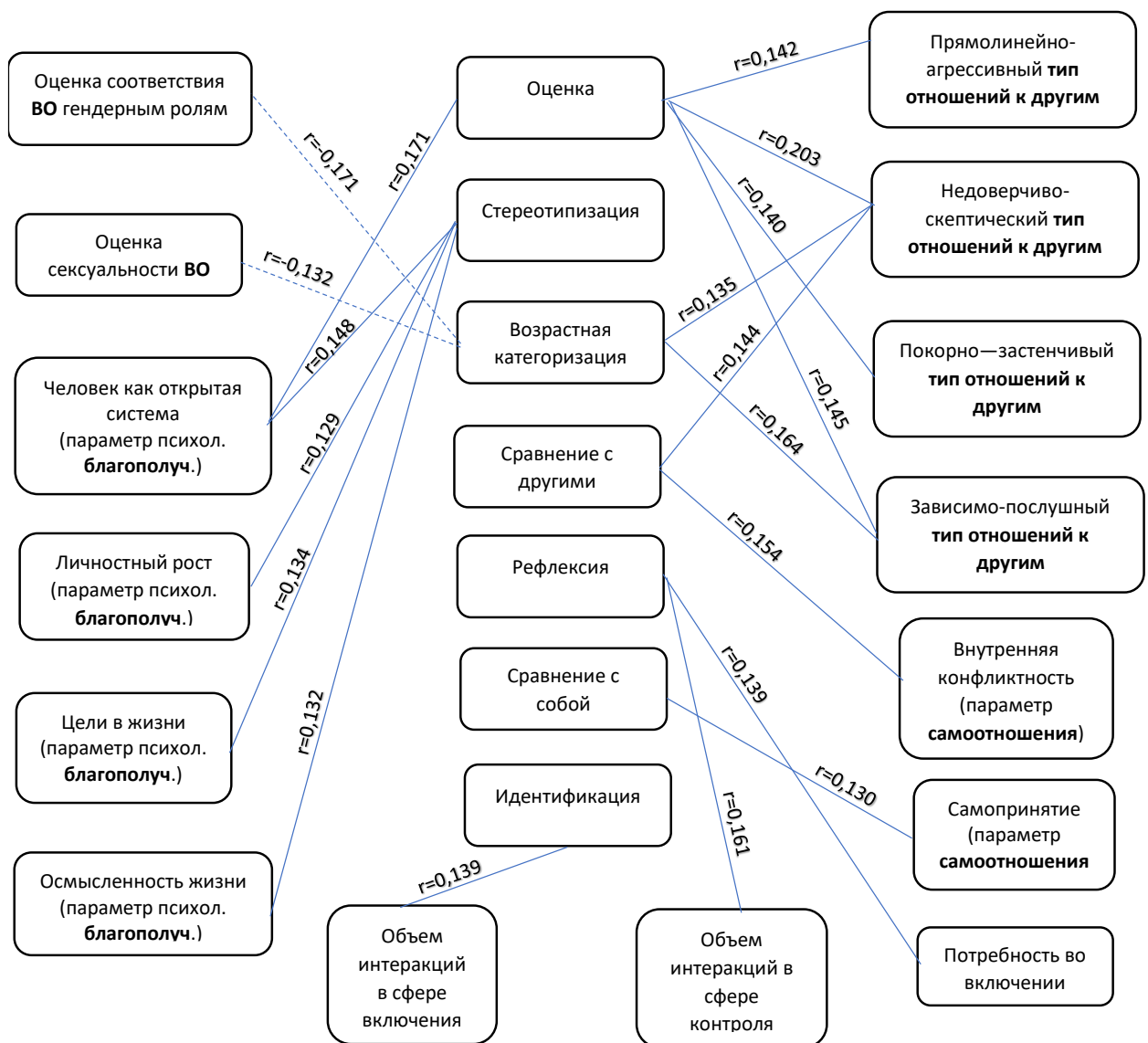
Рисунок 32 – Частота актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста

Для выявления комплекса социально-психологических, личностно-субъектных характеристик субъекта познания, которые могут быть взаимосвязаны с актуализацией механизмов конструирования воспринимаемого возраста, нами предпринят корреляционный анализ Спирмена, который показал, что актуализация механизмов конструирования определяется комплексом характеристик субъекта познания. В Таблице И.42 приведены значимые взаимосвязи между выраженностью социально-психологических, личностных особенностей субъекта познания и частотой актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования возраста объекта познания на уровне значимости ниже или равно 0,01: 1) Частота актуализации механизма «оценка внешнего облика» в процессе конструирования воспринимаемого возраста объекта познания прямопропорционально взаимосвязана с особенностями межличностных

отношений и одним параметром психологического благополучия: с выраженностью прямолинейно-агрессивного, недоверчиво-скептического, покорно-застенчивого, зависимо-послушного типами отношений; с параметром «человек как открытая система»; 2) Частота актуализации механизма «стереотипизации» связана прямопропорционально с тремя параметрами психологического благополучия: личностный рост, осмысленность жизни, человек как открытая система; 3) Частота актуализации механизма «возрастная категоризация» связана с 2 параметрами оценки своего внешнего облика и с особенностями межличностных отношений: отрицательной взаимосвязью с самооценкой сексуальности своего внешнего облика и оценкой соответствия внешнего облика гендерным ролям; положительной – с недоверчиво-скептическим и зависимо-послушным типами межличностных отношений. 4) Частота актуализации механизма «сравнение с другими» связана прямопропорционально с особенностями межличностных отношений и базовым фактором самоотношения: с недоверчиво – скептическим типом межличностных отношений и внутренней конфликтностью. 5) Частота актуализации механизма «рефлексия» связана прямопропорционально с социально-психологическими потребностями: с потребностью во включении (на уровне выраженного поведения) и объемом интеракций в сфере контроля. 6) Частота актуализации механизма «сравнение с собой» связана прямопропорционально с параметром самоотношения - самопринятием. 7) Частота актуализации механизма «идентификация» связана прямопропорциональной взаимосвязью с объемом интеракций в сфере включения.

Выводы: 1) Субъект познания конструирует возраст объекта познания с использованием базовых механизмов социального познания: возрастной категоризации, оценки, стереотипизации, сравнения (с другими, с собой), идентификации, рефлексии. 2) Конструирование воспринимаемого возраста опирается прежде всего на категоризацию другого человека на основании оценки его внешнего облика с учетом возрастных стереотипов, существующих

в широком социальном контексте, а также в опоре на сравнение с конкретными другими. 3) Частота актуализации механизмов конструирования возраста взаимосвязана с выраженностью социально-психологических потребностей (во включении и в контроле), с системой отношений субъекта восприятия (его отношением к себе, другим, к своему внешнему облику), с параметрами психологического благополучия субъекта познания. Полученные данные обобщены на Рисунке 33.

Пояснения к Рисунку: линии указывают на значимые прямопропорциональные взаимосвязи, пунктирные линии указывают на значимые обратнопропорциональные взаимосвязи; $p \leq 0,01$.

Рисунок 33 – Эмпирическая модель взаимосвязей комплекса характеристик субъекта познания и актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста

Обсуждение. Проведенный анализ показывает, что актуализация механизмов конструирования воспринимаемого возраста другого опосредована выраженностью его социально-психологических потребностей (во включении и в контроле), системой отношений субъекта восприятия (его отношением к себе, другим, к своему внешнему облику), параметрами его психологического благополучия, что также подтверждает теоретическую схему конструирования воспринимаемого возраста.

4.5 Фактор социально-психологического контекста в конструировании воспринимаемого возраста

В данном параграфе приведены результаты исследования № 10, целью которого было выявление влияния социально-психологического контекста, представленного в типе семьи (благополучная / неблагополучная семья) на результаты конструирования воспринимаемого возраста (омоложение, состаривание), а также отношение к своему внешнему облику, в соответствии с гипотезой 7 диссертационного исследования. Исследование проведено при участии при участии С.А. Труновой, результаты исследования опубликованы [125].

Выборка исследования: в качестве объекта восприятия выступили женщины из благополучных (40 женщин) и неблагополучных (40 женщин) семей в возрасте от 22 до 57 лет ($M=38,5$). В качестве субъектов восприятия («оценщиков») выступили 20 человек (17 женщин, 3 мужчин) в возрасте от 29 до 60 лет. Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного учреждения социального обслуживания Краснодарского края «Анапский комплексный центр социального обслуживания населения», отделение помощи семье и детям. 40 женщин, находящихся в неблагополучных социальных условиях, на момент исследования состояли на межведомственном профилактическом учёте в Управлении социальной защиты населения министерства труда и социального развития

Краснодарского края в г. Анапа, как граждане, находящиеся в трудной жизненной ситуации, а также в социально опасном положении.

Методы и методики. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», Комплект № 7. В исследовании был использован комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской в соавторстве с другими, для диагностики отношения к своему внешнему облику: 1) Анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и беспокойность» В.А. Лабунской и Е.В. Капитановой; 2) Методика «Ценность и значимость внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности» В.А. Лабунской, Г.В. Серикова; 3) Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской; 4) «Шкалы диагностики представлений об оценках внешнего облика родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» И.И. Дроздовой, Е.В. Капитановой, В.А. Лабунской; 5) Методика диагностики жизненной динамики удовлетворенности внешним обликом В.А. Лабунской; 6) Шкала appearance-перфекционизма К. Сривастава, а также анкета выраженности семейного неблагополучия С.А. Труновой, разработанная на базе карты-схемы психологического экспресс-анализа состояния внутрисемейных отношений [334] - использована для выявления уровня семейного благополучия/неблагополучия и классификации семей на 4 типа: 1) благополучная семья; 2) семьи группы риска - семья нуждается в особом внимании; 3) неблагополучные семьи – семья находится в трудной жизненной ситуации; 4) асоциальные семьи – семья предположительно находится в социально опасном положении. В ходе совместного с женщиной заполнения анкеты и включенного наблюдения оценивались такие характеристики внутрисемейных отношений, как: состав семьи не деформирован (полная, кровная семья) либо состав семейной группы часто меняется, в нее включаются временные сожители, стабильные семейные связи отсутствуют; атмосфера в семье дружелюбная, отношения близкие, доверительные либо

конфликтная ситуация в семье, отношения отчужденные; сформированная родительская позиция, реалистичность ожиданий и требования родителя к ребенку либо низкая родительская компетентность, нарушены детско-родительские отношения; друзья детей приходят в гости, либо не допускаются; дети имеют индивидуальное пространство либо оно не организовано; соблюдаются ли дома санитарно-гигиенические нормы либо дома антисанитария, грязь, беспорядок и т.п.

Результаты исследования

На первом этапе анализа данных нами был проведен корреляционный анализ Спирмена уровня выраженности семейного благополучия и параметров отношения к своему внешнему облику, а также разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом (ХВ–ВВ). Значимые коэффициенты корреляции приведены в Таблице И.43.

Как видно из данной таблицы, показатель семейного благополучия имеет большое количество взаимосвязей с параметрами отношения к своему внешнему облику и показателем разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом (В-ВВ), характеризующим то, насколько женщина выглядит моложе своих лет в глазах других людей.

Во-первых, обнаружен ряд положительных взаимосвязей показателя семейного благополучия и степенью удовлетворенности женщинами своим внешним обликом: чем выше показатель семейного благополучия, тем более удовлетворена женщина своим внешним обликом.

Во-вторых, обнаружены взаимосвязи показателя семейного благополучия и представлений об оценках своего внешнего облика другими людьми: оценками внешнего облика друзьями мужчинами; оценками внешнего облика друзьями женщинами; оценками внешнего облика отцом; оценками внешнего облика руководителем. Чем выше показатель благополучия, тем более привлекательный облик имеют женщины с точки зрения мужчин, женщин, отца и руководителя.

В-третьих, обнаружены взаимосвязи показателя семейного благополучия и жизненной динамикой удовлетворенности внешним обликом в разные периоды жизни женщины. Из всех этапов жизненного пути, представленных для оценивания, значимые взаимосвязи обнаружены с удовлетворенностью своим внешним обликом на следующих возрастных этапах: в 5-летнем возрасте, в 10 лет, в 25 лет, в 40 лет, в 50 лет, в настоящее время.

В-четвертых, показатель семейного благополучия оказался связан прямопропорциональной взаимосвязью со шкалой appearance-перфекционизма: чем он выше у женщин, тем выше appearance-перфекционизм.

В-пятых, из всех сфер жизнедеятельности, представленных в методике «Ценности и значимости внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности», показатель семейного благополучия оказался взаимосвязан с одной сферой (карьера), причем обратнопропорциональной связью: чем выше уровень семейного благополучия, тем менее значим, с точки зрения женщин, внешний облик для карьеры. Иными словами, женщины с низким уровнем семейного благополучия приписывают внешнему облику высокую значимость для карьеры, карьерного роста, возможно, оправдывая отсутствие профессиональных успехов отсутствием «модельной» внешности; женщины же с высоким уровнем семейного благополучия, напротив, не считают внешний облик значимым для карьерного роста.

В-шестых, нами обнаружен целый комплекс прямопропорциональных взаимосвязей выраженности семейного благополучия и всех изучаемых параметров оценки своего внешнего облика: оценки своего лица; оценки своего телосложения; оценки оформления своего внешнего облика; оценки выразительного поведения; степени принятия своего отраженного внешнего облика; оценки соответствия внешнего облика возрасту; оценки соответствия внешнего облика гендеру; оценки соответствия внешнего облика гендерным ролям; оценки соответствия внешнего облика профессиональной роли; оценки

возрастной привлекательности внешнего облика; привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола; оценки сексуальности своего внешнего облика; удовлетворенности своим внешним обликом; интегральной оценки внешнего облика. Из всех компонентов внешнего облика (лицо, телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение) наиболее тесная связь с уровнем семейного благополучия обнаружена с оценкой лица.

В-седьмых, обнаружена прямопропорциональная взаимосвязь между показателем семейного благополучия и показателем разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом: чем выше уровень семейного благополучия, тем моложе выглядят женщины в глазах других людей.

Для проведения сравнительного анализа отношения к своему внешнему облику женщин из благополучных и неблагополучных семей был применен критерий Манна-Уитни. Значимые различия приведены в Таблице И.44. Анализ результатов применения критерия Манна-Уитни показывает, что между женщинами из благополучных и неблагополучных семей имеются значимые различия в каждом из изучаемых компонентов отношения к внешнему облику.

Во-первых, обнаружены значимые различия в когнитивном параметре отношения к своему внешнему облику: 1) ценность/значимость ВО для общения, дружбы; 2) в системе представлений об оценках своего ВО другими людьми, а именно друзьями-женщинами и отцом; 3) в комплексе оценок своего внешнего облика, его отдельных параметров и интегральных характеристик: оценка своего лица, телосложения, оформления своего внешнего облика, выразительного поведения; степень принятия своего отраженного внешнего облика; оценка соответствия внешнего облика гендеру; оценка соответствия внешнего облика профессиональной роли; оценка возрастной привлекательности внешнего облика; привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола; оценка сексуальности своего внешнего облика; удовлетворенность своим внешним обликом;

интегральная оценка внешнего облика. Все вышеназванные параметры значительно менее выражены в группе женщин из неблагополучных семей. Из всех изучаемых компонентов внешнего облика (лицо, телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение) наиболее значимые различия между женщинами из благополучных и неблагополучных семей обнаружены в оценке своего лица.

Во-вторых, обнаружены различия в эмоциональном компоненте отношения к внешнему облику: параметре удовлетворенности внешним обликом, степени удовлетворенности внешним обликом в различные периоды жизни: в 5, 10, 24 и 40 лет, а также удовлетворенности внешним обликом в настоящий момент. Все вышеназванные переменные в группе женщин из неблагополучных семей значимо ниже, чем в группе женщин из благополучных семей.

В-третьих, поведенческий компонент отношения к своему внешнему облику, представленный выраженностью appearance-перфекционизма, также имеет значимые различия в изучаемых группах: в группе женщин из неблагополучных семей он значимо ниже.

Для сравнения показателя ХВ-ВВ женщин из благополучных и неблагополучных семей был применен критерий Манна Уитни, который показал значимые различия: $Z = -4,999$, $p = 0,000$, ср. ранг 1 гр. = 53,49, ср. ранг 2 гр. = 27,51. Это означает, что показатель «спасенные годы» значимо различается у женщин из благополучных / неблагополучных семей: женщины из благополучных семей выглядят значительно моложе своего возраста, женщины из неблагополучных семей выглядят значительно старше своего возраста.

Обратимся к показателю ХВ-ВВ в изучаемых подгруппах женщин. В группе женщин из неблагополучных семей показатель ХВ-ВВ колеблется от -18,65 до 9,15, среднее арифметическое равно -5,17. При этом из 40 женщин показатель ХВ-ВВ принимает отрицательные значения у 35 женщин (87,5 %), и только у 5 женщин (12,5 %) принимает положительные значения. Так,

зафиксированы следующие положительные значения этого показателя: 0,2; 0,5; 0,95; 7,1; 9,15. То есть, можно констатировать, что подавляющее большинство женщин из неблагополучных семей выглядят значительно старше своего хронологического возраста, средний показатель этой разницы – 5 лет. В группе женщин из благополучных семей показатель ХВ-ВВ колеблется от -4,95 до 8,25, среднее арифметическое равно 0,38. При этом из 40 женщин показатель ХВ-ВВ принимает отрицательные значения у 18 женщин (45 %), и у 22 женщин (55 %) принимает положительные значения. То есть, можно констатировать, что большинство женщин из благополучных семей выглядят моложе своего хронологического возраста, средний показатель этой разницы – 0,38 лет.

Для того, чтобы проверить, сохраняется ли обнаруженная нами на общей выборке закономерность (связь выраженности семейного благополучия и показателя ХВ-ВВ), мы провели корреляционный анализ Спирмена отдельно по подгруппам женщин из благополучных и неблагополучных семей. В результате проведенного нами анализа было обнаружено, что на выборке женщин из благополучных семей эта взаимосвязь отсутствует; при этом на выборке неблагополучных семей взаимосвязь прямопропорциональная: чем значительнее степень неблагополучия, тем старше своих лет выглядит женщина ($r=0,393$, $p=0,012$).

Для проверки предположения, что тип семьи может оказывать влияние на результаты конструирования воспринимаемого возраста и отношение к своему внешнему облику, мы разделили женщин из неблагополучных семей на подгруппы «семьи группы риска» (9 женщин); «семьи в трудной жизненной ситуации» (14 женщин); «асоциальные семьи» (17 женщин). Далее к показателям отношения к своему внешнему облику и параметру ХВ-ВВ женщин из трех вышеназванных подгрупп был применен критерий Крускала-Уоллиса, позволяющий выявить влияние типа семейного неблагополучия на изучаемые показатели. Между тремя подгруппами не было обнаружено различий в выраженности параметров отношения к своему внешнему облику,

и обнаружены значимые различия параметра ХВ-ВВ: Хи-квадрат=7,199; $p=0,027$; ср. ранг 1 гр.=29,67; ср. ранг 2 гр.=18,39; ср. ранг 3 гр.=17,38. Полученные данные говорят о том, что тип семьи с точки зрения выраженности семейного неблагополучия не влияет на отношение к внешнему облику: неприятие своего внешнего облика (неудовлетворенность, низкая самооценка и т.д.) является значимой характеристикой группы неблагополучных женщин в целом и внутри этой группы значимо не изменяется. Параметр ХВ-ВВ («спасенные годы»), напротив, чувствителен к типу семьи (критерием выделения которого является уровень семейного неблагополучия): чем более неблагополучна, асоциальна семья женщины, тем ниже этот показатель, который поступательно снижается в зависимости от уровня семейного неблагополучия.

Выводы: 1) Женщины из благополучных семей выглядят значительно моложе своего возраста (воспринимаемый возраст); женщины из неблагополучных семей выглядят значительно старше своего возраста (воспринимаемый возраст). 2) Неприятие своего внешнего облика (неудовлетворенность, низкая самооценка и т.д.) является значимой характеристикой группы неблагополучных женщин. 3) Обнаружена прямопропорциональная взаимосвязь степени семейного благополучия и воспринимаемого возраста («спасенные годы»): чем ниже уровень семейного благополучия, тем старше оценивается воспринимаемый возраст женщин.

Обсуждение. Доказано влияние социально-психологического контекста на воспринимаемый возраст, что позволяет заключить, что эффект «состаривания» женщин из неблагополучных семей является визуально-воспринимаемым маркером уровня семейного неблагополучия, сопряженным с негативным отношением к своему внешнему облику. Полученные результаты вносят вклад в современные представления о семье, семейных отношениях, участниках семейной структуры с учетом ее дисфункционального статуса [176, 333, 340, 379, 407].

Таким образом, на основе эмпирической верификации теоретической модели конструирования воспринимаемого возраста, представленной в цикле исследований, создана обобщенная эмпирическая модель конструирования воспринимаемого возраста. Эмпирическая модель приведена на Рисунке 34: знак + в регрессионных моделях указывает на значимое позитивное влияние изучаемых характеристик на КВВ; знак (–) указывает на значимое негативное влияние изучаемых характеристик на КВВ; в регрессионные модели не включены факторы, не оказывающие влияние на КВВ. Корреляционные взаимосвязи: знак (+) указывает на значимые прямопропорциональные взаимосвязи, знак (–) указывает на значимые обратнопропорциональные взаимосвязи; толстые стрелы демонстрируют факт влияния факторов и характеристик на КВВ.

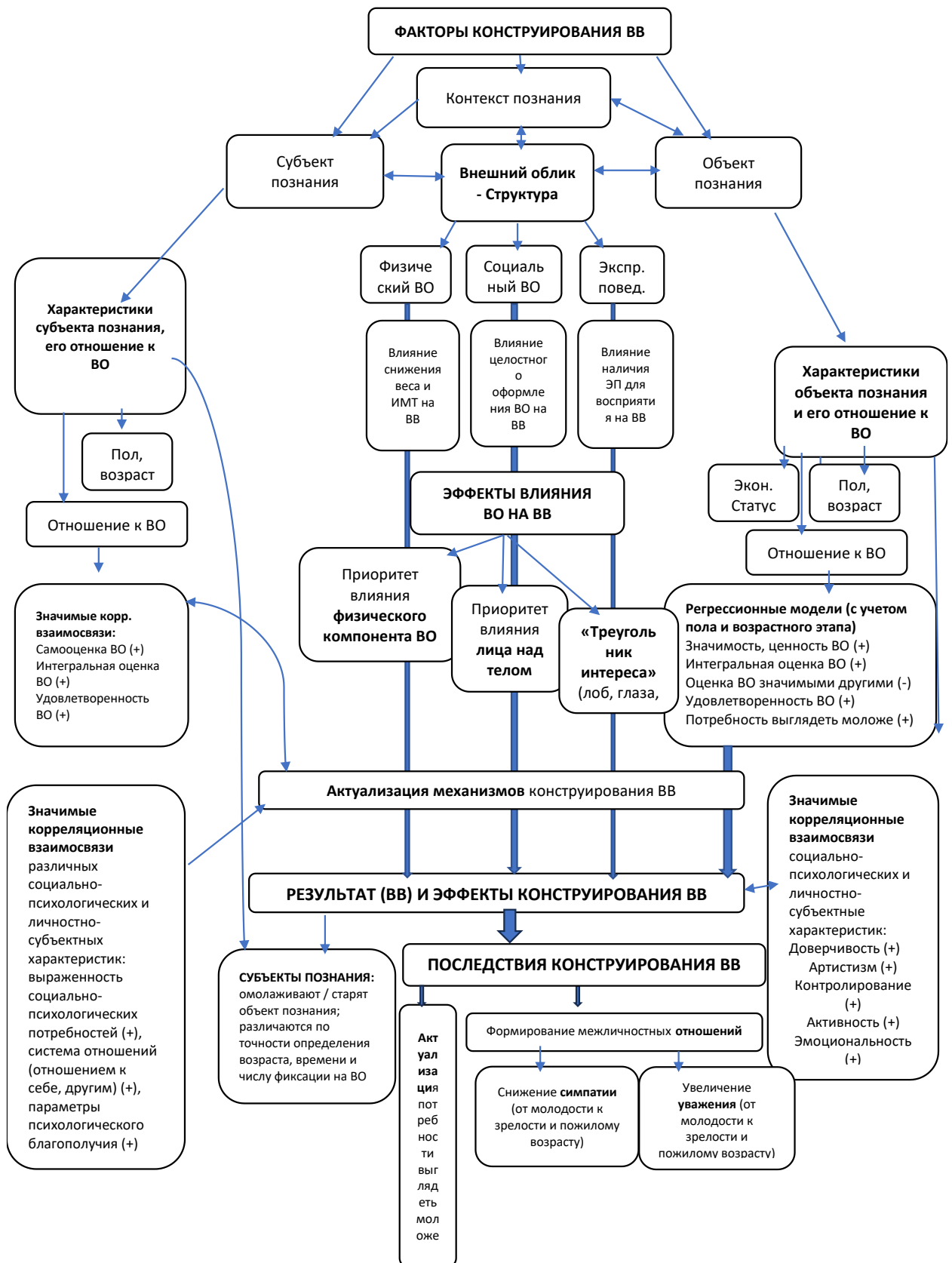

Рисунок 34 - Обобщенная эмпирическая модель конструирования воспринимаемого возраста

4.6. Выводы по главе 4

1. Социально-психологическими факторами конструирования воспринимаемого возраста объекта познания выступают разница между хронологическим возрастом и рефлексией ощущения своего возраста (субъективным возрастом), параметры отношения к своему внешнему облику объекта познания (значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика, оценка внешнего облика матерью), выраженность потребности «выглядеть моложе» своих лет, субъективная оценка экономического статуса. Показатель «спасенные годы» взаимосвязан с выраженностью самооффективности, потребности в контроле, эмоциональностью, игривостью, доверчивостью, артистизмом, активностью. Сочетание социально-психологических факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания изменяется в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни.

2. В качестве универсального фактора конструирования воспринимаемого возраста выступает значимость внешнего облика для объекта познания. Она определяет воспринимаемый возраст как мужчины, так и женщины, как в зрелом, так и в пожилом возрасте. Высокая значимость внешнего облика при сочетании с другими социально - психологическими факторами позволяет предсказать, насколько объект познания будет выглядеть моложе/старше своих лет в глазах субъекта познания.

3. Вывод о возрасте объекта познания делается субъектом познания быстрее, если для восприятия представлен целостный внешний облик, чем тогда, когда для конструирования возраста представлено только лицо (показатели айтрекера). Время рассматривания и количество фиксации значительно выше при конструировании возраста женщины, чем мужчины, а также возраста зрелого человека, по сравнению с молодым. Элементы внешнего облика при конструировании возраста объекта познания частично

не осознаются субъектом познания. Зона лица - «треугольник интереса» (лоб, глаза, нос) значимо чаще фиксируется субъектом познания.

4. Компоненты внешнего облика оказывают дифференцированное влияние на конструирование воспринимаемого возраста. Доминирующее положение среди компонентов внешнего облика, которые выступают критериями конструирования воспринимаемого возраста субъектом познания, занимает физический компонент внешнего облика, за ним (по доле вклада в конструирования воспринимаемого возраста) следуют социальный и динамический (экспрессивное поведение) компоненты внешнего облика.

5. Лицо, как средоточие всех трех компонентов внешнего облика, является элементом внешнего облика, на который чаще всего опирается субъект при конструировании воспринимаемого возраста.

6. Изменение элементов физического компонента внешнего облика (характеристик телосложения) в результате применения процедур по снижению веса и индекса массы тела значимо снижает оценку воспринимаемого возраста (зафиксирован эффект «омоложения»). Изменение социального компонента внешнего облика (а именно целостное его оформление) приводит к появлению эффекта «омоложения», который опосредован хронологическим возрастом объекта познания (выведена формула регрессии: эффект «омоложения» = $0,184 \times \text{Возраст} - 6,703$). Экспрессивное поведение объекта познания влияет на появление эффекта «омоложения», если оно представлено субъекту познания в динамике.

7. Обнаружены различия в представленности компонентов и элементов внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин, принадлежащих к возрастным группам «молодость» и «зрелость»; описан феномен «гендерной асимметрии» в конструировании воспринимаемого возраста.

6. Субъект познания конструирует возраст объекта познания с помощью механизмов социального познания: категоризации, оценки, стереотипизации, сравнения (с другими, с собой), идентификации, рефлексии. Наиболее часто

при конструировании воспринимаемого возраста актуализируются механизмы оценки, стереотипизации, возрастной категоризации и сравнения с другими. Частота актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста взаимосвязана с выраженностью социально-психологических потребностей (во включении, в контроле), компонентов системы отношений субъекта познания (его отношения к себе, другим, к своему внешнему облику), параметров психологического благополучия субъекта познания.

7. Субъекты познания, отличающиеся особенностями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания (по эффекту конструирования, по точности оценки возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике) различаются комплексами социально-психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей. Описаны комплексы характеристик субъектов познания, которые омолаживают / старят объект познания; точны в определении возраста / ошибаются; мало времени рассматривают внешний облик, быстро выносят суждение о возрасте / много времени рассматривают внешний облик, долго принимают решение о возрасте; имеют малое количество фиксаций на внешнем облике / имеют большое количество фиксаций на внешнем облике.

8. Отношение субъекта познания к объекту познания обусловлено его воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений внешнего облика объекта познания (от молодости к зрелости и пожилому возрасту). Выявлены основные тенденции динамики отношений к объекту познания: увеличение антипатии и уважения, которые опосредованы полом объекта познания. Обнаружено увеличение уважения к мужчинам при разнонаправленной динамике уважения к женщинам (как увеличение, так и снижение).

10. Обозначено влияние социально-психологического контекста (типа семьи: благополучные / неблагополучные семьи: «семьи группы риска», «собственно неблагополучные семьи», «асоциальные семьи») на воспринимаемый возраст члена семьи-женщину: чем ниже уровень семейного

благополучия, тем сильнее выражен эффект «состаривания» женщин в процессе конструирования их возраста субъектом познания. Низкая самооценка внешнего облика, его неприятие, неудовлетворенность им являются значимыми характеристиками отношения к своему внешнему облику в группе неблагополучных женщин. Женщины из благополучных семей выглядят значительно моложе своего возраста с точки зрения субъекта познания.

Глава 5. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ «КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОСПРИНИМАЕМОГО ВОЗРАСТА»

5.1. Цели и задачи программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста»

Цели, задачи, принципы, приемы, обоснование программы, основные эффекты отражены в следующих публикациях [113, 129, 425, 427, 429, 437].

Целью программы социально-психологического тренинга является развитие понимания участниками тренинга основных закономерностей конструирования воспринимаемого возраста, способности к управлению впечатлением, что должно способствовать профилактике явлений эйджизма.

Тренинг предназначен для различных групп населения: для молодых людей в возрасте 21-34 года, зрелых людей в возрасте 35-60 лет и пожилых людей в возрасте 61-75 лет. Тренинг содержит как универсальные упражнения для данных возрастных групп, так и специфичные, предназначенные исключительно для конкретных групп. Ниже, при описании упражнений, такие упражнения будут обозначены особо.

Сочетание с другими программами: программа может дополнять существующие в Российской Федерации социальные программы повышения долголетия и оздоровления для старших возрастных групп «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» (описание программ и их эффективности представлено в работах Т.Н. Березиной, Е.В. Васильевой, А.В. Литвиновой, А.А. Зинатуллиной и других [72, 73, 102, 192]).

Принцип составления групп: предпочтителен гетерогенный с точки зрения возраста его участников состав групп. Предполагается, что гетерогенный состав участников будет давать более разнообразный материал для проработки в группе, а также способствовать получению позитивного опыта общения с представителями других возрастных групп, что должно снизить проявления возрастной стигматизации по отношению друг к другу.

Также возможен гомогенный состав групп при использовании этой программы в домах престарелых и других организациях, которые объединяют взрослых одной возрастной группы.

Задачи программы:

1. Осознание участниками влияния приписывания возраста на формирование первого впечатления о незнакомом человеке, на актуализацию ролевых ожиданий, возрастных установок и стереотипов, на возникновение отношений симпатии, уважения, близости, на выбор стратегий и форм общения и взаимодействия.

2. Рефлексия воспринимаемого возраста как одного из факторов возрастной идентификации личности, осознание противоречий субъективного, хронологического и воспринимаемого возраста.

3. Овладение участниками стратегиями уменьшения своего субъективного возраста за счет наполнения будущих периодов жизни важными, интересными и эмоционально-насыщенными событиями.

4. Овладение участниками различными стратегиями конструирования своего воспринимаемого возраста с учетом его основных факторов: фактор внешнего облика, фактор объекта восприятия, фактор субъекта восприятия.

5. Снижение чувствительности к оценкам характеристик своего внешнего облика, сопряженных с возрастными изменениями внешности; повышение толерантности к негативным оценкам внешнего облика за счет повышения принятия своего внешнего облика и удовлетворенности им.

6. Овладение участниками различными стратегиями поведения в ситуации негативной оценки своего внешнего облика, сопряженного с его возрастными изменениями (переформулирование, игнорирование, разработка плана самосовершенствования и т.д.).

7. Осознание ценности и значимости своего внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности, его роли в выборе стратегий общения и взаимодействия, в том числе практик дискриминационного поведения.

8. Расширение экспрессивного репертуара участников и форм самопрезентации на континууме «молодая – зрелая экспрессия», осознание участниками сопряженности внутреннего самоощущения возраста и выражение себя для других людей с учетом контекста самовыражения (социально-психологический и социокультурный контекст).

9. Рефлексия эйджизма как потенциальными субъектами, так и потенциальными объектами возрастной дискриминации;

10. Осознание гендерных различий в проявлениях эйджизма – «двойного стандарта старения» по отношению к пожилым женщинам.

11. Получение позитивного опыта общения с пожилыми людьми.

12. Актуализация и осознание участниками эйджизма как неприемлемой социальной практики, признания факта его влияния на различные сферы жизнедеятельности.

13. Освобождение от ригидных, стереотипных представлений, стратегий мышления, поведенческих стратегий, связанных с приписыванием возраста незнакомому человеку на основании возрастных особенностей его внешнего облика.

14. Актуализация и осознание моделей отношений между людьми разного возраста и межличностных проблем, возникающих в результате реализации того или иного типа отношений.

Реализация данных цели и задач программы будут способствовать получению «ядерных» (в терминологии Л.А. Петровской [318]) эффектов программы. Кроме того, программа включает в себя ряд дополнительных задач, способствующих возникновению у участников «сопутствующих» эффектов и эффектов психотерапевтического типа [318].

Дополнительные задачи:

1. стимулирование изменения восприятия людей с возрастными изменениями внешнего облика, формирование толерантного отношения к ним;

2. коррекция травматического опыта участников, связанного со стрессом старения;
3. усиление рефлексивных и эмпатийных процессов у участников группы;
4. отреагирование и оптимизация психологического состояния участников тренинга за счет поддержки друг друга.

5.2. Основные содержательные блоки, методические приемы, принципы, ожидаемые результаты программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста»

Программа социально-психологического тренинга состоит из шести логически взаимосвязанных ключевых элементов (блоков):

1 блок – «Актуализация воспринимаемого возраста как фактора отражения – отношения – обращения» - актуализация и осознание участниками влияния приписывания возраста на формирование первого впечатления о незнакомом человеке, на актуализацию ролевых ожиданий, возрастных установок и стереотипов, на возникновение отношений симпатии, уважения, близости, на выбор стратегий и форм общения и взаимодействия.

2 блок – «Овладение стратегиями конструирования воспринимаемого возраста» - овладение участниками различными стратегиями конструирования своего воспринимаемого возраста с учетом его основных факторов: фактор внешнего облика, фактор объекта восприятия, фактор субъекта восприятия. Фактор внешнего облика выделен в отдельный блок в силу его особой роли в конструировании воспринимаемого возраста.

3 блок – «Фактор внешнего облика: структура, ценность, значимость, удовлетворенность». В рамках этого блока участники тренинга осознают роль внешнего облика в конструировании возраста человека, ознакомятся с современными исследованиями, показывающими, что воспринимаемый возраст является визуально видимым результатом влияния на человека

многочисленных факторов: от генетических до социально-экологических и способен предсказывать продолжительность жизни человека. В рамках этого блока участниками тренинга будет составлена программа самосовершенствования своего внешнего облика (с учетом его структуры и различных компонентов), сопряженная с практиками ухода за ним. Упражнения блока направлены на осознание ценности внешнего облика в контексте долголетия и благополучного старения, повышение его значимости для участников, а также удовлетворенности им в терминологии концепции самосострадания.

4 блок – «Фактор субъективного возраста». В рамках данного блока участниками будут предложены процедуры, позволяющие осознать противоречия своего субъективного, хронологического и воспринимаемого возраста; роль молодого субъективного возраста в долголети и благополучном старении и его влияние на воспринимаемый возраст; овладеть способами уменьшения субъективного возраста за счет наполнения будущих периодов жизни важными, интересными и эмоционально-насыщенными событиями.

5 блок – «Развитие динамического компонента внешнего облика (экспрессивного поведения)». В рамках этого блока тренинга предполагается расширение экспрессивного репертуара участников и форм самопрезентации в континууме «молодая – зрелая экспрессия», осознание участниками сопряженности внутреннего самоощущения возраста и выражение себя для других людей с учетом контекста самовыражения (социально-психологический и социокультурный контекст). Данный блок тренинга содержит процедуры, способствующие осознанию и развитию своего экспрессивного репертуара, сопряженного с отношениями и взаимоотношениями в группе, за счет повышения спонтанности самовыражения, обратной связи от других участников, многократного взаимного копирования движений участников.

6 блок – «Воспринимаемый возраст как фактор эйджизма и возникновения межвозрастных отношений». Упражнения данного блока посвящены рефлексии эйджизма потенциальными субъектами и объектами возрастной дискриминации; осознанию гендерных различий в проявлениях эйджизма – «двойного стандарта старения» по отношению к пожилым женщинам; получению позитивного опыта общения с пожилыми людьми. Процедуры данного блока будут способствовать осознанию участниками эйджизма как неприемлемой социальной практики, признания факта его влияния на различные сферы жизнедеятельности. Также данный блок содержит процедуры, способствующие актуализации и осознанию моделей отношений между людьми разного возраста и межличностных проблем, возникающих в результате реализации того или иного типа отношений.

В целом, использование комплекса упражнений программы тренинга приведет к повышению способности конструировать свой воспринимаемый возраст с целью управления впечатлением, совладания со стрессом старения; повышению удовлетворенности своим внешним обликом, его ценности и значимости в контексте благополучного старения и долголетия, а также профилактике явлений эйджизма.

В качестве основного метода программы выступил социально-психологический тренинг, основанный на ряде вербальных, невербальных, психодраматических, танцевально-экспрессивных, арт-терапевтических технологиях.

Условия проведения тренинга и отбор в группы:

Показанием к участию в тренинге являются испытываемый стресс старения, неприятие возрастных изменений внешнего облика, неудовлетворенность своим внешним обликом, высокая потребность выглядеть молодо, активное использование «жестких» средств омоложения (пластическая хирургия и пр.). Также тренинг может быть предложен людям различных возрастных групп в качестве инструмента личностного роста и саморазвития. Кроме того, программа может дополнять существующие в

Российской Федерации социальные программы повышения долголетия и оздоровления для старших возрастных «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» (на базе медцентров, клиник пластической хирургии, домов престарелых и т.д.), а также может быть использована в качестве составляющей комплексных программ по психологическому сопровождению старения.

Набор в группу может осуществляться на основе предварительного интервью и первичной диагностики потенциальных участников, если у них выявляются: 1) низкая оценка параметров своего внешнего облика и интегральная оценка своего внешнего облика; 2) страх старения, негативное отношение к возрастным изменениям своего внешнего облика; 3) низкая удовлетворенность и высокая обеспокоенность своим внешним обликом; 4) рассогласование хронологического, субъективного и желаемого воспринимаемого возраста.

Длительность тренинга: 24 часа (восемь занятий по 3 часа).

Технико-методическое оснащение тренинга:

1. Пакет диагностических методик, используемых на различных этапах тренинга: 1. Комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской в соавторстве с другими, для диагностики отношения к своему внешнему облику (описаны выше); 2. Опросник Т.А. Воронцовой, В.А. Лабунской «Механизмы конструирования возраста незнакомого другого»; 3. Анкета «Отношение к возрастным изменениям во внешнем облике» Т.А. Воронцовой; 4. Анкета «Самооценка возраста» Т.А. Воронцовой; 5. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой.

2. Демонстративно - иллюстративный материал (структурная схема внешнего облика, схема конструирования воспринимаемого возраста; теоретическая модель конструирования воспринимаемого возраста; дайджест результатов исследований конструирования воспринимаемого возраста и т.д.);

3. Музыкальная и видеоаппаратура, музыкальные записи.

Результаты тренинга:

1. Ядерные эффекты:

1. 1. Осознание воспринимаемого возраста как одного из факторов возрастной идентификации личности, формирования впечатления, актуализации гендерно-возрастных установок, ожиданий, стереотипов, возникновения отношений, а также выбора стратегий и форм общения и взаимодействия.

1.2. Овладение стратегиями конструирования своего воспринимаемого возраста с учетом фактора внешнего облика, фактора объекта восприятия, фактора субъекта восприятия.

1.3. Осознание противоречий субъективного, хронологического и воспринимаемого возрастов в актуализации потребности выглядеть моложе, стресса старения, возрастной самокатегоризации и трансформации внешнего облика.

1.4. Принятие возрастных изменений внешности, принятие своего внешнего облика, удовлетворенности им.

1.5. Расширение экспрессивного репертуара участников и форм самопрезентации на континууме «молодая – зрелая экспрессия», осознание участниками сопряженности внутреннего самоощущения возраста и выражение себя для других людей с учетом контекста самовыражения (социально-психологический и социокультурный контекст).

1.6. Рефлексия эйджизма потенциальными субъектами и объектами возрастной дискриминации; осознание гендерных различий в проявлениях эйджизма – «двойного стандарта старения» по отношению к пожилым женщинам; получению позитивного опыта общения с пожилыми людьми;

Достижение ядерных эффектов программы приведет к снижению стресса старения, повышению способности конструировать свой воспринимаемый возраст и управлять впечатлением о себе в различных контекстах, будет способствовать осознанию эйджизма как неприемлемой социальной практики.

2. Сопутствующие эффекты:

2.1. Творческий подход к конструированию воспринимаемого возраста и внешнего облика;

2.2. Изменение восприятия людей с возрастными изменениями внешнего облика в сторону большего принятия, симпатии, близости;

2.3. Развитие рефлексивных процессов и эмпатии у участников группы;

2.4. Возникновение общих позитивных чувств и взаимоотношений между участниками группы: принятия, уважения, симпатии, близости и т.д.; получение позитивного опыта общения с пожилыми / молодыми людьми.

3. Эффекты психотерапевтического типа:

3.1. Отреагирование и оптимизация психологического состояния участников тренинга за счет поддержки друг друга;

3.2. Коррекция травматического опыта участников, связанного со стрессом старения.

5.3. Программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста»

В данном параграфе приводится полная программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста», с учетом целей каждого упражнения, описания проведения и предлагаемых схем анализа материала, полученного в тренинге.

Первое занятие

1. Введение правил, знакомство с группой (1 час).

Правила и принципы групповой работы подробно описаны в одной из наших работ [435]. Знакомство с участниками и правилами работы в группе (60 минут).

Далее ведущий делает экскурс в тематику тренинговой программы – проблему конструирования воспринимаемого возраста, а также знакомит участников с целью, задачами, основными технологиями тренинговой программы. На этом этапе могут быть в обобщенном виде быть представлены

и обсуждены с группой в формате групповой дискуссии итоги предварительного тестирования участников тренинга, что повышает их мотивацию и «разогревает» участников группы.

2. Упражнение «Сколько мне лет?»

Цель:

- осознание участниками феномена воспринимаемого возраста;

Время: 60 минут

Материалы: бумага, ручка.

Описание проведения: Ведущий раздает каждому участнику список группы и предлагает напротив имени каждого члена группы написать его возраст и аргументы в пользу решения о возрасте (не менее трех).

Схемы анализа: После того, как возраст всех участников оценен, группа приступает к обсуждению полученного материала. Начинают с одного из участников: каждый член группы высказывает свое предположение о его возрасте и те критерии / аргументы, которые он использовал для своей оценки. После этого высказывается оцениваемый участник, сообщая членам группы своей реальный возраст, а также дает свои комментарии к оценкам участников в режиме открытого выражения чувств. Обсуждение длится до тех пор, пока каждый участник не узнает свой воспринимаемый возраст, который ему приписывают члены тренинговой группы.

На следующем этапе участники обсуждают критерии, лежащие в основе приписывания возраста, опираясь на данные современных исследований.

3. Упражнение «Актуализация проблем возрастной стигматизации и эйджизма» (модификация упражнения, предложенного Д.В. Погонцевой).

Цель: - актуализация проблем возрастной стигматизации и эйджизма.

Время: 60 мин.

Материалы: схематичное изображение лица и тела человека, бумага, ручки, стикеры.

Описание проведения: Участники пишут на стикерах замечания и комментарии к элементам внешнего облика, которые они когда-либо слышали

от других людей, направленные на них лично, или на других (по материалам СМИ, кинематографа, личного опыта и т.п.). Стикеры крепятся на соответствующую часть схематического изображения.

Далее группой обсуждается, какие элементы и характеристики внешности представлены на схеме, какие особенности личности приписываются человеку в связи с появлением у него возрастных изменений внешнего облика, какие последствия в различных сферах жизни (карьера, образование и т.п.) это может сопровождать.

Схемы анализа: проводится дискуссия о том, возможно ли составить портрет человека, который бы не подвергался эйджизму на основе приписываемого ему возраста по внешнему облику. Группой делается вывод, что эйджизм неизбежен в современном обществе. Обсуждаются психологические последствия данной дискриминационной практики, а также способы совладания с ними: принятие возрастных изменений внешности, повышение самопринятия и самосострадания к себе, способности управления впечатлением о своем возрасте в различных ситуациях межличностного и межгруппового общения и другие.

Второе занятие

1. Упражнение «Танец - визитная карточка».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 79]. В данном варианте его применения в схемы анализа вводятся дополнительные вопросы: какой возраст у танцующего участника? На основании каких характеристик внешнего облика члены группы делают такой вывод?

2. Упражнение «На сколько лет себя чувствуешь?»

Цель:

- исследование связи субъективного и хронологического возраста участников тренинга.

Время: 1 час.

Материалы: бумага, ручки.

Описание проведения: на первом этапе проведения упражнения ведущий предлагает участникам с помощью анкеты «Самооценка возраста» определить свой субъективный возраст, а также разницу хронологического и субъективного возраста и вычислить, старше или моложе своего возраста участники себя чувствуют. На втором этапе участники занимают места в пространстве вдоль воображаемой линии хронологического возраста, в центре которой – их абсолютный, хронологический возраст.

Схемы анализа: по завершении упражнения участники обсуждают феномен «когнитивная иллюзия возраста» (термин Е.А. Сергиенко [361]) или «консервация возраста» (термин Е.И. Головахи, А.А. Кроника [135]). Ведущий сообщает участникам основные результаты исследований субъективного возраста и его связи с воспринимаемым.

3. Упражнение «Жизненные перспективы – путь к более молодому субъективному возрасту».

Цели:

- осознание участниками связи субъективного возраста и жизненной перспективы;
- овладение участниками стратегиями уменьшения своего субъективного возраста за счет наполнения будущих периодов жизни важными, интересными и эмоционально-насыщенными событиями.

Время: 1 час.

Материалы: бумага, ручки.

Описание проведения: На первом этапе проведения упражнения участники заполняют «Методику определения психологического возраста» Е.И. Головахи, А.А. Кроника [135]. Далее каждый участник по ключу считает показатель своего психологического (субъективного) возраста; соотносит свой хронологический и субъективный возраст.

На втором этапе упражнения по материалам диагностики проводится групповая дискуссия, целью которой является осознание участниками связи своего субъективного возраста и жизненной перспективы.

На третьем этапе участникам дается задание заполнить категорию «будущее» событиями и целями, и обсудить жизненные перспективы с членами группы.

Схемы обсуждения

- как соотносится Ваш субъективный и хронологический возраста?
- где сосредоточено наибольшее количество значимых событий в Вашей жизни: в прошлом, настоящем или будущем?
- что дает Вам ощущение, что «все еще впереди»?
- какие цели и задачи могли бы Вас мотивировать на долгую и активную жизнь?
- какие категории (или группы) целей ставили участники в процессе выполнения этого упражнения?
- как жизненные перспективы связаны с долголетием?

Третье занятие

1. Упражнение «Конструирование воспринимаемого возраста: пластическая хирургия или целостный, комплексный подход к трансформации компонентов внешнего облика?»

Цели:

- актуализация проблем, связанных с трансформацией внешнего облика: самопринятие, идентификация, коммуникация с другими людьми;
- развитие творческого подхода к конструированию воспринимаемого возраста и внешнего облика.

Время: 1 – 1,5 часа.

Материалы: фотографии известных людей, которые используют / не используют хирургические способы омоложения (взяты из открытых источников); фотографии участников группы, сделанные на предварительном этапе в процессе проведения «Процедуры фотовидеопрезентации внешнего облика»; бумага, ручки.

Описание проведения: на первом этапе проведения упражнения ведущий показывает участникам комплект фотографий известных людей,

которые используют / не используют хирургические способы омоложения; рассказывает о результатах исследований, которые показывают, что хирургические операции по омоложению не только уменьшают воспринимаемый возраст, но и снижают привлекательность людей, воспользовавшихся этими методами омоложения. Участники обсуждают альтернативу пластической хирургии с учетом влияния фактора внешнего облика на восприятие возраста другими людьми.

На втором этапе проведения упражнения участникам предлагаются их собственные фотографии, сделанные в рамках дотренингового сопровождения в процессе проведения «Процедуры фотовидеопрезентации внешнего облика». К каждой фотографии прикреплен длинный лист бумаги (2 склеенных листа формата А4). Участникам предлагается сначала самим в самом низу листка написать от 3 до 5 пунктов возможной трансформации своего внешнего облика, которая бы привела к снижению воспринимаемого возраста; далее участник подворачивает лист бумаги так, чтобы написанное было скрыто, и передает участнику группы справа. Участник справа, получив фотографию члена группы, получает то же задание: пишет от 3 до 5 пунктов возможной трансформации внешнего облика человека на фотографии, которая бы его омолодила, на его взгляд. Главное условие этих рекомендаций: исключение из «пула» способов и средств омоложения хирургических манипуляций. Фотографии передаются по кругу до тех пор, пока к участнику не придет его фотография с перечнем рекомендаций по конструированию воспринимаемого возраста.

Далее каждый участник зачитывает «лист рекомендаций», отмечая для себя повторяющиеся и неожиданные. По окончании упражнения ведущим проводится классификация предложенных способов уменьшения воспринимаемого возраста, на основании которых каждый участник получает домашнее задание – изменить один элемент внешности, который был в списке (например, использовать модные аксессуары, выпрямить осанку, сделать модную стрижку и т.п.).

Схемы анализа: По окончании выполнения упражнения участники делятся чувствами «здесь и теперь». Группа обсуждает, насколько собственные рекомендации относительно своего внешнего облика отличаются от рекомендаций, данных другими людьми. Участниками фиксируются наиболее часто используемые рекомендации относительно конструирования своего воспринимаемого возраста.

На этом этапе групповой работы участниками формируется запрос на дополнительные консультации специалистов по различным профилям, необходимым для комплексной работы по конструированию своего внешнего облика: диетолога, эндокринолога, физиотерапевта, кинезиотерапевта, специалиста по моде и стилю, визажиста, трихолога, косметолога. На последующих занятиях, при наличии договоренностей с данными специалистами, возможны групповые / индивидуальные консультации участников группы; также при наличии данных специалистов в поликлиниках / медцентрах, рекомендуется запись к ним на ближайшее время.

2. Разминка «Танцевать вместе – путь к лучшему пониманию себя и принятию другого человека».

Цели:

- стимулирование межличностного и межвозрастного взаимодействия;
- расширение экспрессивного репертуара участников и форм самопрезентации на континууме «молодая – зрелая экспрессия»;
- получение позитивного опыта общения с пожилыми / молодыми людьми;
- развитие динамического компонента внешнего облика участников.

Время: 60 минут.

Материалы: музыкальный микс из произведений разных направлений.

Описание проведения: Группа делится на две равные части по критерию возраста / возрастного этапа (те, кто постарше и те, кто помоложе). Задача деления на подгруппы – образовать в результате разновозрастные пары. Образуются два круга: внешний и внутренний, в которых участники стоят

лицами друг к другу. В первой части упражнения участники, стоящие во внешнем круге, являются ведущими, во внутреннем – ведомыми. В роли ведущего участник танцует спонтанно, а ведомый участник с помощью приема кинестетическая эмпатия копирует его движения. После команды «Переход!» один из кругов сдвигается, чтобы образовались другие пары танцующих.

Во второй части упражнения те, кто был во внутреннем круге, меняются местами с участниками во внешнем круге и продолжают танцевать, отзеркаливая друг друга. Темп и интенсивность движений участников ведущий регулирует за счет выбора музыкальных произведений.

3. Упражнение «Нарцисс и ручей».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 103]. В данном варианте его применения в схемы анализа вводится следующий дополнительный вопрос: какова роль удовлетворенности своим внешним обликом в процессах конструирования возраста человека другими людьми.

Четвертое занятие

1. Разминочное упражнение «Найди одно отличие» (может повторяться неоднократно, перед каждым последующим занятием).

Цели:

- «разогрев» участников группы;
- развитие внимания участников группы друг к другу;
- создание непринужденной, доброжелательной атмосферы;
- повышение сплоченности группы;
- повышение мотивации к изменениям.

Время: 30 мин.

Материалы: нет.

Описание проведения: Ведущий напоминает участникам, что им дано было домашнее задание – трансформировать один элемент внешнего облика, который был в списке рекомендаций по индивидуальному омоложению участников группы. Каждый из участников по кругу анализирует внешний

облик соседа слева, выдвигая предположение, что же было изменено, или делает вывод, что изменений нет.

Схемы обсуждения:

- с какими трудностями вы столкнулись при выполнении домашнего задания?

- кто или что препятствовал / помогал в выборе практик трансформации своего внешнего облика?

- насколько активности, направленные на свой внешний облик, находят отражение в образах и представлениях о субъекте этих активностей у других людей?

- как Вы сами воспринимаете свои изменения? Какие переживания, чувства они вызывают у Вас?

2. Упражнение «Мой круг общения / мое социальное окружение / моя среда обитания».

Цели:

- актуализация и осознание вклада социально-экологических и социально-психологических факторов в воспринимаемый возраст человека;

- актуализация и осознание моделей отношений между людьми разного возраста и межличностных проблем, возникающих в результате реализации того или иного типа отношений;

- осознание участниками сопряженности внутреннего самоощущения возраста и выражения себя для других людей с учетом контекста самовыражения (социально-психологический и социокультурный контекст);

- идентификация участников друг с другом.

Время: 1,5-2 часа.

Материалы: бумага, ручки, предметы мебели, подручные средства.

Описание проведения: Участники группы по очереди строят три круга факторов, которые оказывают влияние в настоящий момент на их самоощущение, представление о своем возрасте и внешнем облике: 1) свой узкий «круг общения» (члены семьи, друзья, родственники, значимые другие);

2) свое социальное окружение в более широком смысле (коллеги по работе, знакомые); 3) свою среду обитания (район проживания, тип проживания, близость важных архитектурных и культурных объектов, природа и т.п.). В качестве элементов этих кругов выбираются другие участники группы. Если персонажей больше, чем членов группы, то допускается исполнение одним членом группы нескольких ролей, а также использование символических изображений и предметов для обозначения элементов кругов.

Далее, с помощью психодраматургической технологии обмена ролями, участники группы озвучивает то, что, по мнению участника, думает каждый из персонажей о нем, о его возрасте, о его внешнем облике.

Вариант проведения: в случае небольшого количества людей в группе упражнение разбивается на 3 части: сначала строится первый круг всеми участниками, затем второй и третий. Преимущество одновременного построения кругов в том, что участникам становится доступным для осознания широкий социально-экологический контекст своей жизни, который влияет на его самоощущение, представления о себе, своем настоящем и будущем, о своем внешнем облике.

Схемы анализа: открытое выражение чувств, обратная связь участников. Проводится обсуждение роли других людей и социального контекста в формировании системы отношений участников: к себе, к внешнему облику, к возрасту, будущему, а также в возникающих межвозрастных отношениях с другими людьми. Анализ межвозрастных отношений проводится по предложенной А.В. Микляевой [270, 272] классификации: модель возрастно-дискриминирующих отношений; модель возрастно-манипулятивных отношений; модель возрастно-игнорирующих отношений; модель возрастно-толерантных отношений.

3. Заключительное упражнение «Танец-хоровод».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 80].

1. Упражнение «Танец отдельных частей тела».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 83].

2. Упражнение «Машина времени: назад в прошлое (или вперед – в будущее!)».

Цель:

- осознание роли отношения к своему внешнему облику (его ценности, значимости, удовлетворенности им) в контексте благополучного старения.

Время: 2 – 2,5 часа

Материалы: музыкальные записи в стиле ретро, предметы и аксессуары из возрастного этапа «молодость» участников группы.

Описание проведения: Ведущий рассказывает участникам об оригинальном эксперименте, в котором испытуемых погружали на некоторое время в период их молодости, и затем измеряли ряд показателей психоэмоционального, когнитивного и физического функционирования, которые в результате значительно улучшились. Эксперимент показывает, насколько важно для человека апеллирование к значимым, вызывающим положительные эмоции атрибутам молодости. Это упражнение, к которому участники готовятся заранее, принося на этот день любимые музыкальные записи своей молодости (в подборе их может помочь ведущий или кто-либо из участников), аксессуары, одежду своей молодости, какие-то памятные вещи и предметы.

Каждый из членов группы по очереди моделирует какую-либо ситуацию из периода своей молодости, которая вызывает у него положительные эмоции, к которой он наиболее часто возвращается в своих воспоминаниях. Для ее моделирования используются предметы, музыкальные произведения и т.п., а также другие члены группы, которые исполняют роли ее участников. В качестве такой ситуации может выступать, например, свадьба, встреча друзей, дискотека, путешествие и т.п. Участник пытается вспомнить, как он себя чувствовал в тот период жизни, как двигался, как организовывал свой

внешний облик, а также предлагает другим участникам определенный сценарий поведения (реплики, манеру поведения, особенности экспрессивного репертуара и т.п.). Каждая ситуация разыгрывается на протяжении 15 – 30 минут до тех пор, пока участник, который ее предложил, не примет решение о ее завершении. Упражнение длится до тех пор, пока каждый из желающих членов группы не проиграет свою ситуацию.

Вариант проведения 1: если участникам трудно разыграть свою ситуацию драматургически, он может рассказать об этой ситуации, описав свои чувства и эмоции «там и тогда» и «здесь и сейчас», когда он вспоминает о ней.

Вариант проведения 2: в случае, если в группе есть участники молодой возрастной группы (21-35 лет), можно для них в качестве такой ситуации представить, напротив, период отдаленного будущего. Машина времени их переносит в тот период, когда им, например, 50, 60, 70 или 80+ лет. Возраст, в который они перемещаются, можно определять с помощью жеребьевки. Они также моделируют ситуацию с помощью воображаемых предметов и реальных членов группы, которые действуют в соответствии с предписанным им сценарием. Такой вариант проведения упражнения позволяет более молодым участникам осознать свои представления о будущем, о более зрелых возрастных периодах, актуализировать и проработать свои страхи относительно старости и старения.

Схемы обсуждения:

- как часто Вы вспоминаете период юности и молодости / думаете о старости и старении?
- какие ресурсы Вы видите в ностальгических воспоминаниях о юности и молодости?
- какую практику, связанную с организацией своего внешнего облика, уходом за ним, с пространственно-временной организацией своей социальной жизни из смоделированных и проигранных ситуаций можно было бы использовать в настоящее время для улучшения своего самочувствия,

самоощущения, для уменьшения своего субъективного и воспринимаемого возраста?

- какие представления о старости и старении Вам кажутся наиболее продуктивными и конструктивными?

3. Заключительное упражнение «Древние танцы».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 97].

Шестое занятие.

1. Разминочное упражнение «Внешний облик, возраст и старение в пословицах и поговорках».

Цели:

- разогрев участников, подготовка их к работе;
- осознание влияния на приписывания возраста другому человеку целого комплекса факторов социального контекста: социальных стереотипов, возрастных установок и ожиданий, отношения к старости и старению, функционирующих на уровне больших групп и культуры, малых социальных групп и отдельной личности;
- рефлексия эйджизма как потенциальными субъектами, так и потенциальными объектами возрастной дискриминации;
- осознание гендерных различий в проявлениях эйджизма – «двойного стандарта старения» по отношению к пожилым женщинам.

Время: 30-40 минут.

Описание проведения: Ведущий предлагает участникам привести какой-нибудь фразеологизм, афоризм, пословицу, поговорку, которые характеризуют людей разного возраста и их внешний облик, а также старость и старение (например «бальзаковский возраст», «женщина стареет, а мужчина мужает», «женщина дурнеет, а мужчина становится прекраснее» и т.п.). Если участники затрудняются, у ведущего должны быть приготовлены карточки с написанными на них выражениями и ссылками на источник (например, русская / английская / французская и т.п. фразеология, сказки народов мира,

произведения писателей) для обсуждения. Ведущий знакомит участников с результатами исследований, которые демонстрируют негативное отношение к старости и старению в ряде культур и языков.

Схемы обсуждения:

- Ваше отношение к представленным пословицам и поговоркам относительно старости, старения, представителей различных возрастных групп – насколько они далеки от действительности?

- влияют ли негативные установки относительно старости и старения на восприятие молодых / пожилых людей?

- только ли относительно пожилых людей возможен эйджизм как дискриминационная практика? Подвергаются ли молодые люди эйджизму?

- каким видам дискриминации подвергается пожилая женщина? А пожилой мужчина?

- как Вы думаете, что такое «двойной стандарт старения»?

- почему к женщинам предъявляются более высокие требования относительно старения и возрастных изменений внешнего облика и их маскировки, чем к мужчинам?

- можно ли как-то противостоять эйджизму и как?

- можно ли использовать технологии управления впечатлением о своем возрасте как способ совладания с эйджизмом?

2. Упражнение «Увеличительное стекло: гендерно-возрастные стереотипы под микроскопом».

Цель:

- актуализация и осознание гендерно-возрастных стереотипов, сопряженных с динамическим компонентом внешнего облика (экспрессивным поведением).

Время: 60 минут.

Материалы: музыкальные произведения различных стилей и направлений.

Описание проведения: Участники делятся на пары так, чтобы пара состояла из представителей различных возрастных групп (например, молодость / зрелость, зрелость / пожилой возраст, молодость / пожилой возраст).

Упражнение состоит из двух частей. В первой части упражнения тот партнер, который находится на более раннем этапе возрастного развития, начинает танцевать так, как танцует представитель более зрелого поколения (не конкретный представитель, а обобщенный – так, как ему кажется, должны двигаться большинство людей зрелого и пожилого возраста). Задача его партнера: повторять движения в несколько преувеличенном виде.

На следующем этапе проведения упражнения ведущим становится другой человек, причем его танец будет танцем «молодого человека» вообще – а его партнер будет повторять движения в несколько преувеличенном виде.

Вариант проведения: Если пары разбиваются по какому-то другому (не возрастному критерию), то возможен вариант с 4 частями упражнения. В первой части один партнер танцует танец пожилого человека, второй повторяет его движения. Во второй части участники меняются ролями, продолжая исследовать в танце тему паттернов движения пожилого человека. В третьей части один из партнеров танцует танец молодого человека, второй преувеличенно повторяет его движения. В четвертой части они меняются местами.

Схемы анализа:

- каковы характерные паттерны «молодой» и «пожилой» экспрессии?
- как связаны гендерно-возрастные стереотипы с нашими представлениями о движениях другого человека?
- какие чувства возникали у Вас, когда Вы взаимодействовали с человеком, который двигается как «молодой» / «пожилой»?
- можно ли «обмануть» воспринимающего человека, если пожилой человек будет двигаться как молодой?

- как динамический компонент внешнего облика человека влияет на восприятие его возраста? Ведущий рассказывает о результатах исследования влияния целостного экспрессивного поведения на конструирование возраста, что должно привести участников тренинга к осознанию процесса конструирования возраста как сложного полифакторного процесса. Эта тема программы будет продолжена в следующем упражнении.

3. Упражнение «Экспрессия, которую мы выдаем – экспрессия, которая нас выдает» (название упражнения – вольная цитата из работ И. Гофмана).

Цели:

- овладение участниками экспрессивными стратегиями конструирования своего воспринимаемого возраста;
- расширение континуума «молодая – зрелая экспрессия», осознание участниками сопряженности экспрессивного поведения с системой отношений человека к себе, к миру, к другим людям, к своему внешнему облику и возрасту.

Время: 1-1,5 часа.

Материалы: структурная схема индивидуального экспрессивного поведения и невербальной интеракции (по В.А. Лабунской [220]).

Описание проведения: Ведущий раздают участникам структурную схему индивидуального экспрессивного поведения и невербальной интеракции; рассказывает о структуре экспрессии и ее элементах, о психологических функциях экспрессивного поведения, а также о современных исследованиях влияния отдельных компонентов и элементов экспрессии человека на восприятие его возраста (например, неоднозначные данные о влиянии улыбки на приписывание возраста, темпа движений пожилых людей, который связан также и с биологическим возрастом, влияния взгляда, мимики, позы, жестикуляции, голоса и т.д.).

Далее ведущий предлагает участникам поэкспериментировать с экспрессивным поведением и самопрезентацией на континууме «молодая – зрелая экспрессия», с учетом различных социальных контекстов (например,

молодой человек в кругу пожилых родственников, пожилой человек на пробежке и т.п.).

Схемы анализа: участники обмениваются чувствами, возникшими при проведении этого упражнения, а также продолжают обсуждение вопросов, поставленных в предыдущем упражнении. На стыке проигрывания молодой / пожилой экспрессии участниками делается вывод, что нет каких-то специфичных паттернов «пожилой» экспрессии, что на нее влияют много факторов: психологических, социально-психологических, физиологических, биологических, социокультурных, средовых. Экспрессивное поведение человека отражает весь комплекс этих факторов, влияющих на человека и его жизненный путь. Но среди данных паттернов есть комплекс элементов экспрессии, которые считаются другими людьми как «молодая» экспрессия – например, темп движений, улыбка, звонкий голос и т.п. Участники приходят к выводу, что механическое использование этих отдельных элементов экспрессии в своем репертуаре не приведет к автоматическому омоложению в глазах других людей, нужна целостная комплексная работа по саморазвитию (например, более позитивный эмоциональный фон жизни человека вообще, на длительном этапе жизни, а не улыбка сама по себе; темп движений как следствие подвижности, активного образа жизни человека, занятий физическими упражнениями, состояния здоровья, а также целеустремленности и наполненности жизни человека, а не просто механическое увеличение скорости ходьбы). На этом этапе групповой работы участники тренинга корректируют свой план саморазвития, включая в него новые элементы.

Седьмое занятие

1. Упражнение «Танец с самим собой».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 103]. В данном варианте его применения в схемы анализа вводятся следующие дополнительные вопросы: каково отношение к человеку, которого Вы видите в зеркале? Какие характерные движения Вы видели в этом танце? Что отличает

танец этого человека от танца других людей? Какие движения отражают личность и индивидуальность танцующего человека?

2. Упражнение «Недостатки? Преимущества!»

Цели:

- самораскрытие участников группы;
- повышение самооценки, эмоциональное принятие внешнего облика участников.

Время: 40-45 минут.

Материалы: бумага, ручки.

Описание проведения: Ведущий предлагает участникам разбиться на пары по какому-либо критерию: либо по возрастному критерию, либо по отсутствию опыта взаимодействия друг с другом в течении всего тренинга. В парах один из участников называет три характеристики своего внешнего облика, которые он считает недостатками, либо три особенности возрастных изменений своего внешнего облика, относительно которых он получал или получает негативные оценки со стороны других людей. Задача участников – превратить эти недостатки в достоинства, «переформулировав» эти характеристики в положительном ключе, найдя в них положительный аспект.

Схемы анализа: По окончании участники делятся чувствами «здесь и теперь» в парах; обсуждают наиболее удачные примеры переформулирования недостатков. В результате обсуждения участники группы приходят к выводу, что нет идеального внешнего облика, любая его характеристика может быть представлена в негативном / позитивном свете. Также участники отмечают, что возрастные измерения внешнего облика неизбежны, и принятие их является одной из стратегий благополучного старения и управления старением. Ведущий обращает внимание участников, что принятие неизбежности возрастных изменений внешнего облика и управление впечатлением о своем возрасте – это не взаимоисключающие стратегии, а дополняющие друг друга.

3. Упражнение «Встречают по одежке!»

Цели:

- овладение участниками стратегиями конструирования своего воспринимаемого возраста с учетом фактора среднеустойчивого компонента внешнего облика (оформления внешнего облика);
- расширение форм самопрезентации участников с опорой на среднеустойчивый компонент внешнего облика.

Время: 1-1,5 часа.

Материалы: индивидуальный план саморазвития; структурно-функциональная схема социального внешнего облика (по В.А. Лабунской); материалы исследования Т.А. Воронцовой о влиянии оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст (фотографии участников передачи «Модный приговор», карточки с результатами исследования); аксессуары, одежда / обувь, средства для макияжа, специально принесенные на занятие участниками. Также на это занятие возможно приглашение стилиста / визажиста / парикмахера.

Описание проведения: Участники экспериментируют с самопрезентацией на континууме «молодость – зрелость». Участники разбиваются на пары: клиент – стилист. Задача стилиста – что-то изменить в оформлении внешнего облика (хотя бы один элемент) своего клиента так, чтобы он выглядел моложе. Для этого можно использовать предметы одежды или аксессуары, специально принесенные для этого занятия. После того, как участники готовы, ведущий приглашает их на импровизированный подиум, на который каждый стилист выводит своего клиента на показ. Всем остальным раздаются карточки, в которых участники ставят свою оценку («плюс» или «минус») с точки зрения того, возник или нет омолаживающий эффект принесенных «стилистом» изменений в оформление внешнего облика его клиента. В следующей части упражнения участники меняются ролями, и устраивается второй показ.

Вариант проведения упражнения: в роли стилиста может быть приглашенный специалист, который даст мастер-класс по оформлению

внешнего облика, основным модным тенденциям, стилю, макияжу и т.п. Участники, следуя его рекомендациям, самостоятельно оформляют свой внешний облик, и выходят на подиум. Далее – как описано выше.

Схемы анализа: участники обмениваются чувствами «здесь и теперь», возникшими при проведении этого упражнения; подсчитывают результаты дефиле каждого участника (соотношение плюсов и минусов); рассказывают о полученных эффектах преображения. Ведущий предлагает участникам обсудить парадоксальные результаты исследований, которые показали, что целостное оформление внешнего облика оказывает сходный (омолаживающий) эффект как на мужчин, так и на женщин, при этом использование макияжа, которому ученые приписывают львиную долю омолаживающего эффекта, нормативно для женщин, но не для мужчин. В результате обсуждения участниками тренинга делается вывод, что главное влияние оказывает фактор ухоженности внешнего облика, впечатление о котором возникает в результате его целостного оформления. На этом этапе групповой работы также возможна коррекция участниками своего плана саморазвития.

Восьмое занятие

Заключительное занятие программы направлено на подведение итогов тренинга, на присвоение участниками опыта, полученного на предыдущих занятиях, на вербализацию «ядерных», «сопутствующих» и «психотерапевтических» эффектов тренинга.

1. Упражнение «Автобусная остановка – дорога в будущее» (модификация упражнения, предложенного Д.В. Погонцевой).

Цели:

- подведение итогов тренинга;
- присвоение участниками опыта, полученного на предыдущих занятиях;
- вербализация «ядерных», «сопутствующих» и «психотерапевтических» эффектов тренинга.

Время: 1 – 1,5 часа.

Материалы: большие листы бумаги, фломастеры.

Описание проведения: Большие листы бумаги вешаются на четырех стенах тренингового зала, на которых написано: «Спасибо за ...»; «Мои открытия во время тренинга – это...»; «Я забираю с собой с тренинга следующее ...»; «С сегодняшнего дня я буду ...». Участники продолжают предложения, свободно передвигаясь по комнате, и знакомятся с тем, что написали другие члены группы.

Схемы анализа: Ведущий вместе с участниками в формате групповой дискуссии анализирует высказывания участников. Обсуждаются наиболее яркие моменты тренинговой работы и личные результаты участников, которые обобщаются ведущим в терминологии Л.А. Петровской, а именно: «ядерные» эффекты, «сопутствующие» эффекты и «эффекты психотерапевтического типа».

2. Упражнение «Аффирмация дня» (модификация упражнения, предложенного Д.В. Погонцевой).

Цель:

- сформировать позитивный настрой на дальнейшее саморазвитие;
- повышение ценности, значимости своего внешнего облика и удовлетворенности им.

Время: 60 минут.

Материалы: бумага, фломастеры, иллюстрации из журналов и т.п.

Описание проведения: Участники создают плакаты с аффирмацией, которая бы отражала позитивное восприятие участниками своего внешнего облика и возраста. Ведущий побуждает участников украсить свои плакаты иллюстрациями, наклейками, рисунками и т.п. По окончании работы участники представляют свои плакаты, и, по окончании тренинга, забирают их с собой.

3. Упражнение «Проба будущего» (модификация упражнения, предложенного Г.В. Сериковым; рекомендовано участникам тренинга,

находящимся на этапе «молодость»; с осторожностью использовать для участников на этапах «зрелость» и «пожилой возраст»).

Цели:

- коррекция эмоционального состояния относительно своего возраста, внешнего облика и возрастных изменений внешнего облика;
- обретение новых ресурсов, связанных с будущим;
- повышение мотивации дальнейшего саморазвития.

Время: 30 минут.

Материалы: мел, малярный скотч.

Описание проведения: На полу тренингового зала мелом или специальным скотчем отмечаются несколько «линий времени»: 5 лет, 10 лет, 15 лет. Ведущий предлагает участникам тренинга путешествие во времени на 5, 10, 15 лет вперед. В каждой из обозначенных точек участник рассказывает о том, сколько ему лет, как изменился его внешний облик, как он изменился внутренне, как изменились его карьера и личная жизнь, каким пунктам плана саморазвития он продолжает следовать и т.д.

Схемы обсуждения. Участники обмениваются чувствами «здесь и теперь», возникшими при проведении упражнения, обсуждают планы на будущее.

4. Заключительное упражнение «Групповой танец - символическая интеграция группового опыта».

Описание упражнения подробно представлено в нашей работе [435, с. 113].

5.4. Выводы по главе 5

1. Целью программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» является развитие понимания участниками тренинга основных закономерностей конструирования воспринимаемого возраста, способности к управлению впечатлением, что должно способствовать профилактике явлений эйджизма.

2. Выделены основные содержательные блоки программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» являются, связанные с осознанием участниками основных факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста и овладения стратегиями его конструирования.

3. В качестве основного метода программы выступил социально-психологический тренинг, основанный на ряде вербальных, невербальных, психодраматических, танцевально-экспрессивных, арт-терапевтических технологиях.

4. Показанием к участию в тренинге являются испытываемый стресс старения, удовлетворенность своим внешним обликом и негативное отношение к его возрастным изменениям, высокая потребность выглядеть молодо.

5. Программа может дополнять социальные программы повышения долголетия и оздоровления для старших возрастных групп («Антистарение XXI», «Активное долголетие», «Московское долголетие»); может быть использована в качестве составляющей комплексных программ по психологическому сопровождению старения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе дана социально-психологическая трактовка воспринимаемого возраста, выделены ключевые социально-психологические факторы и механизмы его конструирования в процессе социального познания, предложена социально-психологическая концепция конструирования воспринимаемого возраста, созданы теоретическая и эмпирическая модели его конструирования в процессе социального познания. Для изучения факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста разработана процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика», включающая в себя комплекты фото и видеоизображений людей разного возраста (2834 фото и видеоизображений) и опросник с целью определения частоты актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования воспринимаемого возраста.

На основании предложенной теоретической модели конструирования воспринимаемого возраста проведен цикл исследований, позволивший проанализировать компоненты внешнего облика в структуре восприятия возраста другого; выявить вклад лица как средоточия устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика в конструирование воспринимаемого возраста человека; описать осознаваемые субъектом восприятия критерии конструирования возраста на основе восприятия внешнего облика; определить дифференцированное влияние отдельных компонентов внешнего облика (физического, социального, экспрессивного компонентов) на воспринимаемый возраст; описать гендерно-возрастные особенности конструирования воспринимаемого возраста; выявить динамику отношения к незнакомому другому в связи с его воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений внешнего облика.

Проведено комплексное исследование конструирования воспринимаемого возраста незнакомому человеку с использованием

процедуры айтрекинга, которое включало в себя выявление частично неосознаваемых субъектом познания элементов внешнего облика, на которые направлен его взор при конструировании им воспринимаемого возраста объекта познания, а также влияния на процесс конструирования воспринимаемого возраста социально-психологических и личностных особенностей субъекта и объекта познания.

В результате цикла проведенных исследований выявлены основные социально-психологические факторы конструирования воспринимаемого возраста и базовые механизмы конструирования воспринимаемого возраста. На базе теоретической модели конструирования воспринимаемого возраста человека и результатов комплекса исследований разработана программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Теоретические выводы

1. Сконструированный субъектом воспринимаемый возраст является феноменом социального познания, выражающемся в суждении субъекта познания о возрасте объекта познания. Конструирование воспринимаемого возраста осуществляется в различных социально-психологических контекстах на основе механизмов социального познания и детерминировано комплексом факторов, относящихся к объекту и субъекту познания (социально-психологических, личностно-субъектных, поло-возрастных). Внешний облик, его различные элементы и компоненты, отношение к нему объекта и субъекта познания, отражающие этап жизненного пути человека, выступает фундаментальным фактором конструирования воспринимаемого возраста.

2. Противоречие между хронологическим, субъективным и воспринимаемым возрастом является источником актуализации стресса старения, потребности «выглядеть моложе», возрастной самокатегоризации и преобразования внешнего облика.

3. Результатами конструирования воспринимаемого возраста являются: оценка и самооценка воспринимаемого возраста; разница между хронологическим возрастом и воспринимаемым возрастом: количество лет, на которые человек выглядит моложе хронологического возраста («спасенные» годы жизни) или старше («потерянные» годы жизни); желаемый воспринимаемый возраст – обозначает возраст, на который хочет выглядеть человек; разница между хронологическим и желаемым воспринимаемым возрастом человека (рассматривается как проявление потребности «выглядеть моложе» своих лет); рефлексия объектом познания оценок его возраста другими людьми (возраст, на который выглядит человек, по оценкам других людей);

4. Социальная потребность «выглядеть моложе» формируется и реализуется в процессе социального взаимодействия, на ее актуализацию влияют социально-психологические, экономические факторы: культ молодости, установка на активное старение, низкий субъективный возраст, агрессивное предложение услуг по омоложению, эффективность которых подкреплена доказательной медициной, транслируемые в обществе гендерно-возрастные стереотипы, высокая ценность, значимость привлекательного внешнего облика, возрастная дискриминация на рынке труда, на брачном рынке, возрастная стигматизация. Потребность «выглядеть моложе» своих лет запускает комплекс взаимосвязанных форм поведения, его когнитивно-эмоциональных компонентов, включающих отношение к своему и чужому внешнему облику.

Выводы, касающиеся методической организации исследования

5. Изучение конструирования воспринимаемого возраста предполагает предъявление изображения объекта познания субъекту познания. С этой целью могут быть использованы фотографии лица (портретные изображения), всего тела (ростовые фотографии), а также видеозаписи целостного внешнего облика человека с учетом его динамического компонента.

6. При разработке комплектов фотографий, видеозаписей для исследования конструирования воспринимаемого возраста необходимо включать в них разновозрастные, отличающиеся по полу «объекты познания». В качестве субъекта познания может выступать «обыденный человек», не обладающий экспертными знаниями в области определения возраста.

7. Результат конструирования (оценки) воспринимаемого возраста объекта познания – это среднее арифметическое оценок его возраста, полученных с помощью экспонирования его изображения субъектам познания в количестве не менее 10 человек.

8. Методом выявления неосознаваемых субъектом познания элементов внешнего облика (зон интереса), на которые он опирается в ситуации конструирования воспринимаемого возраста объекта познания, выступает технология отслеживания взгляда (айтрекинг), в основе которой лежит процедура фиксации взора на тех или иных элементах внешнего облика.

Выводы эмпирической части исследования:

9. Социально-психологическими факторами конструирования воспринимаемого возраста объекта познания выступают разница между хронологическим и субъективным возрастом, параметры отношения к своему внешнему облику объекта познания (значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика, оценка внешнего облика матерью), выраженность потребности «выглядеть моложе» своих лет, субъективная оценка экономического статуса. Показатель «спасенные годы» взаимосвязан с выраженностью самооффективности, потребности в контроле, эмоциональностью, игривостью, доверчивостью, артистизмом, активностью. Сочетание социально-психологических факторов конструирования воспринимаемого возраста объекта познания изменяется в зависимости от его пола и возрастного этапа жизни.

10. В качестве универсального фактора конструирования воспринимаемого возраста выступает значимость внешнего облика для объекта познания. Она определяет воспринимаемый возраст как мужчины, так

и женщины, как в зрелом, так и в пожилом возрасте. Высокая значимость внешнего облика при сочетании с другими социально - психологическими факторами позволяет предсказать, насколько объект познания будет выглядеть моложе/старше своих лет в глазах субъекта познания.

11. Вывод о возрасте объекта познания делается субъектом познания быстрее, если для восприятия представлен целостный внешний облик, чем тогда, когда для конструирования возраста представлено только лицо (показатели айтрекера). Время рассматривания и количество фиксаций значимо выше при конструировании возраста женщины, чем мужчины, а также возраста зрелого человека, по сравнению с молодым. Элементы внешнего облика при конструировании возраста объекта познания частично не осознаются субъектом познания. Зона лица - «треугольник интереса» (лоб, глаза, нос) значимо чаще фиксируется субъектом познания.

12. Компоненты внешнего облика оказывают дифференцированное влияние на конструирование воспринимаемого возраста. Доминирующее положение среди компонентов внешнего облика, которые выступают критериями конструирования воспринимаемого возраста субъектом познания, занимает физический компонент внешнего облика, за ним (по доле вклада в конструирования воспринимаемого возраста) следуют социальный и динамический (экспрессивное поведение) компоненты внешнего облика. Лицо, как средоточие всех трех компонентов внешнего облика, является элементом внешнего облика, на который чаще всего опирается субъект при конструировании воспринимаемого возраста. Изменение элементов физического компонента внешнего облика (характеристик телосложения) в результате применения процедур по снижению веса и индекса массы тела значимо снижает оценку воспринимаемого возраста (зафиксирован эффект «омоложения»). Изменение социального компонента внешнего облика (а именно целостное его оформление) приводит к появлению эффекта «омоложения», который опосредован хронологическим возрастом объекта познания (выведена формула регрессии: эффект

«омоложения»= $0,184 \times \text{Возраст} - 6,703$). Экспрессивное поведение объекта познания влияет на появление эффекта «омоложения», если оно представлено субъекту познания в динамике.

13. Наблюдаются различия в представленности компонентов и элементов внешнего облика при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин, принадлежащих к возрастным группам «молодость» и «зрелость»; описан феномен «гендерной асимметрии» в конструировании воспринимаемого возраста: молодая женщина воспринимается старше мужчины аналогичного возраста, зрелая женщина – моложе мужчины-ровесника.

14. Субъект познания конструирует возраст объекта познания с помощью механизмов социального познания: категоризации, оценки, стереотипизации, сравнения (с другими, с собой), идентификации, рефлексии. Наиболее часто при конструировании воспринимаемого возраста актуализируются механизмы оценки, стереотипизации, возрастной категоризации и сравнения с другими. Частота актуализации механизмов конструирования воспринимаемого возраста взаимосвязана с выраженностью социально-психологических потребностей (во включении, в контроле), компонентов системы отношений субъекта познания (его отношения к себе, другим, к своему внешнему облику), параметров психологического благополучия субъекта познания.

15. Комплекс социально-психологических, личностно-субъектных особенностей субъектов познания, которые при конструировании возраста объекта познания его омолаживают, включает в себя более высокие показатели выраженности покорно-застенчивого, зависимо-послушного, сотрудничающего-конвенционального типов межличностных отношений (по классификации Т. Лири), более низкие оценки физического компонента своего внешнего облика. К этим субъектам познания принадлежат те, у которых более низкие показатели хронологического возраста.

16. Субъекты познания, отличающиеся особенностями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания (по точности оценки возраста, времени и числу фиксаций на внешнем облике) различаются комплексами социально-психологических, личностно-субъектных, возрастных особенностей. Более точны в определении возраста субъекты познания с более высокой оценкой соответствия своего внешнего облика возрасту; имеющие менее выраженную потребность во включении и любви со стороны других людей; у них более выражен сотрудничающе-конвенциональный тип межличностных отношений с другими людьми.

Мало рассматривают внешний облик, быстро конструируют воспринимаемый возраст другого субъекты познания с более позитивными оценками элементов и компонентов своего внешнего облика (лица, телосложения, оформления внешнего облика), с более высокой выраженностью принятия своего отраженного внешнего облика, соответствия своего внешнего облика возрасту, гендеру, гендерным ролям, имеющие высокие самооценки привлекательности и сексуальности своего внешнего облика, а также интегральные самооценки своего внешнего облика; с более высокой удовлетворенностью своим внешним обликом; с более низкой потребностью в контроле со стороны других людей; имеющие более выраженные властно-лидирующий, независимо-доминирующий, прямолинейно-агрессивный типы отношений с другими людьми; более самоуверенные и имеющие более выраженное самопринятие.

Малое количество фиксаций на внешнем облике демонстрируют более молодые субъекты познания, которые имеют низкую потребность выглядеть моложе, оценивают свой внешний облик как соответствующий возрасту; имеют более выраженные властно-лидирующий и прямолинейно-агрессивный типы межличностных отношений; имеют более выраженный комплекс параметров психологического благополучия (позитивные отношения с окружающими, управление средой, личностный рост, самопринятие,

осмысленность жизни, человек как открытая система) и менее выраженный показатель «баланс аффекта», а также более выраженную самоуверенность.

17. Отношение субъекта познания к объекту познания обусловлено его воспринимаемым возрастом, ассоциированным с нарастанием возрастных изменений внешнего облика объекта познания (от молодости к зрелости и пожилому возрасту). Основные тенденции динамики отношений к объекту познания – это увеличение антипатии и уважения. Гендерные различия в динамике отношений субъекта к объекту познания – это увеличение уважения к мужчинам при разнонаправленной динамике уважения к женщинам (как увеличение, так и снижение).

18. Влияние социально-психологического контекста (тип семьи: благополучные / неблагополучные семьи: «семьи группы риска», «собственно неблагополучные семьи», «асоциальные семьи») на воспринимаемый возраст члена семьи-женщину заключается в следующем: чем ниже уровень семейного благополучия, тем сильнее выражен эффект «состаривания» женщин в процессе конструирования их возраста субъектом познания. Низкая самооценка внешнего облика, его неприятие, неудовлетворенность им являются значимыми характеристиками отношения к своему внешнему облику в группе неблагополучных женщин. Женщины из благополучных семей выглядят значительно моложе своего возраста с точки зрения субъекта познания.

19. Программа социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения направлена на повышение успешности в конструировании своего воспринимаемого возраста; овладение стратегиями поведения в ситуации негативной оценки своего внешнего облика, сопряженного с его возрастными изменениями; совладания со стрессом старения; повышения удовлетворенности своим внешним обликом, его ценности и значимости в контексте благополучного старения и долголетия, а также на профилактику явлений эйджизма.

Гипотезы исследования доказаны. Основные закономерности конструирования воспринимаемого возраста, полученные в проведенном цикле исследований, легли в основу разработки программы социально-психологического тренинга «Конструирование воспринимаемого возраста» для различных групп населения.

Перспективами исследования являются следующие направления работы: 1) дальнейшее изучение влияния на конструирование воспринимаемого возраста компонентов и элементов внешнего облика (голоса, позы, взгляда и т.д.); 2) дальнейшее изучение влияния динамического компонента внешнего облика (экспрессивного поведения) на конструирование воспринимаемого возраста; 3) выявление особенностей отношения к своему внешнему облику женщин и мужчин на различных возрастных этапах, ассоциированных с возрастанием возрастных изменений внешнего облика и увеличением воспринимаемого возраста; 4) выявление роли воспринимаемого возраста в динамике возрастной идентичности личности на различных этапах жизненного пути с учетом поколенческого фактора субъекта и объекта восприятия; 5) разработка психологических технологий омоложения, направленных на уменьшение воспринимаемого возраста без применения инвазивных методов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Акадусп - ценность, значимость ВО в сфере академическая успеваемость

АП - шкала appearance - перфекционизма, уровень выраженности перфекционизма, связанного со своим ВО

БО – шкала близости / отдаленности

ВВ - воспринимаемый возраст

ВО – внешний облик

ЖВВ - желаемый воспринимаемый возраст

ИМТ – индекс массы тела

ИОВО - интегральная оценка внешнего облика

КАРЬЕРА - ценность, значимость ВО в сфере карьера

КВВ – конструирование воспринимаемого возраста

ОбВО – степень обеспокоенности своим ВО

Общ/друж - ценность, значимость ВО в сфере общение / дружба

ОВВ - оценку возраста другими людьми со слов опрашиваемых

ОВП - оценка выразительного поведения

ОВПВО - оценка возрастной привлекательности внешнего облика

ОЖ – ценность, значимость ВО в сфере образ жизни

ОЛ - оценка своего лица

ООВО - оценка оформления своего внешнего облика

ОС - оценка сексуальности своего внешнего облика

ОСВ - оценка соответствия внешнего облика возрасту

ОСГ - оценка соответствия внешнего облика гендеру

ОСГР - оценка соответствия внешнего облика гендерным ролям

ОСПР - оценка соответствия внешнего облика профессиональной роли

ОТ - оценка своего телосложения

ОЦВОдржен - оценка ВО подругами-женщинами

ОЦВОдрмуж - оценка ВО друзьями-мужчинами

ОЦВОмать, ОЦВОотец - оценка ВО родителями

ОЦВОрук - оценка ВО руководителем

ПВМ - потребность выглядеть моложе (старше) своего хронологического возраста (разница между хронологическим (ХВ) и желаемым воспринимаемым возрастом (ЖВВ))

ПВО - привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола

ППЖ – планируемая продолжительность жизни

СА – шкала симпатии / антипатии

СВ - субъективный возраст

СВВ - самооценка воспринимаемого возраста

СЕМЬЯ - ценность, значимость ВО в сфере семья / романтические отношения

СПОВО - степень принятия своего отраженного внешнего облика

срзначВО – средняя ценность, значимость ВО

сроцВО - средняя оценка ВО значимыми другими

СС – выраженность стремления к совершенствованию своего ВО

СЧАСТЬЕ – ценность, значимость ВО в сфере счастье

УВО - удовлетворенность своим внешним обликом

УдВО - степень удовлетворенности своим ВО

УН – шкала уважения / неуважения

ХВ - хронологический возраст

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова, И.В. Особенности отношения к своему внешнему облику и самопрезентации у женщин с различными мотивами выбора профессии / И.В. Абакумова, И.А. Мулатова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2024. – № 2. – С. 176-187.
2. Абульханова, К.А. Время личности и ее жизненного пути / К.А. Абульханова // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 165–200.
3. Агадуллина, Е. Р. Социальная категоризация: представления об объекте и специфике процесса / Е. Р. Агадуллина // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. – 2008. – № 1. – С. 114 – 120.
4. Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. – 410 с.
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
6. Ананьева, К.И. «Эффект другой расы»: теоретические концепции, исследовательские инструменты, экспериментальные данные / К.И. Ананьева // Экспериментальная психология. – 2021. – Том 14. – № 4. – С. 142-163.
7. Ананьева, К. И. Изостатические паттерны движений глаз при восприятии человеческого лица / К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.Н. Харитонов // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 195-200.
8. Ананьева, К. И. Контекст восприятия как фактор субъективной сложности межличностной оценки / К.И. Ананьева, А.А. Демидов // Экспериментальная психология. – 2021. – Том 14. – № 2. – С. 113-123.
9. Ананьева, К. И. Межличностное восприятие: как ситуация определяет нашу оценку другого человека / К.И. Ананьева, А.А. Демидов, Е.С. Самойленко // Экспериментальная психология. – 2022. – Том 15. – № 3. – С. 4-16.

10. Ананьева, К. И. Эффективность различения лиц разных расовых типов русскими и тувинскими наблюдателями как характеристика пространственных свойств изображений / К. И. Ананьева, А. В. Жегалло, П. А. Мармалюк // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 41-52.
11. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 303 с.
12. Андреева, Г.М. Образ мира и/или реальный мир? / Г.М. Андреева // Вопросы психологии. – 2013. – № 3. – С. 33-43.
13. Андреева, Г.М. Социальная психология. / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 363 с.
14. Андреева, Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы [Электронный ресурс] / Г.М. Андреева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.12.2023).
15. Андреева, Г.М. Социальное познание и социальные проблемы / Г.М. Андреева // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39-41.
16. Анташко, Ю. А. Факторы, определяющие образ идеального романтического партнера у московских студентов / Ю.А. Анташко // Социальная психология и общество. – 2012. – № 47. – С. 116-121.
17. Антипина, И.Ю. Психологический возраст как отображение личностного ресурса / И.Ю. Антипина // Известия ТРТУ. – 2006. – № 14 (69). – С. 82-87.
18. Антипина, И.Ю. Психологический возраст как фактор профессиональной успешности преподавателя вуза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.13 / Ирина Юрьевна Антипина. - Ставрополь, 2007. - 22 с.

19. Артамонова, А.Г. Особенности конструирования воспринимаемого возраста у представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика / А.Г. Артамонова, Т.А. Воронцова (Шкурко) // Психология и Психотехника. – 2023. – № 3. – С. 108-132.

20. Асмолов, А.Г. Сложность как символ познания человека: от постулата к предмету исследования / А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов // Вопросы психологии. – 2020. – № 1. – С. 3-18.

21. Асоян, А. А. Деконструкция / А.А. Асоян // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – С. 133-138.

22. Асташова, Ю. В. Субъективный возраст как основа сегментации потребителей в геронтомаркетинге / Ю.В. Асташова, И.Ю. Окольнішнікова // Маркетинг взаимодействия и технологии пространственно-системной экономики. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Г.Л. Багиева и О.У. Юлдашевой, 2015. – С. 202-207.

23. Ахмедова, Н. Э. Образ мужчины и женщины через призму английской фразеологии / Н.Э. Ахмедова, // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 01–03 ноября 2017 г.). – Симферополь: Издательство КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. – С. 162-166.

24. Бабакова, Л. В. Повседневный стресс и неприятности в период старения [Электронный ресурс] / Л.В. Бабакова // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 6-12.

25. Базаров, Т.Ю. 100-летие Г.М. Андреевой: ролевой репертуар Лидера / Т.Ю. Базаров // Культурно-историческая психология. – 2024. – Т. 20. – № 2. – С. 124-128.

26. Базаров, Т.Ю. Галина Михайловна Андреева - основательница отечественной школы социальной психологии / Т.Ю. Базаров // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – № 2 (4). – С. 12-18.

27. Базаров, Т.Ю. Культурно-историческая теория и социальная психология: переключки идей / Т.Ю. Базаров, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2024. – Т. 47. – № 4. – С. 24-42.
28. Базаров, Т.Ю. Векторы социальной психологии: опережая время (к 100-летию со дня рождения Галины Михайловны Андреевой) / Т.Ю. Базаров, О.А. Тихомандрицкая, Е.М. Дубовская // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 222-236.
29. Балашова, Е.Ю. Репрезентации реального и виртуального пространства и времени: возрастной аспект / Е.Ю. Балашова, Е.М. Дубовская // Новые психологические исследования. – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 25-46.
30. Балева, М.В. Восприятие амбивалентного Другого в условиях контрастного пре-стимульного воздействия / М.В. Балева // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 26-38.
31. Балева, М.В. Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт / М.В. Балева // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 121-141.
32. Балева, М.В. Роль когнитивных стилей в процессе социальной перцепции конкретного и безличного Другого / М.В. Балева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – Вып. 1. – С. 106-117.
33. Балева, М.В. Роль когнитивных факторов в восприятии искусственных социальных групп с разным уровнем социальной типичности / М.В. Балева // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 90-107.
34. Балева, М.В. Формирование отношения к амбивалентному Другому: какая информация принимается в расчет? / М.В. Балева // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43. – № 1. – С. 32-41.
35. Балева, М.В. Хороший, плохой, симпатичный: внешность как опосредующий фактор оценки личности / М.В. Балева // Лицо человека:

познание, общение, деятельность / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Когито-Центр – Московский институт психоанализа. – 2021. – С. 429-443.

36. Балева, М.В. Я И Другой: модели оценки и социального сравнения / М.В. Балева // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 1. – С. 54-76.

37. Балева, М.В. Модели восприятия амбивалентного другого в условиях негативного пре-стимула / М.В. Балева, О.И. Полянина // Экспериментальная психология. – 2024. – Т. 17. – № 2. – С. 68-83.

38. Балева, М.В. Роль пола, внешности и сходства в проявлениях перцептивного эффекта контраста / М.В. Балева, О.И. Полянина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – Вып. 3. – С. 465-478.

39. Балева, М.В. Роль эмоциональной регуляции в связях «темных» черт личности и депрессивной симптоматики / М.В. Балева, Т.С. Чебыкина // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2025. – Т. 35. – № 1. – С. 36-47.

40. Барабанщиков, В. А. (ред.) Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2017. – 359 с.

41. Барабанщиков, В. А. Восприятие личностных особенностей человека по выражению лица / В.А. Барабанщиков // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 40-59.

42. Барабанщиков, В. А. Динамика взора человека в процессе восприятия выражений лица / В.А. Барабанщиков // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 331-370.

43. Барабанщиков, В. А. Экспрессии лица и их восприятие / В.А. Барабанщиков. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 341 с.

44. Барабанщиков, В.А. Айттрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике / В.А. Барабанщиков, А.В. Жегалло. – М.: Когито-Центр, 2014. – 128 с.
45. Барабанщиков, В. А. Восприятие частично открытого лица / В.А. Барабанщиков, А.В. Жегалло // Мир психологии. – 2013. – № 1. – С. 187-202.
46. Барабанщиков, В. А. Может ли наблюдатель определить выражение лица коммуниканта во время быстрых движений глаз? / В.А. Барабанщиков, И. Ю. Жердев. // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 119-138.
47. Барабанщиков, В. А. Deepfake в исследованиях восприятия лица / В.А. Барабанщиков, М.М. Маринова // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 4-19.
48. Барабанщиков, В. А., Суворова, Е. В. Гендерные различия в распознавании эмоционального состояния стороннего человека / В.А. Барабанщиков, Е.В. Суворова // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26. – № 6. – С. 107-116.
49. Барабанщиков, В. А. Восприятие экспрессий лица, обусловленных его конфигурацией / В. А. Барабанщиков, Е. Г. Хозе // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 159-182.
50. Барабанщиков, В.А. Восприятие выражений лица: монография / В.А. Барабанщиков. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2009. – 445 с.
51. Барабанщиков, В.А. Коммуникативных подход к исследованию когнитивных процессов / В.А. Барабанщиков // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2009. – Москва: Издательство: «Московский институт психоанализа», 2009. – С. 8-20.
52. Барабанщиков, В.А. Психологические механизмы восприятия выражений лица / В.А. Барабанщиков // Лицо человека как средство общения:

Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. – М.: Когито-Центр, 2012. – С. 13-31.

53. Барабанщиков, В.А. Оценка индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от конфигурационных изменений его лица / В.А. Барабанщиков, И.И. Беспрозванная, К.И. Ананьева // Российский психологический журнал. – 2017. – Том 14. – № 4. – С. 49-77.

54. Беззубик, К. В. Объективные и субъективные факторы поддержания активного образа жизни в пожилом возрасте / К.В. Беззубик, М.А. Тимонов // Сервис в России и за рубежом. – 2012. – № 1 (28). – С. 12-19.

55. Белинская Е. П. Социальная психология личности / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – Москва: Академия, 2009. – 300 с.

56. Белинская, Е. П. Конструирование идентичности в неопределенности / Е.П. Белинская // Личность в пространстве и времени. – 2015. – № 5. – С. 26-31.

57. Белинская, Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е.П. Белинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 6-15.

58. Белинская, Е.П. Принцип ситуационизма в современной социальной психологии / Е.П. Белинская // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 202-205.

59. Белинская, Е.П. Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы / Е.П. Белинская // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 4. – С. 5-11.

60. Белинская, Е.П. Точность межличностного восприятия в социальных сетях / Е.П. Белинская // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой. – 2018. – С. 48-52.

61. Белинская, Е.П. Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями / Е.П. Белинская, Ф.Х.К. Авазматова // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 5 (99). – С. 635-644.
62. Белинская, Е.П. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности / Е.П. Белинская, О.В. Гавриченко // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 60. – С. 12.
63. Белинская, Е.П. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность / Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой. – 2018. С. 43-48.
64. Белинская, Е.П. Интервью Е.П. Белинской о будущем психологии / Е.П. Белинская, Т.А. Нестик // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5. – № 1 (17). – С. 251-268.
65. Белинская, Е.П., Идентичность поколений: социальнопсихологический подход и опыт эмпирического исследования / Е.П. Белинская, А.М. Рикель // Национальный психологический журнал. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 31-45.
66. Белова, С.Н. Стоит ли повышать брачный возраст? / С.Н. Белова // Социально-политические науки. – 2017. – № 2. – С. 133-137.
67. Белопольская Н.Л. Психологический и телесный возраст подростков и юношей с реальными и мнимыми проблемами внешности / Н.Л. Белопольская, И.С. Литовченко // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 72-80.
68. Белопольская, Н. Л. Лицевой возраст и мотивации омоложения лица у женщин в эстетической хирургии / Н.Л. Белопольская, В.И. Белопольский, Е.М. Шафирова, К.Е. Авдошенко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 214-221.

69. Белопольская, Н. Л. Психологические аспекты эстетической медицины / Н.Л. Белопольская, В.А. Виссарионов, Е.М. Шафирова // Актуальные вопросы пластической хирургии и косметологии. Москва: Институт пластической хирургии и косметологии, 2012. – С. 349-360.

70. Белопольская, Н. Л. Определение хронологического возраста по лицу человека / Н.Л. Белопольская, В.В. Виссарионова, Е.М. Шафирова // Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. – М.: Когито-Центр, 2012. С. 33—44.

71. Белугина, Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 / Елена Викторовна Белугина. – Ростов-на-Дону, 2003. – 21 с.

72. Березина, Т. Н. Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» – оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста / Т.Н. Березина // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 134-151.

73. Березина, Т. Н. Взаимосвязь индивидуально-личностных стратегий антистарения с биологическим возрастом / Т.Н. Березина, А.В. Литвинова, А.А. Зинатуллина // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 73-89.

74. Березина, Т. Н. Влияние карантина на показатели биопсихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) [Электронный ресурс] / Т.Н. Березина, С.А. Рыбцов // Современная зарубежная психология. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 57-69.

75. Березина, Т. Н. Индивидуально-личностные факторы пенсионного стресса у представителей интеллектуального типа, проживающих в России и иммигрировавших в страны Евросоюза / Т.Н. Березина, Н.Н. Рыбцова, С.А. Рыбцов., Г.В. Фатьянов // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9. – № 1. – С. 8-21.

76. Бескова, И. А. Лицо в зеркале: я, не я или не-я? / И. А. Бескова // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 13-28.
77. Биггз, С. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / пер. с англ. А.А. Ипатовой / С. Биггз, И. Хаапала // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 46-58.
78. Блэкберн, Э.Э. Эффект теломер: революционный подход к более молодой, здоровой и долгой жизни / Э.Э. Блэкберн, Э. Эпель. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 384 с.
79. Бодалев, А. А. (ред.) Психология общения Энциклопедический словарь / А.А. Бодалев. – М.: Когито-Центр, 2015. – 672 с.
80. Бодалев, А. А. Актуальные проблемы изучения взрослых / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 1999. – № 2 (18). – С. 6-11.
81. Бодалев, А. А. В. Н. Мясищев о личности и отношениях / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2003. – № 3 (35). – С. 154-159.
82. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М.: МГУ, 1982. – 200 с.
83. Бодалев, А. А. История разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР – России / А.А. Бодалев // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – №1. – С. 57-68.
84. Бодалев, А. А. Личность и общение / А.А. Бодалев. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.
85. Бодалев, А. А. О взаимодействии индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного развития взрослого человека / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 1999. – № 2 (18). – С. 44-49.
86. Бодалев, А. А. О взаимосвязи общения и отношения / А.А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 122-127.
87. Бодалев, А. А. О предмете и задачах имиджологии / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2006. – № 1 (45). – С. 180-183.

88. Бодалев, А. А. О психологическом понимании Я человека / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2002. – № 2 (30). – С. 12-17.
89. Бодалев, А. А. О характеристиках идентификации и идентичности на ступени взрослости / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2004. – № 2 (38). – С. 93-98.
90. Бодалев, А. А. Психология межличностных отношений: (к 100-летию со дня рождения В.И. Мясищева) / А.А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 86-91.
91. Большой психологический словарь / [Н.Н. Авдеева и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – Изд. 4-е, расш. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
92. Борисова, М. В. Университеты третьего возраста в Канаде: социокультурная и образовательная среда для людей пожилого возраста / М.В. Борисова, Д.Е. Дмитрук // Гуманитарный вестник (Горловка). – 2020. – № 10. – С. 14-23.
93. Бочаров, В. В. Антропология возраста: Учебное пособие / В.В. Бочаров. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – 196 с.
94. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
95. Брушлинский, А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) / А.В. Брушлинский // Психологический журнал. 1991. – Т. 12. – № 6. – С. 3-11.
96. Брушлинский, А.В. Проблемы психологии субъекта / А.В. Брушлинский. – Москва. Институт психологии РАН, 1994 г. - 109 с.
97. Брюкнер, П. Недолговечная вечность: философия долголетия / П. Брюкнер. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 312 с.
98. Буряковская В.А. Культ молодости в массовой культуре // Вопросы психологии. – 2015. – № 3. – С. 66-72.
99. Бутакова, Л. О. Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной

возрастной группы / Л.О. Бутакова // Этнопсихоллингвистика. – 2019. – № 2. – С. 160-174.

100. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М.Л. Бутовская. – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.

101. Васильев, С. В. Исследование особенности субъективного восприятия времени (прошедшего, настоящего и будущего) лицами пожилого и старческого возраста / С.В. Васильев, Г.П. Шустрова, С.Е. Татульян // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2008. – Т. 10. – № 2. – С. 22-26.

102. Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой / Е.В. Васильева. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с.

103. Водянова, Н. В. Самореализация личности в пространстве интернета: философско-антропологический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13 / Водянова Наталья Викторовна. – Челябинск, 2009. – 20 с.

104. Волосатова, О. С. Взаимосвязь временной направленности, субъективного возраста и субъективного благополучия людей в пенсионном возрасте / О.С. Волосатова, Е.В. Забелина // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2023. – № 24 (4). – С. 56-66.

105. Воронцов, Д. В. Создание пола, гендера и сексуальности в общении / Д.В. Воронцов // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / под ред. Л.И. Рюминой. – М.: Кредо, 2015. – С. 31-46.

106. Воронцова (Шкурко), Т.А. Влияние устойчивого компонента внешнего облика на воспринимаемый возраст человека / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 108-120.

107. Воронцова (Шкурко), Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 141-160.

108. Воронцова (Шкурко), Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика мужчин на их воспринимаемый возраст / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума: в 2 т. Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года. – Екатеринбург: Изд во Урал. ун та, 2022. – Т. 1. – С. 153-156.

109. Воронцова (Шкурко), Т.А. Воспринимаемый возраст и отношение к своему внешнему облику у взрослых с различной выраженностью компонентов «Большой пятерки» и «Темной триады» / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Российский психологический журнал. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 173-188.

110. Воронцова (Шкурко), Т.А. Воспринимаемый возраст и отношение к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет / Т.А. Воронцова // Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография / отв. редактор А.Г. Фаустова; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. – Рязань: ОТСиОП, 2022. – С. 31-53.

111. Воронцова (Шкурко), Т.А. Выраженность потребности современного человека выглядеть моложе своих лет: гендерно-возрастной анализ / Т.А. Воронцова // Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография / отв. редактор А.Г. Фаустова; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. – Рязань: ОтСиОп, 2024. – С. 61-79.

112. Воронцова (Шкурко), Т.А. Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 47-67.

113. Воронцова (Шкурко), Т.А. Отношение к внешнему облику как фактор воспринимаемого возраста пожилых людей / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: материалы Международной научной конференции, 18–20 октября 2023 года. – СПб.: Кириллица, 2023. – С. 361.

114. Воронцова (Шкурко), Т.А. Отношение к незнакомому человеку и оценка его возраста по фотоизображению лица, трансформированного в приложении FaceApp / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 31-49.

115. Воронцова (Шкурко), Т.А. Отношение к своему внешнему облику и воспринимаемый возраст взрослых старше 50 лет: как относятся к своему внешнему облику те люди, которые выглядят моложе своих лет? / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума: в 2 т. Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2022. – Т. 1. – С. 158-162.

116. Воронцова (Шкурко), Т.А. Почему люди хотят выглядеть моложе своих лет? Психологические корреляты и предикторы желаемого воспринимаемого возраста / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 108–126.

117. Воронцова (Шкурко), Т.А. Социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста как прогностического маркера старения и риска смерти / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С.137- 155.

118. Воронцова (Шкурко) Отношение к своему внешнему облику и конструирование воспринимаемого возраста мужчин и женщин: почему женщины выглядят моложе? / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Российский психологический журнал. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 237-254.

119. Воронцова (Шкурко), Т.А. Влияние возраста субъекта восприятия на конструирование воспринимаемого возраста молодых и зрелых женщин и

мужчин / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: материалы Международной научной конференции, 18–20 октября 2023 года. – СПб.: Кириллица, 2023. – С. 405.

120. Воронцова (Шкурко), Т.А. Гендерные особенности конструирования воспринимаемого возраста незнакомого человека / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2022. – № 3. – С. 80-99.

121. Воронцова (Шкурко), Т.А. Контролирующие тенденции поведения и воспринимаемый возраст личности: выглядят ли моложе те, кто склонен к контролю социальной среды? / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Ананьевские чтения – 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям: материалы международной научной конференции, 18–21 октября 2022 года. - СПб.: Скифия-принт, 2022. – С. 313-314.

122. Воронцова (Шкурко), Т.А. Лицо VS фигуры: особенности конструирования возраста незнакомого человека на основе восприятия его портретной и ростовой фотографий / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 34-52.

123. Воронцова (Шкурко) Особенности конструирования возраста незнакомого человека: влияние факторов возраста, гендера, типа представленности объекта восприятия / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Сборник научных трудов. – М.: ИП РАН, 2023. – С. 401-408.

124. Воронцова (Шкурко), Т.А. Динамика фиксаций взора субъекта восприятия на элементах внешнего облика при конструировании возраста незнакомого человека: приоритет лица / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова, Д.В. Явна // Экспериментальная психология. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 80-96.

125. Воронцова (Шкурко), Т.А. Особенности отношения к своему внешнему облику и воспринимаемый возраст женщин из неблагополучных семей / Т.А. Воронцова, С.А. Трунова // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Московский институт психоанализа–Когито-Центр, 2020-2021. – С. 62-80.

126. Воронцова, (Шкурко) Т.А. Воспринимаемый возраст как феномен социального познания / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Общение в эпоху конвергенции технологий. Сборник научных трудов. – М.: ПИ РАО, 2021. – С. 347-350.

127. Воронцова, (Шкурко) Т.А. Механизмы «сравнения» и «оценки» при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников / Т.А. Воронцова (Шкурко) // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, 16–18 ноября 2022 г. – М.: ИП РАН, 2022. – С. 315-317.

128. Воронцова, (Шкурко) Т.А. Целостное оформление внешнего облика женщин: формула «эффекта омоложения» / Т.А. Воронцова (Шкурко) // Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 249-253.

129. Воронцова, (Шкурко) Т.А. Соотношение хронологического, субъективного, воспринимаемого возраста, желаемой продолжительности жизни у взрослых в возрасте 50-59 лет / Т.А. Воронцова (Шкурко), А.Г. Артамонова // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, 16–18 ноября 2022 г., Москва. – М.: ИП РАН, 2022. – С. 318-320.

130. Воронцова, О. Р. Когнитивно-поведенческие показатели субъективного возраста средней зрелости: личностная готовность к

переменам / О.Р. Воронцова, Т.Л. Крюкова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2018. – № 4. – С. 24-30.

131. Выготский, Л.С. Проблема возраста. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 4. / Л.С. Выготский. – Москва: Изд-во «Педагогика», 1983. – 456 с.

132. Гандри, С. Парадокс долголетия / С. Гандри. – М.: Издательство: Бомбора, 2020. – 400 с.

133. Герген, К. Дж. Социальная конструкция в контексте / К. Дж. Герген / Пер. с англ. А. А. Киселева, Ю. С. Вовк. — Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. — 328 с.

134. Гибсон, Д. Экологический подход к зрительному восприятию / Д. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.

135. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. - Киев: Наукова думка, 1984. – 207 с.

136. Горошко, Н. В. Старение населения России: страна на фоне мира, регионы на фоне страны / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2020. – № 3 (22). - URL <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2020/3/00852.pdf>. (дата обращения: 14.12.2023)

137. Григорьева, И. А. Изменение подходов к старению и всплеск эйджизма во время пандемии COVID-19 и после / И.А. Григорьева // Клиническая геронтология. – 2022. – Т. 28. – № 7-8. С. 80-84.

138. Григорьева, И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера / И.А. Григорьева // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 1 (86). – С. 5-18.

139. Гришина, Н.В. Человек в отношениях с окружающим миром: описания контекста / Н.В. Гришина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 3. – С. 22-39.

140. Гришина, Н.В. Экзистенциальный подход в психологии личности / Н.В. Гришина // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А.

Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 489-503.

141. Грошев, И.В. Субъективное восприятие времени как показатель психологического возраста, влияющий на психическое здоровье мужчин и женщин / И.В. Грошев // Мир психологии. – 2010. – № 1 (61). – С. 173-189.

142. Гудзовская, А.А. Социально-психологические факторы геронтологического эйджизма / А.А. Гудзовская // Социальные явления. – 2018. – № 2 (9). – С. 49–55.

143. Данилова, А.А. Психологическое время личности пожилых людей: теоретический обзор / А.А. Данилова, Е.В. Забелина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. –Т. 8. –№ 3. –С. 82-94.

144. Дементий, Л.И. Социально-психологические аспекты внешней привлекательности человека в культурно обусловленном контексте / Л.И. Дементий, Е.А. Варлашкина // Вестник Омского университета. – 2010. – № 4. – С. 247-254.

145. Демидов, А. А. Оценка психологических особенностей человека по выражению его лица и голосу: количественный и качественный анализ / А. А. Демидов, К. И. Ананьева, Н. А. Выходил, С. В. Хашченко // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 209-242.

146. Демидов, А. А. Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица / А.А. Демидов, Д.А. Дивеев, А.В. Кутенев // Экспериментальная психология. – 2012. – Том 5. – № 1. – С. 69–81.

147. Демидов, А.А. Окуломоторная активность при восприятии лиц / А.А. Демидов, К.И. Ананьева // Айттрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2015. – С. 64-77.

148. Деревянко, А.В. Парадигма конструирования в современной западной гуманистике и диалогический подход к языку М.М. Бахтина

(Аналитический обзор) / А.В. Деревянко // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. – 2005. – № 2005. – С.29-51.

149. Джерджен, К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / К. Дж. Джерджен / Пер. с англ. А. М. Корбута; Под общ. ред. А. А. Полонникова. - Мн.: БГУ, 2003. - 232 с.

150. Диас, Е. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках / Е. Диас, Е. Арсентьева // Филология и культура. – 2018. – № 1 (51). – С. 57-63.

151. Дивеев, Д.А. Современные технологии трансформации изображений в изучении восприятия человека по выражению его лица / Д.А. Дивеев, Е.Г. Хозе // Экспериментальная психология. – 2009. – Том 2. – № 4. – С. 101-110.

152. Дмитриева, А. Б. Особенности Я-концепции нарциссических личностей: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / Дмитриева Алла Борисовна. – Москва, 2010. – 166 с.

153. Донцов, А.И. К 50-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова / А.И. Донцов, О.А. Тихомандрицкая // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 3. – С. 3-7.

154. Дубовская, Е.М. Возрастная социальная психология: традиции и развитие / Е.М. Дубовская // Социальная психология и общество. – 2023. – Том 14. – № 3. – С. 5-10.

155. Евтух, Т. В. Удовлетворенность браком и ассортативность супругов в группах с разным стажем брака / Т.В. Евтух // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2016. – № 1. – С. 4-10.

156. Егорова, М.С. Адаптация Короткого опросника Темной триады / М.С. Егорова, М.А. Ситникова, О.В. Паршикова // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 43. – С. 1-7.

157. Екимчик, О.А. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: Шкала фаббинга Карадага и Шкала партнерского фаббинга Робертса / О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30. – № 3. – С. 112-128.

158. Екимчик, О.А. Русскоязычная адаптация опросника самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом / О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова // Вопросы психологии. – 2020. – № 5. – С. 145-156.

159. Емельянова, Т.П. Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста / Т.П. Емельянова, Е.Н. Викентьева // Социальная психология и общество. – 2023. – Том 14. – № 2. – С. 116-133.

160. Емельянова, Т.П. Уровни репрезентации престарелых людей в российском обществе / Т.П. Емельянова, А.А. Зинина // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 213-223.

161. Емельянова, Т.П. Социально-психологические факторы надежды и оптимизма в условиях глобальных рисков: поколенческий подход / Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Т.В. Белых // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 28-39.

162. Журавлев, А. Л. Междисциплинарный подход в психологии / А.Л. Журавлев, А.А Костригин // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 293-314.

163. Журавлев, А.Л. Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии / А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2024. – Т. 45. – № 4. – С. 114-128.

164. Захарова, И.А. Социальная стигматизация и установки в отношении возрастных изменений / И.А. Захарова, А.И. Коробко, В.А. Сотников // Российский журнал гериатрической медицины. – 2022. – № 3 (11). – С. 156-160.

165. Захарова, Л.Н. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала / Л.Н. Захарова, З.Х.-М. Саралиева, И.С. Леонова, А.С. Заладина // Системная психология и социология. – 2019. – № 2 (30). – С. 36-52.
166. Зборовский, Г.Е. Социальная общность людей "третьего возраста": понятие, структура, функции / Г.Е. Зборовский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (59). – С. 9-20.
167. Зеликова, Ю.А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте / Ю.А. Зеликова // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 125-140.
168. Зимина, А.А. Влияние личностных стратегий жизненного пути на биопсихологический возраст (Северная Осетия) / А.А. Зимина // Человеческий капитал. – 2021. – № 11(155). – С. 57-65.
169. Зинченко, В.П. Восприятие и визуальная культура / В.П. Зинченко. – М.: Изд-во Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 599 с.
170. Знаков, В.В. Знаки и символы в понимании субъектом мира / В.В. Знаков // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – Т. 21. – № 2. – С. 97-110.
171. Знаков, В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 2. – С. 95-106.
172. Знаков, В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии / В.В. Знаков // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 227-240.
173. Знаков, В.В. Психология человеческого бытия. Сер. Фундаментальная психология / В.В. Знаков, З.И. Рябикина. – Москва: Смысл, 2017. – 415 с.

174. Золотухина-Аболина, Е.В. Внешность и возраст: косметология как культурный феномен / Е.В. Золотухина-Аболина // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: материалы Всероссийской научной конференции, 28–30 октября 2019 года / под общ. редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 72-74.

175. Зорина, С. В. Формирование впечатления как целостный и поэлементный процесс (на примере оценки феминности) / С. В. Зорина, В. В. Шпунтова, О. А. Камзина // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 69-92.

176. Иванченко, В. А. Психологические особенности переживания супругами некоторых кризисных этапов в развитии семьи / В. А. Иванченко, В. В. Щепина // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 6. – С.162-166.

177. Кампос, А. Д. Возрастная идентичность: вызов концепции активной старости / А.Д. Кампос, А.Г. Чебан // Клиническая геронтология. – 2018. – № 9-10. – С. 26-28.

178. Кампос, А.Д. Геронтофобия как обесценивание человека: социально-философский анализ / А.Д. Кампос, Э.Р. Фахрудинова // Клиническая геронтология. – 2017. – № 9–10. – С. 32-33.

179. Кампос, А.Д. Опыт междисциплинарного анализа феномена субкультуры старения / А.Д. Кампос, А.Г. Чебан // Клиническая геронтология. 2018. – № 9-10. – С. 28-29.

180. Карабанова, О.А. Понятие «Социальной ситуации развития» в современной психологии / О.А. Карабанова // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – № 4. – С. 40-56.

181. Карапетян, Л. В. Исследование семейных ценностей супружеских пар / Л.В. Карапетян, Я.В. Жильцова // Психологический вестник Уральского государственного университета. – 2009. – Вып. 7. – С. 85-93.

182. Карпов, А. Д. Роль имплицитного научения при оценке психологических качеств другого человека по его фотоизображению / А. Д. Карпов, Н. В. Морошкина // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 93-106.

183. Карпова, Н.Л. Школа А.А. Бодалева исследований в области психологии общения / Н.Л. Карпова // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б. – М., 2015. – С. 286-288.

184. Килясханов, М.Х. Старение в рамках гендерной стереотипизации / М.Х. Килясханов // Национальное здоровье. – 2018. – № 4. – С. 136-140.

185. Клепп, И.Г. Мода сквозь призму возраста. Взгляд девочек-подростков и взрослых женщин на то, как одежда отражает их статус / И.Г. Клепп, А. Сторм-Матисен // Теория моды. – 2011. – № 20. – С. 31-61.

186. Клецина, И.С. Гендерная социализация в пожилом возрасте / И.С. Клецина // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 22-34.

187. Клецина, И.С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели / И.С. Клецина, Е.В. Иоффе // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С.72-90.

188. Клумова, С.Б. Индивидуальные стратегии движения глаз в задаче опознания лицевых экспрессий / С.Б. Клумова, Г.Я. Меньшикова // Психология когнитивных процессов. – 2024. – № 13. – С. 125-135.

189. Колосова, В.В. Исследования стереотипов возраста в новой социально психологической реальности (взгляды отечественных учёных) / В.В. Колосова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 5. – С. 71.

190. Колпина, Л.В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления / Л.В. Колпина, Т.В. Городова // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2. – С. 3871-3874.
191. Кон, И.С. Социологическая психология: Избранные психологические труды / И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
192. Концепция политики активного долголетия / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.
193. Копачевская, М.А. Феномен доверия при восприятии незнакомых лиц разных рас / М.А. Копачевская, Г.Я. Меньшикова, О.А. Тихомандрицкая // *Psy-Вышка*. Сборник материалов Международной научной конференции. Отв. редактор Е.С. Горбунова. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 139-140.
194. Коптелова, И.Е Теоретический анализ изучения психологических механизмов / И.Е. Коптелова // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. – 2013. – № 30. – С. 9-12.
195. Коржова, Е.Ю. Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки / Е.Ю. Коржова, Е.Н. Волкова, А.В. Микляева, С.А. Безгодова, Е.В Юркова // *Социальная психология и общество*. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 86-98.
196. Корниенко, Д.С. Вклады социально-демографических характеристик, «темного» и «светлого» личностного профилей в отчуждение моральной ответственности / Д.С. Корниенко, М.В. Балева, Н.П. Ячменёва // *Психология личности: методология, теория, практика (Методология, теория и история психологии)*. Сборник статей. – Москва, 2024. – С. 648-652.
197. Косарева И.А. Возраст как элемент брачной дееспособности / И.А. Косарева // *Российский юридический журнал*. – 2008. – № 4 (61). – С. 109-114.
198. Костригин, А.А. Потребительское поведение в сфере моды: психологические аспекты / А.А. Костригин // *МНТФ «Первые международные*

Косыгинские чтения – 2017. – М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. – С. 302–305.

199. Костромина, С.Н. Процессуальный подход в психологии личности / С.Н. Костромина, Н.В. Гришина // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 504-524.

200. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. –СПб.: Питер, 2022. – 940 с.

201. Крапивина, О.В. Особенности самоотношения у женщин, переживающих кризис пожилого возраста / О.В. Крапивина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2011. – Т. 16. – № 1. – С. 389-390.

202. Красильникова, О.С. Стереотипизация как механизм восприятия чужой культуры / О.С. Красильникова // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 10. – С. 169-173.

203. Крейдун, Н. П. Психологическое содержание криминогенного комплекса личности и его динамика в условиях изоляции от общества: на материале несовершеннолетних правонарушителей: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01. – Харьков, 1990. – 149 с.

204. Кроник, А. А. Психологический возраст личности. / А.А. Кроник, Е.И. Головаха // Психологический журнал. –1983. – № 5. – С. 57-65.

205. Крюкова, Т.Л. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, Т.П. Опекина. – Кострома: Костромской государственный университет, 2019. – 340 с.

206. Крюкова, Т.Л. Отношение к себе как фактор отношения к своему внешнему облику у женщин средней взрослости / Т.Л. Крюкова, А.А. Осьминина // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия.

Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 145-148.

207. Крюкова, Т.Л. Психологические аспекты особой субкультуры женщин среднего возраста, постоянно преобразующих свой внешний облик / Т.Л. Крюкова, А.А. Осьминина // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития. Материалы международной научной конференции. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. – С. 73-80.

208. Крюкова, Т.Л. Совладание с переживанием стресса старения у женщин среднего возраста / Т.Л. Крюкова, А.А. Осьминина // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. 2020. – С. 877-886.

209. Ксенофонтова, Е. Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» / Е.Г. Ксенофонтова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 2. – С. 103-114.

210. Куницына, В.Н. Восприятие подростком другого человека и самого себя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 20.00.00 / Валентина Николаевна Куницына. – Ленинград, 1968. - 16 с.

211. Куницына, В.Н. Межличностное общение / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погорьша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

212. Курышева, О.В. Взаимосвязь субъективного возраста и самоотношения пожилых людей / О.В. Курышева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 2-2. – С. 392-397.

213. Курышева, О.В. Возраст как критерий социального сравнения / О.В. Курышева // Logos et Praxis. – 2013. – № 2. – С. 108-114.

214. Курышева, О.В. Возраст как социально-психологический феномен / О. В. Курышева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 304 с.

215. Курышева, О.В. Возрастные аспекты социальной категоризации / О.В. Курышева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. – 2013. – № 1 (5). – С. 77-83.
216. Курышева, О.В. Субъективный возраст как категория самооценивания / О.В. Курышева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9 (53). – С. 155-158.
217. Курышева, О.В., Нужных, К.В. Социальное сравнение как механизм построения когнитивного компонента Я-концепции / О.В. Курышева, К.В. Нужных // Logos et Praxis. – 2008. – № 2. – С. 142-148.
218. Курышева, О.В. Взаимосвязь отношения к собственному возрасту и стратегий совладания со старостью у пожилых людей / О.В. Курышева, С.В. Тарасова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. – 2014. – № 1 (7). – С. 47–55.
219. Лабунская В.А. Принятие отраженного лица в связи с самооценкой лица и его привлекательности / В.А. Лабунская // Экспериментальная психология. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 68-79.
220. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 608 с.
221. Лабунская, В. А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности / В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Феникс. 2009. – 342 с.
222. Лабунская, В. А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход / В.А. Лабунская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3851-3855.
223. Лабунская, В.А. «Человек видимый» как социально-психологический феномен / В.А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26-39.

224. Лабунская, В.А. Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я / В.А. Лабунская // Субъект, личность и психология человеческого бытия. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С.235-258.

225. Лабунская, В.А. Внешний облик в межличностном познании и общении / В.А. Лабунская // Современная психологическая наука через призму категории общения. Сборник материалов международной научной конференции. Посвящается 100-летию академика РАО А.А. Бодалева. – Москва, 2023. – С. 130-132.

226. Лабунская, В.А. Психология внешнего облика в работах А.А. Бодалева: основные положения и их развитие в современных исследованиях / В.А. Лабунская // Психология общения: школа академика А.А. Бодалева. Коллективная монография. – Москва: Психологический институт Российской академии образования РШБА, 2017. – С. 109-120.

227. Лабунская, В.А. Самооценка, ценность, значимость внешнего облика в студенческой среде и удовлетворенность жизнью / В.А. Лабунская // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – № 4. – С. 198-209.

228. Лабунская, В.А. Субъективная интерпретация феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом» / В.А. Лабунская // Субъектный подход в психологии: серия «Интеграция академической и университетской психологии» / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: ИП РАН, 2009. – С. 355-372.

229. Лабунская, В.А. Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии / В.А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2021. – Том 12. – № 3. – С. 128-150.

230. Лабунская, В.А. Эстетическая оценка своего лица и значимость внешнего облика для женщин, использующих различные практики преобразования внешнего облика / В.А. Лабунская // Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход. – Москва: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2012. – С. 45-56.

231. Лабунская, В.А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп: гендерно-возрастной анализ / В.А. Лабунская, А.А. Бзезян // Гендерные реалии 21 века. – 2014. – С. 130-134.

232. Лабунская, В.А. Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования / В.А. Лабунская, А.А. Бзезян, Д.В. Погонцева, В.Д. Альперович. – Ростов-на-Дону: Издательство Мини Тайп, 2018. – 258 с.

233. Лабунская, В.А. Социально-психологические детерминанты успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний / В.А. Лабунская, И.И. Дроздова // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. – М.: Когито-Центр, 2012. – С. 311-327.

234. Лабунская, В.А. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика / В.А. Лабунская, И.И. Дроздова // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 202–226.

235. Лабунская, В.А. Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик / В.А. Лабунская, Е.В. Капитанова // Российский психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 167-183.

236. Лабунская, В.А. Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости / В.А. Лабунская, Е.В. Капитанова // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 72-87.

237. Лабунская, В.А. Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении / В.А. Лабунская, Я.Б. Наровская // Мир психологии. – 2006. – № 4. – С. 96-104.

238. Лабунская, В.А. Лукизм: лицо, тело, душа / В.А. Лабунская, Д.В. Погонцева // Лицо человека в пространстве общения. Коллективная

монография. – Москва: Межрегиональная ассоциация экспериментальной психологии, Московский институт психоанализа. 2016. – С. 98-110.

239. Лабунская, В.А. Алексей Александрович Бодалев – «коммуникативное ядро» психологии общения: послание к юбилею / В.А. Лабунская, Л.И. Рюмшина // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 7-10.

240. Лабунская, В.А. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» / В.А. Лабунская, Г.В. Сериков // Социальная психология и общество. – 2018. – Том 9. – № 3. – С. 91–103.

241. Лабунская, В.А. О научном творчестве и личности академика РАО А.А. Бодалева (к 100-летию со дня рождения) / В.А. Лабунская, Т.П. Скрипкина // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44. – № 5. – С. 109-115.

242. Лапина, Т.В. Социальное конструирование как концепт современной теории познания / Т.В. Лапина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 20-25.

243. Ларионова, Т.П. Третий возраст: особенности восприятия социального времени: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04 / Татьяна Петровна Ларионова. – Саранск, 2005. – 17 с.

244. Лекторский, В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11-22.

245. Лешкевич, Т.Г. Внешний облик и «вторая жизнь» в цифровом мире / Т.Г. Лешкевич // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 87-88.

246. Лешкевич, Т.Г. Наука в социально-гуманитарном измерении / Т.Г. Лешкевич. - Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. – 116 с.
247. Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2020-2021. – 579 с.
248. Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2014. – 694 с.
249. Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2016. – 430 с.
250. Ломов, Б.Ф. Психические процессы и общение / Б.Ф. Ломов // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. – С. 151-165.
251. Лузаков, А.А. Проблема категоризации в социальном познании с позиций психологии личности / А.А. Лузаков // Человек. Сообщество. Управление. –2008. – № 4. – С. 4-16.
252. Лупенко, Е. А. Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы / Е.А. Лупенко // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 269 – 284.
253. Максимова, О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений / О. Максимова // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – 2020. – Том 12. – № 2. – С. 22-44.
254. Марцинковская, Т.Д. Научная школа социальной психологии Г.М. Андреевой: традиции и современность / Т.Д. Марцинковская, Д.А. Хорошилов // Вестник Московского ун-та. Серия 14 «Психология». – 2022. – № 3. – С. 8-21.

255. Марцинковская, Т.Д. Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе / Т.Д. Марцинковская, Д.А. Хорошилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 12–23.

256. Мелёхин, А. И. Предикторы субъективного возраста в пожилом и старческом возрасте / А.И. Мелёхин, Е.А. Сергиенко // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 3. – С 185–201.

257. Мелёхин, А.И. Индивидуальные траектории субъективного возраста и их взаимосвязи с качеством сна у людей пожилого возраста / А.И. Мелёхин // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. – Москва, 2018. – С. 324–332.

258. Мелёхин, А.И. Модель психического (theory of mind) при нормальном старении / А.И. Мелёхин // Социальная психология и общество. – 2015. – Том 6. – № 1. – С. 139–150.

259. Мелёхин, А.И. Субъективный возраст и психологическое здоровье в пожилом и старческом возрасте / А.И. Мелёхин // Психологические исследования. – Москва, 2016. – С. 109–124.

260. Мелехин, А.И. Феномен отрицания возраста пожилым человеком как индикатор субъективного благополучия: аргументы "за" и "против" / А.И. Мелёхин // Клиническая геронтология. – 2018. – Т. 24. – № 7-8. – С. 20–26.

261. Мелёхин, А.И. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах [Электронный ресурс] / А.И. Мелёхин, Е.А. Сергиенко // Современная зарубежная психология. – 2015. – Том 4. – № 3. – С. 6-14.

262. Менщиков, В.В. Восприятие возраста в традиционных обществах. методические материалы [Электронный ресурс] / В.В. Менщиков. – Курган, 2013. <https://histrf.ru/read/articles/vospriiatiie-vozrasta-v-traditsionnykh-obshchestvakh> (дата доступа 05.03.2023).

263. Меньшикова, Г.Я. К вопросу об особенностях анализа движений глаз в процессе восприятия лиц / Г.Я. Меньшикова, А.О. Пичугина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2021. – № 1. – С. 196-219.
264. Меньшикова, Г.Я. Особенности восприятия привлекательности лица при разном уровне эмоционального интеллекта / Г.Я. Меньшикова, А.О. Пичугина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2023. – Т. 46. – № 1. – С. 100-120.
265. Меньшикова, Г.Я. Холистические процессы восприятия лица: метод айтрекинга / Г.Я. Меньшикова, А.О. Пичугина // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 72-87.
266. Мещеряков, Б.Г. Эмоциональный эффект восприятия лиц / Б.Г. Мещеряков, М.М. Гизатуллин, А.И. Назаров // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 183-207.
267. Микляева, А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен / А.В. Микляева. – СПб.: Речь, 2009. – 163 с.
268. Микляева, А.В. Возрастная категоризация в процессе формирования первого впечатления студентов о преподавателе / А.В. Микляева / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 136. – С. 14-21.
269. Микляева, А.В. Исследование возрастных стереотипов в зарубежной социальной психологии / А. В. Микляева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 3-2. – С. 254-259.
270. Микляева, А.В. Личность как субъект межвозрастных отношений: социально-психологический анализ / Микляева А.В. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 637.
271. Микляева, А.В. Пожилой человек как субъект межпоколенных отношений: социально-психологический ракурс проблемы / Микляева А.В. // Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской

научно-практической конференции по психологии развития. Редакторы: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. – С. 304-307.

272. Микляева, А.В. Психология межвозрастных отношений: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.05. / Анастасия Владимировна Микляева. - Санкт-Петербург, 2014. – 39 с.

273. Микляева, А.В. Социальная психология взросления / А.В. Микляева, С.А. Безгодова. - Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2025. - 127 с.

274. Микляева, А.В. Траектории взросления в постнеклассическую эпоху: психологические риски и возможности / А.В. Микляева, С.А. Безгодова, О.В. Рудыхина, А.Б. Углова, Н.Н. Королева, И.М. Богдановская, А.И. Худяков, В.Н. Панферов. - Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023. – 224 с.

275. Микляева, А.В. Жизнь современных поколений: социально-психологические тенденции / А.В. Микляева, В.И. Пищик, М.И. Постникова, Н.В. Сиврикова, Т.В. Черноусова. - Москва Издательство: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2023. - 218 с.

276. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности содержание, структура, механизмы формирования / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.

277. Музалевская, Ю.Е. Мужские и женские черты во внешнем облике представителей субкультур 20- начала 21 веков / Ю.Е. Музалевская // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 84–87.

278. Мухина, В.С. Актуальные проблемы возрастной психологии: инновационные аспекты / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2020. – № 2. – С. 8-10.

279. Мухина, В.С. Научная школа академика РАО, доктора психологических наук, профессора В.С. Мухиной «Феноменология развития и бытия личности» / В.С. Мухина // Научные школы Московского педагогического государственного университета. Очерки. Отв. ред. А.В. Лубков. – Москва, 2023. – С. 58-68.

280. Мухина, В.С. План-проспект учебника «Возрастная психология. Феноменология развития и бытия личности: от молодости до преклонного возраста» / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2020. – № 1. – С. 113-141.

281. Мухина, В.С. Тело человека как результат эволюционного и исторического развития / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2018. – № 2. – С. 58-85.

282. Мухранова, Е.Н. Возраст как феномен культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 24.00.01 / Елизавета Николаевна Мухранова. – Санкт-Петербург, 2006. – 20 с.

283. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. – М.: Изд-во МПСИ, 2004. – 400 с.

284. Наровская, Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 / Наровская Янина Болеславовна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.

285. Нартова-Бочавер, С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 5. – С. 15-26.

286. Научные исследования в сфере социально-экономических и гуманитарных наук: междисциплинарный подход и конвергенция знаний: монография / [Абакумова И. В., Антонова Е. К., Байгулов, Р. М. и др.]; под

редакцией Р. М. Байгулова, О. А. Подкопаева. – Самара: Офорт; Поволжская научная корпорация, 2016. – 438 с.

287. Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – 759 с.

288. Нестерова, А.А. Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ / А.А. Нестерова, И.В. Соколова // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – № 4. – С. 144-158.

289. Нестик, Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.05 / Тимофей Александрович Нестик. - М.: ИП РАН, 2015. – 47 с.

290. Никитина, Е. А. Восприятие здоровья по изображениям лиц // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Е.А. Никитина / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – С. 253 – 268.

291. Никитина, Е.А. Восприятие пола по изображениям лиц людей разного возраста и оценка привлекательности этих лиц / Е.А. Никитина // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН. Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. – М., 2008. – С. 147-155.

292. Обухова, Л.Ф. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения / Л.Ф. Обухова, О.Б. Обухова, И.В. Шаповаленко // Психологическая наука и образование. – 2003. – № 3. – С. 25–33.

293. Овсяник, О.А. Гендерные особенности восприятия возрастных изменений женщинами 40-60 лет / О.А. Овсяник // Психологические исследования. – 2012. – № 2 (22). – С. 8.

294. Опекина, Т.П. Связь установок гендерного неравенства у партнеров и эмоциональных состояний женщин в близких отношениях // Национальный психологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 55-65.

295. Осьминина, А.А. Активность в омоложении внешнего облика как совладание со стрессом старения у женщин средней зрелости / А.А. Осьминина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – № 3. – С. 140–146.

296. Осьминина, А.А. Факторы отношения женщин средней зрелости к собственному внешнему облику / А.А. Осьминина, Т.Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 56-62.

297. Павлова, Н.С. Отношение ко времени и своему возрасту во взаимосвязи с психологическим благополучием и самооценкой здоровья на этапе позднего онтогенеза / Н.С. Павлова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 236-249.

298. Павлова, Н.С. Исследование качества жизни во взаимосвязи с субъективным возрастом на этапе позднего онтогенеза / Н.С. Павлова, Е.А. Сергиенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2019. – № 2. – С. 36-53.

299. Панферов В. Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопонимания людей / В.Н. Панферов // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 139–141.

300. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей / В.Н. Панферов // Вопросы психологии. – 1974. – № 2. – С.59– 64.

301. Панферов В.Н. Методологические выводы из опыта психологического познания человека / В.Н. Панферов // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б. – М., 2015. – С. 95-98.

302. Панферов В.Н. Разработка инструментария для изучения социально-психологической интерпретации личности преподавателя студентами на основе моделирования эталона его ролевого образа / В.Н. Панферов, А.В. Микляева, С.А. Безгодова, С.В. Васильева, А.С. Иванов // Психология человека в образовании. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 158-168.

303. Панферов, В. Н. Интегративный подход в познании психологии человека / В.Н. Панферов, С.А. Безгодова, А.В. Микляева // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 619 – 635.

304. Панферов, В.Н. О роли внешности в регуляции отношений / В.Н. Панферов // Человек и общество: Сб. статей / Под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Д. А. Керимова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – Вып. 3. – С. 16-21.

305. Панферов, В.Н. Психологические парадоксы души и тела человека / В.Н. Панферов // Вестник Герценовского университета. – 2014. – № 1. – С. 78-89.

306. Панферов, В.Н. Психологический конструкт социальной перцепции / В.Н. Панферов // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 2016. – С. 51-57.

307. Панферов, В.Н. Теоретические следствия из опыта познания человека человеком / В.Н. Панферов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – Сер. 12. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 228-237.

308. Панферов, В.Н. Внешность и личность - проблема психологического познания человека / В.Н. Панферов, С.А. Безгодова, А.В. Микляева / Лицо человека: познание, общение, деятельность. Коллективная монография. Под редакцией К.И. Ананьевой, В.А. Барабанщикова, А.А. Демидова. – Москва: Когито-Центр – Московский институт психоанализа, 2019. – С. 38-60.

309. Панферов, В.Н. Интегративный подход в социальной психологии как развитие методологии комплексного человекознания (интервью с В.Н. Панферовым) / В.Н. Панферов, А.Л. Журавлев, Т.В. Дробышева // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2018. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 123-147.

310. Панферов, В.Н. Эвристический потенциал социальной перцепции в психологическом познании человека (к 100-летию А.А. Бодалева) / В.Н. Панферов, А.В. Микляева // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 6-26.

311. Панферов, В.Н. Психический процесс в социальной перцепции / В.Н. Панферов, А.В. Микляева, С.А. Безгодова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2 (78). – С. 403-413.

312. Панфёров, В.Н. Социально-психологическая интерпретация личности преподавателя в условиях видеолекции / В.Н. Панфёров, А.В. Микляева, С.А. Безгодова, С.В. Васильева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 365-368.

313. Пашукова Т.И. Механизмы и функции эмпатии / Т.И. Пашукова, Е.А. Троицкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 586. – С. 197-209.

314. Пашукова, Т.И. Категории общение, отношение, обращение и коммуникативное ядро личности в психологической теории личности А. А. Бодалева / Т.И. Пашукова // Современная психологическая наука через призму категории общения. Сборник материалов международной научной конференции. Посвящается 100-летию академика РАО А.А. Бодалева. – Москва, 2023. – С. 161-163.

315. Петренко В.Ф., Супрун А.П., Янова Н.Г. Психосемантическое исследование визуального восприятия женщин мужчинами (российская ментальность) / В.Ф. Петренко, А.П. Супрун, Н.Г. Янова // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 67-74.

316. Петрова, Е.А. Визуальная психосемиотика общения / Е.А. Петрова. – М.: Издательство Академии имиджелогии, 2015. – 322 с.
317. Петрова, Е.А. Психосемиотический подход к изучению внешнего облика / Е.А. Петрова // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 49-50.
318. Петровская, Л.А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. – Москва: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.
319. Пищик, В.И. Ментальность поколений в текущей современности / В.И. Пищик. – М.: ИНФРА-М, 2018. - 149 с.
320. Плакуев, А.Н. Диагностическая ценность биологического возраста / А.Н. Плакуев // Электронный сборник научных трудов «Здоровье и образование в XXI веке». – 2009. – Т. 11. – № 10. – С. 406.
321. Плакуев, А.Н. Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека / А.Н. Плакуев, М.Ю. Юрьева, Ю.Ю. Юрьев // Экология человека. – 2011. – № 4. – С. 17-25.
322. Погонцева Д.В. Роль возраста при оценке внешнего облика человека / Д.В. Погонцева // Психолог. – 2018. № – 6. – С. 14-20.
323. Погонцева, Д.В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений / Д.В. Погонцева // Социальная психология и общество. – 2011. – № 1. – С. 73-82.
324. Погонцева, Д.В. Отношение к женщинам с различным этно-религиозным оформлением внешнего вида / Д.В. Погонцева // Психолог. – 2017. – № 5. – С.26–32.
325. Подбущая, Н.В. Использование профессиональных фотографий для самопрезентации в социальных медиа как показатель личностного перфекционизма / Н.В. Подбущая, А. Е. Кныш, Ж. Б. Богдан // Социальная психология и общество. – 2019. – № 10(4). – С. 112-130.

326. Полев, Д. М. Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком / Д.М. Полев // Психология. Психофизиология. – 2009. – № 18 (151). – С. 19-25.

327. Постникова, М.И. Ментальность поколений: научный миф или реальность? Рецензия на монографию В.И. Пищик «Ментальность поколений в текучей современности». М.: ИНФРА-М, 2018. 149 с. / М.И. Постникова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т.10. – № 2. – С. 189-195.

328. Постникова, М.И. Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века / М.И. Постникова, А.В. Микляева, Н.В. Сиврикова, Л.А. Регуш // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 87-103.

329. Постникова, М.И. Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки» / М.И. Постникова, В.И. Пищик, Н.В. Сиврикова, А.В. Микляева // Национальный психологический журнал. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 121-130.

330. Потекаев, Н.Н. Воспринимаемый возраст: возможности его применения в косметологии / Н.Н. Потекаев, О.Б. Борzych, Е.И. Карпова, М.М. Петрова, Н.А. Шнайдер // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 1. – С. 32.

331. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 656 с.

332. Реан, А.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков / А.А. Реан // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 60-80.

333. Реан, А.А. Семья и школа как факторы риска и профилактики агрессии молодежи: современные вызовы / А.А. Реан, А.А. Ставцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 280-286.

334. Рекомендации по организации работы психолога (педагога-психолога) в учреждениях социального обслуживания Краснодарского края // Сост. О.В. Ганман. – Краснодар, 2012. – 73 с.

335. Рощина, Я.М. Брачный рынок в России: выбор партнеров и факторы успеха / Я.М. Рощина, С.Ю. Рошин. – Москва: ГУ ВШЭ, 2006. – 60 с.
336. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 512 с.
337. Рукавишников, А.А. Опросник межличностных отношений / А.А. Рукавишников. – М.: Когито-Центр, 2006. - 115 с.
338. Рюмшина, Л.И. Внешний облик как условие и средство флирта / Л.И. Рюмшина // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 226-227.
339. Рюмшина, Л.И. Научная деятельность: развитие идей общения межличностного познания /Л.И. Рюмшина // Прикладная психология общения и межличностного познания. Рюмшина Л.И., Пищик В.И., Воронцов Д.В., Белоусова А.К., Вышквыркина М.А., Сериков Г.В., Шкурко Т.А., Габдулина Л.И., Бреус Е.Д., Альперович В.Д. Москва, 2015. – С. 134-155.
340. Рюмшина, Л.И. Психологические особенности познания других людей детьми, воспитывающимися в семье и в детском доме: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.07 / Любовь Ивановна Рюмшина. - Москва, 1990. - 19 с.
341. Рюмшина, Л.И. Социокультурная детерминация общения: от общения как фактора к общению как условию бытия / Л.И. Рюмшина // Прикладная психология общения и межличностного познания. Рюмшина Л.И., Пищик В.И., Воронцов Д.В., Белоусова А.К., Вышквыркина М.А., Сериков Г.В., Шкурко Т.А., Габдулина Л.И., Бреус Е.Д., Альперович В.Д. Москва, 2015. – С. 9-19.
342. Рюмшина, Л.И., Пищик, В.И., Воронцов, Д.В., Белоусова, А.К., Вышквыркина, М.А., Сериков, Г.В., Шкурко, Т.А., Габдулина, Л.И., Бреус, Е.Д., Альперович, В.Д. Прикладная психология общения и межличностного познания / Л.И. Рюмшина, В.И. Пищик, Д.В. Воронцов, А.К. Белоусова, М.А.

Вышквыркина, Г.В. Сериков, Т.А. Шкурко, Л.И. Габдулина, Е.Д. Бреус, В.Д. Альперович. – Москва: Кредо, 2015. – 156 с.

343. Рябикина З.И. Отношение к своей внешности как фактор структурирования бытия и со-бытия личности / З.И. Рябикина // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 51-52.

344. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход в исследовании личности: методология и перспективы развития / З.И. Рябикина, Л.Н. Ожигова, А.Ш. Гусейнов, В.В. Шиповская // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25. – № 2. – С. 6-27.

345. Рябикина, З.И. Особенности проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла личности (на примере военных пенсионеров) / З.И. Рябикина, Е.Р. Миронова, О.А. Лаврова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 9-26.

346. Рягузова, Е.В. Личностные репрезентации взаимодействия "Я - другой": социально-психологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.05 / Елена Владимировна Рягузова. – Саратов, 2012. - 49 с.

347. Рягузова, Е.В. Макияж как социокультурный код и средство фасилитации активности личности / Е.В. Рягузова // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 79-80.

348. Рягузова, Е.В. Окуломоторная активность при восприятии и социальной категоризации чужака / Е.В. Рягузова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы Пятой Международной научной конференции. Отв. ред. В.В. Гриценко. 2016. – С. 52-56.

349. Рягузова, Е.В. Психологическое конструирование ситуации в повседневных и экстремальных условиях: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / Елена Владимировна Рягузова. - Казань, 2004. - 20 с.

350. Рягузова, Е.В. Содержательная трансформация репрезентации "значимый Другой" в транзитивном обществе / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9. – № 3 (35). – С. 241-248.

351. Рягузова, Е.В. Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4. – Вып. 2 (14). – С. 166–169.

352. Рягузова, Е.В. Трансформация картины мира и способов категоризации другого у современного ребенка / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 228-237.

353. Рягузова, Е.В. Я - Другой: межличностное доверие и отвержение / Е.В. Рягузова. – Москва: Издательство «Перо», 2023. – 161 с.

354. Самохвалова, А.Г. Одежда как социокультурный компонент внешнего облика: концептуализация модели / А.Г. Самохвалова, Н.С. Шипова, Л.Л. Чагина, К.И. Рогова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. - 2024. - Т. 30. - № 2. - С. 39–48.

355. Самойленко, Е.С. Динамика субъективных оценок личностных характеристик человека в различных перцептивных ситуациях / Е.С. Самойленко, К.И. Ананьева, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев // Российский психологический журнал. – 2022. – Том 19. – № 2. – С. 35 –49.

356. Самылова, О. А. Психологические механизмы духовно-нравственного развития в юношеском периоде / О.А. Самылова // Вестник

Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 129-133.

357. Сапогова, Е.Е. «Текущий субъект» в «текущей современности»: проблемы социализации в условиях неопределенности / Е.Е. Сапогова // Проблемы современного образования. – 2023. – № 1. – С. 54-66.

358. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям «Психология» / Е.Е. Сапогова. - Москва: Аспект пресс, 2001. – 458 с.

359. Сапогова, Е.Е. Экзистенциально-психологический анализ старости / Е.Е. Сапогова // Культурно-историческая психология. – 2011. – Том 7. – № 3. – С. 75–81.

360. Семенова, Л.Э. Гендерная методология научных исследований: новые возможности в познании объективной и субъективной реальности / Л.Э. Семенова, В.Э. Семенова // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 239-243.

361. Сергиенко Е. А. Когнитивная иллюзия возраста / Е.А. Сергиенко // Психология зрелости и старения. - 2012. - № 4. - С. 5–32.

362. Сергиенко, Е.А. Модель психического и социального познания / Е.А. Сергиенко // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 42. – С. 6.

363. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода / Е.А. Сергиенко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 5. – С. 89-101.

364. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности / Е.А. Сергиенко // Мир психологии. – 2011. – № 3. – С. 104–119.

365. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст и психологическое здоровье / Е.А. Сергиенко // В сборнике: Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. Сер.

"Труды Института психологии РАН" Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. Москва, 2014. – С. 257-279.

366. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст как предиктор течения тяжелой болезни / Е.А. Сергиенко // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 1. – С. 25–39.

367. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст себя и другого / Е.А. Сергиенко // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту. Под редакцией: В. А. Барабанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. Москва. 2011. – С. 311–316.

368. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст человека - расширение понятия возрастной идентичности / Е.А. Сергиенко // Разработка понятий современной психологии. Сер. "Методология, теория и история психологии" Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – Москва, 2018. – С. 561-591.

369. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст человека и регуляция поведения / Е.А. Сергиенко // Психология стресса и совладающего поведения. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 томах. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2013. – С. 56.

370. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст человека как предиктор жизнедеятельности / Е.А. Сергиенко // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 3 (76). – С. 186-195.

371. Сергиенко, Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека / Е.А. Сергиенко // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 30. – С. 10.

372. Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст женщин с раком молочной железы в системе психологических факторов / Е.А. Сергиенко, Д.А. Циринг, Я.Н. Пахомова, И.В. Пономарева // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 67–89.

373. Серигов, Г.В. Социально-психологические механизмы, вызывающие у субъекта негативные переживания, связанные с его внешним

обликом. Варианты смягчения их действия / Г.В. Сериков // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 261-263.

374. Сериков, Г.В. Внешний облик: восприятие, оценка, самоотношение к нему (культурно-исторические, эволюционные и социально-психологические аспекты) / Г.В. Сериков, И.И. Дроздова // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры. Московский институт психоанализа. – М.: Когито-Центр, 2021. С. 33-43.

375. Сидоренков А.В. Социально-психологические связи субъектов и механизм их изменения в малой группе / А.В. Сидоренков // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 90. – С. 82-101.

376. Сидоренков, А.В. «Организационная идентичность» и «организационная идентификация»: содержание и соотношение понятий / А.В. Сидоренков // Организационная психология. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 120-152.

377. Сидоренков, А.В., Ульянова, Н.Ю. Управление эффективностью групп и команд в организации / А.В. Сидоренков, Н.Ю. Ульянова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 328 с.

378. Силина, Е.А. Влияние установок гендерного неравенства на диадическое совладание в близких отношениях / Е.А. Силина, Т.Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 217-220.

379. Силина, Е.А. Семья в ситуации стресса самоизоляции: взаимосвязь гендерных установок и копинг-стратегий / Е.А. Силина, Т.Л. Крюкова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2021. – № 1. – С. 18-24.

380. Силина, Е.А. Как связаны гендерные установки одного партнера в паре с диадическим копингом и удовлетворенностью отношениями у другого партнера? // Психология и психотерапия семьи. – 2022. – № 3. – С. 80-82.

381. Синдеева, Л.В. Методы оценки биологического возраста в различные периоды онтогенетического цикла человека / Л.В. Синдеева, И.И. Орлова // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – Т. 19. – № 2. – С. 224-226.
382. Синдяшкина, Е.Н. Дискурсы социальной дискриминации: эйджизм / Е.Н. Синдяшкина // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. – Москва: ООО «Издательство "Весь Мир"», 2023. – С. 258-266.
383. Слободчиков, В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 37-49.
384. Слободчиков, В.И. Интегральная периодизация общего психического развития / В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман. // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 38-50.
385. Сойту, О.С. Конструирование возраста хронологически молодыми и пожилыми женщинами / О.С. Сойту // Человек. – 2016. – № 4. – С. 172-179.
386. Соколов, Е. Н. Вероятностная модель восприятия / Е.Н. Соколов // Вопросы психологии. – 1960. – № 2. – С. 61-74.
387. Солдатова, Е.Л. Образ возраста как нормативный элемент культуры и идеальная форма развития / Е.Л. Солдатова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2009. – № 5 (138). – С. 62–70.
388. Сорокин, Г.Г. Третий возраст как социально-демографическая категория / Г.Г. Сорокин // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области. – Тюмень, 2009. – С. 278-282.
389. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под ред. В.А.

Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. – Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019. – 456 с.

390. Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе / под ред А.Б. Холмогоровой. — М.: Неолит, 2016. – 312 с.

391. Стрижицкая О.Ю. Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.13 / Ольга Юрьевна Стрижицкая. – СПб., 2018. – 50 с.

392. Стрижицкая О.Ю. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы / О.Ю. Стрижицкая, М.Д. Петраш // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30. – № 1(115). – С. 8–28.

393. Стрижицкая, О.Ю. Истоки Ленинградской (Санкт-Петербургской) школы психологии старения в работах Б.Г. Ананьева и М.Д. Александровой / О.Ю. Стрижицкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 46–54.

394. Стрижицкая, О.Ю. Психологический возраст как ресурс в период поздней взрослости и старения / О.Ю. Стрижицкая // Профилактическая и клиническая медицина. – 2013. – № 3 (48). – С. 91–97.

395. Сяо Д. Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости в разнотелных языках / Д. Сяо, И.С. Карабулатова, Э. Шехи // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 4. – С. 100-109.

396. Ташева, А. И. Своеобразие супружеских отношений в «двухкарьерных» и «некарьерных» браках / А. И. Ташева, Л.Е. Киреева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 4 (109). – С. 150 – 156.

397. Твердоступ, К. Г. Система семейных ценностей супругов как фактор удовлетворенности браком / К. .Г Твердоступ. // Наука и современность. – 2014. – № 33. – С. 116-121.

398. Твигг, Дж. Журнал Vogue о возрасте: мода, тело и немолодые женщины / Дж. Твигг // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2011. – № 20. – С. 63-87.

399. Тихомандрицкая, О.А. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости / О.А. Тихомандрицкая, А.М. Рикель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 209-232.

400. Троцук, И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста / И.В. Троцук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 19–35.

401. Фалунина, Е.В. Понятие «механизм» в психологии и возможность его применения в описании психических процессов / Е.В. Фалунина, В.Ф. Фалунин, А.А. Ульянова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2015. – № 2 (20). – С. 147–151.

402. Фаустова А.Г. (ред.). Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография / А.Г. Фаустова. – Рязань: ОТСиОП, ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, 2022. – 223 с.

403. Фаустова, А.Г. Динамика самоотношения при изменениях внешности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01. / Анна Геннадьевна Фаустова. – Москва, 2017. – 225 с.

404. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. - Москва: Эксмо, 2018. - 251 с.

405. Хавинсон, В.Х. 35-летний опыт исследований пептидной регуляции старения / В.Х. Хавинсон, В.Н. Анисимов // Успехи геронтологии. – 2009. – Т. 22. – № 1. – С. 11–23.

406. Халявкин, А.В. Третий возраст - категория не хронологическая, а биологическая: модельный подход / А.В. Халявкин // Всероссийская междисциплинарная научная конференция «Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде», Москва, 30 января 2008 г. – Москва, 2008. – С. 117-120.

407. Хозяинова, П.М. Личностные особенности матери как фактор ее со-бытия с ребенком в неполной семье: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / Полина Михайловна Хозяинова. - Краснодар, 2018. - 22 с.

408. Хорошилов Д.А. Распалась ли связь времен в социальной психологии? К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой / Д.А. Хорошилов // Социальная психология и общество. – 2019. – Т.10. – № 3. – С. 196-201.

409. Хорошилов, Д.А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) / Д.А. Хорошилов // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 76-85.

410. Хорошилов, Д.А. Эпистемологические проблемы социального познания в ракурсе современной психологии / Д.А. Хорошилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 113–125.

411. Хромов, А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно–методическое пособие / А.Б. Хромов. – Курган: Изд–во Курганского гос. университета, 2000. – 23 с.

412. Чёрная, А.В. Игры девочек с куклами и кукольными домиками в разных культурах / А.В. Черная // Развитие личности. – 2014. – № 3. – С. 121-142.

413. Чёрная, А.В. Развитие личности в контексте традиций игровой культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.13 / Анна Викторовна Черная. - Москва, 2007. - 46 с.

414. Черная, А.В. Феноменология традиций игровой культуры: опыт

историко-генетического исследования / А.В. Черная // Развитие личности. – 2011. – № 2. – С. 82-105.

415. Черникова, А.А. Вербальные и невербальные паттерны самопрезентации в контексте публичного выступления / А.А. Черникова, О.В. Обласова // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 4 (53). – С. 190-192.

416. Чернышкова, Е.В. Визуальный образ старости в контексте современной жизни / Е.В. Чернышкова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 9. – С. 288-293.

417. Шальнова, С.А. Проблемы старения. Воспринимаемый возраст – новый предиктор продолжительности жизни? / С.А. Шальнова, Н.А. Имаева, А.Э Имаева, А.В. Капустина // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. – 2022. – Том 18. – № 1. – С. 85–91.

418. Шамионов, Р.М. Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук: 19.00.05 / Раиль Мунирович Шамионов. – Ярославль, 2002. – 46 с.

419. Шамионов, Р.М. Социально-психологические детерминанты дискриминационных установок по внешним проявлениям другого // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 62-64.

420. Шамионов, Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. – 296 с.

421. Шварцер, Р. Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема / Р. Шварцер, М. Ерусалем, В. Ромек // Иностранная психология. – 1996. – № 7. – С. 71–77.

422. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, Т.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95-121.

423. Шемет, К. Страх старения и культ вечной молодости: новая философия возраста современного человека / К. Шемет, Е.Н. Маковецкая // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов, в 2-х частях. – Омск, 2021. – С. 251-253.

424. Шигонина, Л.А. Брачный возраст и эмансипация как существующее условие для снижения брачного возраста / Л.А. Шигонина, А.А. Силиванова // Научный вестник Крыма. – 2023. – № 5 (45). – С. 1-7.

425. Шкурко (Воронцова), Т.А. Влияние внешнего облика на оценку воспринимаемого возраста / Т.А. Шкурко // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под научной редакцией В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. – Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. – С. 263 – 292.

426. Шкурко (Воронцова), Т.А. Возрастной аспект бытия личности: факторы восприятия визуальных презентаций возраста другого человека // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – С. 48-50.

427. Шкурко (Воронцова), Т.А. Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции / Т.А. Шкурко // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / Под ред. Л.И. Рюминой. – Москва: Издательство «Кредо», 2015. – С. 69-80

428. Шкурко (Воронцова), Т.А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 / Татьяна Алексеевна Шкурко (Воронцова) - Ростов-на-Дону, 1997. - 225 с.

429. Шкурко (Воронцова), Т.А. Динамика удовлетворенности жизнью и самооценок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. – М.: ИП РАН, 2018. – С. 915-921.

430. Шкурко (Воронцова), Т.А. Место лица в структуре восприятия визуальных презентаций возраста человека и формирования отношения к нему / Т.А. Шкурко // Лицо человека: познание, общение, деятельность / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Когито-Центр, Московский институт психоанализа, 2019. – С. 444-461.

431. Шкурко (Воронцова), Т.А. Предикторы и корреляты эмоционального отношения к своему внешнему облику и внешнему облику партнера у супругов, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 3. – С. 167-186.

432. Шкурко (Воронцова), Т.А. Роль целостного оформления внешнего облика женщин в конструировании их возраста другими людьми / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – М.: Кредо, 2019. – С. 162-163.

433. Шкурко (Воронцова), Т.А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177 – 184.

434. Шкурко (Воронцова), Т.А. Социально-психологические факторы оценки воспринимаемого возраста человека / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления. – М.: ИП РАН, 2018. – С. 160-166.

435. Шкурко (Воронцова), Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг / Т.А. Шкурко (Воронцова). – СПб.: Речь, 2005. – 192 с.

436. Шкурко (Воронцова), Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека / Т.А. Шкурко (Воронцова) // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 104-117.

437. Шкурко (Воронцова), Т.А. Разработка и апробация программы снижения влияния лукизма, бьютизма и лукофобии в молодежной среде / Т.А. Шкурко (Воронцова), И.И. Дроздова // Вестник Удмуртского Университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 29. – Вып. 4. – С. 450-457.

438. Шкурко (Воронцова), Т.А. Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста / Т.А. Шкурко (Воронцова), В.А. Лабунская // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. – М.: ИП РАН, 2017. С. 1762-1769.

439. Шкурко (Воронцова), Т.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант / Т.А. Шкурко (Воронцова), В.А. Лабунская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 450–457

440. Шкурко (Воронцова), Т.А. Социально-психологические потребности и отношение к внешнему облику партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Т.А. Шкурко (Воронцова), М.А. Ломова // Психология и Психотехника. – 2017. – № 4. – С. 1-14.

441. Шкурко (Воронцова), Т.А. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста / Т.А. Шкурко (Воронцова), Е.Г. Николаева // Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 78–90.

442. Шкурко (Воронцова), Т.А. Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого

человека / Т.А. Шкурко (Воронцова), Д.В. Сериков // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 190–209.

443. Шнаккенберг, Н. Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я / Н. Шнаккенберг. – Калининград: Phoca Books, 2019. – 376 с.

444. Штомпель, Л.А. Многомерность времени в хронотопе города для россиян «третьего возраста» / Л.А. Штомпель, О.М Штомпель // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 3 (115). – С. 22-29.

445. Щербакова, Е.М. Старение населения мира - взгляд из 2020 года / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2020. – № 879-880.

446. Щербакова, Е.М. Старшие поколения населения России / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2019. – № 797-798. – С. 1-20.

447. Эйдельман, А.Б. Оценка возраста другого в разные возрастные периоды / А.Б. Эйдельман // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. – № 5. – С. 31.

448. Эйдельман, А.Б. Субъективный возраст как фактор психологического благополучия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.13 / Александра Борисовна Эйдельман. - Москва, 2022. - 25 с.

449. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С.6-20.

450. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

451. Юревич А.В. Старение как психологическая проблема / А.В. Юревич // Наука. Культура. Общество. – 2018. – № 1. – С. 5-19.

452. Юревич А.В. Старость и старение: психологические аспекты / А.В. Юревич // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2018. – № 1 (86). – С. 9-16.

453. Юревич, А.В. Психологические аспекты старения / А.В. Юревич // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 39-48.
454. Åberg, E. From double to triple standards of ageing. Perceptions of physical appearance at the intersections of age, gender and class / E. Åberg, I. Kukkonen, O. Sarpila // Journal of Aging Studies. – 2020. – 55:100876.
455. Adams R. B. Jr. What facial appearance reveals over time: When perceived expressions in neutral faces reveal stable emotion dispositions / R. B. Jr. Adams, C. O. Garrido, D. N. Albohn, [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – № 986.
456. Agbo-Ajala, O. Apparent age prediction from faces: A survey of modern approaches / O. Agbo-Ajala, S. Viriri, M. Oloko-Oba, [et al.] // Frontiers in Big Data. – 2022. – Vol. 5.
457. Agogo, D. Time Benders: A Model of Subjective Aging in Aging Adults / D. Agogo, G. Milne, C.D. Schewe // Health Marketing Quarterly. – 2014. – Vol. 31 (4). – P. 383-398.
458. Avila, F.R. Perceived Age in Patients Exposed to Distinct UV Indexes: A Systematic Review / F.R. Avila, R.E. Carter, C.J. Mcleod, [et al.] // Indian Journal of Plastic Surgery. – 2022. Vol. 56(04). – P. 103-111.
459. Avila, F.R. Perceived Age as a Mortality and Comorbidity Predictor: A Systematic Review / F.R. Avila, R.A. Torres-Guzman, K.C. Maita, [et al.] // Aesthetic Plast Surg. – 2023. – Vol. 47(1). – P. 442-454.
460. Awad, D. Asymmetric contextual effects in age perception / D. Awad, C.W.G. Clifford, D. White, [et al.] // Royal Society Open Science. – 2020. – Vol. 7(12):200936.
461. Aznar-Casanova, J.A. How Much Older Do You Get When a Wrinkle Appears on Your Face? Modifying Age Estimates by Number of Wrinkles / J.A. Aznar-Casanova, N. Alves, S.S. Fukusima // Aging Neuropsychology and Cognition. – 2010. – Vol. 14(4). – P. 1-16.
462. Babenko, V. Recognition of facial expressions based on information from the areas of highest increase in luminance contrast / V. Babenko, D. Alekseeva,

D. Yavna, [et al.] // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. – 2022. – Vol. 10 (3). – P. 37-51.

463. Bains, R.D. Hand aging: Patients' opinions / R.D. Bains, H. Thorpe, S. Southern // Plastic and Reconstructive Surgery. – 2006. – Vol. 117(7). – P. 2212—2218.

464. Bal, M. Young at Heart, Old at Work? Relations between Age, (Meta-)Stereotypes, Self-Categorization, and Retirement Attitudes / M. Bal, A. De Lange, B. van der Heijden, [et al.] // Journal of Vocational Behavior. – 2015. – Vol. 91(1). – P. 35-45.

465. Balkhimbekova, P.Zh. The psychological features of teaching a foreign language at «the third age» in the framework of "the silver university" project / P.Zh. Balkhimbekova, Zh.P. Vatutina, Z.S. Mussabekova, [et al.] // Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей по итогам научной конференции. – Москва, Санкт-Петербург, 2023. – С. 197-210.

466. Ballard, K. Beyond the mask: Women's experiences of public and private ageing during midlife and their use of age-resisting activities / K. Ballard, M.A. Elston, J. Gabe // Health. – 2005. – Vol. 9(2). – P. 169-187.

467. Bargh, J. A. Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action / J. A. Bargh, M. Chen, L. Burrows // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 71(2). – P. 230–244.

468. Bater, K.L. Association Between Facial Rejuvenation and Observer Ratings of Youth, Attractiveness, Success, and Health / K.L. Bater, L.E. Ishii, I.D. Papel, [et al.] // JAMA Facial Plastic Surgery. – 2017. – Vol. 19. – P. 360-367.

469. Benford, K. Body image and personality among British men: Associations between the Big Five personality domains, drive for muscularity, and body appreciation / K. Benford, V. Swami // Body Image. – 2014. – Vol. 11(4). – P. 454-457.

470. Bennett, E.V. «I'll do anything to maintain my health»: How women aged 65-94 perceive, experience, and cope with their aging bodies / E.V. Bennett, H.L. Clarke, K.C. Kowalski, [et al.] // Body Image. – 2017. – Vol. 21. – P. 71 –80.

471. Berman, P. W. The double standard of aging and the social situation: Judgments of attractiveness of the middle-aged woman / P. W. Berman, B.A. O'Nan, W. Floyd // *Sex Roles*. – 1981. – Vol. 7. – P. 87-96.
472. Bialas, U. Ambiguous Ages, Ambivalent Youths: How Asylum Seekers in Germany Navigate Age Categorization / U. Bialas // *Migration Politics*. – 2023. – Vol. 2(1).
473. Boisferon, A.H. Sex Categorization of Faces: The Effects of Age and Experience / A.H. Boisferon, E. Dupierriex, L. Uttley, [et al.] // *I-Perception*. – 2019. – Vol. 10(1):204166951983041.
474. Borkan, G.A. Comparison of visually estimated age with physiologically predicted age as indicators of rates of aging / G.A. Borkan, S.S. Bachman, A.H. Norris // *Soc Sci Med*. – 1982. Vol. 16. – P. 197–204.
475. Borland, H. Age is no barrier to wanting to look good: Women on body image, age and advertising / H. Borland, S. Akram // *Qualitative Market Research*. – 2007. – Vol. 10 (3). – P. 310–333.
476. Bos, A.E.R. Stutterheim S. Stigma: Advances in Theory and Research / A.E.R. Bos, J.B. Pryor, G. Reeder // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2013. – Vol.35(1). –P. 1-9.
477. Boursier, V. Women's pathological narcissism and its relationship with social appearance anxiety: The mediating role of body shame / V. Boursier, F. Gioia // *Clinical Neuropsychiatry*. – 2020. – Vol. 17(3). – P. 164-174.
478. Bulpitt, C.J. Why do some people look older than they should? / C.J. Bulpitt, H.L.J. Markowe, M.J. Shipley // *Postgraduate Medical Journal*. – 2001. – Vol. 77. – Iss. 911. – P. 578-581.
479. Bytheway, B. Ageism and age categorization / B. Bytheway // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. – P. 361–374.
480. Carlston, D. E. The Oxford handbook of social cognition. / D. E. Carlston. - Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.
481. Chang, B.L. Patient perceived benefit in facial aesthetic procedures: FACE-Q as a tool to study botulinum toxin injection outcomes / B.L. Chang, A.J.

Wilson, A.J. Taglienti, [et al.] // *Aesthetic Surgery Journal*. – 2016. – Vol. 36. – P. 810–820.

482. Chasteen, A.L. The Role of Age and Age-Related Attitudes in Perceptions of Elderly Individuals / A.L. Chasteen // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2000. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 147–156.

483. Chauhan, N. Perceived age change after aesthetic facial surgical procedures: Quantifying outcomes of aging face surgery / N. Chauhan, J.P. Warner, P.A. Adamson // *Archives of Facial Plastic Surgery*. – 2012. – № 14 (4). – P. 258–262.

484. Chopik, W.J. Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions / W.J. Chopik, R.H. Bremner, D.J. Johnson, [et al.] // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9:67.

485. Christensen K. «Looking old for your age»: genetics and mortality / K. Christensen, M. Iachina, H. Rexbye, [et al.] // *Epidemiology*. – 2004. – Vol. 15 (2). – P. 251–252.

486. Christensen, K. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study / K. Christensen, M. Thinggaard, M. McGue, [et al.] // *BMJ (Online)*. – 2009. – Vol. 339. – Issue 7735. – b5262. – P. 1433.

487. Ciardo, F. Face age modulates gaze following in young adults / F. Ciardo, B. Marino, R. Actis-Grosso, [et al.] // *Scientific Reports*. – 2014. – Vol. 4(1):4746.

488. Clair, J.A. Categorization Theory / J.A. Clair, M.M. Struzska-Tyamayev // *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. – 2023.

489. Clark, S.D. The mind-body connection: the relationship among physical activity level, life satisfaction, and cognitive age among mature females / S.D. Clark, M.M. Long, L.G. Schiffman // *Journal of Social Behavior and Personality*. – 1999. – Vol. 14. – P. 221–240.

490. Craig, B.M. The relationship between visual search and categorization of own- and other-age faces / B.M. Craig, O.V. Lipp // *British Journal of Psychology*. – 2018. – Vol. – 109(4). – P. 736–757.

491. Craig, B.M. Social categorization and individuation in the own-age bias / B.M. Craig, E. Thorne // *British Journal of Psychology*. – 2019. – 110 (4). – P. 635-651.
492. Crusius, J. Social Comparison: Theory, Research, and Applications / J. Crusius, K. Corcoran, T. Mussweiler // *Theories in Social Psychology* Edition: 2 Chapter: 7 Publisher: Wiley. – 2022. – P. 165-187.
493. Dayan, S.H. Quantifying the impact cosmetic make-up has on age perception and the first impression projected / S.H. Dayan, K. Cho, M. Siracusa, [et al.] // *Journal of Drugs in Dermatology*. – 2015. – Vol. 14 (4). – P. 366–374.
494. Dayan, S.H. Aesthetic Treatment Positively Impacts Social Perception: Analysis of Subjects From the HARMONY Study / S.H. Dayan, A.Z. Rivkin, J. Sykes, [et al.] // *Aesthetic surgery journal*. – 2018. – Vol. 39(12). – P. 1380-1389.
495. Deborah, K. van den Hoonaard Learning to Be Old: How Qualitative Research Contributes to Our Understanding of Ageism / Deborah K. van den Hoonaard // *International Journal of Qualitative Methods*. – 2018. – Vol. – 17. – Issue 1. – P. 115-125.
496. Dykiert, D. Predicting mortality from human faces / D. Dykiert, T.C. Bates, A.J. Gow, [et al.] // *Psychosomatic Medicine*. – 2012. – № 74 (6). – P. 560-566.
497. Eastman, J.K. The relationship between cognitive age and status consumption: an exploratory look / J.K. Eastman, R. Iyer // *Marketing Management Journal*. – 2012. – Vol. 22 (1). – P. 80–96.
498. Ebner, N.C. Age of face matters: age-group differences in ratings of young and old faces / N.C. Ebner // *Behavior Research Methods*. – 2008. – Vol. 40. – P. 130-136.
499. Eickers, G. Scripts and Social Cognition./ G. Eickers. – 2024. New York: Routledge. – 208 c.
500. Enke, J. Athleticism and Femininity on a High School Basketball Team: An Interpretive Approach / J. Enke // *Sociological Studies of Children and Youth*. – 2005. – Vol. 11. – P. 115–152.

501. Eriksen, S. To cut or not to cut: Cosmetic surgery usage and women's age-related experiences / S. Eriksen // *International Journal of Aging and Human Development*. – 2012. – Vol. 74 (1). – P. 1–24.

502. Ezure, T. Perception gap of aged facial appearance; self-perception is younger than actual status due to angle of viewing / T. Ezure // *Skin Res Technol*. – 2023. – Vol. 29(7):e13398.

503. Featherstone, M., The mask of ageing and the postmodern life course / M. Featherstone, M. Hepworth // *Theory, Culture & Society: The body: social process and cultural theory*. In M. Featherstone, M. Hepworth, B. Turner (Eds.). – London: SAGE Publications Ltd. – 1991. P. 371-390.

504. Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger // *Human Relations*. 1954. – Vol. 1. – P. 117-140.

505. Fink, B. Hair colour and skin colour together influence perceptions of age, health and attractiveness in lightly pigmented young women / B Fink, K. Liebner, A.-K. Müller, [et al.] // *International Journal of Cosmetic Science*. – 2018. – Vol. 40 (3). – P. 303–312.

506. Fink, B. Visual attention to and perception of undamaged and damaged versions of natural and colored female hair / B. Fink, F. Neuser, G. Deloux, [et al.] // *Journal of Cosmetic Dermatology*. – 2013. – Vol. 12 (1). – P. 78–84.

507. Finkelstein, L.M. What do the young (old) people think of me? Content and accuracy of age-based metastereotypes / L.M. Finkelstein, K.M. Ryan, E.B. King // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2012. – Vol. 22. – Issue 6. – P. 633-657.

508. Finn, C.J. Social implications of hyperfunctional facial lines / C.J. Finn, S.E. Cox, M.L. Earl // *Dermatol Surg*. – 2003. – Vol. 29 (5). – P. 450-455.

509. Fiske, S. T., Taylor S. E. *Social cognition: From brains to culture*. / S. T. Fiske, S. E Taylor. – London: SAGE, 2013. – 580 p.

510. Flament, F. Gender-related differences in the facial aging of Chinese subjects and their relations with perceived ages / F. Flament, A. Abric, D. Amar // *Skin Research and Technology*. – 2020. – Vol.26. – Issue 6. – P. 905-913.

511. Flament, F. The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men / F. Flament, A. Abric, A. Prunel, [et al.] // *Skin Research and Technology*. – 2021. – Vol. 27. – Issue 5. – P. 909-917.
512. Flament, F. Gender-related differences in the facial aging of Caucasian French subjects and their relations with perceived ages and tiredness / F. Flament, S. Belkebla, A.S. Adam, [et al.] // *Journal of Cosmetic Dermatology*. – 2021. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 227-236.
513. Flament, F. How a working day-induced-tiredness may alter some facial signs in differently-aged Caucasian women / F. Flament, J. Pierre, K. Delhommeau, [et al.] // *International Journal of Cosmetic Science*. – 2017. – Vol. 39. – Issue 5. – P. 467–475.
514. Folster, M. Facial age affects emotional expression decoding / M. Folster, U. Hess, K. Werheid // *Frontiers in Psychology*. – 2014. – Vol. 5. – Article 30.
515. Forte, A.J. Perception of Age, Attractiveness, and Tiredness After Isolated and Combined Facial Subunit Aging / A.J. Forte, T.W. Andrew, C. Colasante, [et al.] // *Aesthetic Plast Surg*. – 2015. – Vol. 39(6). – P. 856-869.
516. Frautschi, R.S. Apparent Age is a Reliable Assessment Tool in 20 Facelift Patients / R.S. Frautschi, E.F. Durães, K.K. Tadisina [et al.] // *Aesthetic Surgery Journal*. – 2018. – Vol. 38. – P. 347–356.
517. Frith, C.D. Mechanisms of Social Cognition / C.D. Frith, U. Frith // *Annual Review of Psychology*. – 2010. – Vol. 63(1). – P. 287-313.
518. Fujisawa, T.X. Age-Related Bias in Age Estimation Based on Facial Images of Others / T. X. Fujisawa, Y. Azuma, M. Konishi, [et al.] // *Psychology*. – 2016. – Vol. 7 (4). – P. 459-468.
519. Fundenberger, H. Effect of a fall prevention program on subjective age in older people / H. Fundenberger, D. Hupin, B. Bongue, [et al.] // *Geriatric et Psychologie Neuropsychiatrie du Vieillissement*. – 2023. – Vol. 21(2). – P. 185-191.

520. Ganel, T. Smiling makes you look older / T. Ganel // *Psychonomic Bulletin and Review*. – 2015. – Vol. 22. – Iss. 6. – P. 1671-1677.
521. Ganel, T. Smiling makes you look older, even when you wear a mask: the effect of face masks on age perception / T. Ganel, M.A. Goodale // *Cognitive Research: Principles and Implications*. – 2022. – Vol. 7. – P. 84.
522. Ganel, T. The effects of smiling on perceived age defy belief / T Ganel, M.A. Goodale // *Psychonomic Bulletin and Review*. – 2017. – P. 1-5.
523. Ganel, T. Biases in human perception of facial age are present and more exaggerated in current AI technology / T. Ganel, C. Sofer, M. Goodale // *Scientific Reports*. – 2022. – Vol. 12(1). – P. 22519.
524. George, P.A. Factors influencing the accuracy of age estimates of unfamiliar faces / P.A. George, G.J. Hole // *Perception*. – 1995. – Vol. 24. – Iss. 9. – P. 1059-1073.
525. Gewirtz-Meydan A. Forever young: Visual representations of gender and age in online dating sites for older adults / A. Gewirtz-Meydan, L. Ayalon // *Journal of Women & Aging*. – 2018. – Vol. 30. – Issue 6. – P. 484-502.
526. Giacomin, M. Eyebrows cue grandiose narcissism / M. Giacomin, N. O. Rule // *Journal of Personality*. – 2019. – Vol. 87(2). – P. 373-385.
527. Gilleard, C. Age, subjectivity and the concept of subjective age: A critique / C. Gilleard // *Journal of Aging Studies*. – 2022. – Vol. 60 (4). – P. 101001.
528. Gilleard, C. On Age, Authenticity, and the Ageing Subject / C. Gilleard // *International Journal of Ageing and Later Life*. – 2022. – Vol. 16 (2).
529. Gilleard, C. Revisiting the social construction of old age / C. Gilleard // *Ageing and Society*. Published online. – 2023. – P. 1-14.
530. Gilleard, C. Viewing the body as an (almost) ageing thing / C. Gilleard // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2022. – Vol. 21(2).
531. Goffman, E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*/ E. Goffman. – N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

532. Gründl, M. The blue-eyes stereotype: Do eye color, pupil diameter, and scleral color affect attractiveness? / M. Gründl, S. Knoll, M. Eisenmann-Klein, [et al.] // *Aesthetic Plastic Surgery*. – 2012. – Vol. 36 (2). – P. 234-240.

533. Guéguen, N. Effect of Interviewer's Eyeglasses on Compliance with a Face-to-face Survey Request and Perception of the Interviewer / N. Guéguen, A. Martin // *Field Methods*. – 2017. – Vol. 29 (3). – P. 194–204.

534. Gui, T. «Devalued» Daughters Versus «Appreciated» Sons: Gender Inequality in China's Parent-Organized Matchmaking Markets / T. Gui // *Journal of family issues*. – 2017. – Vol. 38. – Issue 13. – P. 1923-1948.

535. Gullette, M. M. Midlife discourses in twentieth-century United States: An essay on the sexuality, ideology, and politics of 'middleageism' / M.M. Gullette // *Welcome to Middle Age! (And Other Cultural Fictions)*. In R. A. Shweder (ed.). - Chicago: University of Chicago Press, 1998.

536. Gunn, D.A. Mortality is written on the face / D.A. Gunn, L.A. Larsen, J.S. Lall, [et al.] // *J Gerontol A Biol Sci Med Sci*. – 2016. –Vol. 71(1). – P. 72-77.

537. Gunn, D.A. Perceived age as a biomarker of ageing: A clinical methodology / D.A. Gunn, P.G. Murray, C.C. Tomlin, [et al.] // *Biogerontology*. – 2008. – Vol. 9 (5). – P. 357-364.

538. Gunn, D.A. Why some women look young for their age / D.A. Gunn, H. Rexbye, C.E.M. Griffiths, [et al.] // *PLoS ONE*. – 2009. – Vol. 4 (12). – Art. № e8021.

539. Guyuron, B. Factors Contributing to the Facial Aging of Identical Twins / B. Guyuron, D.J. Rowe, A.B. Weinfeld, [et al.] // *Plastic and Reconstructive Surgery*. – 2009. – Vol. 123. – P. 1321-1331.

540. Hamilton, D. The Emergence of Social Cognition / D. Hamilton, D. Carlston // *The Oxford Handbook of Social Cognition* Edition: 1Chapter. Editors: Donal E. Carlston. 2 Publisher: Oxford University Press, 2013.

541. Hass, N.C. Emotional expressions of old faces are perceived as more positive and less negative than young faces in young adults / N.C. Hass, E.J. Schneider, S-L. Lim // *Frontiers in Psychology*. – 2015. – Vol. 6. – Article 1276.

542. Hass, N.C. Be Happy Not Sad for Your Youth: The Effect of Emotional Expression on Age Perception / N.C. Hass, T.D. Weston, S.-L. Lim. // PLoS ONE. – 2016. – Vol. 11 (3). – Art. № e0152093.

543. Heikkinen, S. Dancing My Age: Emotions, Interactions, and Bodily Sensations / S. Heikkinen, M. Wilinska // Frontiers in Sports and Active Living. – 2022. – Vol. 48. – Art. 804888.

544. Hess, U. Smiling and sad wrinkles: age-related changes in the face and the perception of emotions and intentions / U. Hess, R.B.J. Adams, A. Simard, [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. – 2012. – Vol. 48. – P. 1377-1380.

545. Hess, U. Wrinkles are neither beautiful nor nice: The effect of facial wrinkles on person perception and interpersonal closeness / U. Hess, D. Huppertz, H. Mauersberger, [et al.] // Acta Psychologica. – 2023. – Vol. 241(4). P. 104077.

546. Higgs, P.F.D. The sociology of aging and social gerontology: critical tensions and necessary distinctions / P.F.D. Higgs, C. Gilleard // Innovation in Aging. – 2023. – Vol. 7. (Supplement_1). P. 671-671.

547. Holtzman, N. S. People with dark personalities tend to create a physically attractive veneer / N.S. Holtzman, M. J. Strube // Social Psychological and Personality Science. – 2013. – Vol. 4(4). – P. 461-467.

548. Hong, Se-Joon How Old are You, Really?: Cognitive vs. Chronological Age in Technology Acceptance Decisions / Se-Joon Hong, C. Lui, J. Hahn, [et al.] // SIGHCI 2008 Proceedings. 13. <http://aisel.aisnet.org/sighci2008/13>

549. Horstman, A.M. The role of androgens and estrogens on healthy aging and longevity / A.M. Horstman, E.L. Dillon, R.J. Urban, [et al.] // J Gerontol A Biol Sci Med Sci. – 2012. – Vol. 67 (11). – P. 1140-1152.

550. Hugenberg, K. The Categorization Individuation Model: An integrative account of the other-race recognition deficit / K. Hugenberg, S.G. Young, M.J. Bernstein, [et al.] // Psychological Review. – 2010. – Vol. 117(4). – P. 1168–1187.

551. Hummert, M.L. Perceived Age, Stereotyping, and Emotion in Intergenerational Communication / M.L. Hummert // Emotion Communication by the Aging Face and Body, 2023.

552. Idowu, O.A. Perceived barriers to physical activity among Nigerian stroke survivors / O.A. Idowu, A.F. Adeniyi, O.O. Ogwumike, [et al.] // *Pan African Medical Journal*. – 2015. – Vol. 21. – Article 274.

553. Jacono, A.A. Association of Patient Self-esteem With Perceived Outcome After Face-lift Surgery / A.A. Jacono, R. Chastant, G. Dibelius // *JAMA facial plastic surgery*. – 2016. – Vol. 18 (1). – P. 42-46.

554. Johfre, S. The Social Construction of Age: Concepts and Measurement / S. Johfre, A. Saperstein // *Annual Review of Sociology*. – 2023. – Vol. 49. – P. 339-358.

555. Jokela, M. Physical attractiveness and reproductive success in humans: evidence from the late 20th century United States / M. Jokela // *Evolution and Human Behaviour*. – 2009. – Vol. 30. – P. 342–350.

556. Kacala, A. FaceApp Challenge: Everything You Need to Know About the App People Are Using to Age Themselves [Electronic resource] / A. Kacala // *Newsweek*, Wed. Jul 27, 2022. <https://www.newsweek.com/faceapp-challenge-everything-you-need-know-about-app-people-are-using-age-themselves-1449158> (Accessed 01.07.2022)

557. Kanan, C. Humans have idiosyncratic and task specific scanpaths for judging faces / C. Kanan, D. N. Bseiso, N. A. Ray, [et al.] // *Vision Research*. – 2015. – Vol. 108. – P. 67–76.

558. Karl, K. Employee beliefs regarding the impact of unconventional appearance on customers in Mexico and Turkey / K Karl, J.V.E. Peluchette, L.M. Hall // *Employee Relations*. – 2016. – Vol. 38 (2). – P. 163–181.

559. Kastenbaum, R. «The ages of me»: toward personal and interpersonal definitions of functional aging / R. Kastenbaum, V. Derbin, P. Sabatini, [et al.] // *Aging and human development*. – 1972. – Vol. 3(2). – P. 197-211.

560. Kawaguchi, Y. Age Categorization of Conspecific and Heterospecific Faces in Capuchin Monkeys (*Sapajus apella*) / Y. Kawaguchi, H. Kuroshima, K. Fujita // *Journal of Comparative*. – 2019. – Vol. 133(4). – P. 502-511.

561. Kido, M. Perceived age of facial features is a significant diagnosis criterion for age-related carotid atherosclerosis in Japanese subjects: J-SHIP study / M. Kido, K. Kohara, S. Miyawaki, [et al.] // *Geriatrics and Gerontology International*. – 2012. Vol. 12 (4). – P. 733-740.
562. Kim, N.-H. A Study on the Sociocultural Backgrounds of the 'Baby Face Fad' and Phrenological Characteristics / N.-H. Kim, I.-Y. O // *Journal of the Korean Society of Clothing and Textiles*. – 2009. – Vol. 33(10). – P. 1530-1540.
563. Kite, M. E. Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? / M. E. Kite, K. Deaux, M. Miele // *Psychology and Aging*. – 1991. – Vol. 6. – P. 19-27.
564. Klemo, V. Epigenetics insights from perceived facial aging / V. Klemo, M.M. Perišić, M. Štorga, [et al.] // *Clinical Epigenetics*. – 2023. – Vol. 15(1). – P. 176.
565. Kogan, N. A. A Study of Age Categorization / N. A. Kogan // *Journal of Gerontology*. – 1979. – Vol. 34(3). – P. 358-367.
566. Kotter-Grühn, D. So you think you look young? Matching older adults' subjective ages with age estimations provided by younger, middle-aged, and older adults / D. Kotter-Grühn, T.M. Hess // *International Journal of Behavioral Development*. – 2012. – Vol. 36. – P. 468-475.
567. Kurosumi, M. Does age-dynamic movement accelerate facial age impression? Perception of age from facial movement: Studies of Japanese women / M. Kurosumi, K. Mizukoshi, M. Hongo, [et al.] // *PLoS ONE*. – 2021. – Vol. 16. – Iss. 8. – Article e0255570.
568. Kwart, D.G. Age and beauty are in the eye of the beholder / D.G. Kwart, T. Foulsham, A. Kingstone // *Perception*. – 2012. – Vol. 41. – P. 925–938.
569. Lawrence, J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations / J.H. Lawrence // *International Journal of Aging and Human Development*. – 1974. – Vol. 5. – Issue 4. – P. 369–391.
570. Le Breton, D. Anthropology of the body and modernity / D. Le Breton. – Paris, France: Presses Universitaires de France, 1990. – 263 p.

571. Lee, M. An evaluation of the effects of makeup on perceived age based on skin color in Korean women / M. Lee, J. Han, E. Kim // *Journal of Cosmetic Dermatology*. – 2019. – Vol. 18 (4). – P. 1044-1051.
572. Leikas, S. Posing personality: Is it possible to enact the Big Five traits in photographs? / S. Leikas, M. Verkasalo, J.-E. Lönnqvist // *Journal Of Research in Personality*. – 2013. – Vol. 47(1). – P. 15-21.
573. Levy, B. R. Stereotype Embodiment A Psychosocial Approach to Aging / B. R. Levy // *Current Directions in Psychological Science*. – 2009. – Vol. 18(6). – P. 332-336.
574. Lindell, A.K. Hemifacial asymmetries in age perception: the left cheek looks older for females, but not males / A.K. Lindell, R.O. Cianchetta, S.M. Azim, [et al.] // *Acta Neuropsychologica*. – 2019. – Vol. 17. – Iss. 4. – P. 417-426.
575. Liu, J. Perception of face parts and face configurations: an fMRI study / J. Liu, A. Harris, N. Kanwisher // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2010. – Vol. 22(1). – P. 203-211.
576. Macia, E. The Paradox of Impossible Beauty: Body Changes and Beauty Practices in Aging Women / E. Macia, P. Duboz, D. Chevé // *Journal of Women & Aging*. – 2015. – Vol. 27(2). – P. 1-14.
577. Macrae, C. N. Social cognition: Thinking Categorically about Others / C. N. Macrae, G.V. Bodenhausen // *Annu. Rev. Psychol.* – 2000. – Vol. 51. – P. 93–120.
578. Macrae, C.N. Revisiting the sovereignty of social cognition: Finally some action / C.N. Macrae, L.K. Miles // *The Handbook of Social Cognition*, eds S. T. Fiske and C. N. Macrae (Thousand Oaks, CA: Sage). 2012. – P. 1–11.
579. Ma-Kellams, C. Attractiveness and relationship longevity: Beauty is not what it is cracked up to be / C. Ma-Kellams, M. C. Wang, H. Cardiel // *Personal Relationships*. – 2017. – Vol. 24. – P. 146 –161.
580. Matsui, D. Physicians' attire as perceived by young children and their parents: The myth of the white coat syndrome / D. Matsui, M. Cho, M.J. Rieder // *Pediatric Emergency Care*. –1998. – Vol. 14 (3). – P. 198-201.

581. Matts, P. Color homogeneity and visual perception of age, health, and attractiveness of female facial skin / P. Matts, B. Fink, K. Grammer, [et al.] // *Journal of the American Academy of Dermatology*. – 2007. – Vol. 57. – P. 977–984.

582. Mayes, A.E. Ageing appearance in China: Biophysical profile of facial skin and its relationship to perceived age / A.E. Mayes, P.G. Murray, D.A. Gunn, [et al.] // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. – 2010. – Vol. 24. – Iss. 3. – P. 341–348.

583. McCain, J. L. Personality and selfies: Narcissism and the Dark Triad / J. L. McCain, Z. G. Borg, A. H. Rothenberg, [et al.] // *Computers in Human Behavior*. – 2016. Vol. 64. – P. 126–133.

584. McNeill, L. Fashioning masculinity among young New Zealand men: young men, shopping for clothes and social identity / L. McNeill, J. McKay // *Young Consumers*. – 2016. – Vol. 17 (2). – P. 143–154.

585. McNulty, J.K. Beyond initial attraction: Physical attractiveness in newlywed marriage / J.K. McNulty, L.A. Neff, B.R. Karney // *Journal of family psychology*. – 2008. – Vol. 22. – Issue 1. – P. 135–143.

586. Merinville, E. Influence of facial skin ageing characteristics on the perceived age in a Russian female population / E. Merinville, G.Z. Grennan, J.M. Gillbro, [et al.] // *International Journal of Cosmetic Science*. – 2015. – Vol. 37. – P. 3–8.

587. Merrill, R.M. The relationship of perceived age and sales of tobacco and alcohol to underage customers / R.M. Merrill, E.J. Stanford, G.B. Lindsay, [et al.] // *Journal of Community Health*. – 2000. – № 25 (5). – P. 401–410.

588. Muscarella, F. The evolutionary significance and social perception of male pattern baldness and facial hair / F. Muscarella, M.R. Cunningham // *Ethology and Sociobiology*. – 1996. – Vol. 17 (2). – P. 99–117.

589. Nellis, J.C. Association of Face-lift Surgery With Social Perception, Age, Attractiveness, Health, and Success / J.C. Nellis, M. Ishii, I.D. Papel, [et al.] // *JAMA Facial Plastic Surgery*. – 2017. – Vol. 19. – 311–317.

590. Nelson, N. L. Adults' and children's perception of facial expressions is influenced by body postures even for dynamic stimuli / N. L. Nelson, C. J. Mondloch // *Visual Cognition*. – 2017. – P. 1–12.

591. Neugarten, B.L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old / B.L. Neugarten // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1974. – Vol. 415. – P. 187-198.

592. Neyaz, A. Security, Privacy and Steganographic Analysis of FaceApp and TikTok / A. Neyaz, A. Kumar, S. Krishnan, [et al.] // *International Journal of Computer Science and Security (IJCSS)*. – 2020. – Vol. 14. – Issue 2. – P. 38 – 59.

593. Nicksic, P.J. The Contribution of the Lower Third of the Face to Perceived Age: Do Masks Make You Appear Younger? / P.J. Nicksic, A.M. Karczewski, Q. Zhao, [et al.] // *Aesthetic Surgery Journal Open Forum*. – 2021. – Vol. 3. – Iss. 3. – Article ojab017.

594. Nielsen, B.R. The Influence of Clinical Experience and Photographic Presentation on Age Assessment of Women / B.R. Nielsen, A. Linneberg, K. Christensen, [et al.] // *Gerontology*. – 2016. – Vol. 62 (2). – P. 191-199.

595. Nielsen, B.R. Perceived age is associated with bone status in women aged 25–93 years / B.R. Nielsen, A. Linneberg, K. Christensen, [et al.] // *Age*. – 2015. – Vol. 37 (6). – Issue 106. – P. 11.

596. Nkengne, A. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women / A. Nkengne, C. Bertin, G.N. Stamatas, [et al.] // *Journal of The European Academy of Dermatology and Venereology*. – 2008. – Vol. 22. – Issue 8. – P. 982-991.

597. Nolan, J. P. Experiences of Age and Gender: Narratives of Progress and Decline / J. P. Nolan, J. Scott // *The International Journal of Aging and Human Development*. – 2009. – Vol. 69 (2). – P. 133-158.

598. Noordam, R. High serum glucose levels are associated with a higher perceived age / R. Noordam, D.A. Gunn, C.C Tomlin, [et al.] // *Age*. – 2013. – Vol. 35 (1). – P. 189-195.

599. Noordam, R. Cortisol serum levels in familial longevity and perceived age: The Leiden Longevity Study / R. Noordam, D.A. Gunn, C.C. Tomlin, [et al.] // *Psychoneuroendocrinology*. – 2012. – Vol. 37 (10). – P. 1669-1675.
600. North, M. S. Subtyping ageism: Policy issues in succession and consumption / M. S. North, S. T. Fiske // *Social Issues and Policy Review*. – 2013. – Vol. 7. – Vol. 36–57.
601. Noser, E. Are Psychosocial Resources Associated With Perceived Facial Aging in Men? / E. Noser, A. Walther, U. Ehlert // *Gerontology and Geriatric Medicine*. – 2017. – Vol. 3: 233372141771487.
602. Oldmeadow, J.A. The Association Between Men's Sexist Attitudes and Facial Hair / J.A. Oldmeadow, B.J. Dixon // *Archives of Sexual Behavior*. – 2015. Vol. 45. – P. 891 - 899.
603. Olson, K.L. Targeting body dissatisfaction among women with overweight or obesity: A proof-of-concept pilot study / K.L. Olson, T.T. Thaxton, C.F. Emery // *International Journal of Eating Disorders*. – 2018. – Vol. 51. – P. 973 –977.
604. Papoian, V. Effects of Bariatric Surgery on Facial Features / V. Papoian, V. Mardirossian, D.T. Hess, [et al.] // *Archives of Plastic Surgery*. – 2015. – Vol. 42. – P. 567 –571.
605. Park, U. Age-invariant face recognition / U. Park, Y. Tong, A.K. Jain // *IEEE Trans Pattern Anal Mach Intell*. – 2010. – Vol. 32. – Issue 5. – P. 947–954.
606. Pecher, D. Age categorization and stereotyping at work / D. Pecher, H.V. Mierlo, C. M. Romers, [et al.] // *Applied Cognitive Psychology*. – 2023. – Vol. 37(5).
607. Pfund, G. N. Video chat usage and the Big Five in women during the COVID-19 pandemic / G. N. Pfund, J. Harriger, P. L. Hill // *Personality and Individual Differences*. – 2021. – Vol. 171. – P. 110537.
608. Pilz, K.S. Contextual and own-age effects in age perception / K.S. Pilz, L. Hao // *Experimental Brain Research*. – 2022. – Vol. 240 (9). – P. 1-10.

609. Pinquart, M. Subjective age from childhood to advanced old age: A meta-analysis / M. Pinquart, H.-W. Wahl // *Psychology and Aging*. – 2021. – Vol. 36 (3). – P. 394-406.
610. Population Dynamics World Population Prospects 2019 [Электронный ресурс] <https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard/Mortality/> (Accessed 01.07.2022)
611. Porcheron, A. Aspects of Facial Contrast Decrease with Age and Are Cues for Age Perception / A. Porcheron, E. Mauger, R. Russell // *PLoS ONE*. – 2013. – Vol. 8. – Iss. 3. – Article e57985.
612. Quach, A. Horvath Steve Epigenetic clock analysis of diet, exercise, education, and lifestyle factors / A. Quach, M.E. Levine, T. Tanaka, [et al.] // *Aging (Albany NY)*. – 2017. – Vol. 9 (2). – P. 419-446.
613. Quan, Q. Facial Skin Aging Characteristics of the Old-Perceived Age in a 20–40 Years Old Chinese Female Population / Q. Quan, H. Pan, F. Wang, [et al.] // *Clin Cosmet Investig Dermatol*. – 2024. – Vol. 17. – P. 1117-1125.
614. Quittkat, H. L. Body Dissatisfaction, Importance of Appearance, and Body Appreciation in Men and Women Over the Lifespan / H. L. Quittkat, A. S. Hartmann, R. Düsing, [et al.] // *Frontiers in Psychiatry*. – 2019. – Vol. 10. P. 864.
615. Ratner, K.G. Social Cognition / K.G. Ratner // *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*. Oxford University Press USA, 2020.
616. Razmus, M. Body appreciation and body-related pride in normal-weight and overweight/obese individuals: Does romantic relationship matter? / M. Razmus // *Perspectives In Psychiatric Care*. – 2019. – Vol. 55(3). – P. 464-470.
617. Reeves, M.D. Beware the young doctor and the old barber: Development and validation of a job age-type spectrum / M.D. Reeves, B.A. Fritzsche, J. Marcus, [et al.] // *Journal of Vocational Behavior*. – 2021. – Vol. 129. – Article Number103616.

618. Reilly, M.J. Effect of facial rejuvenation surgery on perceived attractiveness, femininity, and personality / M.J. Reilly, J.A. Tomsic, S. Fernandez, [et al.] // *JAMA facial plastic surgery*. – 2015. – Vol. 17(3). – P. 202-207.
619. Ren, J. Genetics and epigenetics in aging and longevity: Myths and truths / J. Ren, Y. Zhang // *Biochim Biophys Acta Mol Basis Dis*. – 2019. – Vol. 1865 (7). – P. 1715-1717.
620. Rexbye, H. Influence of environmental factors on facial ageing / H. Rexbye, I. Petersen, M. Johansen, [et al.] // *Age and Ageing*. – 2006. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 110–115.
621. Rexbye, H. Visual Signs of Ageing: What are We Looking at? / H. Rexbye, J. Povlsen // *International Journal of Ageing and Later Life*. – 2007. – Vol. 2 (1). – P. 61-83.
622. Rhoden, C. L. Positive Affectivity Influences Subjective Age and Daily Moving in Older Adults / C. L. Rhoden, J. Joyce // *Physical Activity and Health*. – 2023. – Vol. 7(1). – P. 255-269.
623. Rhodes, G. The evolutionary psychology of facial beauty / G. Rhodes // *Annu Rev Psychol*. – 2006. – Vol. 57. – P. 199–226.
624. Rhodes, M.G. Age estimation of faces: A review / G. Rhodes // *Applied Cognitive Psychology*. – 2009. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 1-12.
625. Robinson, E. Self-Perceived Overweight, Weight Loss Attempts, and Weight Gain: Evidence From Two Large, Longitudinal Cohorts / E. Robinson, A.R. Sutin, M. Daly // *Health Psychology*. – 2018. – Vol. 37. – P. 940-947.
626. Rollins, L. Social categorization modulates own-age bias in face recognition and ERP correlates of face processing / L. Rollins, A. Olsen, M. Evans // *Neuropsychologia*. – 2020. – Vol. 141. P. 107417.
627. Rowe, J. Human aging: usual and successful / J. Rowe, R. Kahn // *Science*. – 1987. – Vol. 237. – P. 143-149.
628. Rubin, D. People over forty feel 20% younger than their age: Subjective age across the lifespan / D. Rubin, D. Berntsen // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2006. – Vol. 13(5). – P. 776-780.

629. Russell, R. Differential effects of makeup on perceived age / R. Russell, C. Batres, S. Courrèges, [et al.] // *British Journal of Psychology*. – 2019. – Vol. 110 (1). – P. 87-100.
630. Russell, R. Sclera color changes with age and is a cue for perceiving age, health, and beauty / R. Russell, J.R. Sweda, A. Porcheron, [et al.] // *Psychology and Aging*. – 2014. – Vol. 29. – Iss. 3. – P. 626-635.
631. Sandberg, L. J. Affirmative old age - The ageing body and feminist theories on difference / L. J. Sandberg // *International Journal of Ageing and Later Life*. – 2013. – Vol. 8 (1). – P. 11-40.
632. Sandberg, L. J. The Old, the Ugly and the Queer: thinking old age in relation to queer theory / L. J. Sandberg // *Graduate Journal of Social Science*. – 2008. - Vol. 5. – Issue 2. – P. 117-139.
633. Sawant, Y. Social Cognition and Aging / Y. Sawant, K. Das, M. Susmitha // *Principles and Clinical Interventions in Social Cognition*. 2024.
634. Schwaiger, L. Performing One's Age: Cultural Constructions of Aging and Embodiment in Western Theatrical Dancers / L. Schwaiger // *Dance Research Journal*. – 2005. – Vol. 37(1). – P. 107–120.
635. Schwaiger, L. The Flesh and the World: Intercorporeal Body-selves, Ageing and Dancing / L. Schwaiger // *The Senses and Society*. – 2008. – Vol. 3(1). P. 45-59.
636. Schwaiger, L. To be Forever Young?: Towards Reframing Corporeal Subjectivity in Maturity / L. Schwaiger // *International Journal of Ageing and Later Life*. – 2006. – Vol. 1(1). – P. 11–41.
637. Schwarz, N. Warmer and More Social: Recent Developments in Cognitive Social Psychology / N. Schwarz // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24(1). – P. 239-264.
638. Semenyna, S. W. Replicating the relationships between Dark Triad traits and female mate-competition tactics in undergraduate women / S. W. Semenyna, P. L. Vasey, P. L. Honey // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 147. – P. 73–78.

639. Sergienko, E. Subjective age: a differentiated analysis / E. Sergienko, Y. Kireeva // *Social Sciences*. – 2015. – Vol. 46 (3). – P. 90-107.
640. Shen, Y.A. How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election / Y.A. Shen, Y. Shoda // *Psychological Science*. – 2021. – Vol. 32. – Issue 6. – P. 934–945.
641. Shiramizu, V.K. Are dark triad cues really visible in faces? / V.K. Shiramizu, L. Kozma, L.M. DeBruine, [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 139. – P. 214-216.
642. Shkurko (Vorontsova), T. Psychological and Stratification Factors of Estimation of a Person's Perceived Age / T. Shkurko (Vorontsova) // *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019)*. – M.: Moscow University Press, 2019. – P. 2147.
643. Shkurko (Vorontsova), T. The influence of weight on the perceived age of a person / T. Shkurko (Vorontsova) // *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019)*. – M.: Moscow University Press, 2019. – P. 931
644. Shkurko (Vorontsova), T.A. The problem of perceived age as a new problem in psychology / T. Shkurko (Vorontsova) // *Proceedings of international conference «Psychological problems: characteristics, principles of classification and diagnosis»*. Armenia, 21-23, April 2019. – Yerevan: Limush, 2019. – P. 457-458.
645. Shkurko (Vorontsova), T.A. Socio - psychological analysis of controlling personality / T. Shkurko (Vorontsova) // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 86. – P. 629-634.
646. Sinclair, R. Male androgenetic alopecia // *The Journal of Men's Health & Gender*. – 2004. – Vol. 1. – P. 319-327.
647. Sörqvist, P. Effects of training on age estimation / P. Sörqvist, M. Eriksson // *Applied Cognitive Psychology*. – 2007. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 131-135.
648. Stephani, N. Senior female celebrity's body and ageing well discourse on Instagram / N. Stephani // *Jurnal Studi Komunikasi (Indonesian Journal of Communications Studies)*. – 2022. – Vol. 6(1). – P. 165-178.

649. Strizhitskaya, O. Futurization of Aging: Subjective Beliefs and Effects / O. Strizhitskaya, M. Petrash, D. Golubitskaya, [et al.] // Behavioral Sciences. – 2023. – Vol. 13(1). – P. 4.
650. Sun, E. Older and fearing new technologies? The relationship between older adults' technophobia and subjective age / E. Sun, X. Ye // Aging and Mental Health. – 2023. – Vol. 28(3). – P. 1-8.
651. Swift, H.J. Categorization by Age / H.J. Swift, D. Abrams, L. Drury, [et al.] // Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science. In: Shackelford, Todd K. and Weekes-Shackelford, Viviana A., eds. – Living Edition. Springer. – 2018. – P. 1-10.
652. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Psychology of intergroup relations. – Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. – Vol. 1. – P. 7-24.
653. Taub, A.F. Effect of multisyringe hyaluronic acid facial rejuvenation on perceived age / A.F. Taub, D. Sarnoff, M. Gold, [et al.] // Dermatologic Surgery. – 2010. – Vol. 36 (3). – P. 322-328.
654. Thorley, C. How old was he? Disguises, age, and race impact upon age estimation accuracy / C. Thorley // Special Issue: What Works? Systematic Reviews and Meta-Analyses of the Investigative Interviewing Research Literature. – 2021. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 460-472.
655. Turner, B.S. Recent Developments in the Theory of the Body / B.S. Turner // The Body. In: M. Featherstone et al. (eds.). – London, etc.: SAGE Publications Ltd. – 1993. – P. 1–35.
656. Turner, J. Self and collective: cognition and social context / J. Turner // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1994. – Vol. 20 (5). – P. 454-463.
657. Twigg, J. Clothing, age and the body: a critical review / J. Twigg // Ageing & Society. – 2007. – Vol. 27. – P. 285-305.
658. Uotinen, V. I'm as old as I feel: Subjective age in Finnish adults / V. Uotinen. Jyväskylä: University of Jyväskylä. 2005. – 63 p.

659. Uotinen, V. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study / V. Uotinen, T. Rantanen, T. Suutama // *Age and Ageing*. – 2005. – Vol. 34. – Issue 4. – P. 368-372.
660. Uotinen, V. Change in Subjective Age among Older People over an Eight-Year Follow-Up: ‘Getting Older and Feeling Younger?’/ V. Uotinen, T. Rantanen, T. Suutama, [et al.] // *Experimental Aging Research*. – 2006. - Vol. 32(4). – P. 381-393.
661. Uotinen, V. Age Identification in the Framework of Successful Aging. A Study of Older Finnish People / V. Uotinen, T. Suutama, I. Ruoppila // *The International Journal of Aging and Human Development*. – 2003. – Vol. 56 (3). – P. 173-195.
662. Valk, D. Empathy and understanding: Unraveling the mechanisms of social cognition / D. Valk // *Perspective - The Cognitive Neuroscience Journal*. – 2023. – Vol. 6 (3). – P. 153.
663. Vance, D. A Systematic Review and Meta-Analysis of Social Cognition Among People Living with HIV: Implications for Non-Social Cognition and Social Everyday Functioning / D. Vance, R. Billings, C Lambert, [et al.] // *Neuropsychology Review*. – 2024.
664. Vanmarcke, S. The influence of age and gender on ultra-rapid categorization / S. Vanmarcke, J. Wagemans // *Visual Cognition*. – 2015. – P. 894-916.
665. Vargas, M.E. Cultural variation in age perceptions and developmental transitions / M.E. Vargas, A. Carrillo, H.L. Giasson, [et al.] // *Front. Soc. Psychol*. – 2024. – Vol. 1.
666. Vazire, S. Portrait of a narcissist: Manifestations of narcissism in physical appearance / S. Vazire, L. P. Naumann, P. J. Rentfrow, [et al.] // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – Vol. 42(6). – P. 1439–1447.
667. Verheyen, S. Age-Related Degree and Criteria Differences in Semantic Categorization / S. Verheyen, E. Droeshout, G. Storms // *Journal of Cognition*. – 2019. – Vol. 2(1): 17. – P. 1-20.

668. Vladimir, K. Epigenetics insights from perceived facial aging / K. Vladimir, M.M. Perišić, M. Štorga, [et al.] // Clin Epigenet. – 2023. – Vol. 15(1). P. 176.
669. Voegeli, R. Differences between perceived age and chronological age in women: A multi-ethnic and multi-centre study / R. Voegeli, R. Schoop, E. Prestat-Marquis, [et al.] // International Journal of Cosmetic Science. – 2021. – Vol. 43(5). – P. 547-560.
670. Voelkle, M. C., Ebner, N. C., Lindenberger, U., Riediger, M. Let me guess how old you are: Effects of age, gender, and facial expression on perceptions of age // Psychology and Aging. – 2012. – Vol. 27. – Issue 2. – P. 265–277.
671. von Soest, T. Cosmetic surgery and the relationship between appearance satisfaction and extraversion: Testing a transactional model of personality / T von Soest, I. L. Kvaem, K. C. Skolleborg, [et al.] // Journal of Research in Personality. – 2009. – Vol. 43(6). – P. 1017-1025.
672. Vorontsova (Shkurko), T.A. Emotional Attitude to Own Appearance and Appearance of the Spouse: Analysis of Relationships with the Relationship of Spouses to Themselves, Others, and the World / T.A. Vorontsova (Shkurko), V.A. Labunskaya // Behavioral Sciences. – 2020. – № 10. – P. 44.
673. Wang, Z. Examining the effect of smile intensity on age perceptions / Z. Wang, X. He, F. Liu // Psychological Reports. – 2015. – Vol. 117. – Iss. 1. – P. 188-205.
674. Weiss, D. The dynamic nature of subjective age across the life span / D. Weiss // Innovation in Aging. – 2022. – Vol. 6 (Supplement_1). – P. 161-161.
675. Weissberger, G. H. Subjective age moderates the relationship between global cognition and susceptibility to scams / G. H. Weissberger, A. Lim, L. Mosqueda, [et al.] // Innovation in Aging. – 2023. – Vol. 7 (Supplement_1). – P. 494-494.
676. Weissberger, G.H. Subjective Age and Financial Exploitation Vulnerability: The Mediating Role of Financial Self-Efficacy / G.H. Weissberger,

Bergman Y. S. // Journal of Gerontological Social Work. – 2023. – Vol. 67(2). – P. 230-241.

677. Wettstein, M. Younger Than Ever? Subjective Age Is Becoming Younger and Remains More Stable in Middle-Age and Older Adults Today / M. Wettstein, H. Wahl, J. Drewelies, [et al.] // Psychological Science. – 2023. – Vol. 34(6):9567976231164553.

678. Wugayan, A.A. Chronological age vs. cognitive age: an examination of lifecycle and gender differences / A.A. Wugayan, L. Pleshko, R. Heiens // Middle East J of Management. – 2018. – Vol. 5(2). P. 161.

679. Yang, H. Learning Continuous Face Age Progression: A Pyramid of GANs / H. Yang, D. Huang, Y. Wang, [et al.] // IEEE Trans Pattern Anal Mach Intell. – 2021. – Vol. 43. – Issue 2. – P. 499 –515.

680. Yang, T. Tsinghua facial expression database – A database of facial expressions in Chinese young and older women and men: Development and validation / T. Yang, Z. Yang, G. Xu, [et al.] // Plos One. – 2020. – Vol. 15(4): e0231304.

681. Zajonc, R.B. Convergence in the physical appearance of spouses / R.B. Zajonc, P.K. Adelman, S.T. Murphy, [et al.] // Motivation and emotion. – 1987. – Vol. 11. – Issue 4. – P. 335-346.

682. Zhang, Y. A Review of the Effects of Face Features and Facial Expressions on Age Perception / Y. Zhang // Advances in Psychology. – 2023. – Vol. 13(11). – P. 5015-5020.

683. Zhao, M. Could 70 be the New 60? Investigating the Association between Internet Use and Subjective Age among Chinese Older Adults / M. Zhao, Y. Huang, Y. Zhang // The Journals of Gerontology Series B Psychological Sciences and Social Sciences. – 2023.

684. Zimm, A. J. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery. / A. J. Zimm, M. Modabber, V. Fernandes, [et al.] // JAMA Facial Plastic Surgery. – 2013. – Vol. 15. – Issue 6. – P. 405–410.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Опросник «Механизмы конструирования воспринимаемого возраста»

Инструкция: Просим Вас ответить на несколько вопросов относительно того, **КАК** Вы оцениваете возраст других людей. Для каждого утверждения выберите ответ, который больше всего Вам подходит.

Варианты ответов: 1. Никогда (0 б.); 2. Редко (1 б.); 3. По случаю (2 б.); 4. Иногда (3 б.); 5. Часто (4 б.); 6. Обычно (5 б.)

№	Утверждение	КЛЮЧ
1	Отношу оцениваемого человека к воображаемой группе людей, находящихся на определенном этапе жизненного пути (юные/молодые/зрелые/пожилые/старые)	КАТЕГОРИЗАЦИЯ
2	Оцениваю внешний облик человека, опираясь на маркеры возраста (лицо, тело, одежда, косметика, прическа, выразительное поведение) и делаю вывод о его возрасте	ОЦЕНКА (оценка ВО)
3	Опираюсь на свои представления о том, как должен выглядеть человек в том возрасте, к которому относится оцениваемый человек	СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ
4	Сравниваю оцениваемого человека со знакомыми мне людьми, у которых примерно такой же возраст	СРАВНЕНИЕ (с другими)
5	Сравниваю оцениваемого человека с собой, ориентируюсь на свой возраст	СРАВНЕНИЕ (с собой)
6	Ставлю себя на место оцениваемого человека, пытаюсь понять (или вспомнить), как я мог бы выглядеть (выглядел) в его возрасте	ИДЕНТИФИКАЦИЯ
7	Оцениваю возраст человека, опираясь на свой опыт того, как мой возраст (или возраст знакомых мне людей) воспринимали и оценивали другие люди	РЕФЛЕКСИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
Социально-демографическая анкета
с блоком «Самооценка возраста»

Код респондента (вносится исследователем!)	
Дата проведения исследования	
Пол (обведите)	1 - Муж. 2 - Жен.
Сколько полных лет на момент исследования	
Семейное положение	1 – женат/замужем; 2 – не женат/не замужем, разведена/разведен, вдова/вдовец
Сколько у Вас детей (впишите количество)	
Сколько лет младшему ребенку (впишите количество полных лет)	
Образование (определяется по самому высокому уровню образования из числа имеющихся у респондента (по которому у него есть диплом))	1 - основное общее образование; 2 - среднее общее образование; 3 - среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена; 4 - среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих); 5 - высшее образование - бакалавриат; 6 - высшее образование - специалитет, магистратура; 7 - высшее образование - подготовка кадров высшей квалификации (кандидат/доктор наук)
Укажите, пожалуйста, род Ваших занятий:	1 - учащийся, студент; 2 - рабочий; 3 - работник сельского хозяйства; 4 - служащий, специалист (инженер, врач и т.д.); 5 - военнослужащий; 6 - предприниматель, фермер; 7 - пенсионер; 8 - домохозяйка; 9 - в настоящее время не работаю;

Кем по национальности Вы себя считаете? (впишите)	
Самооценка возраста	
На сколько лет Вы себя ощущаете?	
На сколько лет, как Вы считаете, Вы выглядите?	
На сколько лет хотели бы выглядеть?	
На сколько лет, по мнению других людей, Вы выглядите?	
До какого возраста Вы планируете дожить?	
Оцените Ваш экономический статус	1 – за чертой бедности 2 – бедный 3 – скорее бедный, чем богатый 4 – скорее богатый, чем бедный 5 – богатый
Укажите регион Вашего проживания в настоящий момент (впишите область)	
В какой местности Вы проживаете в настоящий момент?	1 – мегаполис (Москва / Санкт-Петербург) 2 – город-миллионник (1 млн. населения и выше) 3 – большой город (более 100 тыс. населения) 4 – малый город (50-100 тыс. населения) 5 – поселок 6 – сельское поселение (село, станица, деревня, хутор, кишлак, аул и др.)

Пояснения к анкете: анкета позволяет зафиксировать: хронологический возраст (ХВ) (ответ на вопрос «Сколько Вам полных лет на момент исследования?»); субъективный возраст (СВ) (ответ на вопрос «На сколько лет Вы себя ощущаете?»); самооценку воспринимаемого возраста (СВВ) (ответ на вопрос «На сколько лет, как Вы считаете, Вы выглядите»); желаемый воспринимаемый возраст (ЖВВ) (ответ на вопрос – «На сколько лет хотели бы выглядеть»), оценку возраста другими людьми со слов опрашиваемых (ОВВ) (ответ на вопрос – «На сколько лет, по мнению других людей, Вы выглядите»), а также выявить желаемую (планируемую) продолжительность жизни (ответ на вопрос «До какого возраста Вы планируете дожить?»).

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Комплект № 1 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (процедура, схемы анализа, фотоизображения)

Разработка комплекта: были сфотографированы люди различных возрастов, профессий и типажей (профессиональная фотосъемка, с правильно подобранным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). В комплект включены 40 фотографий, отвечающих следующим требованиям: по 2 женских и мужских портретных и ростовых фотографии из каждого десятилетия, начиная с 1950 года рождения и заканчивая 1999 (то есть на одно десятилетие приходится 4 человека и 8 фото). От всех объектов восприятия, чьи фотографии использовались в процедуре, было получено согласие на использование их фотоизображений в психологическом исследовании; от 17 испытуемых получено разрешение на размещение фотографий в тексте публикации.

Процедура исследования состоит из экспонирования фотографий субъектам познания, размещенных в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала показывается карточка с ростовым изображением человека, затем с портретным. Относительно каждой из 40 фотографий субъекту познания задаются следующие вопросы: 1) «Сколько лет человеку на данном фото?»; 2) «Что во внешнем облике этого человека позволяет Вам сделать этот вывод?». Ответ на первый вопрос трактуется как воспринимаемый возраст объекта познания; ответ на второй вопрос – осознаваемые субъектом познания критерии возрастной категоризации незнакомых людей. Данные критерии представлены в виде свободных высказываний – нарративов, нарративы делятся на единичные реплики, законченные по смыслу, к которым далее применяется контент-анализ.

Обработка высказываний субъектов познания осуществляется с помощью следующих 32 единиц контент-анализа: 1) внешний облик в целом; 2) оценочные бессодержательные высказывания; 3) профессионально-ролевые

стереотипы; 4) гендерно-возрастные стереотипы; 5) этнокультурные стереотипы; 6) шея; 7) руки; 8) фигура; 9) ноги; 10) лицо в целом; 11) губы; 12) морщины; 13) лысина; 14) пигментация; 15) кожа лица; 16) брови; 17) щеки и подбородок; 18) прыщи; 19) грудь; 20) полнота; 21) худоба; 22) прическа; 23) одежда и обувь; 24) борода и усы; 25) украшения; 26) макияж; 27) очки; 28) поза; 29) взгляд; 30) осанка; 31) улыбка; 32) выражение лица.

Расшифровка отнесения конкретных высказываний к выделенным единицам контент-анализа:

1) *внешний облик в целом (ВО)* - к нему отнесены высказывания типа «внешние данные», «внешне молодо выглядит», «внешнее отсутствие старения», «внешний вид» и т.п.;

2) *оценочные бессодержательные высказывания (ОБ)* – высказывания типа «держится молодцом», «за собою не следит», «запустила себя» и т.п.;

3) *профессионально-ролевые стереотипы (ПРС)* – высказывания типа «выглядит, как программист», «замученный студент» и т.п.;

4) *гендерно-возрастные стереотипы (ГВС)* – высказывания типа «баба ягодка опять», «выглядит, как подросток», «тетка», «тинэйджер» и т.п.;

5) *этнокультурные стереотипы (ЭКС)* – высказывания типа «кавказская внешность», «ковбой среднего возраста», «мадам» и т.п.;

6) *шея (УШ)* – высказывания типа «дряблая шея», «молодая шея», «шея как у сорокалетних» и т.п.;

7) *руки (УР)* – высказывания типа «молодые кисти рук», «руки бабушки», «руки молодые» и т.п.;

8) *фигура (УФ)* – высказывания типа «по фигуре», «бесформенная фигура», «детская фигура», «дряблая фигура» и т.п.;

9) *ноги (УН)* – высказывания типа «по ногам», «ноги не молодые», «ножки» и т.п.;

10) *лицо в целом (УЛ)* – высказывания типа «лицо дряхлое», «поношенное лицо», «поплывшее лицо», «четкий овал лица» и т.п.;

- 11) *губы (УГГ)* – высказывания типа «старушечьи губы», «поджатые губы», «пухлые губки», «сжатые губки молодят» и т.п.;
- 12) *морщины (УМ)* – высказывания типа «глубокие морщины», «небольшие морщинки», «нет глубоких морщин», «гусиные лапки» и т.п.;
- 13) *лысина (УЛЛ)* – высказывания типа «лысоват», «плешь на голове» и т.п.;
- 14) *пигментация (УП)* – высказывания типа «пигментация на лице», «пятна, проблемы с печенью», «старческие пятна» и т.п.;
- 15) *кожа лица (УК)* – высказывания типа «гладкая кожа лица», «дряблая кожа», «кожа висит», «кожа усталая», «молодая кожа» и т.п.;
- 16) *брови (УБ)* – высказывания типа «брови», «бровки уже не растут», «не модные брови», «седые брови», «ужасные брови» и т.п.;
- 17) *щеки, подбородок (УЩ)* – высказывания типа «брыли», «дряблость подбородка», «обвислые щеки», «опустившиеся щеки», «пухлые детские щечки» и т.п.;
- 18) *прыщи (УПП)* – высказывания типа «проблемная кожа», «прыщавенький», «сыпь детская», «юношеские прыщики» и т.п.;
- 19) *грудь (УГ)* – высказывания типа «грудь не сформировалась», «дряблое декольте», «обвисшая грудь», «сочная грудь» и т.п.;
- 20) *полнота (УЖ)* – высказывания типа «вес», «живот», «избыточный вес», «нет лишнего веса», «от жира свежая», «полная, поэтому непонятно, сколько ей лет», «полнота взрослит» и т.п.;
- 21) *худоба (УХ)* – высказывания типа «худенькая», «худощавое телосложение», «худощавый» и т.п.;
- 22) *прическа (СП)* – высказывания типа «беда с волосами», «возрастная стрижка мужчины, который за собой не следит», «не модная прическа», «отсутствие седины», «старушечья прическа», «стрижка, характерная для взрослых людей» и т.п.;

23) *одежда и обувь (СО)* – высказывания типа «взрослая одежда», «малолетний стиль одежды», «низкий каблук», «одежда бабушки», «подростковые кеды» и т.п.;

24) *борода и усы (СБ)* – высказывания типа «борода», «бородка усиливает возраст», «взрослая щетина», «еще не бреется» и т.п.;

25) *украшения (СУ)* – высказывания типа «браслет, как у меня», «детские побрякушки», «золота много», «куча дурацких колечек», «дорогие часы» и т.п.;

26) *макияж (СМ)* – высказывания типа «возрастной макияж», «глазки плохо накрашены, старят», «не накрашенное лицо», «нет косметики», «цвет губной помады», «яркий макияж, усиливает возраст» и т.п.;

27) *очки (СОО)* – высказывания типа «не модные очки», «очки добавляют возраста», «очки старят» и т.п.;

28) *поза (ДП)* – высказывания типа «зажатая поза», «скромная поза», «поза моложавая» и т.п.;

29) *взгляд (ДВ)* – высказывания типа «блеск в глазах», «взгляд взрослого человека», «взгляд утомленный», «глубокий взрослый взгляд», «детский взгляд», «пожилой взгляд», «потухший взгляд», «ясный взгляд» и т.п.;

30) *осанка (ДО)* – высказывания типа «нет молодецкой осанки», «статность», «стройна», «сутулость» и т.п.;

31) *улыбка (ДУ)* – высказывания типа «легкая улыбка», «молодая улыбка», «улыбка молодит», «широкая улыбка» и т.п.;

32) *выражение лица (ДВВ)* – высказывания типа «выражение лица взрослое», «выражение лица с признаками зрелости», «выражение лица серьезное», «детское выражение лица», «забитое выражение лица», «наивное лицо» и т.п.

Значительная часть выделенных категорий являются единицами контент-анализа первого уровня, которые далее группируются в более общие блоки (единицы контент-анализа второго и третьего уровней) в соответствии со структурой внешнего облика (У – устойчивый компонент; С –

среднеустойчивый компонент, оформление внешнего облика; Д – динамический компонент, экспрессивное поведение).

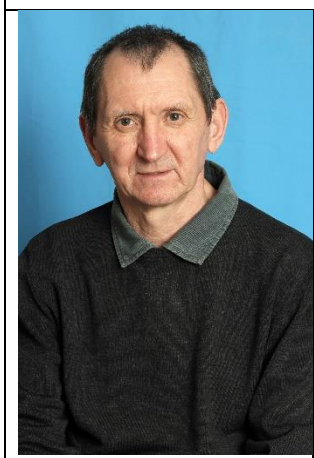
Отдельно в выделенных выше 32 категорий представлены критерии восприятия возраста через соответствие внешнего облика стереотипам. Так, например, устойчивые компоненты внешнего облика (У – единица контент-анализа третьего уровня) состоят из лица (УЛ), шеи (УШ), рук (УР), фигуры (УФ), ног (УН), которые, в свою очередь, группируются из единиц контент-анализа первого уровня. Так, восприятие лица как источника информации о возрасте другого состоит из восприятия элементов лица, которые в нашем исследовании представлены единицами контент-анализа первого уровня: губы (УГГ), морщины (УМ), лысина (УЛЛ), пигментация (УП), оценка лица в целом, без выделения каких либо частных признаках (УЛ), кожа лица (УК), брови (УБ), щеки, подбородок (УЩ), прыщи (УПП).

Итоговый анализ проводится с учетом единиц контент-анализа третьего уровня, в которые сгруппированы выделенные выше 32 единицы контент-анализа, а именно:

- 1) устойчивые компоненты внешнего облика (У);
- 2) среднеустойчивые компоненты внешнего облика (С);
- 3) динамические компоненты внешнего облика (Д);
- 4) оценочные бессодержательные суждения (ОБ);
- 5) внешний облик в целом (ВО) (оценка возраста с опорой на внешний облик, не дифференцированный по каким-либо критериям);
- 6) восприятие возраста через соответствие внешнего облика стереотипам (гендерно-возрастным (ГВС), этно-культурным (ЭКС); профессионально-ролевым (ПРС)).

Фотоизображения объектов познания из Комплекта № 1
(код модели – пол/возраст)

			
Модель Ж32		Модель Ж23	
			
Модель М24		Модель М38	
			
Модель Ж19		Модель Ж59	

			
Модель М36		Модель Ж28	
			
Модель М59		Модель Ж20	
			
Модель М45		Модель Ж40	

Модель M23

Модель Ж57

Модель M25

Модель Ж42

Модель Ж56

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Комплект 3.1 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика»

Разработка комплекта: в комплект входят наборы фотоизображений «моделей», различающихся оформлением своего внешнего облика (среднеустойчивым компонентом внешнего облика). В качестве «моделей» выступают герои телевизионной передачи «Модный приговор» на первом канале телевидения, фотографии которых до и после преобразования среднеустойчивого компонента их внешнего облика в открытом доступе имеются в сети Интернет (на официальном сайте программы www.modniy.tv). Каждая «модель» в данном комплекте фотографий представлена дважды: 1) до процедуры трансформации всех элементов внешнего облика, а именно: с оформлением внешнего облика, который сделан ею самой «в соответствии с модными советами и собственными представлениями о своем идеальном образе» (цитата с сайта программы); на этом этапе телепередачи «модели» самостоятельно экспериментируют с одеждой, обувью и аксессуарами, минимально используя макияж и прическу; 2) после процедуры трансформации: с целостным оформлением внешнего облика, которое сделано стилистами. Исходный и «трансформированный» внешний облик в данном комплекте отличаются по критериям целостности, целенаправленности и инициатору трансформации (сам человек/стилист). В комплект были включены фотографии только тех «моделей», которые приняли предложенный стилистами вариант оформления их внешнего облика.

Состав комплекта: в комплект вошли фотографии 72 женщин от 22 до 89 лет ($M=48,62$ лет), выравнивание выборки по количеству «моделей» на каждый десятилетний возрастной интервал) до и после целостной трансформации внешнего облика – всего 144 фотографии. Также о каждой из моделей собрана следующая социально-демографическая и иная информация, размещенная на сайте телепередачи в открытом доступе: Ф.И.О., возраст, рост, вес, размер одежды, работа, семейное положение, дети, комплексы, связанные

с внешним обликом (к примеру, лишний вес, большой нос и т.д.), типичный гардероб.

Порядок исследования: 144 фотографии в случайном порядке, с затертыми надписями «до» и «после» предъявляются субъектам восприятия с целью определения воспринимаемого возраста моделей с помощью вопроса: «Сколько лет человеку на фотографии?». Итоговый анализ проводится как сравнительный анализ воспринимаемого возраста, полученного на основании фотографии моделей до преобразования среднеустойчивого компонента внешнего облика и после его преобразования.

Фотоизображения объектов познания из Комплекта 3.1.
(код модели – номер, инициалы, возраст)

Модель 1ОА51

Модель 2ЕА35

Модель 3ЕБ23

Модель 5ЕБ32

Модель 6АБ27

Модель 7ЕБ25

Модель 8EB46

Модель 9CB42

Модель 10EB58

Модель 11MG37

Модель 12HE77ДО

Модель 12HE77ПОСЛЕ

Модель 13EE89ДО

Модель 13EE89ПОСЛЕ

Модель 14ЖИ77ДО

Модель 14ЖИ77ПОСЛЕ

Модель 15НЖ58

Модель 16ИЗ50

Модель 17О356

Модель 18АК50

Модель 19ЕК43

Модель 20НК57

Модель 21EK58

Модель 22TK65

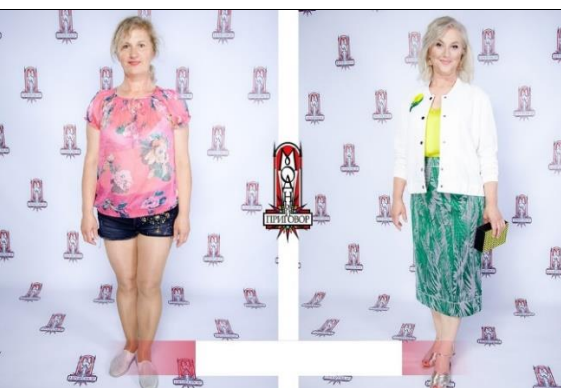
Модель 23CK50

Модель 24DK37

Модель 25OK42

Модель 26OL54

Модель 27ЮЛ34

Модель 28AM26

Модель 29СМ44

Модель 30ГМ61

Модель 31ЕМ65

Модель 32НМ42

Модель 33ОМ38

Модель 34ЛМ60

Модель 35ЯН38

Модель 36НН36

Модель 37ГН60

Модель 38ЕО51

Модель 39ТО68ДО

Модель 39ТО68ПОСЛЕ

Модель 40ЕП46

Модель 41ЛП54

Модель 42ДП23

Модель 43ДП26

Модель 44ЛП67ДО

Модель 44ЛП67ПОСЛЕ

Модель 45НП58ДО

Модель 45НП58ПОСЛЕ

Модель 46ЛП60

Модель 47НР22

Модель 48ЮР38

Модель 40ИР60

Модель 50PP72

Модель 51НС60

Модель 52ИС71

Модель 53НС45

Модель 54НС67

Модель 55ТС78

Модель 56АС37

Модель 58ЮС28

Модель 57LC54ДО

Модель 57LC54ПОСЛЕ

Модель 59TC55

Модель 60HC43

Модель 61OT33

Модель 62HT55

Модель 63HY26

Модель 65ИФ61

Модель 66СФ52

Модель 67ЛФ25

Модель 68ОХ34

Модель 69ЕЧ52

Модель 70ЕЧ50

Модель 71ОЧ29

Модель 723Щ69ДО

Модель 723Щ69ПОСЛЕ

Модель 73ВЯ39

Модель 74ИЯ59

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Комплект 3.2 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика»

Состав комплекта: в качестве «моделей» выступили мужчины-герои телевизионных передач «Модный приговор», «Преображение К. Богомолова», «На 10 лет моложе», фотографии которых до и после преобразования среднеустойчивого компонента их внешнего облика (социального внешнего облика) в открытом доступе имеются в сети Интернет (на сайтах www.modniy.tv, www.bogomolov.lv, www.1tv.ru/shows/na-10-let-molozhe). В Комплект вошли фотографии 33 мужчин в возрасте от 20 до 60 лет ($M=38,3$ года) «до» и «после» целостного оформления внешнего облика (всего 66 фотографий).

Порядок исследования: фотографии в случайном порядке предъявляются субъектам познания с целью определения воспринимаемого возраста моделей с помощью вопроса: «Сколько лет человеку на фотографии?».

Итоговый анализ проводится как сравнительный анализ воспринимаемого возраста, полученного на основании фотографии моделей до преобразования среднеустойчивого компонента внешнего облика и после его преобразования.

**Фотоизображения объектов познания из Комплекта 3.2.
(код модели – номер, инициалы, возраст)**

	
Модель 1БС29	Модель 3А37
	
Модель 2УЛ28	Модель 4Я33
	
Модель 5М48	Модель 6П30

	
Модель 7Н31	Модель 8В47
	
Модель 9И36	Модель 10О27
	
Модель 11А36	Модель 12В37
	

Модель 13B31	Модель 14B32
	
Модель 15Ю25	Модель 16A29
	
Модель 17C26	Модель 18E38
 © Bogomolov Image School	
Модель 19A42	Модель 20Д37

	
Модель 21BA56	Модель 22CM58
	
Модель 23MG40	Модель 24EB49
	
Модель 25AJ61	Модель 26EC33
	
Модель 27KC37	Модель 28EK31

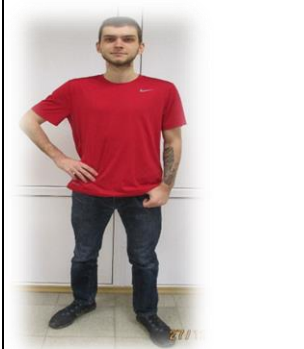
	
Модель 29B49	Модель 30B51
	
Модель 31Л45	Модель 32M29
	
Модель 30K56	

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Комплект 4 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика»

Состав комплекта: состоит из фотоизображений 2 мужчин и 6 женщин. Хронологический возраст всех объектов восприятия («моделей») (за исключением одной) находился в пределах от 21 до 23 лет. Возраст модели 4 (женщины, далее – «возрастная модель») был в два раза больше – 45 лет. Все модели были сфотографированы на нейтральном фоне в полный рост в непринужденных, выбранных ими, позах. Фотографии предъявлялись респондентам в случайном порядке, который был одинаков для всех.

Фотоизображения объектов познания из Комплекта 4 (код модели – номер, инициалы, возраст)

			
Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
			
Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Комплект 5 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика»

Разработка комплекта: комплект разработан для изучения влияния возрастных трансформаций внешнего облика на воспринимаемый возраст человека и отношение к нему. В него вошли фотографии шести женщин и шести мужчин, чьи изображения были трансформированы в приложении FaceApp (молодые лица состарены, зрелые лица омоложены) таким образом, чтобы каждый объект восприятия предстал для оценки субъектам восприятия в трех возрастных периодах: «молодость», «зрелость», «пожилой возраст». При использовании процедур «состаривания» / «омоложения» фотографий лица вариантов возрастной трансформации лица было три: 1) исходная фотография «состарена» дважды (например, 1Ж); 2) исходная фотография и «состарена», и «омоложена» (например, 4Ж); 3) исходная фотография «омоложена» дважды (например, 3М).

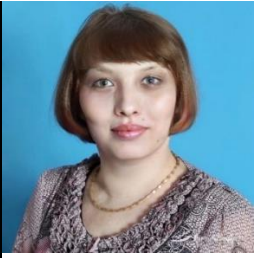
Состав комплекта: в данном комплекте из 36 фотографий каждый объект познания имеет три фотоизображения, которые отличаются степенью возрастной трансформации физического внешнего облика при сохранении других компонентов внешнего облика в зафиксированном состоянии.

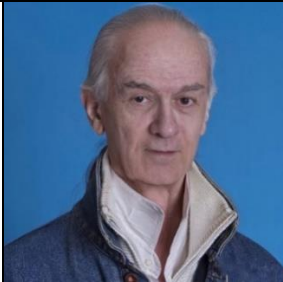
Процедура предъявления: фотографии предъявляются испытуемым в случайном порядке. Испытуемый оценивает возраст «модели», а также измеряется его отношение к «модели» с использованием Методики исследования отношений человека к Другому, разработанной на основе классификации видов отношений В.В. Столина [Шкурко, 1997].

Итоговый анализ: проводится как сравнительный анализ выраженности отношений к объекту восприятия, находящегося на различных этапах жизненного пути, ассоциированных с нарастанием у него возрастных изменений внешнего облика

Фотоизображения объектов познания из Комплекта 5

Номер «модели»	Фото «модели» (ИФ – исходное фото), номер предъявления (НП), ее хронологический и воспринимаемый возраст («молодость», «зрелость», «пожилой возраст»)					
1Ж						
	НП1 (ИФ, ХВ=23 года); ВВ=27,43		НП 19; ВВ=40,92		НП 24; ВВ=69,77	
2Ж						
	НП 35 (ИФ, ХВ=28 лет); ВВ=33,84		НП 8; ВВ=43,56		НП 22; ВВ=71,78	
3Ж						
	НП 14 (ИФ, ХВ=28 лет); ВВ=36,08		НП 4; ВВ=54,55		Нп 28; ВВ=73,07	
4Ж						
	НП 33; ВВ=40,78		НП 11 (ИФ, ХВ=56 лет); ВВ=51,75		НП 16; ВВ=78,16	

5Ж			
	НП 30; ВВ=34,96	НП 20 (ИФ, ХВ=58 лет); ВВ=58,95	НП 6; ВВ=75,01
6Ж			
	НП 27 (ИФ, ХВ=20 лет); ВВ=22,50	НП 17; ВВ=43,35	НП 12; ВВ=67,25
1М			
	НП 25 (ИФ, ХВ=23 года); ВВ=28,11	НП 2; ВВ=36,40	НП 31; ВВ=58,12
2М			
	НП 18; ВВ=28,31	НП 15 (ИФ, ХВ=35 лет); ВВ=34,33	НП 32; ВВ=58,62

3М			
	НП 9; ВВ=30,01	НП 26; ВВ=43,05	НП 3 (ИФ, ХВ=58 лет); ВВ=65,82
4М			
	НП 21; ВВ=25,32	НП 7 (ИФ, ХВ=37 лет); ВВ=39,35	НП 34; ВВ=66,46
5М			
	НП 5 (ИФ, ХВ=25 лет); ВВ=23,74	НП 29; ВВ=36,95	НП 36; ВВ=66,02
6М			
	НП 13 (ИФ, ХВ=24 года); ВВ=27,98	НП 23; ВВ=38,52	НП 10; ВВ=62,54

Пояснение к Комплекту № 5: НП - номер предъявления фотографии субъектам познания; ИФ - отмечено, какая фотография является исходной; ХВ – хронологический возраст человека на исходной фотографии; ВВ «модели» - среднее арифметическое всех оценок возраста, полученных в результате восприятия лица «моделей» на каждой фотографии субъектами познания

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Результаты статистической обработки данных

Таблица И.1 - Компоненты внешнего облика (устойчивые, среднеустойчивые и динамические) (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста)

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
У (устойчивый компонент внешнего облика)	1358	41,55%
С (среднеустойчивый компонент внешнего облика)	576	17,63%
Д (динамические компонент внешнего облика)	340	10,4%
ВО (внешний облик в целом)	460	14,08%
ОБ (оценочные бессодержательные высказывания)	278	8,51%
ГВС (опора на гендерно-возрастные стереотипы)	196	6%
ПРС (опора на профессионально-ролевые стереотипы)	33	1,01%
ЭКС (опора на этнокультурные стереотипы)	27	0,83%
Итого	3268	100%

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.2 - Содержание устойчивого компонента внешнего облика (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста)

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
УШ (шея)	51	1,56%
УР (руки)	59	1,8%
УФ (фигура)	241	7,37%
УН (ноги)	4	0,12%
УЛ (лицо)	1003	30,7%
Итого	1358	41,55%

Таблица И.3 - Содержание среднеустойчивого компонента внешнего облика (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста)

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
СП (прическа)	146	4,47%
СО (одежда и обувь)	293	8,96%
СБ (борода и усы)	55	1,69%
СУ (украшения и аксессуары)	25	0,76%
СМ (макияж лица и отдельных его частей)	44	1,35%
СОО (очки)	13	0,40%
Итого	576	17,63%

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.4 – Содержание динамического компонента внешнего облика (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста)

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
ДМ (мимика)	105	3,2%
ДП (поза)	48	1,47%
ДВ (взгляд)	162	5%
ДО (осанка)	25	0,76%
Итого	340	10,40%

Таблица И.5 - Место параметров лица (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста)

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
ДУ (улыбка)	19	0,58%
ДВВ (выражение лица)	85	2,60%
ДВ (взгляд)	162	5%
СП (прическа)	146	4,47%
СБ (борода и усы)	55	1,69%
СМ (макияж)	44	1,35%
СОО (очки)	13	0,40%
УГГ (губы)	13	0,40%
УМ (морщины)	269	8,23%
УЛЛ (лысина)	46	1,41%
УП (пигментация)	21	0,64%
УЛ (лицо в целом)	467	14,29%
УК (кожа лица)	133	4,07%
УБ (брови)	16	0,49%
УЩ (щеки, подбородок)	27	0,83%
УПП (прыщи)	11	0,34%
Итого	1527	46,79%

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.6 – Фотографии объектов познания – мужчин (номер «модели», возраст, возрастной этап), использованных для поло-возрастного анализа компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

 1.2.	 2.2.	 1.4.	 2.4.
«Модель» № 2 (25 лет, молодость)		«Модель» № 4 (23 года, молодость)	
 1.10.	 2.10.		 2.6.
«Модель» № 10 (35 лет, молодость)		«Модель» № 6 (45 лет, зрелость)	
 1.8.	 2.8.		 2.14.
«Модель» № 8 (58 лет, зрелость)		«Модель» № 14 (37 лет, зрелость)	

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.7 – Фотографии объектов познания – женщин (номер «модели», возраст, возрастной этап), использованных для поло-возрастного анализа компонентов и элементов внешнего облика, выступающих критериями конструирования воспринимаемого возраста объекта познания

			
«Модель» № 9 (28 лет, молодость)		«Модель № 17 (22 года, молодость)	
			
Модель № 19 (28 лет, молодость)		«Модель № 1 (42 года, зрелость)	
			
«Модель» № 5 (40 лет, зрелость)		«Модель № 11» (58 лет, зрелость)	

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.8 - Доля компонентов внешнего облика (устойчивые, среднеустойчивые и динамические) (относительная и абсолютная частота встречаемости среди категорий конструирования возраста) мужчин и женщин-объектов восприятия

Категория контент-анализа (ККА)	Абсолютная частота ККА в массиве высказываний (мужчины – объекты восприятия)	Относительная частота встречаемости ККА в массиве высказываний (в %) (мужчины – объекты восприятия)	Абсолютная частота ККА в массиве высказываний (женщины – объекты восприятия)	Относительная частота встречаемости ККА в массиве высказываний (в %) (женщины – объекты восприятия)
У (устойчивый компонент внешнего облика)	373	38,34	479	45,45
С (среднеустойчивый компонент внешнего облика)	170	17,47	187	17,74
Д (динамический компонент внешнего облика)	119	12,23	110	10,44
ВО – внешний облик в целом	137	14,08	138	13,09
ОБ (оценочные бессодержательные высказывания)	96	9,87	82	7,78
ГВС (опора на гендерно-возрастные стереотипы)	55	5,65	52	4,93
ПРС (опора на профессионально-ролевые стереотипы)	14	1,44	3	0,28
ЭКС (опора на этнокультурные стереотипы)	9	0,92	3	0,28
Итого	973	100 %	1054	100 %

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.9 - Иерархия элементов устойчивого компонента внешнего облика в качестве критериев конструирования возраста мужчин и женщин

Ранг	Категория контент-анализа (ККА)	Абсолютная частота ККА в массиве высказываний (мужчины – объекты восприятия)	Относительная частота встречаемости ККА в массиве высказываний (в %) (мужчины – объекты восприятия)	Абсолютная частота ККА в массиве высказываний (женщины – объекты восприятия)	Относительная частота встречаемости ККА в массиве высказываний (в %) (женщины – объекты восприятия)
1	УЛ лицо	150	15,42	135	12,81
2	УМ морщины	87	8,94	94	8,92
3	УФ фигура	32	3,29	60	5,69
4	УК кожа лица	31	3,19	59	5,60
5	УЛЛ лысина	31	3,19	0	0
6	УБ брови	7	0,72	4	0,38
7	УЖ полнота	7	0,72	21	1,99
8	УПП прыщи	6	0,62	1	0,09
9	УХ худоба	6	0,62	2	0,19
10	УЩ щеки	4	0,41	13	1,23
11	УГГ губы	3	0,31	10	0,95
12	УП пигментация	3	0,31	3	0,28
13	УР руки	3	0,31	29	2,75
14	УШ шея	3	0,31	29	2,75
15	УГ грудь	0	0	17	1,61
16	УН ноги	0	0	2	0,19
У (в общем массиве высказываний)		373	38,34	479	45,45

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.10 - Иерархия элементов среднеустойчивого компонента внешнего облика в качестве критериев конструирования возраста мужчин и женщин

ранг	ККА	АЧ ККА мужчины	ОЧ ККА мужчины	ранг	ККА	АЧ ККА женщины	ОЧ ККА женщины
1	СО одежда обувь	99	10,17	1	СО одежда обувь	80	7,59
2	СП прическа	39	4,01	2	СП прическа	39	3,70
3	СБ борода усы	24	2,47	3	СМ макияж	32	3,04
4	СОО очки	8	0,82	4	СБ борода усы	20	1,90
5	СМ макияж	0	0,00	5	СУ украшения	16	1,52
6	СУ украшения	0	0,00	6	СОО очки	0	0,00
С (в общем массиве высказываний)		170	17,47	С (в общем массиве высказываний)		187	17,74

Таблица И. 11 - Иерархия элементов динамического компонента внешнего облика в качестве критериев конструирования возраста мужчин и женщин

ККА	АЧ ККА мужчины	ОЧ ККА мужчины	АЧ ККА женщины	ОЧ ККА женщины
ДВ взгляд	57	5,86	48	4,55
ДВВ выр. лица	36	3,70	27	2,56
ДП поза	16	1,64	14	1,33
ДУ улыбка	6	0,62	9	0,85
ДО осанка	4	0,41	12	1,14
Д (в общем массиве высказываний)	119	12,23	110	10,44

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.12 – Компоненты и элементы внешнего облика, на которые опирается субъект познания при конструировании воспринимаемого возраста мужчин, дифференцированных по этапу жизненного пути (молодость / зрелость)

Категории КА	АЧ ККА мужчины («молодость»)	ОЧ ККА мужчины («молодость»)	АЧ ККА мужчины («зрелость»)	ОЧ ККА мужчины («зрелость»)
ВО – внешний облик	71	14,88	66	13,31
ГВС	22	4,61	33	6,65
ДВ взгляд	36	7,55	21	4,23
ДВВ выр. лица	13	2,73	23	4,64
ДО осанка	3	0,63	1	0,20
ДП поза	6	1,26	10	2,02
ДУ улыбка	3	0,63	3	0,60
Д	61	12,79	58	11,69
ОБ	46	9,64	50	10,08
ПРС	5	1,05	9	1,81
СБ борода усы	21	4,40	3	0,60
СМ макияж	0	0,00	0	0,00
СО одежда обувь	62	13,00	37	7,46
СОО очки	0	0,00	8	1,61
СП прическа	20	4,19	19	3,83
СУ украшения	0	0,00	0	0,00
С	103	21,59	67	13,51
УБ брови	3	0,63	4	0,81
УГ грудь	0	0,00	0	0,00
УГГ губы	2	0,42	1	0,20
УЖ полнота	0	0,00	7	1,41
УК кожа лица	9	1,89	22	4,44
УЛ лицо	67	14,05	83	16,73
УЛЛ лысина	22	4,61	9	1,81
УМ морщины	31	6,50	56	11,29
УН ноги	0	0,00	0	0,00
УП пигментация	0	0,00	3	0,60
УПП прыщи	6	1,26	0	0,00
УР руки	3	0,63	0	0,00
УФ фигура	16	3,35	16	3,23
УХ худоба	5	1,05	1	0,20
УШ шея	1	0,21	2	0,40
УЩ щеки	0	0,00	4	0,81
У	165	34,59	208	41,94
ЭКС	4	0,84	5	1,01
Итого	477	100,00	496	100,00

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.13 – Компоненты и элементы внешнего облика, на которые опирается субъект познания при конструировании воспринимаемого возраста женщин, дифференцированных по этапу жизненного пути (молодость / зрелость)

Категории КА	АЧ ККА женщины («молодость»)	ОЧ ККА женщины («молодость»)	АЧ ККА женщины («зрелость»)	ОЧ ККА женщины («зрелость»)
ВО – внешний облик	79	14,96	59	11,22
ГВС	22	4,17	30	5,70
<i>ДВ взгляд</i>	40	7,58	8	1,52
<i>ДВВ выр. лица</i>	18	3,41	9	1,71
<i>ДО осанка</i>	7	1,33	5	0,95
<i>ДП поза</i>	8	1,52	6	1,14
<i>ДУ улыбка</i>	6	1,14	3	0,57
Д	79	14,96	31	5,89
ОБ	50	9,47	32	6,08
ПРС	1	0,19	2	0,38
<i>СБ борода усы</i>	0	0,00	20	3,80
<i>СМ макияж</i>	20	3,79	12	2,28
<i>СО одежда обувь</i>	42	7,95	38	7,22
<i>СОО очки</i>	0	0,00	0	0,00
<i>СП прическа</i>	24	4,55	15	2,85
<i>СУ украшения</i>	11	2,08	5	0,95
С	97	18,37	90	17,11
<i>УБ брови</i>	0	0,00	4	0,76
<i>УГ грудь</i>	4	0,76	13	2,47
<i>УГГ губы</i>	8	1,52	2	0,38
<i>УЖ полнота</i>	0	0,00	21	3,99
<i>УК кожа лица</i>	29	5,49	30	5,70
<i>УЛ лицо</i>	58	10,98	77	14,64
<i>УЛЛ лысина</i>	0	0,00	0	0,00
<i>УМ морщины</i>	39	7,39	55	10,46
<i>УН ноги</i>	2	0,38	0	0,00
<i>УП пигментация</i>	1	0,19	2	0,38
<i>УПП прыщи</i>	0	0,00	1	0,19
<i>УР руки</i>	13	2,46	16	3,04
<i>УФ фигура</i>	28	5,30	32	6,08
<i>УХ худоба</i>	2	0,38	0	0,00
<i>УШ шея</i>	11	2,08	18	3,42
<i>УЩ щеки</i>	5	0,95	8	1,52
У	200	37,88	279	53,04
ЭКС	0	0,00	3	0,57
Итого	528	100	526	100

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.14 - Фотографии женщин и мужчин-ровесников из процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика»

			
Первая пара женщина / мужчина (23 года)			
			
Вторая пара женщина / мужчина (40/38 лет)			
			
Третья пара женщина / мужчина (59 лет)			

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.15 – Особенности конструирования возраста мужчин- и женщин-ровесников

Вариант ответа	Первая пара мужчина / женщина (23 года)	Вторая пара мужчина / женщина (38/40 лет)	Третья пара мужчина / женщина (59 лет)
<i>Выборка в целом</i>			
1. женщина старше мужчины	43,2 %	21,3 %	7,1 %
2. мужчина старше женщины	20,7 %	50,3 %	57,4 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,1 %	28,4 %	35,5 %
<i>Женщины</i>			
1. женщина старше мужчины	41,3 %	21,1 %	5,5 %
2. мужчина старше женщины	22 %	51,4 %	58,7 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,7 %	27,5 %	35,8 %
<i>Мужчины</i>			
1. женщина старше мужчины	47,8 %	21,8 %	10,9 %
2. мужчина старше женщины	17,4 %	47,8 %	54,3 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,8 %	30,4 %	34,8 %

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.16 – Особенности восприятия взрослыми, принадлежащими к различным возрастным группам, возраста мужчин- и женщин-ровесников

Вариант ответа	Первая пара мужчина / женщина (23 года)	Вторая пара мужчина / женщина (38/40 лет)	Третья пара мужчина / женщина (59 лет)
<i>Юные (17-20 лет)</i>			
1. женщина старше мужчины	47,7 %	18,2 %	4,6 %
2. мужчина старше женщины	18,2 %	56,8 %	47,7 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,1 %	25 %	47,7 %
<i>Молодые (21-34 года)</i>			
1. женщина старше мужчины	50,8 %	18,5 %	10,8 %
2. мужчина старше женщины	24,6 %	53,8 %	60 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	24,6 %	27,7 %	29,2 %
<i>Зрелые (35-60 лет)</i>			
1. женщина старше мужчины	28,3 %	28,3 %	4,3 %
2. мужчина старше женщины	17,4 %	39,1 %	63 %
3. возраст женщины и мужчины одинаков	54,3 %	32,6 %	32,6 %

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.17 – Сравнительный анализ воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия / уровень значимости	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия / уровень значимости
Первая пара (мужчина / женщина, 23 года)								
Сравнение ростовых фото					Сравнение портретных фото			
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	12	20,83	250	-4,248 / 0,000	17	24,82	422	-2,926 / 0,003
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	42	29,40	1235		38	29,42	1118	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	6				5			
Вторая пара (мужчина / женщина, 38/40 лет)								
Сравнение ростовых фото					Сравнение портретных фото			
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	38	29,22	1110,50	-2,555 / 0,011	43	28,98	1246	-3,995 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	18	26,97	485,50		12	24,50	294	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	4				5			
Третья пара (мужчина / женщина, 59 лет)								
Сравнение ростовых фото					Сравнение портретных фото			
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	45	27,93	1257	-5,197 / 0,000	39	24,03	937	-4,352 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	7	17,29	121		7	20,57	144	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	8				14			

Пояснение к Таблице И.17: N – количество рангов; ВВ жен. – воспринимаемый возраст женщины; ВВ муж. – воспринимаемый возраст мужчины.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.18 – Сравнительный анализ критериев оценки возраста мужчин и женщин-ровесников

Ранги	Первая пара мужчина / женщина (23 года)	Вторая пара мужчина / женщина (38/40 лет)	Третья пара мужчина / женщина (59 лет)
1	«одежда» (20 %)	«морщины» (17 %)	«морщины» (25 %)
2	«взгляд» (18 %)	«лицо в целом» (11 %), «телосложение» (фигура, полнота) (11%)	«лицо в целом» (11%), «одежда» (11 %), «так выглядят» (11 %)
3	«лицо в целом» (15 %)	«одежда» (9%), «прическа» (9 %)	«кожа лица» (8 %)
4	«прическа» (9 %)	«так выглядят» (8 %)	«взгляд» (7%), «ВО в целом» (возрастные изменения) (7%)
5	«так выглядят» (общее впечатление о ВО) (8 %)	«кожа лица» (7 %)	«прическа» (5 %), «телосложение» (5 %)
6	«кожа лица» (6 %), «ВО в целом» (6 %)	«взгляд» (6 %)	«выражение лица» (3 %)
7	«поза» (4 %), «телосложение» (4 %),	«ВО в целом» (5 %)	«поза» (2 %), «лысина» (2 %)
8-11	«выражение лица» (3%), «гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (3 %), «морщины» (2 %), «шея» (1%), «макияж» (0,5 %), «руки» (0,5 %), «овал лица» (0,5 %)	«выражение лица» (4 %), «шея» (4 %), «овал лица» (2 %), «гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (2 %), «поза» (2%), «лысина» (2 %), «очки» (2 %), «макияж» (1 %).	«гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (1 %), «овал лица» (1 %), «макияж» (0,5 %).

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.19 - Сравнительный анализ воспринимаемого возраста «модели» № 1 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после < ВВ до)	41	26,65	1092,50	Z=-4,782, p=0,000
Положительные ранги(ВВ после > ВВ до)	8	16,56	132,50	
Связи (ВВ после = ВВ до)	2			
Всего	51			

Пояснение к Табл. И.19: 80% оценщиков оценило возраст «модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 16 % оценщиков приписало ей больший возраст после оформления ВО; 4 % оценщиков дало «модели» один и тот же возраст по фотографии до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости (Z=-4,782; p=0,000) позволяют заключить, что «модель» № 1 после целостного оформления ВО стала выглядеть значимо моложе.

Рисунок И.1 - Пример фотоизображения «модели» («модель» № 1) выборки исследования, чей воспринимаемый возраст после целостного оформления внешнего облика стал значимо ниже по критерию знаковых рангов Уилкоксона

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.20 – Сравнительный анализ воспринимаемого возраста «модели» № 3 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после < ВВ до)	8	14,94	119,50	Z=-5,010, p=0,000
Положительные ранги(ВВ после > ВВ до)	42	27,51	1155,50	
Связи (ВВ после = ВВ до)	1			
Всего	51			

Пояснение к Таблице И.20: 16 % оценщиков оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 82 % оценщиков оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО выше, чем до его оформления; 2 % оценщиков приписали «модели» один и тот же возраст до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости ($Z=-5,010$; $p=0,000$) позволяют заключить, что «модель» № 3 после целостного оформления ВО стала выглядеть значительно старше.

Рисунок И.2 - Пример фотоизображения «модели» («модель» № 3) выборки исследования, чей воспринимаемый возраст после оформления ВО стал значимо выше по критерию знаковых рангов Уилкоксона

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.21 – Сравнительный анализ воспринимаемого возраста «модели» № 20 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после < ВВ до)	23	23,46	539,50	Z=-0,249, p=0,804
Положительные ранги(ВВ после > ВВ до)	22	22,52	495,50	
Связи (ВВ после = ВВ до)	6			
Всего	51			

Пояснение к Таблице И. 21: 45 % оценщиков оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 43 % оценщиков оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО выше, чем до его оформления; 12 % оценщиков приписали «модели» один и тот же возраст до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости ($Z=-0,249$; $p=0,804$) позволили заключить, что воспринимаемый возраст «модели» № 20 после целостного оформления ее ВО значимо не изменился.

Рисунок И.3 - Пример фотоизображения «модели» («модель» № 20) выборки исследования, чей воспринимаемый возраст после оформления ВО не изменился по результатам критерия знаковых рангов Уилкоксона

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.22 - Результаты сравнительного анализа воспринимаемого возраста мужчин-участников телепроектов, полученного на основании оценок их возраста субъектами познания до и после целостной трансформации внешнего облика по критерию Уилкоксона

Ранги		N	Средний ранг	Сумма рангов
фото66 - фото1	Отрицательные ранги	19 ^a	27,95	531,00
	Положительные ранги	52 ^b	38,94	2025,00
	Связи	7 ^c		
	Всего	78		
фото64 - фото3	Отрицательные ранги	24 ^d	26,50	636,00
	Положительные ранги	47 ^e	40,85	1920,00
	Связи	7 ^f		
	Всего	78		
фото62 - фото5	Отрицательные ранги	40 ^g	32,14	1285,50
	Положительные ранги	24 ^h	33,10	794,50
	Связи	14 ⁱ		
	Всего	78		
фото60 - фото7	Отрицательные ранги	53 ^j	38,87	2060,00
	Положительные ранги	20 ^k	32,05	641,00
	Связи	6 ^l		
	Всего	79		
фото58 - фото9	Отрицательные ранги	38 ^m	39,42	1498,00
	Положительные ранги	34 ⁿ	33,24	1130,00
	Связи	7 ^o		
	Всего	79		
фото56 - фото11	Отрицательные ранги	40 ^p	37,55	1502,00
	Положительные ранги	33 ^q	36,33	1199,00
	Связи	6 ^r		
	Всего	79		
фото54 - фото13	Отрицательные ранги	52 ^s	38,38	1996,00
	Положительные ранги	23 ^t	37,13	854,00
	Связи	4 ^u		
	Всего	79		
фото52 - фото15	Отрицательные ранги	68 ^v	41,36	2812,50
	Положительные ранги	10 ^w	26,85	268,50
	Связи	1 ^x		
	Всего	79		
фото50 - фото17	Отрицательные ранги	65 ^y	41,95	2727,00
	Положительные ранги	10 ^z	12,30	123,00
	Связи	4 ^{aa}		
	Всего	79		
фото48 - фото19	Отрицательные ранги	30 ^{ab}	35,80	1074,00
	Положительные ранги	39 ^{ac}	34,38	1341,00
	Связи	9 ^{ad}		
	Всего	78		
фото46 - фото21	Отрицательные ранги	59 ^{ae}	41,66	2458,00
	Положительные ранги	15 ^{af}	21,13	317,00

фото44 - фото23	Связи	5 ^{ag}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	43 ^{ah}	38,37	1650,00
фото42 - фото25	Положительные ранги	29 ^{ai}	33,72	978,00
	Связи	7 ^{aj}		
	Всего	79		
фото40 - фото27	Отрицательные ранги	50 ^{ak}	42,99	2149,50
	Положительные ранги	26 ^{al}	29,87	776,50
	Связи	3 ^{am}		
фото38 - фото29	Всего	79		
	Отрицательные ранги	42 ^{an}	37,06	1556,50
	Положительные ранги	31 ^{ao}	36,92	1144,50
фото36 - фото31	Связи	6 ^{ap}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	28 ^{aq}	35,02	980,50
фото34 - фото33	Положительные ранги	42 ^{ar}	35,82	1504,50
	Связи	9 ^{as}		
	Всего	79		
фото32 - фото35	Отрицательные ранги	8 ^{at}	20,44	163,50
	Положительные ранги	65 ^{au}	39,04	2537,50
	Связи	6 ^{av}		
фото30 - фото37	Всего	79		
	Отрицательные ранги	45 ^{aw}	36,69	1651,00
	Положительные ранги	26 ^{ax}	34,81	905,00
фото28 - фото39	Связи	8 ^{ay}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	59 ^{az}	36,91	2177,50
фото26 - фото41	Положительные ранги	9 ^{ba}	18,72	168,50
	Связи	11 ^{bb}		
	Всего	79		
фото24 - фото43	Отрицательные ранги	61 ^{bc}	35,73	2179,50
	Положительные ранги	5 ^{bd}	6,30	31,50
	Связи	13 ^{be}		
фото22 - фото45	Всего	79		
	Отрицательные ранги	62 ^{bf}	40,31	2499,00
	Положительные ранги	12 ^{bg}	23,00	276,00
фото20 - фото47	Связи	4 ^{bh}		
	Всего	78		
	Отрицательные ранги	36 ^{bi}	37,46	1348,50
фото20 - фото47	Положительные ранги	35 ^{bj}	34,50	1207,50
	Связи	8 ^{bk}		
	Всего	79		
фото20 - фото47	Отрицательные ранги	58 ^{bl}	41,93	2432,00
	Положительные ранги	17 ^{bm}	24,59	418,00
	Связи	4 ^{bn}		
фото20 - фото47	Всего	79		
	Отрицательные ранги	44 ^{bo}	35,51	1562,50
	Положительные ранги	29 ^{bp}	39,26	1138,50
фото20 - фото47	Связи	6 ^{bq}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	62 ^{br}	40,51	2511,50
фото20 - фото47	Положительные ранги	12 ^{bs}	21,96	263,50

фото18 - фото49	Связи	5 ^{bt}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	60 ^{bu}	39,03	2341,50
фото16 - фото51	Положительные ранги	15 ^{bv}	33,90	508,50
	Связи	4 ^{bw}		
	Всего	79		
фото14 - фото53	Отрицательные ранги	42 ^{bx}	35,95	1510,00
	Положительные ранги	30 ^{by}	37,27	1118,00
	Связи	7 ^{bz}		
фото12 - фото55	Всего	79		
	Отрицательные ранги	25 ^{ca}	34,18	854,50
	Положительные ранги	40 ^{cb}	32,26	1290,50
фото10 - фото57	Связи	14 ^{cc}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	59 ^{cd}	42,24	2492,00
фото8 - фото59	Положительные ранги	17 ^{ce}	25,53	434,00
	Связи	3 ^{cf}		
	Всего	79		
фото6 - фото61	Отрицательные ранги	58 ^{cg}	38,28	2220,00
	Положительные ранги	14 ^{ch}	29,14	408,00
	Связи	7 ^{ci}		
фото4 - фото63	Всего	79		
	Отрицательные ранги	55 ^{cj}	41,45	2279,50
	Положительные ранги	20 ^{ck}	28,53	570,50
фото2 - фото65	Связи	4 ^{cl}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	12 ^{cm}	26,75	321,00
	Положительные ранги	57 ^{cn}	36,74	2094,00
	Связи	10 ^{co}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	41 ^{cp}	37,06	1519,50
	Положительные ранги	32 ^{cq}	36,92	1181,50
	Связи	6 ^{cr}		
	Всего	79		
	Отрицательные ранги	29 ^{cs}	33,07	959,00
	Положительные ранги	39 ^{ct}	35,56	1387,00
	Связи	11 ^{cu}		
	Всего	79		

Статистики критерия^a

	фото66 - фото1	фото64 - фото3	фото62 - фото5	фото60 - фото7
Z	-4,283 ^b	-3,682 ^b	-1,645 ^c	-3,905 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,000	,100	,000

Статистики критерия^a

	фото58 - фото9	фото56 - фото11	фото54 - фото13	фото52 - фото15
Z	-1,034 ^b	-,834 ^b	-3,021 ^c	-6,340 ^c

Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,301	,404	,003	,000

Статистики критерия^a

	фото50 - фото17	фото48 - фото19	фото46 - фото21	фото44 - фото23
Z	-6,884 ^b	-,801 ^b	-5,772 ^c	-1,888 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,423	,000	,059

Статистики критерия^a

	фото42 - фото25	фото40 - фото27	фото38 - фото29	фото36 - фото31
Z	-3,560 ^b	-1,134 ^b	-1,536 ^c	-6,534 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,257	,124	,000

Статистики критерия^a

	фото34 - фото33	фото32 - фото35	фото30 - фото37	фото28 - фото39
Z	-2,141 ^b	-6,151 ^b	-6,866 ^c	-5,994 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,032	,000	,000	,000

Статистики критерия^a

	фото26 - фото41	фото24 - фото43	фото22 - фото45	фото20 - фото47
Z	-,405 ^b	-5,319 ^b	-1,167 ^c	-6,059 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,686	,000	,243	,000

Статистики критерия^a

	фото18 - фото49	фото16 - фото51	фото14 - фото53	фото12 - фото55
Z	-4,845 ^b	-1,102 ^b	-1,426 ^c	-5,332 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,270	,154	,000

Статистики критерия^a

	фото10 - фото57	фото8 - фото59	фото6 - фото61	фото4 - фото63
Z	-5,089 ^b	-4,516 ^b	-5,305 ^c	-,930 ^c
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,352

Статистики критерия^a

	фото2 - фото65
Z	-1,309 ^b
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,191

a. Критерий знаковых рангов Уилкоксона

b. Используются отрицательные ранги.

c. Используются положительные ранги.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.23 – Результаты дисперсионного анализа повторных измерений («RM-ANOVA») отношения к «моделям» в зависимости от условного возрастного этапа («молодость», «зрелость», «пожилой возраст»), ассоциированного с возрастными изменениями внешнего облика

№	Симпатия—антипатия				Уважение—неуважение				Близость—отдаленность			
	М1	М2	М3	F/p	М1	М2	М3	F/p	М1	М2	М3	F/p
1Ж	3,78 1/2+	3,99 2/3+	4,18 1/3+	15,964/ 0,000	3,55 1/2+	3,83 2/3-	3,86 1/3+	11,515/ 0,000	5,23 1/2+	4,86 2/3+	5,10 1/3-	9,003/ 0,000
2Ж	3,70 1/2-	3,71 2/3+	4,19 1/3+	24,406/ 0,000	3,72 1/2-	3,69 2/3-	3,78 1/3-	1,217/ 0,296	4,61 1/2-	4,61 2/3+	5,00 1/3+	17,237/ 0,000
3Ж	3,80 1/2-	3,96 2/3+	4,34 1/3+	23,204/ 0,000	3,81 1/2-	3,64 2/3+	3,92 1/3-	7,841/ 0,000	4,65 1/2+	4,87 2/3+	5,23 1/3+	24,346/ 0,000
4Ж	4,60 1/2-	4,69 2/3+	4,10 1/3+	37,606/ 0,000	4,29 1/2-	4,36 2/3+	3,65 1/3+	55,203/ 0,000	4,28 1/2-	4,36 2/3+	3,65 1/3+	55,203/ 0,000
5Ж	4,37 1/2+	4,14 2/3-	4,20 1/3-	5,676/ 0,005	4,14 1/2+	3,89 2/3+	3,65 1/3+	22,616/ 0,000	5,21 1/2+	4,99 2/3-	5,11 1/3-	3,900/ 0,024
6Ж	3,05 1/2+	3,48 2/3+	3,81 1/3+	47,932/ 0,000	3,49 1/2-	3,57 2/3-	3,60 1/3-	1,640/ 0,198	4,05 1/2+	4,40 2/3+	4,67 1/3+	32,220/ 0,000
1М	3,75 1/2+	3,98 2/3-	3,91 1/3 +	5,472/ 0,005	3,77 1/2-	3,77 2/3-	3,71 1/3-	0,572/ 0,565	4,58 1/2+	4,92 2/3-	4,85 1/3+	10,242/ 0,000
2М	4,06 1/2-	4,19 2/3-	4,25 1/3+	4,454/ 0,013	4,07 1/2-	4,06 2/3-	3,98 1/3-	1,485/ 0,228	4,98 1/2-	5,08 2/3-	5,18 1/3+	4,793/ 0,010
3М	4,49 1/2-	4,53 2/3+	3,93 1/3+	42,775/ 0,000	4,26 1/2-	4,27 2/3+	3,45 1/3+	73,330/ 0,000	5,48 1/2-	5,44 2/3+	5,03 1/3+	19,043/ 0,000
4М	3,95 1/2-	4,09 2/3-	4,07 1/3-	2,341/ 0,097	3,99 1/2-	3,98 2/3+	3,73 1/3+	10,159/ 0,000	4,95 1/2-	4,98 2/3-	4,98 1/3-	0,083/ 0,915
5М	4,66 1/2-	4,79 2/3+	4,49 1/3-	8,363/ 0,000	4,34 1/2-	4,47 2/3+	4,15 1/3+	9,241/ 0,000	5,49 1/2-	5,66 2/3+	5,49 1/3-	3,028/ 0,054
6М	4,40 1/2+	4,64 2/3-	4,57 1/3+	6,674/ 0,002	4,24 1/2-	4,29 2/3+	4,09 1/3-	5,042/ 0,007	5,32 1/2-	5,43 2/3-	5,46 1/3-	2,199/ 0,112

Примечание: М1, М2, М3 — средние значения выраженности отношения; 1/2, 2/3, 1/3 — сравниваемые измерения; «+» значимые различия; «-» не значимые различия; F — критерий Фишера; p — уровень значимости различий.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.24 – Описательные статистики показателя ХВ-ЖВВ в половозрастных подгруппах

Минимум	Максимум	Среднее арифметическое	Станд. отклонение
ОСНОВНАЯ ВЫБОРКА (21-75 лет, N=637)			
-7	55	9,85	7,67
<i>Мужчины (N=235)</i>			
-7	55	10,08	9,41
<i>Женщины (N=402)</i>			
-2	33	9,72	6,45
МОЛОДЫЕ (21-34 года, N=114)			
-7	10	2,67	2,94
<i>Мужчины (N=28)</i>			
-7	5	0,57	2,52
<i>Женщины (N=86)</i>			
-2	10	3,36	2,74
ЗРЕЛЫЕ ДО 50 (25-49, N=153)			
0	26	8,59	5,08
<i>Мужчины (N=52)</i>			
0	22	7,77	6,08
<i>Женщины (N=101)</i>			
0	26	9,01	4,45
ЗРЕЛЫЕ СТАРШЕ 50 (50-59, N=215)			
0	35	11,77	6,73
<i>Мужчины (N=90)</i>			
0	35	10,90	7,25
<i>Женщины (N=125)</i>			
0	33	12,39	6,29
ПОЖИЛЫЕ (60-75, N=155)			
-1	55	13,68	9,42
<i>Мужчины (N=65)</i>			
-1	55	14,89	12,25
<i>Женщины (N=90)</i>			
0	32	12,81	6,61

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.25 – Результаты корреляционного анализа выраженности ПВМ (ХВ-ЖВВ) с показателями самооценки возраста и отношения к своему внешнему облику (коэффициент корреляции Спирмена / уровень значимости; ** 0,01; * 0,05).

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Разница между хронологическим возрастом и субъективным возрастом (ХВ-СВ)	0,521**	0,000
Разница между хронологическим возрастом и самооценкой воспринимаемого возраста (ХВ-СВВ)	0,513**	0,000
Разница между хронологическим возрастом и оценкой воспринимаемого возраста (ХВ-ОВВ) со слов респондентов	0,495**	0,000
Разница между хронологическим возрастом и воспринимаемым возрастом (ХВ-ВВ, «спасенные годы»)	0,363**	0,000
Планируемая продолжительность жизни	0,139**	0,002
Арреарансе-перфекционизм	0,155**	0,000
Ценность, значимость внешнего облика для академической успеваемости	0,164**	0,000
Ценность, значимость внешнего облика для карьеры	0,099*	0,021
Ценность, значимость внешнего облика для образа жизни	0,123**	0,004
Оценка соответствия внешнего облика возрасту	-0,099*	0,013

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.26 - Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: выраженность ПВМ (ХВ-ЖВВ); метод: stepwise (по шагам))

Модель	В	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	12,472	1,642		7,597	0,000
Разница между хронологическим и субъективным возрастом (ХВ-СВ)	0,357	0,040	0,368	8,885	0,000
Разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом («спасенные годы»)	0,252	0,065	0,160	3,873	0,000
Экономический статус	-1,685	0,475	-0,143	-3,550	0,000
Общие показатели регрессии	$R=0,445$; $R^2=0,198$; $F=40,982$; $p=0,000$				

Таблица И.27 – Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: выраженность ПВМ (ХВ-ЖВВ); метод: stepwise (по шагам))

Модель	В	Ст. ошиб.	β	t	p
(Константа)	-3,989	0,929		-4,294	0,000
Возраст	0,239	0,020	0,425	12,096	0,000
Разница между хронологическим и субъективным возрастом (ХВ-СВ)	0,247	0,033	0,262	7,467	0,000
Общие показатели регрессии	$R=0,579$; $R^2=0,335$; $F=159,3902$; $p=0,000$				

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.28 – Результаты корреляционного анализа Спирмена разницы между хронологическим и ВВ взрослых (ХВ – ВВ) с показателями самооценки возраста и отношения к своему ВО (коэффициент корреляции / уровень значимости; ** корреляция значима на уровне 0,01; * корреляция значима на уровне 0,05)

Показатель	Вся выборка (N = 523)	Мужчины (N = 207)	Женщины (N = 316)	Зрелые (N = 368)	Пожилые (N = 155)
Показатели самооценки возраста и планируемой продолжительности жизни					
ХВ – СВ	0,205** / 0,000	0,223** / 0,001	0,164** / 0,003	0,205** / 0,000	Не значима
ХВ – СВВ	0,340** / 0,000	0,295** / 0,000	0,359** / 0,000	0,357** / 0,000	0,278** / 0,000
ХВ – ЖВВ	0,226** / 0,000	0,181** / 0,009	0,243** / 0,000	0,199** / 0,000	0,168* / 0,037
ХВ – ОВВ	0,383** / 0,000	0,330** / 0,000	0,404** / 0,000	0,352** / 0,000	0,388** / 0,000
Планируемая продолжительность жизни	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима	0,247** / 0,003
Когнитивный компонент отношения к своему ВО					
<i>Представления об оценке ВО другими людьми</i>					
Оценка ВО друзьями-мужчинами	0,185** / 0,000	0,147* / 0,043	0,162** / 0,006	0,156** / 0,005	0,301** / 0,000
Оценка ВО друзьями-женщинами	0,127** / 0,006	Не значима	0,150* / 0,011	Не значима	0,206* / 0,013
Оценка ВО матерью	Не значима	Не значима	Не значима	-0,156** / 0,005	Не значима
Оценка ВО руководителем	0,166** / 0,000	Не значима	0,155* / 0,010	0,113* / 0,044	0,233** / 0,005
<i>Ценность и значимость ВО в различных сферах жизнедеятельности</i>					
В сфере общения и дружбы	0,154** / 0,001	0,175* / 0,015	0,133* / 0,024	0,150** / 0,006	0,234** / 0,004
В сфере академической успеваемости	0,108* / 0,019	Не значима	0,118* / 0,047	Не значима	0,165* / 0,045
В сфере карьеры	0,107* / 0,020	Не значима	0,137* / 0,021	0,113* / 0,039	Не значима

Продолжение Таблицы И.28					
В сфере семьи и романтических отношений	0,144** / 0,002	Не значима	0,174** / 0,003	0,160** / 0,003	0,175* / 0,034
В сфере образа жизни	0,122** / 0,008	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима
В сфере счастья	0,103* / 0,024	Не значима	0,148* / 0,012	Не значима	0,177* / 0,031
<i>Оценка компонентов своего ВО</i>					
Оценка лица	0,152** / 0,000	Не значима	0,130* / 0,021	0,184** / 0,000	Не значима
Оценка телосложения	0,165** / 0,000	Не значима	0,199** / 0,000	0,206** / 0,000	Не значима
Оценка оформления ВО	0,148** / 0,001	Не значима	Не значима	0,128* / 0,014	0,191* / 0,017
Оценка выразительного поведения	0,155** / 0,000	Не значима	0,132* / 0,019	0,165** / 0,001	Не значима
<i>Интегральные оценки своего ВО</i>					
Степень принятия своего отраженного ВО	0,143** / 0,001	0,162* / 0,020	Не значима	0,175** / 0,001	Не значима
Оценка соответствия возрасту	Не значима	Не значима	-0,118* / 0,037	-0,116* / 0,026	Не значима
Оценка соответствия гендеру	0,088* / 0,044	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима
Привлекательность ВО для партнера противоположного пола	0,133** / 0,002	Не значима	0,130* / 0,021	0,181** / 0,000	Не значима
Оценка сексуальности своего ВО	0,130** / 0,003	Не значима	0,145** / 0,010	0,205** / 0,000	Не значима
Интегральная оценка ВО	0,164** / 0,000	0,142* / 0,041	0,138* / 0,014	0,177** / 0,001	Не значима
Эмоциональный компонент отношения к своему ВО					
Удовлетворенность ВО	0,146** / 0,001	0,189** / 0,008	Не значима	Не значима	0,274** / 0,001
Обеспокоенность ВО	0,107* / 0,019	0,166* / 0,021	Не значима	Не значима	Не значима

Окончание Таблицы И.28					
Поведенческий компонент отношения к своему ВО					
Стремление к совершенствованию своего ВО	0,117* / 0,010	Не значима	Не значима	Не значима	0,162* / 0,049
Арреарансе-перфекционизм	0,109* / 0,018	Не значима	Не значима	Не значима	0,185* / 0,024
Дополнительные переменные					
Возраст	0,262** / 0,000	0,341** / 0,000	0,236** / 0,000	Не значима	0,306** / 0,000
Экономический статус	0,106* / 0,020	Не значима	Не значима	0,114* / 0,038	Не значима

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.29 – Описательные статистики показателя ХВ-ВВ у мужчин и женщин на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст»

Показатель	Размер выборки	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Мужчины (35-75 лет)					
ХВ-ВВ	207	-18	19	0,82	4,828
<i>Мужчины (35-59 лет, возрастной этап «зрелость»)</i>					
ХВ-ВВ	142	-18	9	-0,41	4,317
<i>Мужчины (60-75 лет, возрастной этап «пожилой возраст»)</i>					
ХВ-ВВ	65	-6	19	3,49	4,832
Женщины (35-75 лет)					
ХВ-ВВ	316	-10	14	2,66	4,494
<i>Женщины (35-59 лет, возрастной этап «зрелость»)</i>					
ХВ-ВВ	226	-10	14	2,08	4,454
<i>Женщины (60-75 лет, возрастной этап «пожилой возраст»)</i>					
ХВ-ВВ	90	-7	14	4,12	4,276

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.30 - Сравнительный анализ параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «Зрелость» и «Пожилой возраст» по Т-критерию Стьюдента

Показатель	М муж.	М жен.	t	p	М муж.	М жен.	t	p
	<i>Зрелость</i>				<i>Пожилой возраст</i>			
ОБВО	4,24	4,78	- 2,910	0,004	Различия не значимы			
СС	6,06	6,95	- 3,854	0,000	* Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр.=61,34, ср. ранг 2 гр.=83,72, Z=-3,134 при p=0,002			
ОЦВОдрмуж	7,00	7,42	- 2,068	0,039	6,67	7,31	- 2,078	0,039
ОЦВОмать	* Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр.=174,65, ср. ранг 2 гр.=148,81, Z=-2,539 при p=0,011				Различия не значимы			
АП	4,41	4,80	- 2,863	0,004	Различия не значимы			
ОЛ	55,93	61,15	- 3,748	0,006	Различия не значимы			
ООВО	52,35	58,20	- 4,245	0,000	Различия не значимы			
ОВП	49,65	52,26	- 2,391	0,017	Различия не значимы			
СПОВО	32,20	40,64	- 6,781	0,000	Различия не значимы			
ОСГР	23,35	21,69	2,613	0,009	Различия не значимы			
ОВПВО	14,16	12,62	2,795	0,005	Различия не значимы			
ПВО	28,54	30,01	- 2,067	0,039	Различия не значимы			
ОС	26,38	28,31	- 2,677	0,008	Различия не значимы			
ИОВО	416,25	440,38	- 2,915	0,004	Различия не значимы			

Пояснения к таблице: М – среднее арифметическое; муж. – мужчины; жен. – женщины; t – показатель Т-критерия Стьюдента; p – уровень значимости; * - критерий равенства дисперсий Ливиня показал неправомочность применения Т-критерия Стьюдента, применялся критерий Манна-Уитни; ср. ранг 1 гр. – средний ранг 1 группы; ср. ранг 2 гр. – средний ранг 2 группы; Z – статистика критерия Манна-Уитни.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.31 - Значимые взаимосвязи показателя ХВ-ВВ («спасенные годы») с параметрами отношения к своему ВО у мужчин и женщин на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст» по Спирмену (коэффициент корреляции / уровень значимости; * - значимые взаимосвязи на уровне значимости $\leq 0,05$; ** - значимые взаимосвязи на уровне значимости $\leq 0,01$)

Женщины		Мужчины	
<i>Зрелость</i>	<i>Пожилой возраст</i>	<i>Зрелость</i>	<i>Пожилой возраст</i>
Общ/друж (0,140*/0,049)	ОЦВОдрмуж (0,281**/0,008)	УдВО (0,173*/0,047)	УдВО (0,352**/0,005)
Карьера (0,172*/0,015)	ОЦВОрук (0,218*/0,048)	ОЦВОотец (-0,189*/0,047)	ОЦВОдрмуж (0,295*/0,022)
Семья (0,195**/0,006)	ОСВ (- 0,221*/0,036)		СроцВО (0,267*/0,039)
СрзначВО (0,159*/0,025)			Общ/друж (0,343**/0,007)
ОЛ (0,161*/0,016)			ИОВО (0,267*/0,032)
ОТ (0,271**/0,000)			
ОВП (0,159*/0,016)			
ОСВ (- 0,138*/0,038)			
ПВО (0,184**/0,006)			
ОС (0,220**/0,001)			
УВО (0,191**/0,004)			
ИОВО (0,182**/0,006)			

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.32 – Значимые коэффициенты корреляции показателя ХВ-ВВ («спасенные годы») и выраженности компонентов Большой пятерки, самооффективности и потребности в контроле объектов познания (коэффициент корреляции Спирмена / уровень значимости)

Показатели (ПРОПИСНЫМИ буквами обозначены базовые факторы Большой пятерки, строчными и курсивом – первичные шкалы)	Коэффициент корреляции Спирмена	Уровень значимости коэффициента
<i>Подвыборка «Молодые» (возраст от 19 до 34 лет)</i>		
<i>Активность - пассивность</i>	0,287	0,029
ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ - СДЕРЖАННОСТЬ	0,474	0,000
<i>Тревожность – беззаботность</i>	0,416	0,001
<i>Напряженность - расслабленность</i>	0,405	0,002
<i>Депрессивность – эмоциональная комфортность</i>	0,449	0,000
<i>Эмоциональная лабильность – стабильность</i>	0,563	0,000
ИГРИВОСТЬ – ПРАКТИЧНОСТЬ	0,349	0,007
<i>Мечтательность – реалистичность</i>	0,368	0,004
<i>Пластичность – ригидность</i>	0,399	0,002
Самооффективность	-0,430	0,001
<i>Подвыборка «Зрелые» (возраст от 35 до 77 лет)</i>		
<i>Доверчивость – подозрительность</i>	0,292	0,051
КОНТРОЛИРОВАНИЕ – ЕСТЕСТВЕННОСТЬ	0,283	0,059
<i>Артистичность – неартистичность</i>	0,302	0,044
Выраженность потребности в контроле себя и других	r=-0,426,	a=0,004

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.33 – Распределение зон внешнего облика по фиксациям от первой до пятнадцатой, высчитанное для всех портретных фотографий по всем 408 субъектам восприятия (в процентах, Ф1-Ф1 – номер фиксации)

Параметр	1_Голова	2_Лицо	3_ЛГ	4_ПГ	5_Пер	6_Нос	7_ПЩ	8_ЛЩ	9_ГБ	10_Ш	11_Плечи	12_Грудь
Ф_1	35,9	37,0	4,2	6,7	4,0	3,3	2,0	1,3	2,5	1,6	0,7	0,8
Ф_2	10,3	41,2	11,5	10,7	9,8	7,2	1,9	2,6	3,3	0,9	0,4	0,3
Ф_3	3,2	31,5	17,1	11,7	11,3	12,1	2,2	4,1	4,4	1,3	0,6	0,5
Ф_4	3,0	30,7	17,9	11,0	9,3	11,8	2,6	4,7	5,4	1,9	1,0	0,7
Ф_5	2,9	29,6	17,2	11,6	8,8	11,5	2,4	4,9	6,6	2,0	1,2	1,4
Ф_6	3,3	28,9	17,6	10,7	8,9	10,6	2,4	5,2	6,9	2,7	1,5	1,3
Ф_7	3,3	29,0	16,3	11,6	8,7	10,4	2,6	5,3	6,9	2,8	1,6	1,7
Ф_8	3,6	28,6	15,4	12,5	8,8	9,6	3,1	4,9	6,4	3,4	2,1	1,8
Ф_9	3,3	28,6	16,6	11,6	8,2	10,4	2,6	4,2	6,9	3,3	2,0	2,2
Ф_10	3,1	28,9	14,8	12,6	7,6	10,2	2,5	5,1	6,9	3,8	1,8	2,6
Ф_11	3,7	29,4	15,0	11,8	7,7	9,8	3,4	4,2	6,5	4,1	2,2	2,3
Ф_12	3,9	28,5	14,8	11,2	7,8	10,0	3,1	4,0	7,1	5,0	2,1	2,5
Ф_13	3,5	27,2	15,0	12,2	7,6	9,9	2,8	4,3	8,3	4,6	2,0	2,7
Ф_14	3,1	27,6	13,7	11,9	6,8	9,9	3,7	4,2	8,7	5,4	2,3	2,7
Ф_15	3,4	28,8	12,6	11,7	6,7	10,2	2,6	4,9	7,8	5,6	2,5	3,2

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.34 - Распределение зон внешнего облика по фиксациям от первой до пятнадцатой, высчитанное для всех ростовых фотографий по всем 408 субъектам восприятия (в процентах)

Пара метр	1_Голова	2_лоб	3_ЛГ	4_ПГ	5_Пер	6_Нос	7_ПЩ	8_ЛЩ	9_ГБ	10_Ш	11_Плечи	12_Грудь	13_Таз	14_Ноги
Ф_1	7,9	9,9	2,3	1,4	0,8	1,4	1,8	2,8	4,3	13,0	22,7	27,4	2,4	1,8
Ф_2	13,2	21,1	5,2	3,9	1,7	3,5	4,0	5,3	7,4	12,8	10,4	9,4	1,3	0,9
Ф_3	18,7	27,2	6,2	4,8	2,6	4,4	4,3	6,2	8,4	6,5	2,9	4,1	2,0	1,5
Ф_4	16,6	24,8	6,8	4,4	2,5	4,3	4,1	6,7	7,7	6,4	3,4	5,5	3,5	3,1
Ф_5	14,5	23,1	6,3	4,5	2,7	3,9	4,0	6,4	8,2	7,3	3,5	6,8	4,2	4,6
Ф_6	12,8	22,7	6,0	4,5	2,1	4,1	4,6	6,5	8,2	6,8	3,8	7,6	4,8	5,7
Ф_7	11,3	22,5	5,5	4,9	2,5	3,9	4,1	5,6	8,5	7,2	4,2	8,7	4,9	6,1
Ф_8	11,2	22,1	5,9	3,9	2,2	3,8	4,1	6,2	9,2	7,0	4,3	8,5	4,9	6,6
Ф_9	10,2	21,1	6,0	4,2	2,8	3,5	4,2	6,1	8,1	7,4	4,6	9,1	5,7	7,2
Ф_10	11,2	21,6	5,0	3,9	1,6	3,8	4,2	5,9	8,7	7,2	4,1	10,0	5,6	7,3
Ф_11	9,9	19,6	6,3	4,2	3,2	2,9	3,7	4,7	8,8	7,8	5,7	9,3	5,8	8,0
Ф_12	11,1	18,2	5,0	4,9	2,0	3,9	3,9	5,2	8,7	8,0	4,8	11,0	5,2	8,1
Ф_13	10,2	19,7	5,1	5,9	2,3	3,6	3,8	4,0	8,8	10,0	3,9	9,0	5,4	8,3
Ф_14	10,8	18,3	5,5	3,3	2,6	3,6	4,6	5,0	9,0	9,3	5,1	9,6	5,4	7,8
Ф_15	11,4	18,5	5,9	5,6	2,1	5,2	4,1	5,5	7,8	7,4	4,6	10,5	5,3	6,2

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.35 – Сравнительный анализ количества фиксаций и времени рассматривания при оценке возраста незнакомого человека на основании восприятия его лица и фигуры, по критерию Уилкоксона (по отдельным моделям)

Возрастной интервал	Модель (код возраст/пол)	Отрицательные ранги	Положительные ранги	Связи	Статистика критерия	Уровень значимости	Отрицательные ранги	Положительные ранги	Связи	Статистика критерия	Уровень значимости
		Количество фиксаций (фигура—лицо)					Время рассматривания (фигура—лицо)				
20—30 лет	23М	38	29	9	–1,221	0,222	31	45	0	–1,356	0,175
	22Ж	37	33	6	–0,767	0,443	32	44	0	–1,514	0,130
31—40 лет	37М	48	23	5	–3,327	0,001	34	42	0	–0,422	0,673
	32Ж	47	24	5	–3,149	0,002	44	32	0	–1,851	0,064
41—50 лет	45М	40	27	9	–1,567	0,117	42	34	0	–0,891	0,373
	42Ж	56	14	6	–4,677	0,000	58	17	1	–3,939	0,000
51—60 лет	58М	44	20	12	–2,744	0,006	41	35	0	–1,390	0,164
	58Ж	42	28	6	–0,973	0,330	35	41	0	–1,496	0,135

Примечание: отрицательные ранги — количество случаев, при которых количество фиксаций / время рассматривания при оценке возраста «по фигуре» меньше, чем «по лицу»; положительные ранги — количество случаев, при которых количество фиксаций / время рассматривания при оценке возраста «по фигуре» больше, чем «по лицу»; связи — количество случаев, при которых количество фиксаций / время рассматривания при оценке возраста «по фигуре» равно аналогичным показателям при оценке возраста «по лицу».

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.36 - Среднее арифметическое количества фиксаций и времени рассматривания при определении возраста незнакомого человека

Возрастной интервал	Модель (код возраст/пол)	Количество фиксаций		Время рассматривания (секунды)	
		Лицо	Фигура	Лицо	Фигура
20—30 лет	23М	12	10	5,43	5,52
	22Ж	12	11	5,52	5,95
31—40 лет	37М	13	10	5,97	5,48
	32Ж	14	12	6,62	6,34
41—50 лет	45М	13	12	6,66	6,04
	42Ж	17	12	7,86	6,24
51—60 лет	58М	13	12	6,10	6,22
	58Ж	12	12	5,75	6,56
<i>Итого</i> (по мужским фотографиям)		12,75	11	6,04	5,82
<i>Итого</i> (по женским фотографиям)		13,75	11,75	6,44	6,27
<i>Итого</i> (по фотографиям моделей в возрасте 20—40 лет)		12,75	10,75	5,89	5,82
<i>Итого</i> (по фотографиям моделей в возрасте 41-60 лет)		13,75	12	6,59	6,27
<i>Итого</i> (вне зависимости от гендера и возраста объекта восприятия)		13,25	11,38	6,24	6,04

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.37 – Сравнительный анализ количества фиксаций и времени рассматривания при оценке возраста незнакомого человека на основании восприятия его лица и фигуры, по критерию Уилкоксона (по всем моделям и моделям, дифференцированным по полу/возрасту)

Сравниваемые показатели	Отрицательные ранги	Положительные ранги	Связи	Статистика критерия	Уровень значимости	Отрицательные ранги	Положительные ранги	Связи	Статистика критерия	Уровень значимости
	Количество фиксаций					Время рассматривания				
Фигура—лицо										
Все портретные/ростовые фотографии	55	20	1	— 4,756	0,000	46	30	0	–1,765	0,077
Женские портретные/ростовые фотографии	54	18	4	— 4,460	0,000	50	26	0	–1,916	0,055
Мужские портретные/ростовые фотографии	50	24	2	— 3,298	0,001	40	36	0	–0,875	0,382
Портретные и ростовые фотографии молодых взрослых	57	18	1	— 3,933	0,000	40	36	0	–1,041	0,298
Портретные и ростовые фотографии зрелых взрослых	55	20	1	— 3,927	0,000	52	24	0	–2,128	0,033

Продолжение Таблицы И.37										
<i>Лицо—лицо</i>										
Портретные фотографии <i>женщин и мужчин</i>	46	29	1	– 2,866	0,004	48	28	0	–2,563	0,008
Портретные фотографии <i>молодых и зрелых взрослых</i>	19	52	5	– 3,443	0,001	23	53	0	–3,842	0,000
<i>Фигура—фигура</i>										
Ростовые фотографии <i>женщин и мужчин</i>	48	26	2	– 2,563	0,010	42	34	0	–1,688	0,091
Ростовые фотографии <i>молодых и зрелых взрослых</i>	31	41	4	– 1,774	0,076	31	45	0	–1,595	0,111

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.38 – Сравнительный анализ социально-психологических и личностных особенностей субъектов познания, разделенных на подгруппы по времени восприятия незнакомого другого (быстрое решение перцептивной задачи о возрасте незнакомого другого / длительное решение перцептивной задачи о возрасте незнакомого другого)

№ п/п	Особенности субъекта восприятия	Среднее (быстро принимают решение о возрасте другого)	Среднее (медленно принимают решение о возрасте другого)	Критерий Стьюдента	Уровень значимости
1	Оценка своего лица	60,12	57,35	2,135	0,033
2	Оценка своего телосложения	68,01	64,68	2,099	0,036
3	Оценка оформления своего внешнего облика	Критерий Ливиня показал равенство дисперсий, был применен критерий Манна-Уитни: ср. ранг 1 гр.=212,32, ср. ранг 2 гр.=184,45, Z=-2,345 при p=0,019			
4	Степень принятия своего отраженного внешнего облика	45,80	42,18	2,886	0,004
5	Оценка соответствия своего внешнего облика возрасту	13,70	12,40	3,349	0,001
6	Оценка соответствия внешнего облика гендеру	50,21	47,34	3,130	0,002
7	Оценка соответствия внешнего облика гендерным ролям	18,87	17,23	2,237	0,026
8	Привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола	31,30	29,01	3,094	0,002
9	Оценка сексуальности своего внешнего облика	29,22	27,11	2,639	0,009
10	Удовлетворенность своим внешним обликом	7,71	7,00	2,764	0,006
11	Интегральная оценка своего внешнего облика	463,06	436,88	3,018	0,003
12	Потребность в контроле (на уровне требуемого от других поведения)	3,25	3,66	-2,138	0,033

Продолжение Таблицы И.38					
13	Внутренняя конфликтность в сфере контроля	2,78	1,97	2,510	0,012
14	Властно-лидирующий тип межличностного поведения	7,23	6,28	2,687	0,008
15	Независимо- доминирующий тип межличностного поведения	5,91	5,26	2,443	0,015
16	Прямолинейно- агрессивный тип межличностного поведения	5,75	5,23	1,936	0,054
17	Самопринятие как параметр психологического благополучия	59,70	57,31	2,048	0,041
18	Самоуверенность	7,15	6,67	2,408	0,016
19	Самопринятие как компонент самоотношения	7,04	6,62	2,289	0,023

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.39 – Сравнительный анализ социально-психологических, личностных, возрастных особенностей субъектов познания, разделенных на подгруппы по количеству фиксаций (малое количество фиксаций на объекте восприятия при принятии решения о возрасте / большое количество фиксаций)

№ п/п	Особенности субъекта восприятия	Среднее (мало фиксаций)	Среднее (много фиксаций)	Критерий Стьюдента	Уровень значимости
1	Возраст	Критерий Ливиня показал равенство дисперсий, был применен критерий Манна-Уитни: ср. ранг 1 гр.=193,68, ср. ранг 2 гр.=221,44, $Z=-2,345$ при $p=0,019$			
2	ХВ-ЖВВ	1,95	3,31	-2,086	0,038
3	Оценка соответствия своего внешнего облика возрасту	13,69	12,43	3,240	0,001
4	Властно-лидирующий тип межличностного поведения	7,14	6,43	1,990	0,047
5	Прямолинейно-агрессивный тип межличностного поведения	Критерий Ливиня показал равенство дисперсий, был применен критерий Манна-Уитни: ср. ранг 1 гр.=210,14, ср. ранг 2 гр.=186,80, $Z=-1,981$ при $p=0,048$			
6	Позитивные отношения с окружающими	61,39	59,17	2,223	0,027
7	Управление средой	57,27	54,42	3,253	0,001
8	Личностный рост	66,13	64,49	1,946	0,052
9	Самопринятие как параметр психологического благополучия	59,74	57,26	2,130	0,034
10	Баланс аффекта	90,73	94,99	-2,330	0,020
11	Осмысленность жизни	99,12	95,97	2,139	0,033
12	Человек как открытая система	64,47	62,83	2,060	0,040
13	Самоуверенность	7,14	6,70	2,236	0,026

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.40 – Сравнительный анализ социально-психологических и личностных особенностей субъектов познания, разделенных на подгруппы по типу оценки возраста с точки зрения разницы между хронологическим возрастом объекта восприятия и его воспринимаемого возраста (омолаживают объект познания / старят объект познания)

№ п/п	Особенности субъекта восприятия	Среднее (омолаживают)	Среднее (старят)	Критерий Стьюдента	Уровень значимости
1	Оценка своего телосложения	64,17	67,59	-1,929	0,054
2	Покорно-застенчивый тип отношений	5,49	4,58	2,637	0,009
3	Зависимо-послушный тип отношений	4,95	4,25	2,506	0,013
4	Сотрудничающе-конвенциальный тип отношений	6,93	6,00	2,665	0,008
5	Хронологический возраст	Результаты критерия Манна-Уитни Ср. ранг 1 гр.=184,01, ср. ранг 2 гр.=211,54, $Z=-2,077$ при $p=0,038$.			

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.41 – Сравнительный анализ социально-психологических и личностных особенностей субъектов познания, разделенных на подгруппы по точности оценки возраста с точки зрения разницы между хронологическим возрастом объекта познания и его воспринимаемым возрастом, рассчитанным по модулю (более точны в определении возраста объекта познания / менее точны в определении возраста объекта познания)

№ п/п	Особенности субъекта восприятия	Среднее (точные)	Среднее (ошибаются)	Критерий Стьюдента	Уровень значимости
1	Оценка соответствия своего внешнего облика возрасту	13,73	12,62	2,095	0,037
2	Потребность во включении (на уровне требуемого от других поведения)	4,65	5,51	-2,481	0,014
3	Потребность в любви (на уровне требуемого от других поведения)	3,85	4,70	-2,805	0,005
4	Объем интеракций в области включения	9,20	10,27	-2,315	0,021
5	Внутренняя конфликтность в области включения	-0,102	-0,746	2,015	0,045
6	Объем интеракций в области аффекта (любви)	7,50	8,64	-2,474	0,014
7	Сотрудничающе-конвенциональный тип межличностных отношений	6,44	5,38	2,407	0,017

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.42 - Взаимосвязи между выраженностью социально-психологических, личностных особенностей субъекта познания и частотой актуализации механизмов социального познания в процессе конструирования возраста объекта познания (критерий Спирмена, $p \leq 0,01$)

Ранг	Механизм конструирования воспринимаемого возраста	Наличие прямых (+) и обратнопропорциональных (-) связей с перечисленными характеристиками
1	ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА (связан с особенностями межличностных отношений и одним параметром психологического благополучия)	+ прямолинейно-агрессивный тип межличностных отношений; + недоверчиво-скептический тип отношений; + покорно-застенчивый тип отношений; + зависимо-послушный тип отношений; + человек как открытая система.
2	СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ (связан с тремя параметрами психологического благополучия)	+ личностный рост; + осмысленность жизни; + человек как открытая система; + цели в жизни.
3	КАТЕГОРИЗАЦИЯ (связан с 2 параметрами оценки своего внешнего облика и с особенностями межличностных отношений)	- оценка сексуальности внешнего облика; - оценка соответствия внешнего облика гендерным ролям; + недоверчиво-скептический тип межличностных отношений; + зависимо-послушный тип межличностных отношений.
4	СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ (связан с особенностями межличностных отношений и базовым фактором самоотношения)	+ недоверчиво - скептический тип межличностных отношений; + внутренняя конфликтность
5	РЕФЛЕКСИЯ (связан с социально-психологическими потребностями)	+ потребность во включении (на уровне выраженного поведения); + объем интеракций в сфере контроля.
6	СРАВНЕНИЕ С СОБОЙ (связан с параметром самоотношения)	+ самопринятие.
7	ИДЕНТИФИКАЦИЯ (связан с социально-психологическими потребностями)	+ объем интеракций в сфере включения

Пояснение к Таблице И.42: В таблице приводятся только значимые взаимосвязи ($p \leq 0,01$); + прямопропорциональные взаимосвязи; - обратно пропорциональные взаимосвязи.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.43 - Результаты корреляционного анализа Спирмена уровня выраженности семейного благополучия, параметров отношения к своему внешнему облику (ВО) и разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом (ХВ-ВВ)

№ п/п	Наименование параметра	Коэффициент корреляции Спирмена	Уровень значимости коэффициента
1.	В-ВВ	0,568**	0,000
2.	Степень удовлетворенности ВО	0,276*	0,014
3.	Представления об оценке ВО друзьями мужчинами	0,235*	0,035
4.	Представления об оценке ВО друзьями женщинами	0,333**	0,003
5.	Представления об оценке ВО отцом	0,329**	0,004
6.	Представления об оценке ВО руководителем	0,264*	0,018
7.	Степень удовлетворенности своим ВО обликом в 5 лет	0,342**	0,002
8.	Степень удовлетворенности своим ВО в 10 лет	0,315**	0,004
9.	Степень удовлетворенности своим ВО в 25 лет	0,234*	0,043
10.	Степень удовлетворенности своим ВО в 40 лет	0,471**	0,003
11.	Степень удовлетворенности своим ВО в 50 лет	0,895*	0,040
12.	Степень удовлетворенности своим ВО сейчас	0,386**	0,000
13.	Арреарансе-перфекционизм	0,229*	0,050
14.	Ценность, значимость ВО для карьеры	-0,222*	0,048
15.	Оценка своего лица	0,391**	0,000
16.	Оценка своего телосложения	0,349**	0,002
17.	Оценка оформления своего ВО	0,359**	0,001
18.	Оценка выразительного поведения	0,357**	0,001
19.	Степень принятия своего отраженного ВО	0,381**	0,000
20.	Оценка соответствия ВО возрасту	0,221*	0,049
21.	Оценка соответствия ВО гендеру	0,470**	0,000
22.	Оценка соответствия ВО гендерным ролям	0,216	0,055
23.	Оценка соответствия ВО профессиональной роли	0,429**	0,000
24.	Оценка возрастной привлекательности ВО	0,265*	0,018
25.	Привлекательность ВО для партнера противоположного пола	0,460**	0,000
26.	Оценка сексуальности своего ВО	0,334**	0,002
27.	Удовлетворенность своим ВО	0,345**	0,002
28.	Интегральная оценка ВО	0,439**	0,000

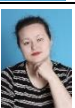
ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.44 - Результаты сравнительного анализа параметров отношения к внешнему облику (ВО) женщин из благополучных и неблагополучных семей по критерию Манна-Уитни

№	Параметры отношения к внешнему облику	Средний ранг 1 группы	Средний ранг 2 группы	Z	Уровень значимости
1.	Удовлетворенность внешним обликом	45,46	33,22	-2,388	0,017
2.	Представления об оценке внешнего облика друзьями-женщинами	47,23	33,78	-2,655	0,008
3.	Представления об оценке внешнего облика отцом	46,31	31,48	-3,122	0,002
4.	Удовлетворенность ВО в 5 лет	46,36	34,64	-2,481	0,013
5.	Удовлетворенность ВО в 10 лет	47,28	33,73	-2,681	0,007
6.	Удовлетворенность ВО в 25 лет	43,07	33,07	-2,062	0,039
7.	Удовлетворенность ВО в 40 лет	23,43	15,14	-2,373	0,018
8.	Удовлетворенность ВО в настоящий момент	48,21	32,79	-3,113	0,002
9.	Ценность/значимость ВО для общения, дружбы	46,65	34,35	-2,381	0,017
10.	Оценка своего лица	49,90	31,10	-3,621	0,000
11.	Оценка своего телосложения	48,06	32,94	-2,913	0,004
12.	Оценка оформления своего ВО	48,93	32,08	-3,247	0,001
13.	Оценка выразительного поведения	47,10	33,90	-2,544	0,011
14.	Степень принятия своего отраженного ВО	48,51	32,49	-3,089	0,002
15.	Оценка соответствия ВО гендеру	50,33	30,68	-3,786	0,000
16.	Оценка соответствия ВО профессиональной роли	49,98	31,03	-3,710	0,000
17.	Оценка возрастной привлекательности ВО	47,38	33,63	-2,654	0,008
18.	Привлекательность ВО для партнера противоположного пола	50,24	30,76	-3,758	0,000
19.	Оценка сексуальности своего ВО	47,93	33,08	-2,861	0,004
20.	Удовлетворенность своим ВО	47,06	33,94	-2,549	0,011
21.	Интегральная оценка ВО	49,80	31,20	-3,580	0,000
22.	Аррегансе-перфекционизм	42,21	32,53	-1,939	0,052

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Таблица И.45 - Бланк ответов к процедуре «Фотовидеопрезентация внешнего облика» в исследовании 10

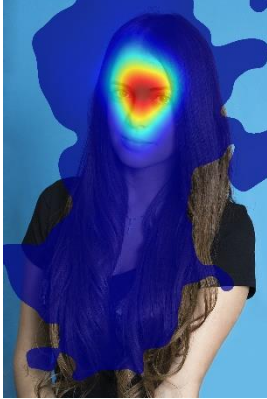
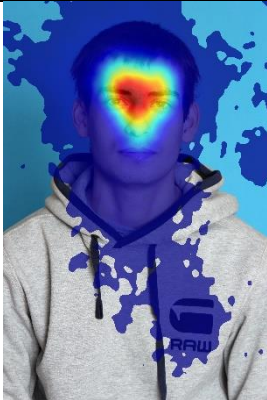
№	№ пред-я	Фото предъявления	Сколько лет человеку на фото?	№	№ пред-я	Фото предъявления	Сколько лет человеку на фото?
2.1	1			2.9	18		
2.2	2			1.10	19		
1.1	3			2.10	20		
1.2	4			2.11	21		
2.3	5			2.12	22		
1.3	6			1.11	23		
2.4	7			1.12	24		
1.4	8			1.13	25		
2.5	9			2.13	26		
2.6	10			2.14	27		
1.5	11			1.14	28		
1.6	12			2.15	29		
2.7	13			2.16	30		
1.7	14			1.15	31		

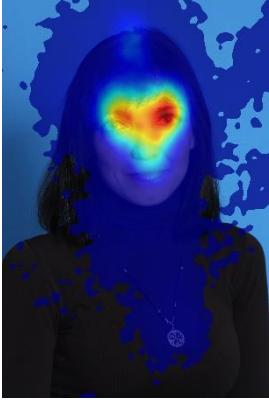
1.8	15			1.16	32		
2.8	16			2.17	33		
1.9	17			1.17	34		

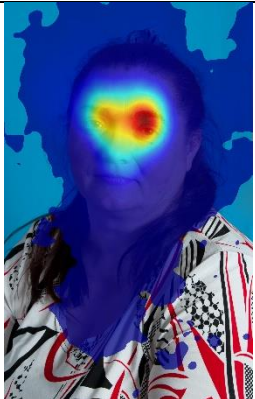
ПРИЛОЖЕНИЕ К

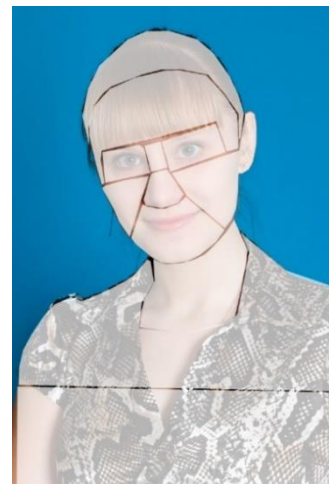
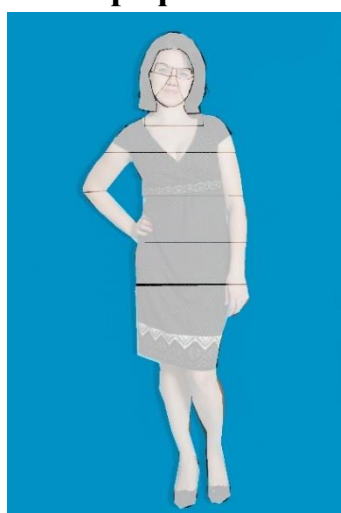
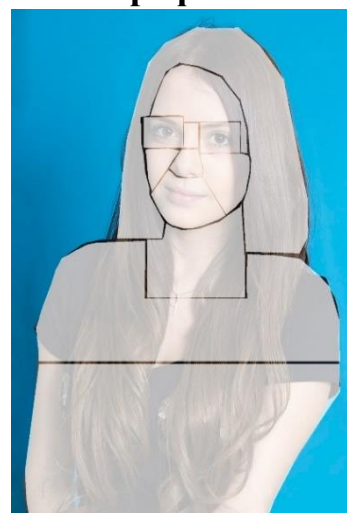
**«Тепловые карты» — сосредоточение фиксаций взгляда при
конструировании воспринимаемого возраста объекта познания на
основании восприятия его портретной и ростовой фотографий**

(возраст модели / пол / номер предъявления)

Возрастной интервал — 19—21 лет			
			
19 / Ж / 32	19 / Ж / 27	20 / Ж / 6	20 / Ж / 20
Возрастной интервал 22—35 лет			
			
23 / Ж / 3	23 / Ж / 33	23 / М / 15	23 / М / 7
			
24 / М / 34	24 / М / 30	25 / М / 4	25 / М / 10

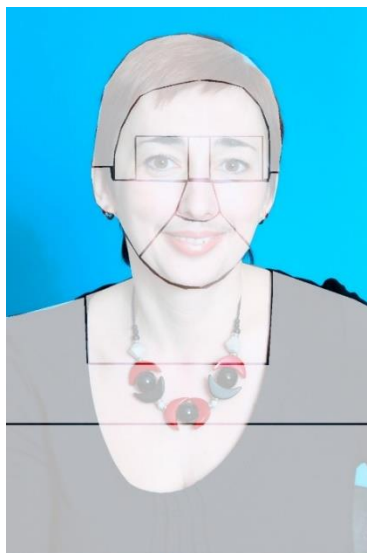
			
28 / Ж / 28	28 / Ж / 18	32 / Ж / 12	32 / Ж / 5
Возрастной интервал 36-60 лет			
			
36 / М / 14	36 / М / 1	38 / М / 31	38 / М / 2
			
40 / Ж / 23	40 / Ж / 13	42 / Ж / 8	42 / Ж / 21

			
45 / М / 24	45 / М / 16	56 / Ж / 25	56 / Ж / 29
			
57 / Ж / 17	57 / Ж / 9	59 / М / 11	59 / М / 22
			
59 / Ж / 19	59 / Ж / 26		

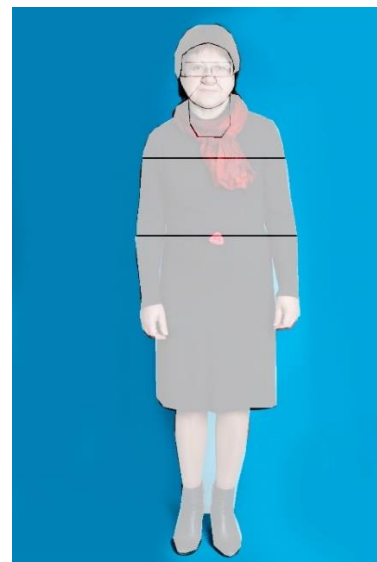
ПРИЛОЖЕНИЕ Л**Схемы разделения фотографий на зоны внешнего облика****Фотография 1****Фотография 2****Фотография 3****Фотография 4****Фотография 5****Фотография 6**

Фотография 7

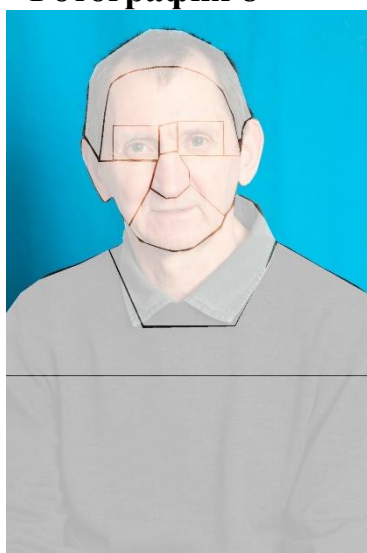
Фотография 8

Фотография 9

Фотография 10

Фотография 11

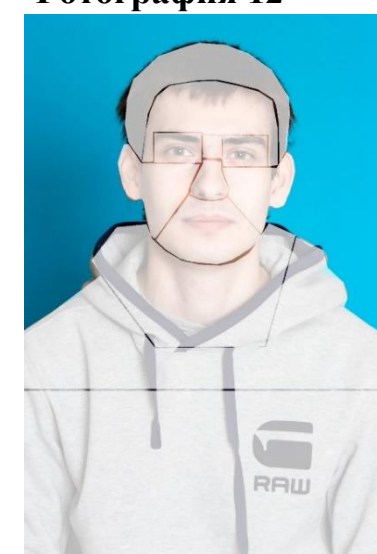
Фотография 12

Фотография 13

Фотография 14

Фотография 15

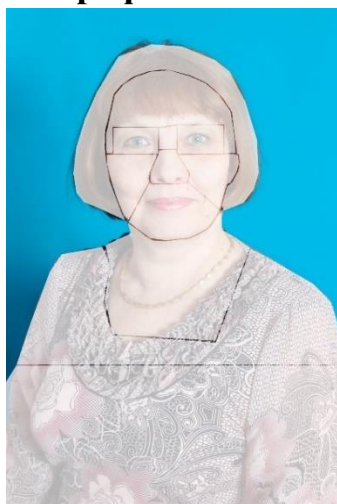
Фотография 16

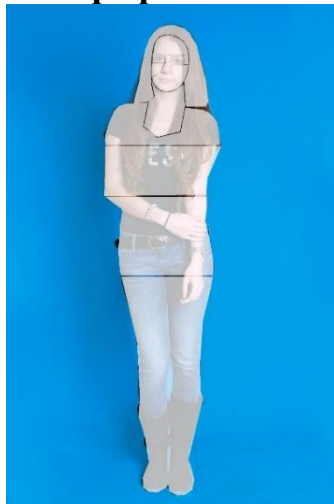
Фотография 17

Фотография 18

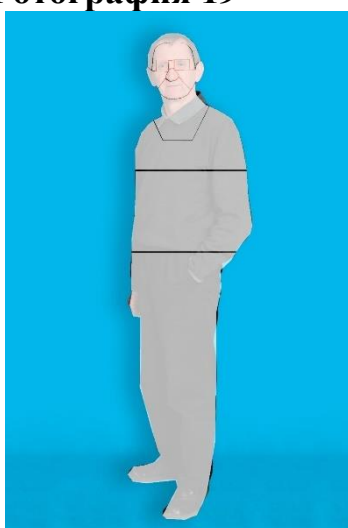
Фотография 19

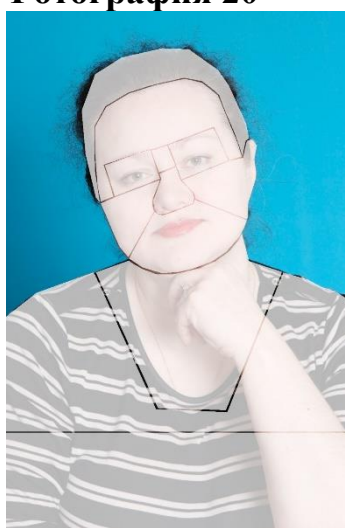
Фотография 20

Фотография 21

Фотография 22

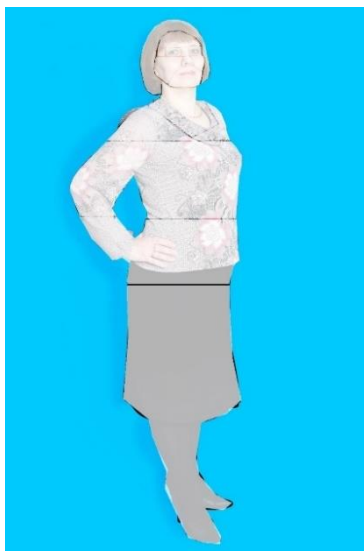
Фотография 23

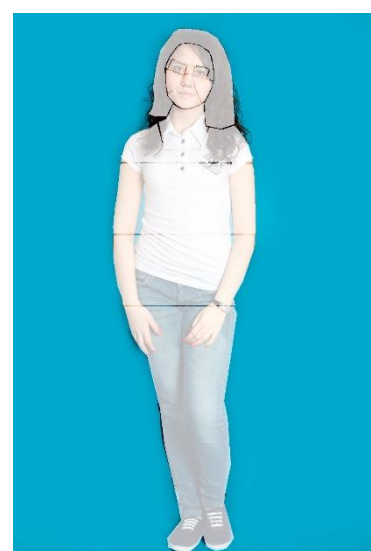
Фотография 24

Фотография 25

Фотография 26

Фотография 27

Фотография 28

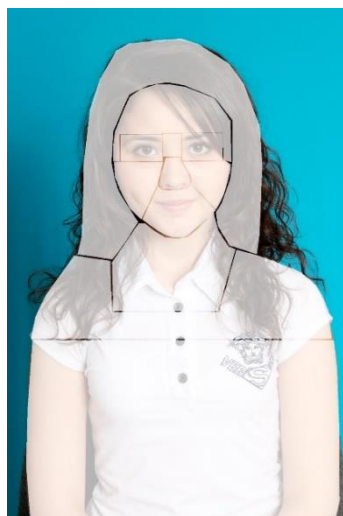
Фотография 29

Фотография 30

Фотография 31

Фотография 32

Фотография 33

Фотография 34

ПРИЛОЖЕНИЕ М

**Комплект фотографий для изучения особенностей конструирования
воспринимаемого возраста по лицу и целостному внешнему облику**

Первый возрастной интервал 21—30 лет			
			
22Ж; НП=3	22Ж; НП=33	23М; НП=15	23М; НП=7
Второй возрастной интервал 31—40 лет			
			
32Ж; НП=12	32Ж; НП=5	37М; НП=31	37М; НП=2
Третий возрастной интервал 41—50 лет			
			
42Ж; НП=8	42Ж; НП=21	45М; НП=24	45М; НП=16
Четвертый возрастной интервал 51—60 лет			
			
58Ж; НП=19	58Ж; НП=26	58М; НП=11	58М; НП=22
Код модели (возраст, пол); номер предъявления субъектам восприятия (НП)			